

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия»
ООО «НПО „Северная археология – 1”»

Ю. Б. Сериков

**ОЧЕРКИ
ПО ПЕРВОБЫТНОМУ ИСКУССТВУ УРАЛА**

Монография

**Нижний Тагил
2014**

УДК 903.27

ББК 633

С 327

Сериков Ю. Б. Очерки по первобытному искусству Урала /
Ю. Б. Сериков; Нижнетагильская государственная социально-
педагогическая академия. – Нижний Тагил, 2014. – 268 с: ил.
ISBN 978-5-8299-0308-6

Рецензенты:

М. Ф. Обыденнов, доктор исторических наук, профессор Башкирского государственного университета (Уфа);

Е. А. Кашина, кандидат исторических наук, научный сотрудник Государственного исторического музея (Москва)

В книге характеризуются памятники первобытного искусства древнего населения Урала. В отдельных очерках рассматриваются основные виды первобытного искусства: скульптура (каменная, костяная, деревянная, глиняная), графика (гравировки на камне и кости, а также графические изображения на керамических сосудах) и украшения. Кроме этого, в книгу включены очерки, посвященные малоисследованным областям первобытной культуры: использованию красок и цвета в ритуалах древности, а также музыке и танцам.

Для археологов, краеведов, преподавателей и студентов вузов.

Книга напечатана на средства ООО «НПО „Северная археология – 1”».

© Сериков Ю. Б., 2014

© Нижнетагильская государственная
социально-педагогическая академия, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Скульптура из камня, глины, кости, рога и дерева	7
1.1. Каменная скульптура	7
1.1.1. Объемная и плоская скульптура	7
1.1.2. Кремневая скульптура	15
1.1.3. Галечная скульптура	43
1.2. Глиняная пластика	52
1.3. Скульптура из кости и рога	72
1.4. Деревянная скульптура	77
Глава 2. Графические изображения	85
2.1. Гравировки на камне	85
2.2. Гравированные изделия из бивня мамонта, кости и рога	102
2.3. Глиняные изделия с гравировками	113
2.4. Фигурные графические изображения на керамических сосудах	116
Глава 3. Оформление ритуалов древнего населения	124
3.1. Украшения древнего населения	124
3.2. Краски и цвет в ритуалах древности	141
3.3. Музыка и танцы в древности	159
Заключение	166
Список литературы	168
Список сокращений	192
Приложения	193

ВВЕДЕНИЕ

В конце XX – начале XXI в. в российской археологии наблюдается всплеск интереса к изучению первобытного искусства. Во многих регионах России публикуются монографии, связанные с различными аспектами его исследования. В Магадане в 2000 и 2003 гг. выходят в свет два издания книги М. А. Кирьяк (Диковой) «Древнее искусство Севера Дальнего Востока как исторический источник (Каменный век)» (Кирьяк (Дикова) 2000; 2003), а в 2012 г. она же публикует книгу по изучению древних граффити (Кирьяк (Дикова) 2012). В 2010 г. исследование по древнему искусству Дальнего Востока издается во Владивостоке (Бродянский 2010). Аналогичные книги появляются и на западных рубежах России – в Санкт-Петербурге публикуются две монографические работы А. К. Филиппова, посвященные происхождению изобразительного искусства (Филиппов 1997; 2004), а в Петрозаводске продолжается изучение петроглифов Карелии (Жульников 2006).

В 1997 г. была организована Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства (САИПИ), которая объединила вокруг себя археологов, изучающих древнее искусство во всех его проявлениях. Кроме ежегодных выпусков Вестников САИПИ, Ассоциация выпускает книги (Король 2008), словари (Руссо 2003), проводит конференции. В 1998 г. в г. Кемерово состоялась Международная конференция по первобытному искусству. По материалам конференции были изданы не только тезисы докладов (Международная конференция... 1998), но и два тома полных версий докладов по актуальным темам (Международная конференция... 1999; 2000). С участием САИПИ в 2007 г. была проведена конференция в Барнауле «Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии» (Каменная скульптура... 2007).

Большой интерес вызвала и Международная конференция в Санкт-Петербурге – «Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции», организатором которой выступил Д. Г. Савинов (СПбГУ) (Изобразительные памятники..., 2004).

Кроме монографических работ во многих научных центрах публикуются сборники статей по изучению различных сторон древнего искусства. Такие сборники выходят в Москве (Образы времени... 2012), Новосибирске (Народы Сибири... 2000; Первобытная археология... 2002), Владивостоке (Мир древних образов... 1998) и других городах.

Положительной чертой исследований первобытного искусства является публикация каталогов. Пока их немного, но они есть в Санкт-Петербурге (Золотые олени Евразии 2001), Екатеринбурге (Ченченкова 2004), Иваново (Костылева, Уткин 2007), Владимире (Усанов 2009), Сыктывкаре (Туркина, 2012). Приятным событием нужно считать публикацию в Барнауле библиографического указателя по первобытному искусству Евразии (Первобытное искусство Евразии... 2002). Указатель, бесспорно, не полон, но в условиях малотиражных изданий это вполне объяснимо.

Большой толчок в изучении первобытного искусства дала выставка «Зверь и человек», которая состоялась в 2002 г. в Государственном Эрмитаже. На ней были продемонстрированы сотни произведений искусства из разных регионов страны. Участие в выставке приняли и тагильские музеи. Из Тагильского музея-заповедника на выставке экспонировалось 15 предметов, а из музея археологии Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии – 31 находка (Труды... 2009: 302–327). По материалам выставки был издан сборник трудов Эрмитажа, в который вошли не только каталог экспонатов, но и статьи специалистов по различным направлениям древнего искусства (Труды... 2009).

Необходимо отметить, что именно в эти годы появляются учебные пособия по древнему искусству (Обыденнов, Корепанов 2002; 2002а; 2004; Шер 2006; Лбова, Табарев 2009). Возможно, следствием усиления интереса к проблемам первобытного искусства являются кандидатские диссертации, защищенные в эти годы (Кашина 2005; Морозов А. В. 2010; Волокитина 2010; Волкова 2011; Кожевникова 2013).

Важным событием для исследователей первобытного искусства была дискуссия, организованная по проблемам его изучения на страницах журнала «Археология, этнография и антропология Евразии» в 2009 г. (Проблемы изучения... 2009).

Безусловно, перечень работ, приведенных во Введении, далеко не полный. Но автор и не ставил перед собой задачу перечислить все значимые публикации. Главное – показать тенденцию.

Также не прекращалось исследование первобытного искусства на территории Урала. Его развитие отталкивается от ставших классикой для уральских археологов книг Д. Н. Эдинга (Эдинг 1940), В. Н. Чернецова (Чернецов 1971), В. И. Мошинской (Мошинская 1976), В. Т. Петрина (Петрин 1992). Больше всего новых работ посвящено изучению пещерной (Ляхницкий 2008; Широков, Петрин 2013) и наскальной (Широков и др. 2000; Широков и др. 2005; Широков 2007; 2009; Широков, Чаиркин 2011; Дубровский, Грачев 2010) живописи Урала.

Выходят в свет монографические работы, посвященные древнему искусству отдельных народов (Иванова, Куликов 2000; Никитин, Никитина 2004) и регионов Урала (Обыденнов, Корепанов 1997; 2001; Голдина и др. 2007; Мажитов и др. 2008). Практически все эти работы характеризуют искусство поздних периодов – железного века и средневековья, материалы каменного века в них лишь упоминаются.

Первые публикации автора связаны с его находками каменных скульптур на стоянках Евстюниха I и Юрьино IV (Россадович и др. 1976; Сериков 1978). Каждая находка древней скульптуры не только вызвала научный интерес, но и обладала большим эмоциональным воздействием. Со временем подобных находок становилось все больше и больше, и автор все глубже погружался в изучение духовной культуры древнего человека. В 2000 г. автор стал членом Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства, что сразу же отразилось на направленности его публи-

каций. К настоящему времени изучению первобытного искусства Урала посвящено свыше 50 публикаций автора. Некоторые из них носят обобщающий характер. Это статьи по скульптуре кремневой (Сериков 2005; 2011), объемной каменной (Сериков 2013), галечной (Сериков 2007), глиняной (Сериков 2007а), по гравированным изображениям из камня (Сериков 2011а) и кости (Сериков 2001), по украшениям (Сериков 2013а). Данные статьи и стали основой для очерков по различным областям первобытного искусства. Большая часть очерков характеризует прежде всего скульптуры – из камня, кремня, глины, кости, рога, дерева. Следует напомнить, что единственная монография по древней скульптуре Урала опубликована в 1976 г. (Мошинская 1976). С тех пор многое изменилось.

Очерки не претендуют на полноту изложения, тем не менее в них собраны и обобщены все доступные автору сведения о находках древних произведений искусства, разбросанные по множеству различных публикаций.

Иногда в очерках присутствуют повторы, поскольку одни и те же предметы могут присутствовать в разных категориях произведений искусства. Например, плоская каменная скульптура и декоративная пластика из глины могли использоваться в качестве подвесок. Следовательно, их описания (в видоизмененном или сокращенном виде) будут повторяться в разных очерках.

Многие коллеги делились с автором информацией о новых находках или неизвестных автору произведениях первобытного искусства, предоставляли ему их рисунки и фотографии, уточняли сведения об их местонахождении и хронологии. Чаще всего в роли таких консультантов-информаторов выступали А. А. Бунькова (Нижний Тагил), М. Г. Жилин (Москва), В. Н. Карманов (Сыктывкар), В. Г. Котов (Уфа), Е. Л. Лычагина (Пермь), Н. П. Матвеева (Тюмень), С. Н. Панина (Екатеринбург), С. Н. Савченко (Екатеринбург), Е. В. Чуйкина (Пермь), Э. В. Чурилов (Пермь), за что автор выражает им свою глубокую признательность.

Рисунки изделий выполнены автором, В. А. Ивановым и О. П. Мищенко. Компьютерная обработка рисунков и фотографий произведена Н. В. Митиным и К. В. Шимаковской.

ГЛАВА 1. СКУЛЬПТУРА ИЗ КАМНЯ, ГЛИНЫ, КОСТИ, РОГА И ДЕРЕВА

1.1. Каменная скульптура

1.1.1. Объемная и плоская скульптура

Скульптурные изображения из камня условно можно разделить на две группы: объемные и плоские. С эпохой палеолита связывают две случайные находки. Необычная фигура мамонта из известняка (?) обнаружена в с. Нуркеево на территории Республики Татарстан. У нее показана заостренная голова, горбатая спина, обозначен хвост. Между передними и задними ногами оформлено отверстие. Длина скульптуры 20 см, ширина – 15 см¹ (рис. 1, 1). Подобные скульптурные изображения известны на целом ряде палеолитических памятников Восточной и Западной Европы (Обыденнов, Корепанов 1997: 16–17).

Не менее любопытная находка происходит с Илекского плато в верховьях р. Донгуз (Оренбургская обл.). Это изображение оленя (лани), выполненное в технике высокого барельефа на плите известняка (рис. 1, 2). Размеры изображения – 18 × 20,5 см, высота до 2 см. Изготовлено на плите толщиной 8 см. Изображение имеет распространенные аналогии в мадленском искусстве Западной Европы (Богданов, Котов 2001: 113–115).

Каменных объемных скульптур эпохи мезолита на территории Урала пока неизвестно.

Оригинальными объемными скульптурами являются фигурные молоты, выполненные в виде голов животных. Самые ранние из них найдены на неолитических памятниках. На стоянке Евстюниха I (черта г. Нижний Тагил) обнаружен небольшой молот длиной 8 см, изготовленный из зеленоватого талька с примесью змеевика в виде головы лося (фото 1, 1). Изображение отличается реалистичностью: подчеркнут горбатый нос с ноздрями и толстая отвисшая губа. Глаз обведен тонкой кольцевой канавкой. На затылке присутствует небольшой отросток, вероятно, остатки утраченных ушей. По центру изделия проходит отверстие в форме усеченного конуса. В верхней части оно имеет диаметр 1,4 см, в нижней – 1,8 см (рис. 1, 4). Вся поверхность молота хорошо отшлифована и тщательно заполирована (Россадович и др. 1976: 189).

Молот с Кокшаровского холма (Верхнесалдинский р-н Свердловской обл.) – культового памятника эпохи неолита – имеет форму неправильного овала диаметром 8,8–9,9 см (фото 1, 2). По мнению В. И. Мошинской, изделие изображает животное с округлой плоской головой (Мошинская 1976: 63). Небольшой прорезью обозначен разрез пасти. На верхней части молота небольшими округлыми выступами показаны глаза и уши. Нос, глаза и уши животного соединены резной волнистой линией. Толщина молота в месте сверления – 3,7 см. Просверленное отверстие также имеет

¹ В некоторых случаях на иллюстрациях не указан масштаб изображений. Это сделано для удобства размещения рисунков на таблице. Но размеры изображений всегда приводятся в тексте.

форму усеченного конуса. Его диаметр – 2,5 см в нижней части изделия и 1,9 см – в верхней. От сверлины к носу и глазам идут прорезанные прямые линии (рис. 1, 5). Изготовлен он из мягкой хлоритизированной породы. Первоначально в этой скульптуре видели изображение головы медведя, но плоская круглая голова и маленькие округлые ушки позволяют интерпретировать ее как голову бобра (Сериков 2002: 129).

Все остальные молоты являются случайными находками, поэтому и не имеют точной хронологической привязки. Предположительно их можно отнести к эпохе раннего металла – энеолиту-бронзе. Фигурный молот в виде головы белки найден в окрестностях г. Нижняя Тура (Свердловская обл.). Изготовлен он из талька коричневатого-серого цвета. Высота фигуры 10,7 см, диаметр основания 5 см. Глаза на мордочке выполнены в виде неглубоких сверлин. Рот показан сквозным отверстием, которое проделано через кончик носа. Прижатые друг к другу уши оформлены в виде треугольного выступа. Через голову и шею проходит отверстие, выполненное в технике встречного сверления. В нижней части молота его диаметр составляет 2,5 см, в верхней – 2 см. В месте соединения сверлин диаметр равен 1,4 см. Изделие оформлено различными декоративными элементами. От сверлины к носу идет прямая резная линия, заканчивающаяся коротким перпендикулярным к ней отрезком. Такая же прямая линия, но без отростка, прорезана по основанию молота и за ушами животного. Под подбородком просматриваются резные линии. По ребру, расположенному с обратной стороны скульптуры, нанесены короткие, но глубокие насечки – от 18 до 20 экз. (рис. 2, 1). Большой интерес представляет факт окрашивания фигуры. На голове и по всей шее прослеживаются дугообразные линии красновато-коричневой краски (Ченченкова 2004: 256).

Фигурный молот в виде головы зайца (или лошади?) нашли у с. Байгильдино (Иглинский р-н Республики Башкортостан). Высота молота от основания до кончика ушей около 13,5 см. Длина – неизвестна, так как лицевая часть морды животного отсутствует. По бокам нижней челюсти прорезаны две глубокие линии, которые доходят до кончиков ушей. Глаза показаны округлыми кольцевыми прорезами. Края нижних челюстей орнаментированы рядами коротких, расположенных слегка наклонно насечек. Отверстие сверлилось с двух сторон сквозь шею животного. Его диаметр вверху 2,2 см, внизу – 2,75 см. Снизу сверлом было пройдено 8 см, вверху – 1,55 см (рис. 1, 3). Место соединения сверлин в виде узкой перегородки было подработано узким металлическим орудием (Ченченкова 2004: 258).

С территории Башкортостана происходит еще один фигурный молот, найденный на р. Белой в Кушнаренковском р-не. Его длина 9,7 см, ширина 7 см и толщина 5 см. Изделие обработано пикетажем с последующим заглаживанием абразивом. Молот выполнен в виде головы животного с вытянутой мордой, выпуклыми круглыми глазами и слабо выраженными ушами. Возможно, он изображает голову бобра (фото 2). В центре молота встречным сверлением проделано биконическое отверстие. Его диаметр 3

и 2,8 см по краям и 1,7 см в центре (рис. 2, 2) (Котов, Кадыров 2011: 161–162).

Фигурный молот в виде головы лося обнаружен у дер. Фершенпенуаз (Нагайбацкий р-н Челябинской обл.). Скульптура имеет длину 15 см, высоту 9 см, ширину 4,5 см. Как и в других скульптурах, глубокой резьбой показана линия пасти, глаза обведены резными овалами. По задней стороне шеи животного фиксируется вертикальный ряд из коротких насечек. Вдоль этого ряда, справа от него на шею нанесены три резных окружности диаметром 0,4–0,6 см. Такие же короткие насечки (9) вырезаны по линиям, которые очерчивают границы морды при переходе к шее. На основании молота вокруг шеи прорезаны две круговые линии. Отверстие проделано методом встречного сверления. Его диаметр вверху 3 см, внизу – 2,6 см (рис. 3, 3) (Ченченкова 2004: 260).

Молот из Оренбургского областного краеведческого музея выполнен в виде головы лошади. Найден он около железнодорожной станции Новорск (Оренбургская обл.). Он представляет собой изящную и сложно моделированную скульптуру длиной около 12 см и высотой 7,3 см. Клиновидная шея животного имеет пятиугольное сечение. По всем граням шеи располагаются вертикальные ряды из коротких горизонтальных насечек. Количество их разное. На грани в задней поверхности шеи – 9 насечек, на боковых гранях с внешней стороны – по 11, на гранях с внутренней стороны – по 5. Кроме этого, две резные линии очерчивают морду лошади по бокам по всему ее периметру. Конической формы отверстие проделано не через шею животного, а через голову и проходит слегка наискосок от горла к макушке. Сверлили молот снизу, диаметр отверстия внизу 1,9 см, вверху – 1,3 см (рис. 2, 3) (Ченченкова 2004: 262).

Миниатюрное фигурное навершие из талька найдено в размыве стоянки Малый Липовый VI на небольшом острове Аргазинского водохранилища (Аргаяшский р-н Челябинской обл.). Его длина 5,2 см, ширина 2,8 см, высота 1,7 см. Вырезано оно в виде головки лося или лошади. Пасть животного передана глубоко врезанной линией. Биконическое отверстие в центре скульптуры имеет внешний диаметр 1,2 см, внутренний – 0,6 см. От сверлины по верхней части головы идет слегка изогнутая резная черта (рис. 3, 3). Авторы находки датируют навершие рамками неолита – ранней бронзы (Петрин, Усачева 2004: 257).

Незаконченный фигурный молот из старых поступлений хранится в Свердловском областном краеведческом музее. Он имеет Г-образную форму высотой и длиной 11 см. На одной из боковых сторон сохранился нанесенный темно-коричневой краской круг диаметром 1 см. На одной половине изделия присутствует незаконченное отверстие. Сверлили его с двух сторон навстречу друг другу. На верхней стороне сохранилась глухая сверлина диаметром 1 см и глубиной всего 0,4 см. Сверлина на нижней стороне имеет диаметр 2,3 см и глубину 3 см. Отверстие не было завершено, так как древний мастер не смог точно совместить направление двух сверлин (Ченченкова 2004: 264–265).

Следует подчеркнуть, что почти все фигурные молоты являются случайными находками и не всегда их местонахождение связано с археологическим памятником. Также интересно, что все фигурные молоты дошли до нас в целом виде. По мнению многих исследователей, фигурные молоты являлись навершиями жезлов или посохов социально значимых лиц (вождей, шаманов). Автор считает, что посохи с зооморфными навершиями являлись одним из главных атрибутов шаманов (Сериков 2000: 207–212).

Этнографические материалы свидетельствуют, что изначально именно в посохе было сконцентрировано все могущество шамана, отразившееся впоследствии в сложной символике и функциях бубна. В шаманских культурах северных народов посох практически повсеместно осмысливался как ездовое животное шамана. Это, естественно, находило свое отражение в оформлении посоха головами животных. На таком посохе шаман у эвенков перемещался по верхнему и нижнему мирам. У ненцев посох служил для проводов души умершего в загробный мир. Очень часто посох олицетворял собой мировое (шаманское) дерево. В более поздние времена посох зачастую заменял шаманский бубен, т. е. использовался в качестве главного шаманского атрибута. Это зафиксировано у кетов, восточных тувинцев и других народов Севера и Сибири. Посох имел огромное значение в космологических мифах северных народов. В обско-угорской мифологии посох являлся одним из главных орудий миротворения. При помощи посоха происходил процесс «достройки» мира, в частности создание нижнего мира. Именно удар посоха о землю ставит точку в длительном процессе миротворения. Также посохом злой дух Куль-Отыр протыкает отверстие – вход в подземный мир (Сериков 2005: 73–75).

Имеются сведения, что посох мог служить и магическим оружием. Об этом может свидетельствовать интересная композиция на третьем мысу Пери Носа (Онежское озеро). Там среди многочисленных петроглифов имеется изображение лебедя смерти (Лебедя Туони), пораженного шестовидным жезлом-посохом с боковой вставкой в виде головы лося. По мнению К. Д. Лаушкина, чтобы вывести души предков из нижнего мира, нужно поразить чудовищного лебедя, который их охраняет. Тот же, кто избразил лебедя с пронзенной посохом-жезлом грудью, сам принял личное участие в убийстве птицы. Поднять руку на лебедя смерти мог только шаман. Магическое оружие в виде жезлов-посохов, выбитых на скале, служило грозным предостережением для сверхъестественных сил – врагов человеческого рода (Лаушкин 1962: 264, 282–283). В южно-уральском эпосе «Урал-батыр» Урал, готовясь к битве за источник «живой воды», становится обладателем магического жезла-посоха, на котором он совершает полет на Луну. В руках его брата Шульгена посох стал грозным оружием, которое ввергло Землю в хаос всемирного потопа, в результате чего произошло смешение верхнего и нижнего миров (Котов 1999: 9).

Оригинальной скульптурой является так называемое тесло с ушками, также обнаруженное в окрестностях г. Нижняя Тура. Размеры изделия – 28 × 6 × 5 см, оно слегка изогнуто в профиле, местами пришлифовано. Следов

употребления на нем не обнаружено. Изготовлено из твердой породы типа диорита. Выпуклую поверхность изделия сплошным массивом покрывают многочисленные прерывистые параллельные продольной оси орудия тонкие линии (рис. 3, 1). Эта обработка позволяет в изделии видеть скульптурное изображение плывущего зверя (по С. Н. Паниной – бобра или выдры), мокрая шерсть которого передана тонкими гравировками. Изогнутость профиля также передает момент движения плывущего животного (Панина 2004: 256). Учитывая удлинённые пропорции тела, можно сказать, что скульптура больше похожа на плывущую выдру, чем на бобра. Верхний конец тесла намеренно уплощен и в сочетании с боковыми выступами похож на вытянутую морду выдры. Особенно ясно образ животного читается, если на скульптуру смотреть в профиле.

Уникальным изделием можно считать скульптуру из талькохлорита, найденную на дне энеолитического жилища на поселении Палатки II (окраина г. Екатеринбург). Она изготовлена в виде стилизованного изображения человека (по С. Н. Паниной – человека-совы) (фото 3). Представляет собой брусок прямоугольных очертаний размером $27 \times 6,5 \times 2,8$ см. В верхней части бруска на его торцевой части вырезано лицо человека с массивным клювовидным носом. Вся остальная часть к изображению человека никакого отношения не имеет. На боковых поверхностях бруска по всей их длине вырезаны достаточно глубокие (до 0,5 см) прямые желобки, на одной плоскости – один, на противоположной – два. Обе торцевых грани орнаментированы перекрещивающимися гравированными линиями, образующими косые кресты, цепочка которых в свою очередь составляет ромбы. На всех длинных ребрах бруска нанесены неглубокие насечки: с лицевой стороны по обоим ребрам суммарно – 21, с задней – также суммарно – 28 (рис. 3, 2) (Панина 2004: 255).

Из энеолитического культового комплекса Шайтанского озера I (Кировградский р-н Свердловской обл.) происходит небольшая антропоморфная скульптура, вырезанная из плитки талька (рис. 3, 5). Ее высота 4,8 см, ширина – 2,1 см, толщина – 0,8–0,9 см. Голова отсутствует, но плечи обработаны короткими срезами, ноги обозначены неглубокой прорезью, такими же вырезами показана талия. Лицевые и боковые плоскости изделия следов обработки не имеют. Прорези, выделившие плечи, талию и ноги, выполнены каменным орудием (Серигов 2004: 18). В целом скульптура напоминает антропоморфные глиняные фигурки эпохи энеолита, найденные на памятниках Андреевского озера (Матвеева 1985: 223). Любопытно заметить, что у всех глиняных статуэток еще в древности были отбиты головы.

На этом же памятнике найдено скульптурное изображение фаллоса, изготовленное из зеленоватого туфопорфира (рис. 4, 7). Длина скульптуры 15,4 см, диаметр основания 3,8 см, диаметр головки 3 см. Вся поверхность обработана техникой точечной ретуши (пикетажа) с последующей пришлифовкой. Также пикетажем выделена головка фаллоса. На территории

Урала это первое каменное изображение фаллоса, датируемое эпохой энеолита (Сериков 2004а: 109).

В энеолитическом слое поселения Муллино (пригород г. Октябрьский Республики Башкортостан) зафиксировано множество находок разнообразных произведений искусства. Среди них можно назвать выточенное из песчаника изображение бобра (?) и шесть окаменевших раковин брахиопод. Приклеенные в качестве глаз кусочки перламутра превратили раковины в скульптурные изображения сов (рис. 4, 5). К сожалению, автор раскопок не указывает размеры изделий и условия их залегания (Матюшин 1982: 211).

Неопределенную дату имеют скульптуры, обнаруженные среди подъемного материала. Одна из них, выполненная в виде головы неопределенного животного (лошади?), найдена в размыве береговой полосы стоянки Малый Липовый VI. Она изготовлена из плотной породы темно-зеленого цвета (змеевика?). Длина изделия 11,2 см, ширина – 3,5 см, высота – 2,9 см. Техника изготовления довольно своеобразна: круглый в сечении конец тщательно отшлифован, а противоположный – обработан точечной ретушью (пикетажем). По выступающему соединительному пояску нанесена прерывистая резная линия. Пикетированная часть скульптуры плавно сужается к концу. На верхней ее грани изготовлено два выступа, а на нижней – оформлена полуовальная выемка (подчелюстная выемка?) (рис. 1, б). Аналогии скульптуре авторы находят среди скипетров южной зоны, изготовленных в виде стилизованных лошадиных голов (Петрин, Усачева 2004: 257–258).

Также на Аргазинском водохранилище, на полностью размытом поселении Сигаево III найден обломок отшлифованной и украшенной резьбой скульптуры лошади (?). Его размеры – $6,4 \times 3,8 \times 2,2$ см (рис. 4, 9). На памятнике преобладает керамика неолита, энеолита и бронзы. Видимо, в этом хронологическом интервале и следует датировать скульптуру (Петрин, Усачева 2004: 257–258).

В Свердловском областном краеведческом музее в числе случайных находок из старых поступлений хранятся два песта фаллической формы. Один пест длиной 36,4 см имеет овальное сечение диаметром 5–6 см и выделенную округлую (но уплощенную с боков) головку. На верхней поверхности головки песта вырезаны три плохо различимые насечки длиной около 1 см. Поверхность песта отшлифована, но неравномерно. Второй пест длиной 20 см отшлифован более тщательно. На нижнем частично разрушенном утолщенном конце сохранился декоративный пояс из отшлифованных вертикальных желобков. Высота пояса – 4 см (Ченченкова 2004: 216, 220; рис. 99, 101).

В фондах этого же музея находится еще одно интересное изделие. Это фалломорфный сапожковидный терочник (по О. П. Ченченковой). Происходит он из дореволюционных раскопок стоянки Коптяки 9, расположенной на Еловом острове Исетского озера (окрестности г. Екатеринбург). Длина изделия 10,7 см, высота – 15,5 см. В профиль терочник очень напо-

минает изображение плывущей водоплавающей птицы, а именно – лебедя. Тулово у нее овальное в плане и полукруглое в сечении. Вытянутая длинная шея заканчивается отклоненной кверху конической головкой. Изображение очень похоже на деревянную скульптуру «трубящего лебедя» из раскопок В. Ф. Старкова на VI разрезе Горбуновского торфяника (рис. 33, 8). Скульптура орнаментирована короткими насечками: на передней части шеи «елочкой» нанесено восемь рисок, а на боковой – еще пять (рис. 4, 2). В коллекции памятника присутствует керамика от энеолита до раннего железного века (Ченченкова 2004: 286). Но по стилю изображения скульптуру можно отнести к эпохе раннего металла.

С этим же временем можно связать еще одну случайную находку, обнаруженную возле горы Чека (Кизильский р-н Челябинской обл.). Это уплощенный в сечении терочник Г-образной формы высотой 12,3 см. Верхняя его часть выполнена в виде головы лошади. От головы по уплощенному стержню спускается грива, оформленная длинной выпуклой полосой. Снизу морду животного оконтуривают две резные дугообразные линии. На округлом конце морды парными углублениями показаны ноздри, а глубокой резной линией – рот (рис. 4, 1) (Ченченкова 2004: 282).

На поселении бронзового века Тюбьяк (Республика Башкортостан) найдено скульптурное изображение головы кабана. У скульптуры оформлены тупая морда, свисающие уши, слегка выпуклые глаза. На поверхности головы в нескольких местах нанесены крестовидные знаки. Размеры скульптуры авторами публикации не приводятся (Корепанов, Обыденнов 1995: 29).

Также без указания размеров описывается изображение лица человека, выбитое на одной из плоскостей кубического кусочка песчаника. Скульптура найдена на селище бронзового века Урняк (Ишимбаевский р-н Республики Башкортостан) (Обыденнов, Корепанов 1997: 37).

Плоская скульптура на территории Урала представлена уникальными подвесками в виде фигур человека или животного. В коллективном неолитическом погребении в Кумышанской пещере (р. Чусовая) найдена подвеска, выполненная в виде лица человека из зеленого офита – мягкой разновидности серпентинита (фото 4, 1). Подвеска тщательно отшлифована с двух сторон. Ее высота – 3 см, ширина – 2,5 см, толщина – 0,3 см. Техникой высверливания подчеркнуты лоб, нос и подбородок. На месте глаза находится просверленное отверстие. В плане оно имеет форму не круга, а треугольника с закругленными вершинами. Поскольку офит – материал мягкий, ремешок, на котором крепилась подвеска, проточил его и превратил отверстие из круглого в подтреугольное. Проточенности в виде слабо выраженных канавок на обеих сторонах наблюдается и выше отверстия (рис. 4, 4). Все это свидетельствует о долгом ношении подвески на ремешке. Однако если подвеску подвесить на ниточку, то линия нитки не совпадет с направлением проточенного углубления. На лицевой поверхности подвески присутствуют и другие проточенные канавки, которые идут от отверстия к носу, подбородку и лбу. Образовались эти потертости при но-

шении подвески от трения с пропущенными через глаз (отверстие) к носу, подбородку и лбу нитями.

Проточенности на оборотной стороне подвески отсутствуют, что свидетельствует о том, что подвеска была пришита к какому-то предмету, и нити не соприкасались непосредственно с оборотной стороной изделия. По всей видимости, «лицо» было пришито к контуру человеческого тела, вырезанному из бересты или, скорее, кожи. Для проверки предположения подвеска была пришита к контурной фигурке человека длиной 13 см, вырезанной из кожи (рис. 72, 16). При контрольном подвешивании проточенные канавки, идущие выше отверстия, совпали с линией натяжения нити. Это свидетельствует о правильности нашего предположения (Сериков 2009: 144). Определяя сакральное назначение подвески, можно предположить, что, скорее всего, она служила итермой – вместилищем души предка. Этим предком мог быть и шаман. У юкагиров, например, череп умершего шамана приставляли к изображавшей его деревянной фигуре и покрывали шапкой. К лицевой части черепа прикрепляли маску с отверстиями для глаз и рта. На фигуру надевали одежды и сажали ее в переднем углу жилища (Иванов 1970: 244).

Подобная подвеска в виде лица человека обнаружена и на энеолитическом поселении Муллино (Республика Башкортостан). Она немного крупнее, ее высота – 4 см, ширина – 3,6 см. На подвеске также подчеркнуты лоб, нос, подбородок (рис. 4, 3). Кроме этого, пропилом показан разрез рта. В верхней части подвески (но не на месте глаза) просверлено отверстие для подвешивания (Матюшин 1982а: 56).

В качестве подвески также использовалась плитка талька длиной 6,5 см и толщиной 1,1 см, найденная на размытом поселении Сигаево III (Челябинская обл.). На одной из плоскостей в верхней части плитки небольшими углублениями оформлено лицо человека. По бокам плитки проделаны неглубокие пропилы, при помощи которых скульптурку могли подвешивать для ношения (рис. 20, 1) (Петрин, Шорин 1980: 226–228; рис. 1).

На площади энеолитического Кара-Якуповского поселения (Чишминский р-н Республики Башкортостан) зафиксировано несколько разрушенных погребений. В погребении № 5 обнаружено две фигурки уточек, выточенные из зеленого сланца (рис. 3, 6–7). Их высота – 4,5 и 5,1 см. Уточки имеют плавные очертания, маленькую головку, толстую шею и массивное тулово (фото 4, 3–4). В верхней части тулова просверлены отверстия для подвешивания (Морозов Ю. А. 1984: 43–58).

Еще одна фигуративная подвеска найдена в жилище эпохи бронзы поселения Усть-Кедва II (Княжпогостский р-н Республики Коми). Она изготовлена из песчаника также в виде лица человека, но не плоского, а объемного (рис. 4, 6). Скульптура высотой 4,5 см изображает голову мужчины с шапковидным навершием. Для подвешивания использовалась круговая канавка в верхней части скульптуры (Карманов 2006: 64).

Со стоянки Еловый мыс на Исетском озере (окрестности г. Екатеринбург) происходит плоская бляшка или нашивка, выполненная из двояко-

вогнутой тальковой пластины в виде головы медведя (рис. 4, 8 фото 4, 2). По центру изделия друг над другом просверлены два круглых отверстия (Эдинг 1940: 93–94). К сожалению, возраст ее не определен.

К плоской скульптуре можно отнести отломанную рукоятку сланцевого шлифованного ножа серповидной формы с Кокшаровского холма. Она выполнена в виде головки птицы. Длина сохранившейся части около 3,3 см. Фигурка вместе с двумя лежавшими вверх дном сосудах входила в культовый комплекс постройки неолитического времени (Шорин 2010: 41; рис. 5, 6).

Таким образом, на территории Урала известно около 40 объемных и плоских каменных скульптур, которые датируются в широком хронологическом диапазоне от палеолита до бронзового века. Отсутствуют только скульптуры мезолитической эпохи. Скульптура представлена барельефами, фигурными молотами, изображениями отдельных животных, фигуративными подвесками и нашивками. Некоторые скульптуры по своей форме и технике изготовления являются уникальными. Семь скульптур изображают антропоморфов. Условно к ним можно отнести и три фаллических изображения. Животные представлены скульптурами лося (3 экз.), лошади (4 экз.), бобра (3 экз.), медведя, белки, зайца, выдры, кабана, оленя и мамонта (по 1 экз.). Причем все изображения лошади происходят с территории Южного Урала. Из птиц известны изображения сов (6 экз.), водоплавающих (3 экз.) и хищника (1 экз.). О семантическом наполнении всех этих разных образов можно только предполагать. Исключение составляют только фигурные молоты, которые вполне вписываются в мифологические представления древнего населения.

Обращает на себя внимание тот факт, что свыше 70 % скульптур представлены изображениями голов животных и человека. Все это свидетельствует о существовании на Урале своеобразного «культа голов» (Сериков 2007б: 38–51).

1.1.2. Кремневая скульптура

Первая кремневая скульптура была найдена еще в 1877 г. на стоянке Зимняя Золотица на берегу Белого моря. Это хорошо известное и сейчас кремневое изображение тюленя. В 1881 г. большая часть известных к тому времени кремневых фигурок была опубликована в капитальной работе А. С. Уварова «Археология России. Каменный период. Т. 1.» (1881 г.). Позднее доверие к фигурным кремням было подорвано в связи с развернувшейся в середине 80-х гг. XIX в. полемикой по поводу кремней Бреонно. Только через 60 лет, после выхода в свет классической работы С. Н. Замятина (Замятин 1948: 83–123) кремневые фигурки стали полноценным объектом исследования. В своей работе С. Н. Замятин опубликовал изображения 140 кремневых фигурок из России (84 экз.), Аляски, Канады, Соединенных Штатов, Мексики, Гондураса, Патагонии и Египта. На территории России кремневая скульптура имеет наибольшее распро-

странение на Северо-Западе Европейской части России, бассейне Оки и верхнем и среднем течении Волги, а также на Камчатке. Отдельные находки кремневых скульптур известны в Большеземельской тундре, в устье Чусовой, на Енисее.

Несмотря на то, что кремневую скульптуру С. Н. Замятнин относил к неолиту-энеолиту, хронологические рамки ее бытования он определял в пределах 2 тыс. до н.э. Анализируя технику изготовления кремневых фигурок, С. Н. Замятнин выделил два способа их изготовления: при помощи крутой краевой ретуши, оформляющей лишь контуры фигурки, а также посредством тщательной отжимной ретуши, которая покрывает скульптурку с двух сторон и по всей поверхности. Второй тип обработки, по наблюдениям С. Н. Замятнина, является более распространенным. Разница в технике обработки фигурок, по мнению С. Н. Замятнина, отражает не хронологические, а региональные отличия (Замятнин 1948: 83–123). Урал в работе С. Н. Замятнина предстает белым пятном. Упоминается лишь кремневая скульптура (без указания видовой принадлежности), найденная до войны Н. А. Прокошевым на неолитической стоянке у с. Курья, близ устья р. Чусовой (Пермская обл.), а также сломанная кремневая фигурка человека, обнаруженная в 1939 г. Г. А. Черновым в Большеземельской тундре. С. Н. Замятнин подчеркивает большое значение данных находок, так как они не только расширяют наши знания об области распространения кремневых скульптур, но и показывают, что отсутствие подобных находок в том или ином районе зависит лишь от степени их изученности (Замятнин 1948: 91, 98–99).

Скульптура Урала. Первые кремневые скульптуры на Урале стали известны в середине 60-х гг. XX в. В 1965 г. Г. М. Буров публикует изображение рыбы со стоянки Ягкодж I (р. Вычегда, Республика Коми) (рис. 5, 14) и млекопитающего с поселения Вис II (рис. 5, 1) (Буров 1965: 106–108). Год спустя В. М. Раушенбах знакомит с изображением головы медведя с поселения Чашиха I (рис. 7, 5), которое она интерпретирует как скребок-резчик, очень напоминающий фигурные кремни волосовской культуры (Раушенбах 1966: 26). В 1967 г. Г. М. Буров вводит в научный оборот два изображения лунниц со стоянки Вис I (рис. 9, 2) и с поселения Вис II (оз. Синдор, Республика Коми) (Буров 1967: 108). Две кремневые фигурки с поселения Юртик (Средняя Вятка, Кировская обл.) в 1976 г. публикует С. В. Ошибкина. Одна из них – миниатюрная фигурка кабана из светлого кварца (рис. 8, 7). Вторую С. В. Ошибкина называет фигурным ножом (рис. 8, 10), но подчеркивает, что данное изделие похоже на известные фигурные кремни волосовской культуры (Ошибкина 1976: 191–192). И это действительно так. Если изделие на рисунке, приведенном в статье С. В. Ошибкиной, повернуть на 180°, оно будет изображать голову животного с заостренной мордой и настороженным ухом (Ошибкина 1980: рис. 12, 1).

В 1978 г. две кремневые скульптурки, изображающие человека (рис. 5, 4) и птицу (рис. 6, 1) со стоянки Юрьино IV (Юрьинское оз.,

Свердловская обл.), публикует автор (Серигов 1978: 246–248). В новой, более полной публикации материалов с поселения Юртик С. В. Ошибкина приводит краткие сведения еще об одной кремневой фигурке – голове собаки (рис. 8, 9) (Ошибкина 1984: 53). Находки кремневой скульптуры продолжают и в последующие годы. В 1982 г. Г. Н. Матюшиным публикуются первые фигурные кремни с Южного Урала – лунница со стоянки Муллино III (рис. 9, 1) (Матюшин 1982а: 53–54) и антропоморф со стоянки Карабалыкты IX (рис. 5, 3) (Матюшин 1982: 87). Правда, лунницу Г. Н. Матюшин интерпретирует как вкладыш костяного ножа. В 1984 г. С. В. Ошибкина знакомит с первыми кремневыми скульптурами эпохи мезолита, найденными на поселении Студенцы II в 50 км от г. Вятки. Это две реалистические фигурки рыб, изготовленные на пластинах светлого кремня при помощи краевой ретуши (рис. 5, 12, 16) (Ошибкина 1984).

Еще через год в научный оборот вводятся три кремневые фигурки – антропоморф (рис. 5, 2) и две рыбки (рис. 5, 8, 15), найденные Г. А. Черновым в Большеземельской тундре (Чернов 1985: 39, 51, 66). В это же время публикуются каменные изделия, в которых авторы раскопок не распознали кремневую скульптуру. Например, В. Ф. Старков кремневую фигурку рыбы (рис. 5, 11) с Юрьинского поселения (Юрьинское оз.) отнес к наконечникам стрел «с симметричными боковыми выемками и выемкой в основании» (Старков 1980: 118). В. Ф. Кернер кремневое изображение головки животного (рис. 8, 12) описала как отщеп с ретушью (Кернер 1991: рис. 7, 29). Т. М. Гусенцова только в одном изделии с поселения Тархан I (Кировская обл.) увидела фигурный кремль (рис. 8, 11) (Гусенцова 1993: 93), а второе (с поселения Ботыли IV) интерпретировала как сверло на отщепе (рис. 6, 6) (Гусенцова 1993: 106). Хотя, по мнению автора, оно изображает головку птицы. И только начиная с 1997–1998 гг. в литературе все чаще стали появляться описания каменных изделий, которые однозначно воспринимались в качестве кремневой скульптуры.

Обнаружились подобные находки и в Западной Сибири. В 1997 г. В. А. Зах публикует скульптурное изображение головки птицы (рис. 6, 7), найденное в одной из ям многослойного поселения Паром 1 близ г. Салехарда (Зах 1997: 26). В том же году становится известным нож с навершием в виде головки птицы, выявленный в одном из погребений могильника Бузан 3 (Тюменская обл.) (рис. 6, 10) (Матвеев и др. 1997: 156). Еще через год И. В. Усачевой публикуется миниатюрная фигурка птички из полупрозрачного пестрого халцедона (рис. 6, 17), найденная на поселении Южный берег Андреевского озера (ЮАО) VIII еще в 1983 г. (Усачева 1998: 106–108). В этом же сборнике (Вопросы археологии Урала, вып. 23), посвященном духовной культуре Урала, еще в двух статьях освещаются находки кремневой скульптуры. Сразу восемь кремневых скульптур (птица, лось, медведь, бобр), происходящих с пяти озер Среднего Зауралья, описаны автором (рис. 6, 2–5; 7, 3, 8; 8, 3–4) (Литвиненко, Серигов 1998: 217–222). В основном это находки из раскопок 1970–80 гг., переосмысление которых произошло только спустя какое-то время. Здесь же публикуется самая

крупная скульптура Урала – голова медведя (рис. 7, 1) из раскопок мезолитического поселения Уральские Зори V на р. Туре (Литвиненко, Сериков 1998: 225). Н. М. Чаиркина знакомит с тремя каменными изделиями (дерево, рыбка, антропоморф) с оз. Шувакиш (рис. 9, 5; 6, 11, 15), которые она условно относит к кремневой скульптуре (Чаиркина 1998: 94–96). Фигурные кремни (4 экз.) типа змеи или дерева с пещерного святилища на Камне Дыроватом (рис. 9, 6) в 2000 г. публикуются автором (Сериков 2000: 215).

Возросший интерес к кремневой скульптуре доказывается и перепубликацией находок, иногда с расширенным их пониманием. В 1999 г. Р. Д. Голдина в своей монографии по древней истории Удмуртии впервые приводит иллюстрации шести кремневых скульптур, найденных на поселении Юртик (Голдина 1999, рис. 49, 3–4, 8–9, 12–13). В 2001 г. В. Н. Карманов и В. А. Семенов обобщают сведения о находках кремневых скульптур на памятниках Северного Приуралья, публикуют новые фигурки и дают другую интерпретацию широко известной скульптуре «медведя» с поселения Вис II (Карманов, Семенов: 113–116). В следующем году автор продолжил изучение выявленных им кремневых скульптур, опубликовав изображения еще семи фигурок (лунницы, птица, лоси, медведь, еж), происходящих с территории Среднего Зауралья (рис. 6, 9; 7, 6, 9–10; 8, 5; 9, 3–4) (Сериков 2002: 135–138).

Принципы выделения скульптуры. Первые находки кремневой скульптуры на территории Среднего Зауралья были сделаны автором в 1973 и 1976 гг. на стоянке Юрьино IV. Их публикация в 1978 г. не вызвала особых возражений в восприятии данных изделий как произведений искусства. Однако позднее в связи с новыми публикациями автору пришлось столкнуться с весьма скептическим восприятием публикуемых им кремневых скульптур.

В связи с этим хотелось бы высказать некоторые мысли о принципах выделения кремневых (и не только) скульптур, которые использовал автор в своих исследованиях. Прежде всего, необходимо напомнить, что в нашей науке основное внимание всегда было уделено изучению материальной культуры. Это способствовало господству всякого рода классификаторства, что и предопределило стереотипное восприятие каменных изделий, прежде всего, как орудий труда или отходов при их изготовлении. Этот стереотипный подход к древним артефактам практически всегда сказывался на атрибуции изделий, которые могли являться произведениями искусства. Они просто оставались неузнанными среди тысяч каменных изделий. Сложившиеся в науке стереотипы не позволяли исследователю увидеть такое произведение искусства и чисто психологически. Автор до сих пор помнит свое внутреннее потрясение, когда он впервые увидел на шестидесятиметровой скале Камня Дыроватого лицо «идола». И помнит, столько внутренних сил пришлось приложить, чтобы во всеуслышание заявить об этом открытии. Помнит также, насколько скептически коллеги встретили это сообщение.

Выделение кремневой скульптуры тесным образом связано с определением типологии каменных изделий. В принципе набор каменных орудий на памятниках каменного века довольно стандартен. Это ножи, скребки, скобели, острия, наконечники стрел. Каждый из типов каменных орудий имеет четко установленную тысячелетней практикой форму рабочего края. Устойчивая форма орудия является результатом устойчивости его использования в каком-либо определенном производстве (Котов 1999а: 7–9). Поэтому появление фигурного края, не обусловленного производственной необходимостью, сразу же должно привлекать внимание исследователя. Обычно за таким фигурным краем стоит не орудие, а кремневая скульптура.

Следует обращать внимание и на контекст находки, т. е. на то, в каких условиях, и в каком комплексе данная находка залегала. Любопытный пример приводят исследователи древнего искусства на Дальнем Востоке. В неолитическом жилище на поселении Оленьем найдено две фигуры рыбы. Одна из них – каменная камбала – представляет собой плоскую необработанную гальку. Если бы она не лежала рядом с керамической рыбкой, она бы осталась только галькой, похожей на рыбу. Однако контекст находки, по мнению авторов, превратил ее в произведение искусства (Гарковик 1998: 15). Некоторые уральские скульптуры также были найдены в ситуации, заслуживающей особого внимания. Например, скульптура медведя (рис. 7, 1) на поселении Уральские Зори V найдена в очажном комплексе. Полиэikonическая скульптура, изображающая медведя-лося-птицу, залегала в ритуальном кладе № 6 на культовой площадке бронзового века Шайтанское озеро II (рис. 10, 1). Фигурный кремль в виде головы животного на поселении Тархан I (рис. 8, 11) находился в яме вместе с пятью каменными наконечниками стрел. Скульптурное изображение головы птицы (рис. 6, 7) (поселение Паром I) обнаружено в одной из ям. Еще одно изображение птицы (рис. 6, 10) залегало в энеолитическом погребении могильника Бузан 3. Также в энеолитическом погребении на Шигирском торфянике были найдены две скульптурки рыб (рис. 10, 10–11). Необходимо подчеркнуть, что значительная часть изделий, которые автор относит к кремневой скульптуре, происходит с памятников культового назначения. Это скульптура с пещерного святилища на Камне Дыроватом (рис. 6, 12; 7, 9; 9, 5) и культовых центров на Аятском (рис. 6, 3, 5; 8, 4) и Шайтанском (рис. 5, 5, 6, 9–10, 13; 6, 2, 13, 16; 7, 10; 8, 2; 9, 8–12) озерах.

Исследователь древнего искусства Дальнего Востока М. А. Кирьяк (Дикова) при выделении каменной (не только кремневой) скульптуры так же, как и автор, сталкивается с непониманием таких своеобразных памятников первобытного искусства. Для нее является очевидным «отсутствие теоретической базы, позволяющей изобразительный артефакт «со сложным контуром» вывести из этой обобщенно-неопределенной категории и вернуть ему изначальный статус предмета изобразительной деятельности первобытного человека, памятника искусства в нашем понимании» (Кирьяк (Дикова) 2003: 47). В своей монографии М. А. Кирьяк обозначила пять

критериев, на основании которых она относит определенные артефакты к произведениям искусства (Кирияк (Дикова) 2003: 47). Они мало чем отличаются от принципов выделения скульптуры, предложенных автором.

Автор, как и другие исследователи кремневой пластики, не призывает к массовому увлечению фигурными кремнями (Гарковик 1998: 14). Далеко не всегда удастся избежать субъективного восприятия некоторых изделий как образцов мобильного искусства. Со временем после досконального анализа часть «скульптур» отсеется и перейдет в разряд псевдоскульптур, но исследователи должны научиться узнавать кремневые скульптуры среди множества каменных изделий. Этим самым будет расширена источниковедческая база первобытного искусства.

Образы. Изображения человека. Известно 6 изображений с Северного и Среднего Приуралья, Среднего и Южного Зауралья (рис. 5, 1–5). Все они обладают своеобразными чертами, отличающими их от скульптур европейской части России. Антропоморфная скульптура с поселения Вис II Г. М. Буровым определена как млекопитающее (Буров 1967: 108). А В. Н. Карманов и В. А. Семенов понимают это изделие как крайне редкое профильное изображение человека. И приводят ему аналогию со стоянки Ольский Мыс на оз. Лача (Карманов, Семенов 2001: 114; рис. 2, 2). Фигурки с Юрьино IV и Карабалыкты IX (рис. 5, 3–4) имеют неразделенные ноги, что никогда не встречается в европейской России. У юрьинской скульптуры округлая голова, руки показаны слегка намеченными выступами, между головой и руками присутствуют слабовыраженные выемки – попытка мастера показать шею (фото 7, 3). В нижней части фигурки имеется небольшой участок, покрытый галечной коркой. Это может служить свидетельством, что данное изделие не было наконечником стрелы, иначе его перо не обладало бы функциональной остротой. Асимметричный профиль скульптурки является попыткой показать живот или отвисшую грудь женщины. Высота фигурки всего 2,5 см, максимальная ширина – 1,2 см (Серигов 1978: 248). Скульптура с Сандибей-ю VIII, к сожалению, представлена обломком (рис. 5, 2). Все четыре вышеописанные скульптуры обработаны плоской отжимной ретушью. Скульптура с оз. Шувакиш обработана двусторонней, но краевой ретушью. Вряд ли она является изображением человека, в лучшем случае она представляет птицу в полете (рис. 6, 15). Скорее же всего, это наконечник стрелы оригинального типа. Известно еще одно изделие с Шайтанского озера, в котором можно видеть незаконченную фигурку человека (мифологического существа?). Оно имеет раздвоенное основание (ноги?), боковые выступы посередине (руки?) и вытянутую вверх голову (островерхая шапка?) (рис. 5, 5). Возможно, к антропоморфным скульптурам следует отнести изделие с поселения Юртик, которое можно также трактовать как астральный знак или птицу в полете (рис. 9, 8). Подобное изображение (только большего размера) известно на Волосовском поселении (Замятнин 1948: рис. 3, 1). С. Н. Замятниным оно определено как изображение мифологического существа. А. В. Уткин и Е. Л. Костылева в своей классификации относят его к антропоморфным изображениям

четвертого типа, которые рассматривают как скульптурки служителей культа (Уткин, Костылева 1996: 264).

Изображения птиц. По одной скульптуре выявлено в Северном и Среднем Приуралье, восемь скульптур происходит со Среднего Зауралья и три – с Западной Сибири. Почти все фигуры изображают водоплавающую птицу (рис. 6, 2–7, 9–11) и лишь две – боровую. Одна из них, найденная на стоянке Юрьино IV еще в 1976 г., зоологами определена как глухарка (рис. 6, 1). Изготовлена она на тонком изогнутом отщепе кремнистого сланца. Один из предыдущих сколов оставил на изделии негатив, по форме похожий на крыло птицы. Возможно, именно этот скол помог древнему мастеру увидеть в отщепе будущую скульптуру птицы (фото 6, 6). В дальнейшем изделие по всему периметру было обработано краевой ретушью, которая и придала ему форму птицы (Сериков 1978: 247–248).

Следует подчеркнуть, что слабовыраженная пильчатая ретушь, которой обработана скульптура, могла быть получена только при помощи медного ретушера (шила). Вторая фигурка с Андреевского озера имеет миниатюрные размеры, высоту 1,8 см и ширину 0,8 см (рис. 6, 17). Она изготовлена из отщепа полупрозрачного халцедона, красного с белыми разводами и представляет изображение сидящей столбиком птицы (Усачева 1998: 106–108). Интересно отметить, что точно такое же изображение сидящей птички найдено на ранненеолитической стоянке Нижнетытыльская IV (Чукотка). И поза, и размер фигурки (высота – 1,9 см, ширина – 1,1 см) полностью соответствуют изображению с Андреевского озера (Кирыак (Дикова) 2000: 79; рис. 28, 5).

Различается только интерпретация фигурок. И. В. Усачева находку с Андреевского озера определяет как изображение тетерки, а М. А. Кирыак в аналогичной находке с Чукотки видит фигурку синицы. Только одна скульптура водоплавающей птицы (утки?) с оз. Таватуй обработана по всей поверхности плоской двусторонней ретушью (рис. 6, 9). Кстати, эта фигурка у хвоста имеет две противолежащих выемки, которые служили для нашивания на одежду (фото 6, 5). Все остальные фигуры обработаны по периметру краевой ретушью (рис. 6, 1–8, 10, 17; фото 6, 3–4). У двух скульптур обломаны головки (рис. 6, 2, 5). Еще три представлены только головками (рис. 6, 6–7, 10), причем две из них происходят с Западной Сибири. Кроме этого следует упомянуть об изделиях, в которых некоторые исследователи видят изображения птиц в полете (10 экз.). Они выглядят как наконечники стрел с боковыми выступами. Такие изображения выявлены на Шайтанском озере (3 экз.) (рис. 6, 13, 16), озере Шувакиш (рис. 6, 15), Исетском Правобережном (рис. 6, 11), Юрьинском озере (рис. 6, 14) и пещерном святилище на Камне Дыроватом (4 экз.) (рис. 6, 12). Поскольку каменные наконечники стрел обладают разноплановым семантическим наполнением, можно предположить, что подобные наконечники стрел кроме своего обычного (поражающего) назначения имели и особый сакральный смысл (Сериков 2011б: 85–86).

Изображения млекопитающих. Встречены на территории Северного (2 экз.) и Среднего (6 экз.) Приуралья, также в Среднем Зауралье (16 экз.). Известны кремневые скульптуры медведя (8 экз.), лося (4 экз.), кабана, пушного зверька (горностая?), бобра, ежа (по одному изображению), а также восьми голов животных, определить видовую принадлежность которых затруднительно.

Полных фигур животных всего пять. Это изображение медведя с поселения Вис II, кабана и горностая(?) с поселения Юртик, бобра с Аятского озера и ежа со стоянки Шигирский Исток III. Скульптура медведя имеет длину 5,3 см, высоту до 2 см. Животное изображено с большой, опущенной книзу головой, небольшими выступами показаны ноги. Обе поверхности фигуры сплошь обработаны плоской двусторонней ретушью (рис. 7, 4) (Карманов, Семенов 2001: 114). Скульптурное изображение кабана имеет миниатюрные размеры, длина тела всего 2,5 см, высота 1,3 см. По мнению автора находки, «древнему художнику удалось передать особенности фигуры животного, его характерную приподнятую холку, выпуклый лоб, длинное рыло, даже намечен маленький хвостик» (рис. 8, 7) (Ошибкина 1980: 53). Скульптура изготовлена из светлого кремня путем двустороннего ретуширования всей поверхности. Фигурка пушного зверька также имеет небольшие размеры – 1,7 см в длину и 2 см в высоту. Она представляет горностая (?) в настороженной позе. Древнему мастеру удалось добиться выразительности позы путем изображения вытянутой шеи животного, приподнятых ушей и вытянутых перед телом лапок (рис. 8, 6). Скульптура изготовлена при помощи двусторонней ретуши, покрывающей обе плоскости изделия. Бобр изображен также в настороженной позе с прижатыми к телу лапками (фото 7, 6). Фигура образована краевой ретушью со стороны спинки и частично с брюшка. Она обработана по всему периметру отщепа, из которого изготовлена, за исключением ударной площадки. Ретушью выделена морда животного, подчеркнуты прижатые к тулову лапки и крутой переход от задней части тела к ногам (рис. 8, 4) (Литвиненко, Сериков 1998: 219). Фигурка ежа (фото 7, 5) изготовлена из плитки черного углистого сланца. Ее длина 2,6 см, ширина 2,2 см. По всему периметру (за исключением места слома) изделие обработано двусторонней краевой ретушью, которая образовала рельефные шипы. Пять шипов в верхней части фигурки изображают иглы животного, шип сбоку – вздернутый нос, а шипы внизу – ноги (рис. 8, 5) (Сериков 2002: 137). По-видимому, это единственное скульптурное изображение ежа на всей территории распространения кремневой скульптуры. Следует подчеркнуть, что скульптуры животных с западного склона Урала обработаны по всей поверхности плоской двусторонней ретушью. Тогда как полные фигуры с восточного склона оформлены краевой ретушью, идущей по периметру изделия.

Остальные фигуры животных представлены изображениями голов. Чаще всего изображали головы медведей и лосей. Наиболее ранней скульптурой медведя является изделие с мезолитического однослойного поселения Уральские Зори V, расположенного на р. Туре. Найдено оно в

жилище рядом с очагом в горизонтальном положении. Скульптура изготовлена из отщепа местного зеленоватого алевротуфа длиной 17,5 см. Это самая крупная скульптура Урала (фото 5, 1). Нос животного обработан крутой ретушью скребкового характера. Но следов работы на этом участке изделия не обнаружено. Вздернутость носа подчеркивает дугообразный вылом, переходящий в ретушь. Более крупный вылом снизу оформляет подчелюстную выемку животного (рис. 7, 1). Резкие переходы от носа ко лбу и от черепа к шее показаны краевой ретушью. Тот факт, что ретушь и сломы подчеркивают характерные черты животного, позволяет предполагать в изделии скульптурное изображение головы медведя (Литвиненко, Сериков 1998: 225). Частичная обработка скульптуры ретушью в отличие от классических скульптур неолита – энеолита, на взгляд автора, может свидетельствовать о большой древности изделия.

Принцип подчеркивания характерных черт животного просматривается и в других скульптурных изображениях. Чаще всего ретушью выделяются вздернутый нос, крутой переход от носа ко лбу, стоящее или прижатое ухо и подчелюстная выемка животного (рис. 7, 2–3, 5–6). Все головы медведя обработаны краевой односторонней (чаще) или двусторонней ретушью. Узнаваемые скульптурные изображения медвежьих голов найдены на поселении Палкино, III Береговой стоянке Горбуновского торфяника (фото 5, 2), поселении Чашиха I, Макинском торфянике (фото 5, 3) и Шайтанском озере.

При изображении голов лося подчеркивались следующие характерные признаки: горбатый нос, торчащее ухо и резко выраженная подчелюстная выемка. Головы лосей более вытянутые, чем медвежьи. Представляет интерес кремневая скульптура лося с I Береговой стоянки Горбуновского торфяника из раскопок Д. Н. Эдинга (хранится в ГИМе). Длина фигурки 3,9 см, высота 3,3 см. Изготовлена она на отщепе кремнистого сланца. Краевой ретушью со спинки и частично с брюшка тщательно обработано ухо животного, достигающее длины 1,5 см. Крутой ретушью выделена подчелюстная выемка. Несмотря на частичную обработку изделия, оно представляет выразительное изображение головы лося (рис. 7, 8) (Литвиненко, Сериков 1998: 217). Еще одна выразительная скульптура лося найдена на святилище, расположенным у подножья скалы с пещерой на Камне Дыроватом (р. Чусовая). Ее длина всего 1,7 см, высота – 1,3 см. Фигурка изображает головку лосихи, со всех сторон (кроме места слома) обработана мелкой краевой, но двусторонней ретушью (рис. 7, 9). Изготовлена она из кремнистой породы коричневого цвета. На просвет видны слои коричневого цвета различной насыщенности. И эту цветовую особенность камня древний мастер использовал для более реалистического изображения животного: он обработал скульптуру таким образом, что полоска темно-коричневого цвета обозначила разрез рта лосихи (если смотреть на просвет) (Сериков 2002: 138).

На неолитическом поселении Исетское Правобережное В. Ф. Кернер обнаружено Г-образное изделие, обработанное со всех сторон плоской

двусторонней ретушью. Оба конца его заострены, на перегибе присутствует выступ (рис. 7, 7). Данное изделие очень напоминает Г-образное скульптурное изображение лося, выполненное из рога, с Шигирского торфяника. Похожая голова лося с выделенным ухом происходит с поселения Юртик (рис. 8, 10). Как и головы медведя, скульптуры лосей оформлялись и краевой, и плоской ретушью.

Среди невыразительных голов животных (рис. 8, 8–9, 11–14) предположительно выделяется голова собаки (поселение Юртик). Она обработана краевой двусторонней ретушью, которая подчеркивает морду животного со стоящими ушами (рис. 8, 9) (Ошибкина 1980: 53). Все головки животных с западного склона Урала изготовлены при помощи двусторонней ретуши, чаще плоской, иногда краевой. На восточном склоне для обработки голов животных практически всегда применялась краевая односторонняя ретушь.

Любопытная кремневая скульптура обнаружена на стоянке Юрьино VII еще в 1978 г. Первоначально она была принята за изображение головы лося. Изготовлена фигурка из отщепа светло-коричневого халцедона. Ее длина – 3,6 см, высота – 2,9 см. Обработана краевой ретушью почти по всему периметру. Несмотря на краевую обработку, головка изображена достаточно реалистично. У нее выделяются горбатый нос и отвисшая нижняя губа (рис. 8, 3). Но если фигурку повернуть на 90° влево, то в ней уже можно увидеть голову не лося, а медведя. Если же ее развернуть на 90° вправо, она будет изображать фигуру бобра с вытянутыми вперед лапками (рис. 8, 3). Подобные полиэйконические скульптуры, изображающие животных, но выполненные из других материалов, известны как на территории Среднего Зауралья, так и в других регионах (Серигов 2002: 134; Демещенко 1997: 93; Бродянский 1998: 97; Кирьяк (Дикова) 2000: 51, 151, 153).

Изображения рыб. Известны в Северном и Среднем Приуралье (по 3 экз.), а также в Среднем Зауралье (10 экз.). Самые ранние изображения рыб выявлены на позднемезолитическом памятнике Студенцы II. Две рыбки были изготовлены из пластин светлого кремня. Одна фигурка имеет длину 2,8 см, вторая – 2,2 см. По всему периметру фигурки обработаны мелкой краевой ретушью (рис. 5, 12, 16). По мнению автора находок, очертаниями хвоста они напоминают осетровых (Ошибкина 1992: 40). Неолитическая скульптура рыбки обнаружена на Юрьинском поселении. Она обработана односторонней краевой ретушью, которая выделяет головку и хвост рыбы. Длина фигурки 4,4 см (рис. 5, 11).

Практически все рыбы изображены в условно-схематическом стиле. Только у двух рыб можно определить видовую принадлежность. Первая из них найдена на озере Ярейты в Большеземельской тундре. Ее длина – 3,4 см, ширина – 3 см. По периметру она обработана краевой ретушью (рис. 5, 15). Исходя из пропорций фигурки, в ней предположительно видят изображение камбалы (Карманов, Семенов 2001: 115). Вторая скульптура происходит с культового центра на Шайтанском озере. Это самое крупное

изображение рыбы, ее длина 7,3 см, ширина в средней части – 1,9 см. С двух сторон скульптура обработана плоской ретушью. По внешнему виду она похожа на дважды изогнутый наконечник стрелы. Рыбка показана в движении: она изогнута и в плане и в профиле. Микротрещина в заостренной части скульптуры показывает рот рыбы (рис. 5, 6). По единодушному мнению сотрудников рыбнадзора и местных рыбаков, она изображает линя (фото 35, 2). На этом же культовом центре найдено еще пять скульптур рыб, которые при желании можно рассматривать как рыбковидные наконечники стрел (фото 35, 2). Все они обработаны плоской отжимной ретушью с двух сторон, имеют рыбковидный насад и асимметрично расположенный кончик пера (рис. 5, 9–10) (Сериков 2013: 50) Такое же изделие известно и на поселении Шувакиш I (Чаиркина 1998: 93; рис. 3, 6).

Еще один наконечник с Шайтанского озера имеет симметрично расположенное острие и четко выделенный рыбковидный насад. Выпуклый с одной стороны профиль изделия и утолщенный насад, препятствующий закреплению изделия в древко стрелы, позволяют видеть в нем скульптурное изображение рыбки (рис. 5, 13). Два рыбковидных наконечника найдены в энеолитическом погребении на Шигирском торфянике Н. М. Чаиркиной. Пять изображений рыб (Студенцы II, Юрьинское поселение, Ярейтское поселение, Ягкодз I) изготовлены при помощи краевой ретуши, все остальные – посредством плоской двусторонней ретуши.

Символические изображения. Зафиксированы в Северном (2 экз.), Среднем (1 экз.) и Южном (1 экз.) Приуралье, а также в Среднем Зауралье (9 экз.) Среди них преобладают изображения лунниц – 5 экз. Самая крупная лунница происходит с энеолитического поселения Муллино III (Южный Урал). Ее длина – 11,2 см, ширина в средней части – 2,9 см. С двух сторон она обработана плоской ретушью (рис. 9, 1). Не менее выразительная лунница обнаружена на поселении Вис I (оз. Синдор). Она также тщательно обработана двусторонней ретушью, имеет больший изгиб, но меньшие размеры. Ее длина составляет 5,7 см, а ширина – 1 см (рис. 9, 2). Любопытной деталью являются остатки охры, присутствующие на ее поверхности (Карманов, Семенов 2001: 116).

Интересная лунница выявлена на неолитическом поселении Полуденка II (Среднее Зауралье). Она изготовлена из белого кварца путем двусторонней ретуши (рис. 9, 3; фото 7, 4). Еще одна лунница найдена на I Береговой стоянке Горбуновского торфяника. Это единственное изделие из числа лунниц, которое обработано ретушью не по всей поверхности (рис. 9, 4). Г. М. Буров выделяет еще одну лунницу с выступом, найденную на поселении Вис II (Буров 1967: 108; табл. XVI, 1, 3). Но по форме изделие больше похоже на скобель с несколькими рабочими краями или нож с суживающимся лезвием, но не на фигурный кремь.

Одно символическое изображение, найденное на поселении Юртик, можно рассматривать как полиэйконическую скульптуру. Выше оно уже описано как изображение мифологического существа. Однако небольшие

ее размеры ($2 \times 1,6$ см) позволяют видеть в нем еще и астральный знак (рис. 9, 8).

Серия необычных изделий, имеющих геометрическую форму, выявлена на озерном культовом центре Шайтанское озеро I. Они представлены треугольником (рис. 9, 9), кругом (рис. 9, 10) и двумя пятиугольниками (рис. 9, 11–12). Одно из них можно принять за скребок. Оно имеет форму неправильного круга диаметром 2,3 см. По всему периметру обработано мелкой крутой ретушью. Изделие имеет прямой профиль, толщина его в самом толстом месте не превышает 2 мм (рис. 9, 10). Именно поэтому изделие можно расценивать как украшение, а не орудие. К тому же с двух сторон оно имеет следы заметного залощения. Два других изделия имеют форму пятиугольников и одинаковые размеры – 1,6 см в поперечнике. Одно из них изготовлено из углистого сланца, наполовину темного, наполовину светлого, а второе – из темно-серой яшмовидной породы. По всему периметру они обработаны ретушью, в одном случае плоской с двух сторон (рис. 9, 12), а в другом – достаточно крутой с одной стороны (рис. 9, 11). Изделие, обработанное плоской ретушью, можно было бы принять за сломанный наконечник стрелы. Так оно, видимо, и есть. Но место слома было дополнительно обработано для придания изделию пятиугольной формы (рис. 9, 12). Изучение под микроскопом показало, что в качестве орудий они не использовались. Еще один круг диаметром 2,9 см, изготовленный из красно-коричневого халцедона, найден на стоянке Шигирский Исток III. С двух сторон он обработан плоской ретушью и имеет слишком тонкий профиль, чтобы быть каким-либо орудием (рис. 9, 7) (Сериков 2013б: 50–51).

Условно к символическим изображениям отнесены фигурные изделия, которые С. Н. Замятин выделял как неопределенные. Их всего два. К сожалению, оба фрагментированы, что не позволяет произвести более четкую их классификацию. Одно из них обнаружено среди восьми тысяч каменных наконечников стрел в пещерном святилище на Камне Дыроватом (р. Чусовая). Длина сохранившейся части изделия – 3 см, ширина – 1,2 см. Обе его поверхности обработаны плоской ретушью. На теле фигурки присутствуют выделенные ретушью боковые шипы, с одной стороны три, с другой – два (рис. 9, 6). Данное изделие можно трактовать двояко: как изображение змеи или изображение дерева. Второе изделие с поселения Шувакиш I автор находки Н. М. Чаиркина определяет как символическое изображение «елочки». Его длина 2,2 см, ширина 1 см. Обработано плоской двусторонней ретушью. На сохранившейся части изделия на его боковых краях фиксируются по три противолежащих выемки и шипа (рис. 9, 5) (Чаиркина 1998: 94).

Новые находки скульптурных изображений. После выступления с докладом о кремневой скульптуре Урала в 2004 г. в Твери и публикации обзорной статьи (Сериков 2005) коллеги стали не только сообщать автору информацию о новых или неизвестных ему находках фигурных кремней с разных территорий, но и предоставлять их рисунки и фотографии. За это

время удалось выявить 33 новые кремневые скульптуры. Больше всего скульптур обнаружено в Среднем Зауралье – 14 экз. Очень выразительные скульптуры происходят с Северного Приуралья (9 экз.). На территории Среднего Приуралья и Южного Зауралья найдено соответственно шесть и три кремневых фигурки. Еще одна скульптура добавилась в Западной Сибири.

К сожалению, все скульптуры с Северного Приуралья пока не опубликованы, поэтому их иллюстрации в данной работе отсутствуют. В энеолитическом комплексе стоянки Усть-Тимшер (Республика Коми) Ю. В. Паршуковым найден фигурный кремнь в виде головы животного (фото 8, 3). Фигурка из светло-серого кремня с двух сторон обработана плоской ретушью, но не сплошной, а частичной. Скульптура выполнена в виде равнобедренного треугольника. На его вершине изготовлен миниатюрный выступ, изображающий, по-видимому, ухо животного. Один угол треугольника сохранил естественную заостренную форму, а противоположный – усечен неглубокой выемкой. Такая техника позволила мастеру в одной фигурке изобразить головы двух животных – предположительно лося и медведя. Длина скульптуры – 5,1 см, ширина – 2,5 см (Паршуков 2001). Серия из трех кремневых фигурок обнаружена Ю.В. Паршуковым на стоянке Лопью (фото 8, 4–5). Наибольший интерес из них представляет полная фигура животного (выдры?) из темно-красного кремня. Четыре кремневых фигурки, в основе которых лежат наконечники стрел, выявлены В. Н. Кармановым на стоянке Угдым (Республика Коми). Все фигурки обработаны плоской ретушью с двух сторон. Две из них могут изображать рыбок с выделенным хвостом. Подобные скульптуры уже известны на стоянках Адзъва и Ягкодж I (рис. 5, 8, 14). Самой интересной является четвертая скульптура длиной 12 см (фото 7, 2). Ее изображение опубликовано на обложке книги «Культурные связи населения европейского Северо-Востока в древности и средневековье» (Культурные связи... 2013). С каждой стороны фигуры находятся асимметрично расположенные шипы – по одному краю их пять, по другому – три. Более длинные шипы расположены ближе к одному из концов. Понять, где у фигуры верх и низ, передняя и задняя часть – невозможно, – оба конца изделия заострены. Но фигурка изготовлена таким образом, что один из концов оказался окрашенным в бледный красно-коричневый цвет, тогда как остальная часть скульптуры имеет светло-серый (ближе к белому) цвет.

Безусловно, сделано это намеренно, но что за этим стоит, – пока остается вопросом. Также непонятно, кого или что могла изображать данная скульптура. Трудно подобрать ей и аналогию. Наиболее близкое к ней изображение происходит с Выг-Острова, которое, по мнению С. Н. Замятнина, могло изображать ящерицу (Замятнин 1948: рис. 5, 16). Очень выразительная головка лосихи обнаружена В. Н. Кармановым на стоянке бронзового века Подты 1 (Республика Коми) (устное сообщение В. Н. Карманова). Она изготовлена на слегка изогнутом сколе с бифаса длиной 3,4 см. В этом сколе древний мастер увидел головку лосихи, которую он сделал вполне узнавае-

мой, подправив очертания скола мелкой краевой ретушью. Эта ретушь выделила ухо и подчеркнула подчелюстную выемку. В результате получилось вполне реалистическое изображение головы лосихи (фото 8, 1–2).

Уникальной находкой является кремневая фигура мамонта (фото 7, 1), найденная Э. Ю. Макаровым на стоянке позднего палеолита Широново II (Ильинский р-н Пермского края). Изготовлена она из плитки кремня, имеет размеры 6 × 6 см, обработана двусторонней краевой ретушью. У мамонта ретушью показана массивная голова, подчеркнута горбатая спина, глубокими гравированными линиями выделены задние ноги животного (Макаров, Павлов 2007: 12). К сожалению, рисунок единственной на Урале кремневой фигурки мамонта до сих пор не опубликован.

На территории Пермского края обнаружены еще две кремневые скульптуры. Обе происходят с Чашкинского озера. На поселении Чашкинское озеро IV в поздненеолитическом комплексе выявлена фигурка уточки (сообщение Е. Л. Лычагиной). А на стоянке Чашкинское озеро VI найдена лунница. Ее длина – 3,7 см, с двух сторон она обработана сплошной ретушью. На одном из концов выделан небольшой шип (Мельничук, Пономарева 1984: 54; рис. 3, 9). Авторы отмечают наличие в комплексе еще одного фигурного кремня, но никаких дополнительных сведений о нем не приводят.

Из числа старых находок опубликованы три фигурных кремня с поселения Заборное озеро I (Сарапульский р-н Удмуртской республики). Авторы публикации отнесли их к серповидным рыбным ножам Гаринской энеолитической культуры. На самом деле они являются двусторонне обработанными лунницами, полностью аналогичными изделию с озера Таватуй (рис. 6, 9). Сходство усиливается наличием на всех лунницах небольшого утолщения на одном из концов. Пермские археологи называют его «пуговкой», но, по мнению автора, его можно интерпретировать как головку водоплавающей птицы (Денисов, Мельничук 2013: 11; рис. 11, 11–13). В любом случае эти изделия следует отнести к фигурным кремням.

Продолжают поступать кремневые скульптуры со священного озера древности – Шайтанского (Среднее Зауралье) (Серигов 2014: 320–323). Богатую коллекцию произведений искусства широко известного культового энеолитического центра Шайтанское озеро I дополнили находки еще двух кремневых фигурок. Обе скульптуры длиной 2,6 и 2,7 см изготовлены на отщепах и изображают головы животных. Одна скульптура имеет Г-образную форму, с двух сторон обработана плоской ретушью (рис. 10, 2). Аналогичные кремневые фигурки известны в неолитическом комплексе поселения Исетское Правобережное (озеро Исетское). Вторая скульптура имеет серповидную форму, обработана краевой ретушью по одному краю со стороны спинки, по второму – со стороны брюшка. Мелкой ретушью подчеркнута остроконечное ухо животного и выделена подчелюстная выемка (рис. 10, 3).

Четыре фигурных кремня найдено на соседнем памятнике Шайтанское озеро II. Две фигурки выполнены на тонких отщепах, имеют слегка изог-

гнутую форму, обработаны краевой ретушью и могут изображать головы животных. Один отщеп по очертаниям очень напоминает головку лося (рис. 10, 7). Во второй фигурке можно увидеть длинную шею с головкой водоплавающей птицы (рис. 10, 6). Подобные изображения голов животных, обработанные краевой ретушью, известны на целом ряде зауральских памятников (Серигов 2009а: 407–408). Здесь же найден наконечник стрелы в виде летящей птички (рис. 10, 8) (Серигов 2013б: 70).

Еще одна кремневая фигурка найдена в составе ритуальногоклада № 6, выявленного на культовой площадке бронзового века. Это единственный клад, в котором кроме бронзовых изделий находились и каменные. Состоял он из кельта и пластинчатого ножа. Рядом с ножом находились крупный скребок и отщеп халцедона. Отщеп изготовлен из однотонного темно-коричневого халцедона. Он имеет коленчатую форму без всяких следов дополнительной обработки. Его длина – 5,2 см, ширина в средней части – 2,4 см, толщина – до 0,8 см. Еще в процессе расчистки клада было замечено, что отщеп своими очертаниями напоминает голову животного. Зауженный конец отщепа, обращенный вправо, вызывает ассоциации с головой медведя. Если отщеп повернуть на 90° по часовой стрелке, то в закругленном конце отщепа можно увидеть голову лося. Если же отщеп развернуть еще на 180° по часовой стрелке, то он ассоциируется с птицей с вытянутой кверху шеей (рис. 10, 1) (Серигов 2011б: 157–160). Таким образом, можно предположить, что перед нами полиэйконическая скульптура, в которой «зашифрован» образ мирового дерева. С каждым из миров мирового дерева соотносится определенное животное: символом верхнего мира является птица, среднего – лось, а нижнего – медведь. Подобная полиэйконическая скульптура, изображающая лося, медведя и бобра, известна на стоянке Юрьино VII (Юрьинское озеро). Как и скульптура из клада, она имеет «Г»-образную форму, заостренный конец и изготовлена также из коричневого халцедона (Литвиненко, Серигов 1998: 221).

Скульптурное изображение головы животного (фото 5, 5), но более крупного размера (длиной 4 см), обнаружено на скальном святилище Шайтанского озера – Шайтанский Шихан. Это первая находка кремневой скульптуры на скальных святилищах. Она обработана краевой ретушью со спинки и с брюшка и изображает вытянутую голову животного (рис. 10, 4). Как и описанные выше кремневые фигурки датируется эпохой энеолита (Серигов 2012: 217–218).

Наконец-то опубликованы две фигурки рыб с Шигирского торфяника. Они найдены в 2002–2003 гг. в энеолитическом погребении № 1 на многослойном памятнике Скворцовская гора V, расположенном на северном берегу Шигирского озера. Типологически это наконечники стрел. Но они имеют асимметричные очертания и рыбковидный также асимметричный насад. Причем одна выемка у насада более глубокая, что придает ему большое сходство с хвостом рыбы (рис. 10, 10–11). Длина фигурок 3,5 и 3,8 см. На одной из них присутствуют следы охры (Чаиркина 2011: 74).

Две кремневых скульптуры, изображающие головы медведей, обнаружены в культовых постройках эпохи энеолита на памятнике Палатки I. Обе фигурки имеют небольшие размеры, обработаны краевой ретушью. Особенно выразительна одна из них. Нос у головки подработан мелкой ретушью в сочетании с выемкой. В результате изделие стало походить на мордочку медвежонка (рис. 10, 9). Вторая фигурка выполнена из пятнистого халцедона. В одном положении она напоминает голову медведя, а при повороте на 180° – фигурку птицы (Викторова 2008: 95; рис. 85). Со стоянки Палатки I опубликована еще одна скульптура. Она изготовлена из плитки слоистого углистого сланца и, по мнению В. Д. Викторовой, изображает голову лося / лосихи. Длина изделия 8,3 см, поэтому В. Д. Викторова предполагает, что голова по аналогии с жезлами онежских петроглифов закреплялась в шаманском посохе (Викторова и др. 2003: 10; рис. 2). На взгляд автора, изделие является незаконченной заготовкой ножа, для изготовления которых часто и применялись плитки углистого сланца.

На стоянке Мурино I (черта г. Нижний Тагил) при обработке материалов из раскопок П. К. Халяева в 1977 г. обнаружена скульптура птички длиной 3 см и шириной 1,5 см. У птички крупное тулово, закругленный хвост и слитая с туловом головка. Фигура напоминает нахохлившуюся птицу из отряда воробьиных. Но если скульптуру повернуть на 180°, в ней можно разглядеть изображение головы медведя. При этом клюв птицы превращается в слегка вздернутый нос, а слабое углубление на спине птички занимает место подчелюстной выемки (рис. 10, 12). Интересной деталью является тот факт, что скульптура изготовлена из молочного кварца (фото 6, 1–2).

Самая северная (и неожиданная) находка кремневой скульптуры на территории Среднего Зауралья обнаружена на местонахождении Рычкова на р. Сосьве (Гаринский р-н Свердловской обл.). Изготовлена она на отщепе кремнистого сланца при помощи краевой ретуши. Как и у описанной выше скульптуре с Шайтанского озера у нее мелкой ретушью с брюшка выделено остроконечное ухо и выломом подчеркнута подчелюстная выемка (рис. 10, 5). Вопрос о ее датировке остается открытым, так как на местонахождении выявлен пока только палеолитический комплекс.

Заключает новую коллекцию с территории Среднего Зауралья скульптурное изображение головы животного (медведя?), выполненное из темно-серого кремнистого сланца со стоянки Нижняя Макуша.

В музее археологии и этнографии г. Уфы экспонируется крупное каменное изделие, изготовленное в виде гусиной (?) лапы. Найдено оно в энеолитическом комплексе стоянки Сабакты 8 на озере Сабакты в Башкирском Зауралье. Изготовлено изделие из отщепа серо-зеленой яшмы размером 10,8 × 7,9 × 2,1 см. Своими очертаниями изделие напоминает лапу водоплавающей птицы и, по мнению В. Г. Котова, могло являться ее (птицы) символом (рис. 20, 3) (Котов, Савельев 2007: 17–18; рис. 6, 5). С территории Южного Зауралья происходят еще два фигурных кремня, найденные на острове Веры (озеро Тургой, Челябинская обл.). Зафиксированы они в мезолитическом (?) слое. Одна скульптура изображает фигуру животного,

а вторая – обломок лунницы. По свидетельству В. Г. Котова, фигурный кремль в виде головы животного найден в палеолитическом комплексе стоянки Сергеевка 1 (Республика Башкортостан) (Котов 2012: 181). Рисунок изделия, к сожалению, еще не опубликован.

Новая кремневая скульптура выявлена на территории Западной Сибири. Найдена она на городище Усть-Утяк 1 (Кетовский р-н Курганской обл.) среди материалов поздней бронзы. Авторы раскопок определили ее как «скобель зооморфной формы?». Однако на рисунке четко проступает профильное изображение полной фигуры какого-то животного. У него обозначена массивная голова и выделены передняя и задняя ноги. Размеры фигурки – $9,8 \times 6 \times 2,1$ см (рис. 10, 13) (Кайдалов, Сечко 2006: 83; рис. 6, 15).

Территория распространения. В настоящее время кремневая скульптура известна практически на всей территории Большого Урала (Сериков 2006: 322–324). По последним неполным данным (но с учетом новых находок) на территории Северного Приуралья известно 20 кремневых фигурок, Среднего Приуралья – 14, а Южного – всего одна. Больше всего кремневых скульптурных изображений зафиксировано на территории Среднего Зауралья – 67. В Южном Зауралье известно уже четыре скульптуры. Кроме этого на смежных с Уралом территориях, в Западной Сибири, выявлено четыре кремневых фигурки. Одну из них территориально можно соотнести с Северным Зауральем, одну – с Южным, а две оставшихся – со Средним.

Также следует упомянуть первую находку кремневой скульптуры на территории Средней Азии. Найдена она на стоянке Джанбас 12 (Республика Узбекистан) в комплексе кельтеминарской культуры. Длина фигурки – 4,4 см. Изготовлена она на неширокой ножевидной пластине. Со спинки и с брюшка скульптура обработана мелкой краевой ретушью, которая выделяет головку и острый выступ на ней (хохол?). С. В. Ошибкина допускает, что изображена водоплавающая птица, возможно, – поганка (Ошибкина 2000: 233–235; рис. 1А).

Хронология. Кремневая скульптура Урала представлена в очень широком хронологическом диапазоне. Недавняя находка фигурки мамонта позволила отодвинуть ее зарождение в эпоху верхнего палеолита. С поздним мезолитом связаны три фигурки. Это две рыбки с поселения Студенцы II (рис. 5, 12, 16) и голова медведя с поселения Уральские Зори V (рис. 7, 1).

Девять кремневых скульптур относятся к эпохе неолита. В Приуралье это фигурный кремль в виде головки животного с поселения Тархан I (рис. 8, 11), голова птицы с поселения Ботыли IV (рис. 6, 6), а также уточка и лунница с Чашкинского озера. В Зауралье нужно отметить изображение головы медведя с поселения Чашиха I (рис. 7, 5) и рыбку с Юрьинского поселения (рис. 5, 11). Из последних находок необходимо упомянуть скульптурные изображения птицы и двух головок животных с Исетского Правобережного поселения (рис. 7, 7).

Большая часть скульптур обнаружена в энеолитических слоях. Единственная четко датированная скульптура с Северного Приуралья – фигурка птицы с поселения Варжа (рис. 6, 8). Она найдена в сопровождении керамики раннего этапа энеолитической чойновтинской культуры (Карманов, Семенов 2001: 114). Также к энеолиту относится обработанная плоской ретушью голова животного со стоянки Усть-Тимшер (Республика Коми). Бесспорную энеолитическую датировку имеют семь скульптур с поселения Юртик (Среднее Приуралье) – кабан, пушной зверек, рыба, три головы животных и астральный символ (рис. 8, 6–10; 9, 8). Памятник датируется переходным временем от неолита к раннему металлу и имеет две радиоуглеродные даты: 3975 ± 80 (ТА–938) и 3530 ± 60 (ТА–937) (Ошибкина 1980: 57). Энеолитом датируется и единственная кремневая скульптура с территории Южного Приуралья. Лунница с поселения Муллино III залегала в энеолитическом слое вместе с керамикой агидельского типа (рис. 9, 1) (Матюшин 1982а: 58–62).

Сложнее обстоит вопрос с датировкой кремневой скульптуры на территории Среднего Зауралья. Практически вся скульптура обнаружена в подъемном материале или же на смешанных памятниках. Исключений немного. В погребении эпохи энеолита (могильник Бузан 3, Западная Сибирь) вместе со скульптурным изображением головы птицы находился каменный наконечник стрелы с боковой выемкой. По керамике, найденной на междоумогильном пространстве, могильник можно отнести к шапкульской культуре. В недавно исследованном Н. М. Чаиркиной энеолитическом погребении на Шигирском торфянике найдены два скульптурных изображения рыб. Также в энеолитическом слое залегали три скульптуры на поселении Шувакиш I.

Довольно уверенно можно определить хронологическую принадлежность еще нескольких кремневых скульптур. На разрушенной стоянке Юрьино VII, откуда происходят две скульптуры – полиэikonическая и утки (рис. 7, 4; 8, 3), собрано около тысячи находок. Типологически они четко делятся на два комплекса – эпохи мезолита и энеолита. Энеолитический комплекс представлен керамикой липчинского типа, наконечниками стрел, скребками, ножами, шлифованными рубящими орудиями. Учитывая минеральное сырье и технику обработки фигурок, их можно с большой долей вероятности отнести к эпохе энеолита. Положительно решается вопрос и с датировкой самой крупной серии кремневой скульптуры, выявленной на озерном культовом центре Шайтанское озеро I (рис. 5, 5–6, 9–10, 13; 6, 2, 13, 16; 8, 2, 13; 9, 9–12). На памятнике представлены материалы от мезолита до средневековья. Но 88 % всех находок относятся к аятской культуре эпохи энеолита. Именно в комплексе с аятской керамикой и встречена кремневая скульптура.

Остальные скульптуры происходят как из сборов с полностью разрушенных памятников (Юрьино IV, Аятское правобережное, Мыс Крутяк, Таватуй VI, Шигирский Исток III), так и с раскопок многослойных (смешанных) памятников (I Береговая Горбуновского торфяника, Полуденка II,

Камень Дыроватый, Палкино, Шувакиш I) (рис. 6, 3, 9, 11–12, 14–15; 7, 2–3, 5–6, 8–9; 8, 1, 3, 4–5, 14; 9, 3–7). Но специфика уральских береговых памятников состоит в том, что в слое суглинка мощностью 30–40 см содержатся культурные остатки всех археологических эпох от мезолита до средневековья. И если керамику можно разделить по орнаменту, то расчленить хронологически типы каменных изделий довольно затруднительно. Безошибочность выделения в этом случае гарантировать невозможно. Поэтому скульптура с вышеуказанных памятников к энеолиту отнесена условно.

В последнее время стали известны кремневые скульптуры, которые можно датировать бронзовым веком. В Северном Приуралье фигурка рыбки из темно-серого кремня найдена на поселении Шомвуква II в одном из жилищ эпохи бронзы. Ее длина 2 см, с двух сторон она тщательно обработана плоской ретушью (Семенов, Несанелене 1997: 65; рис. 45, 20). Также бронзовым веком датируется кремневое изображение головы лосихи со стоянки Подты I. На одном из распаханных памятников Шигирского торфяника – Шигирском Истоке III – среди нескольких тысяч находок абсолютно преобладают материалы черкаскульской культуры развитого бронзового века. Материалы других эпох, в том числе и энеолита, представлены единичными находками. На стоянке найдено две кремневые скульптуры – фигурка ежа и круг (рис. 7, 6; 9, 7). Изготовлены они соответственно из углистого сланца и халцедона. Эти виды минерального сырья широко использовались как в эпоху энеолита, так и в бронзовом веке. Но эпоха бронзы на памятнике представлена несколькими тысячами находок, а энеолит – всего двумя десятками изделий. Учитывая единичные находки кремневых скульптур на памятниках бронзового века (рыбковидный наколечник с поселения Ташково II и зооморфное изображение с городища Усть-Утяк 1), данные изделия также можно отнести к бронзовому веку. Последняя находка кремневой полиэйконической скульптуры в составе клада в совместном залегании с бронзовыми изделиями (Шайтанское озеро II) усиливает данное предположение.

Сравнение с другими территориями распространения кремневой скульптуры показывает следующую картину. В Европейской части России после публикации работы С. Н. Замятнина считалось, что вся кремневая скульптура относится к пережиточному (позднему) неолиту и энеолиту (Замятнин 1948: 122). Со временем некоторые культуры позднего неолита (в частности, волосовская) были передатированы и отнесены к энеолиту. Вместе с ними эпохой энеолита стала датироваться и кремневая скульптура. Однако в последнее время кремневые скульптуры обнаружены в материалах целого ряда неолитических культур – мстинской, карельской, каргопольской. Причем обнаружены фигурные изделия как на поселениях, так и в могильниках (Иловец, Репище, Кончанское, Сухое, Тенишевский и др.) (Археология СССР. Неолит... 1996: 197, 215, 226).

Еще более древний возраст имеют фигурные кремни Дальнего Востока. На Чукотке кремневые изображения мамонта и рыб известны уже с конца верхнего палеолита. В памятниках реликтового палеолита и мезолита

кремневых скульптур выявлено еще больше (мамонт, медведь, бизон) (Кирьяк (Дикова) 2000: 15–17). На территории Приморья и Приамурья кремневая скульптура достаточно широко представлена в мезолитических комплексах (Бродянский и др. 1998: 5–12).

Своеобразие скульптуры Урала. Сравнение кремневой скульптуры Урала с материалами других территорий и, прежде всего, Европейской части России позволяет прийти к интересным выводам.

Образы, представленные в кремневой скульптуре Урала, практически не различаются с материалами других территорий. Как и в Европейской России, на Урале присутствуют изображения человека, птицы, медведя, лося, рыбы и символов. Именно эти образы преобладают на территории распространения кремневой скульптуры. Широкое распространение этих образов, по-видимому, связано с одинаковым хозяйством и мифологией населения лесной зоны. Отличия касаются только отдельных деталей. Например, на Северо-Западе страны присутствуют скульптурные изображения тюленей и нерп, которых в силу понятных причин нет на Урале. На Севере Дальнего Востока к таким изображением можно отнести скульптуры дельфина, нерпы и евражки. Можно предполагать, что появление этих образов связано со спецификой местного хозяйства и мифологии. На территории Урала к местным образам можно отнести скульптурные изображения ежа, горностая и кабана.

Своеобразием кремневой пластики Урала является заметное количество (около 40 экз.) скульптурных изображений голов животных, в то время как в Европейской России преобладают изображения полных фигур. До недавнего времени преобладало мнение, что живые существа в кремне фрагментарно не изображались (Недомолкина 2000: 229). И это вполне закономерно. Преобладание выразительных и тщательно изготовленных полных фигур животных чисто психологически не давало возможности различить в невыразительном изделии кремневую скульптуру, изображающую голову животного. Если же и определяли голову животного, то она обычно считалась отломанной частью полной фигуры.

Между тем, почтительное отношение к голове животного как вместилищу жизненной силы и разума, повсеместно распространенное в мифологии и этнографии северных народов, хорошо фиксируется и в археологическом материале. Широко известны Г-образные изображения голов лося, фигурные молоты с изображением голов лося, медведя и других животных, а также изображения голов животных на сосудах, ковшах, веслах и т. п. Тем не менее, находки скульптурных изображений голов животных становятся известными и в районах, где ранее их не находили, например, бассейн р. Сухоны (Недомолкина 2000: 229–230). Нет сомнений, что детальное и целенаправленное изучение каменного инвентаря приведет к выделению скульптурных изображений голов животных и на других территориях. Пока же изображения голов животных являются своеобразной чертой кремневой скульптуры Урала.

Такой же своеобразной чертой является и техника изготовления кремневых скульптур. Если в Европейской России подавляющее число кремневых скульптур выполнены путем сплошного ретуширования с двух сторон, то на Урале около 40 % скульптур оформлены краевой ретушью по периметру. В этом плане скульптура Урала очень близка изображениям Севера Дальнего Востока, где процент краевой обработки фигурок еще выше. Способ частичного ретуширования скульптуры с подчеркиванием характерных черт изображаемого животного, видимо, также можно отнести к своеобразию скульптуры Урала, хотя он встречается на других территориях (Недомолкина 2000: рис. 2, 3, 6; 4, 7, 10; 6, 1, 6, 8.).

Возможно, специфической чертой уральской кремневой скульптуры являются и так называемые «подсказывающие» сколы. Фигурка птицы с Юрьинского озера изготовлена на изогнутом тонком отщепе. На спинке отщепа сохранился негатив скола, по форме напоминающий крыло птицы (рис. 6, 1). Мастеру осталось к крылу «приделать» фигурку птицы, что он и выполнил, обработав отщеп по периметру краевой ретушью. Подобный скол, изображающий крыло птицы, присутствует и на скульптуре птицы с Аятского озера. На отщепе с мезолитического поселения Уральские Зори V на одном из его краев присутствуют ровные негативы выломов, которые придали ему сходство с головой медведя (рис. 7, 1). Незначительная доработка превратила отщеп в кремневую скульптуру. Такие примеры можно продолжить.

Нельзя исключать и естественные кремневые скульптуры. В святилище, расположенном в Кумышанской пещере, найден изогнутый осколок кремнистого сланца, по форме напоминающий утку. Он имеет плоское основание, и его можно поставить как сидящую утку (рис. 8, 1). В энеолитическом культовом центре на Шайтанском озере найден отщеп халцедона коричневого цвета, который очень походит на голову медведя. Никаких следов обработки на нем нет, но зато присутствует выступающий залом, по форме напоминающий ухо животного, а также сквозное отверстие, расположенное как раз на месте глаза (рис. 8, 2). На соседнем памятнике Шайтанское озеро II подобное изделие (рис. 10, 1) найдено в составе клада, в котором находились бронзовые кельт и нож и каменные скребок и отщеп. Если бы данные предметы были обнаружены не в культовых комплексах, ими можно было бы и пренебречь. Но тот факт, что они найдены в культовых комплексах и явно связаны с какими-то ритуалами, заставляет обратить на них внимание.

Несомненно, своеобразием уральской скульптуры является наличие в ее комплексах полиэikonических фигурных изображений (Юрьино VII, Шайтанское озеро II, Усть-Тимшер, Палатки I, Мурино I).

Особенностью кремневой скульптуры Урала можно считать и ее цветовое оформление. В отличие от других территорий, где имелись источники каменного сырья, и для изготовления фигурок часто использовался однотонный кремнь, на Урале использовали разнообразное сырье, как по структуре, так и по цвету – кремнь, кремнистый сланец, яшма, халцедон,

алевротуф, молочный кварц, углистый сланец. Это разнообразие минерального сырья помогало древнему мастеру для оформления скульптуры использовать цвет материала. Особенно четко это видно на примере фигурки уточки (Юрьино VII), птички (Мурино I) и лунницы (Полуденка II), выполненных из белого кварца, а также скульптуры лося из полосчатого халцедона (Камень Дыроватый). В некоторых случаях производилось окрашивание скульптуры охрой (лунница – Вис I). Судя по всему, цвет являлся усилителем сакральной функции фигурки. Использование цвета сырья для подчеркивания особого знакового смысла каменной скульптуры отмечается и на Дальнем Востоке (Кирыяк (Дикова 2000: 85, 130).

Таким образом, определяя своеобразие кремневой скульптуры Урала, можно констатировать, что в целом она практически ничем не отличается от кремневой пластики других территорий. Но, тем не менее, обладает целым рядом специфических черт, среди которых нужно отметить: широкий хронологический диапазон от палеолита до бронзы, заметный процент изображений голов животных, почти равное сочетание в оформлении скульптур плоской и краевой ретуши, использование так называемых «подсказывающих сколов» и естественных скульптур, наличие в комплексах полиэikonических фигурных изображений, а также цветовое оформление кремневых фигурок.

Следует отметить, что скульптура с западного склона Урала по образам, технике изготовления и минеральному сырью тяготеет к кремневой пластике Европейской части России. Из семи полных фигур животных четыре найдены в Приуралье. Краевая ретушь на западном склоне использовалась в единичных случаях. Даже головы животных обработаны плоской ретушью. Также на западе не использовались «подсказывающие сколы» и естественная скульптура, отсутствуют и полиэikonические изображения. Из 31 известных на западном склоне кремневых скульптур только 11 найдены на озерных памятниках, тогда как на территории Среднего Зауралья практически все фигурные кремни (64 из 67) происходят с берегов озер. Неозерными памятниками являются уникальное пещерное святилище на Камне Дыроватом (р. Чусовая), стоянка Мурино I на р. Леба и местонахождение Рычкова на р. Сосьва.

Скульптура восточного склона Урала по этим же параметрам ближе к кремневым изображениям Севера Дальнего Востока. Это сходство выражается в присутствии скульптурных изображений голов, частом применении краевой ретуши для оформления скульптур, использовании частично ретуширования фигурок и наличии полиэikonических изображений. Однако слишком большая отдаленность зауральских памятников от Дальнего Востока не позволяет предполагать какое-то культурное взаимодействие между этими регионами. Скорее всего, можно говорить, как и предполагал в свое время С. Н. Замятнин, о стадийном развитии древних обществ (Замятнин 1948: 122). Возможно, при дальнейших исследованиях мелкой кремневой пластики район Среднего Зауралья и примыкающая к

нему территория Западной Сибири будут выделены в самостоятельный регион распространения своеобразной кремневой скульптуры.

Происхождение кремневой скульптуры. Памятники мобильного искусства известны с верхнего палеолита. Палеолитические скульптуры изготавливались из камня, бивня, кости, рога и даже глины. Они охватывали все сферы духовной жизни древнего человека. В чем же причина появления еще одного вида мобильного искусства, в котором для изготовления скульптуры использовалась совсем другая техника – скола и ретуши? Ответа на этот вопрос нет. Никто из исследователей даже не ставил вопрос о причинах возникновения того или иного вида искусства. Обычно решались общие проблемы возникновения искусства, а не отдельных его видов.

И, тем не менее, кремневая скульптура появилась. На Дальнем Востоке и на Урале в верхнем палеолите, в Европейской России в неолите.

Анализируя древние сколы на стенах Игнatieвской пещеры с палеолитической (?) живописью, В. Т. Петрин пришел к выводу о существовании со времен верхнего палеолита особого культа камня, связанного с его расщеплением. Для подтверждения предположения о ритуальном раскалывании кремня он рассматривает «клады» с ритуальным захоронением каменных изделий, хрустальный комплекс изделий со святилища на оз. Большие Аллаки, скопление кварцитовых отщепов на стоянке Черноозерье II и т. п. (Петрин 1992: 79–84). По мнению В. Т. Петрина, известная статья С. Н. Замятнина о кремневой скульптуре также указывает на особую роль камня (Петрин 1992: 84).

М. А. Кирьяк, основываясь на свидетельствах этнографии, считает, что созданию каменной скульптуры предшествовала фетишизация естественных природных объектов: горных массивов, скал, валунов, каменных отдельностей. Отталкиваясь от гипотезы «натурального макета» А. Д. Столяра (Столяр 1985: 180–210), она полагает, что древний мастер, не удовлетворяясь предметом в его естественном виде, выступал в качестве скульптора, слегка подправляя и «очеловечивая» этот естественный объект (Кирьяк (Дикова) 2000: 122). Следует подчеркнуть, что древний человек часто в своей культовой практике использовал природные формы, т. е. камни, валуны, окаменелости, кристаллы, кости животных без обработки или с минимальной подработкой (Сериков 2006).

В своих исследованиях автор неоднократно сталкивался со своеобразными «подсказками природы». Иллюстрациями этого могут служить «подсказывающие» сколы на упомянутых выше находках с мезолитического поселения Уральские Зори V (рис. 7, 1), энеолитических памятников Юрьино IV (рис. 6, 1), Аятское Правобережное (рис. 6, 5). Сюда же можно добавить и естественные кремневые скульптуры из Кумышанской пещеры (рис. 8, 1), Шайтанского озера I (рис. 8, 2) и Шайтанского озера II (рис. 10, 1). Тот факт, что все эти изделия найдены на культовых памятниках, позволяет предполагать намеренное использование в ритуалах подобных предметов.

Подобные «подсказывающие» формы или сколы известны и на других территориях. Достаточно просмотреть иллюстрации опубликованных кремневых скульптур в различных работах (Уткин, Костылева 1996: рис. 2, 53; 3, 15, 41, 80–81; Недомолкина 2000: рис. 2, 6; 3, 6; 4, 7; Бродянский и др. 1998: рис. 2, 3–7; Кирьяк 1998: рис. 1, 2–4, 6; 2, 1; Кирьяк (Дикова) 2003: рис. 18, 1; 23, 1; 27, а, б; 28, 1–2, 4–5; 31, 1–3). Интересна в этом отношении работа И. Н. Черных о кремневой пластике со стоянки Синяя гора 1. Помимо собственно кремневых скульптур он выделяет еще три группы фигурных кремней, отнесение которых к скульптурам, по его мнению, довольно сомнительно (Черных 1996: 279; рис. 1; 2; 3). Среди этих фигурок на некоторых присутствуют «подсказывающие» сколы (Черных 1996: рис. 1, 1–2, 4–5; 2, 1). В данном случае важно то, что исследователь среди нескольких десятков тысяч каменных изделий сумел разглядеть полсотни артефактов, которые, возможно, связаны не с производственной, а с изобразительной деятельностью первобытного человека. Если учесть значительное (23 экз.) для одного памятника количество кремневых скульптурок, их локализацию в пределах западины в раскопе 1970 г., а также островную топографию поселения, то вполне правомерно можно говорить об определенном культовом использовании какой-то части «псевдофигурок» (Черных 1996: 272). К сожалению, такой подход к изучению кремневого инвентаря встречается очень редко.

Критика гипотезы «простого этапа» и мнимого могущества подсказок природы ярко проведена в монографии А. Д. Столяра, в которой он анализирует коллекции «первоскульптуры» Буше де Перта и других французских (А. Тюльен, А. Бертин, И. Дарвен) и германских (В. Матесс) археологов. Здесь же А. Д. Столяр приводит исчерпывающее мнение Ж. Дешелета, который в своем обобщающем труде едко подчеркнул, что «фигурные камни» имеют к археологии не большее значение, чем облака на небе, принимающие расплывчатые зооморфные или антропоморфные профили». Для установления связи фигурного камня с предполагаемой деятельностью первобытного человека А. Д. Столяром были определены три условия: 1) наличие следов преднамеренной обработки; 2) наличие признаков, свидетельствующих о специальном подборе, который не могла выполнить природа; 3) нахождение в культурном слое. По мнению А. Д. Столяра, если фигурный камень отвечает хотя бы одному из вышеприведенных условий, его можно связывать с целенаправленной деятельностью первобытного человека (Столяр 1985: 69–79). Наши указанные выше находки («утка» с Кумышанской пещеры, «голова медведя» и полиэikonическая скульптура с Шайтанского озера) отвечают двум из этих требований – второму и третьему.

Однако это несколько не означает, что происхождение кремневой скульптуры связано с «очеловечиванием» природных форм. Использование естественных форм в искусстве получило применение только после того, как человек уже самостоятельно выполнил первые акты творчества (Столяр 1985: 72). Применение в искусстве природных форм и «подсказы-

вающих» сколов существовало в различные хронологические периоды. Оно является свидетельством того, как художественные усилия человека сплавились с работой природы и одухотворили ее (Столяр 1985: 79).

Еще С. Н. Замятнин подчеркивал, что было бы «упрощением объяснять возникновение кремневых скульптурок только мастерством в обработке кремня», достигнутым в эпоху энеолита. По его мнению, кремнь в эту эпоху уже начал терять свою исключительную роль для изготовления орудий. Появляются новые способы обработки камня, в производственный оборот вводятся новые породы камня, наконец, в это время начинают использоваться медные орудия труда. В этих условиях значимая роль кремня сохраняется только в культе. Поэтому появление кремневых скульптурок — «это время появления и развития культа камня в различных его проявлениях» (Замятнин 1948: 112–113).

Истинные причины появления кремневой скульптуры в ее классическом и «псевдофигурном» вариантах следует искать, по всей видимости, в неразгаданном до сих пор особом ритуале, связанном с расщеплением кремня.

Семантика. Анализ образов, представленных в кремневой скульптуре, показывает их несомненную связь с мировым деревом. Наиболее часто встречаются изображения птиц, рыб, медведей и лосей. Все эти животные соотносятся с разными мирами мирового дерева. Наличие полиэikonической скульптуры, в разных положениях изображающей медведя, лося и бобра, косвенным образом подтверждает это предположение.

Этнографические материалы показывают, что антропоморфные скульптуры являлись частью шаманского костюма и изображали духов-предков, духов-покровителей или духов-помощников шамана (Алексеев 1967: 185; Василевич 1969: 255). Они же показывают многоаспектность антропоморфных изображений, которые изготавливались, как правило, в контексте идеологических воззрений и культово-обрядовых канонов (Кирияк (Дикова) 2000: 125–128). А. В. Уткин и Е. Л. Костылева, анализируя антропоморфные кремневые скульптуры волосовской культуры, выделяют четыре типа изображений. По их мнению, все «эти группы изображений отражают четыре устойчивых персонажа волосовской мифологии, в основе которой лежат образы медведя и человека. Они тесно связаны с тотемическими представлениями волосовцев и развившимся на их основе культом предков». Скульптурки мифологических существ, в частности, авторы трактуют как изображения служителей культа, хранителей и толкователей мифов (Уткин, Костылева 1996: 264–265).

Изображения медведя и его частей (головы, шкуры) широко использовались в шаманской практике, о чем свидетельствуют не только этнографические источники Севера Евразии, но и Северной Америки. Медведь часто почитался как дух-покровитель шамана. «В мире умерших вход охраняет богатырский медведь. Он не выпускает оттуда злых лозов, не дает им преследовать шамана после его выхода из покойницкой земли» (Прокофьева 1949: 369).

В мифологии северных народов рыба часто соотносится с существами нижнего мира, возможно, поэтому изображения рыб наиболее часто встречаются среди шаманских атрибутов.

Во многих традициях образ птицы (обычно специфичный для данной местности) связывали с представлениями о душе (Чернецов 1959: 117–143). Птица также являлась помощником шамана при его перемещениях по мирам. Если дерево связывает все три мира, то птица является посредником между ними (Сагалаев 1990: 33).

Солярные и лунарные изображения широко известны в качестве подвесок на шаманском костюме.

Часть кремневых фигурок имеют большое сходство с наконечниками стрел – это антропоморфные изображения (мифологические существа), птицы в полете, рыбы, деревья или змеи. Возможно, они действительно являлись наконечниками стрел своеобразных очертаний, а мы ошибочно принимаем их за кремневые скульптуры. Но поскольку каменные наконечники стрел обладали разноплановым полисемантическим наполнением (Семенов В. А. 1993), то можно предположить, что данные типы наконечников кроме своего обычного (поражающего) назначения имели и особый сакральный смысл. Именно поэтому их допустимо рассматривать в качестве специфических кремневых скульптур, сакральное значение которых зависело от места и условий залегания (Сериков 2011в: 79–89). С. Н. Замятнин считал, что такие скульптуры являлись обрядовыми наконечниками стрел, служившими для умерщвления жертвенных животных (Замятнин 1948: 122). Наконечник стрелы в виде летящей птицы, возможно, был предназначен помочь шаману достичь верхнего мира. А наконечник в виде рыбки помогал душе умершего попасть в нижний мир. Кроме того, все они являлись своеобразными оберегами как умерших, так и живущих.

Некоторые скульптуры можно рассматривать как полиэikonические изображения. В настоящее время к таким изображениям относятся весьма скептически, однако такое же отношение раньше было и к кремневой скульптуре вообще.

По всей видимости, особое сакральное значение имел и цвет материала, из которого изготавливались скульптуры. Есть данные, которые позволяют предполагать, что цвет являлся усилителем сакральной функции предмета (Кирьяк (Дикова) 2000: 85).

В целом функциональное и сакральное назначение кремневой скульптуры можно было бы объяснять через атрибуты шаманского костюма. Кремневые фигурки могли олицетворять тех или иных шаманских духов, помощников, покровителей, предков. Однако анализ местонахождений кремневой скульптуры показывает, что фигурки обнаруживались в могилах, в межмогильном пространстве, в ямах, жилищах, на культовых площадках, святилищах и даже на территории обычных поселений. Все эти находки свидетельствуют, что кремневая скульптура часто использовалась в каких-то ритуалах и вне контекста шаманского костюма. Следовательно,

их семантическое назначение было гораздо более глубоким и разнообразным, чем мы можем представить в настоящее время.

Необходимо упомянуть еще некоторые аспекты, по всей видимости, также связанные с семантикой кремневой скульптуры. На территории Среднего Зауралья кремневая скульптура обнаружена на 19 памятниках. Восемнадцать из них расположены на озерах. В работе С. Н. Замятнина из 30 памятников, на которых встречены кремневые фигурки, по крайней мере, 14 расположены на озерах (к сожалению, автор не всегда указывает привязку к какому-нибудь водоему). Новые находки скульптурных изображений подтверждают это своеобразие. Второй аспект заключается в том, что многие памятники, на которых встречена кремневая скульптура, при детальном рассмотрении нельзя относить к обычным поселениям. На поселении Муллино (оз. Кылы) кремневая скульптура только одна – лунница. Но там же найдены многочисленные перламутровые бусы, подвески из кости, камня, раковин и зубов животных, штампы, «утюжок». Большой интерес представляют выточенное из камня лицо человека, изображение бобра из куска песчаника, а также фигурки сов из окаменевших раковин брахиопод с вставными глазами из перламутра.

Кроме этого на памятнике найдено два безинвентарных расчлененных захоронения и погребение бобра с сосудом неолитического облика (Матюшин 1982: 197–211). В центре Юрьинского поселения (Юрьинское оз.) (где был найден рыбковидный наконечник) располагается необычное культовое сооружение – Кокшаровский холм. На нем обнаружено 57 фрагментов с зооморфными налечами в виде голов животных от 49 сосудов, 5 керамических «утюжков», каменный фигурный молот в виде головы бобра, глиняная головка птицы, зооморфные гальки и др. (Шорин 2001: 162–169). Очень представительный культовый комплекс выявлен на Шайтанском озере I. Кроме 24 фигурных кремней на памятнике найдены скульптурки утки, лося и рыбки, выточенные из фрагментов керамических сосудов, антропоморфная фигурка из камня, каменное изображение фаллоса, около сотни подвесок и нашивок из камня, кости из глины, диски из камня и керамики, зооморфные гальки.

Большой интерес представляют два сосуда, украшенные графическими изображениями уток, сосуд с наклепленными на венчик мордами медведя, керамический ковшик с рукояткой в виде головы медведя, семь богато орнаментированных «утюжков», один из которых служил еще и литейной формой. Также на памятнике найдено богатое погребение «шамана» и клад каменных изделий (Сериков 2013б: 24–31). Памятники с необычно большим количеством культовых находок известны на озерах разных регионов. Не вдаваясь в подробности, хочу отметить наличие аналогичных памятников на озере Лача (Фосс 1940: 31–64), Иловец (Урбан 1997: 110–113), Сахтыш (Уткин, Костылева 2001: 227–231) и др. Подобные памятники автор считает своеобразными культовыми озерными центрами, на которых проводились особые ритуалы и обряды (Сериков 1998: 168–171; 1999: 39–40; 2007в: 61–65).

Появление таких культовых центров на берегах озер, на взгляд автора, не является случайностью. Все они расположены в прибрежной зоне, иногда на береговом валу озера. Прибрежная зона является своеобразной символической границей между водой и землей. Двойственность пограничной полосы состоит в том, что она могла разграничивать миры, но могла и соединять их. Именно на границе между двумя мирами (между землей и водой) и совершались различные культовые обряды и церемонии. В зависимости от конкретных условий эти обряды могли то открывать вход в иной мир, то служить барьером, защитой от влияний чужого мира. Семантика культовых находок на берегу озера не противоречит данному предположению. В этом же контексте позволительно рассматривать и семантику собственно кремневой скульптуры. Необходимо подчеркнуть, что расшифровать семантику различных культовых предметов (не только кремневой скульптуры) возможно только с пониманием характера конкретной ситуации, конкретного обряда, конкретного памятника.

Первобытный коллектив через ритуалы и обряды стремился установить символический контакт с иным миром. В качестве агентов коллектива в ином мире выступали шаманы. Именно они при помощи своих духов регулировали взаимодействие с иным миром в пространстве поселения, святилища, погребения. Возможно, находки кремневой скульптуры в разных точках сакрального пространства и маркируют это взаимодействие.

Таким образом, изучив материалы уральских памятников, можно констатировать выделение еще одного региона распространения кремневой скульптуры. Уральская скульптура полностью соответствует скульптуре Северо-Запада, Центра и Дальнего Востока по образам, технике изготовления и хронологии. Новые находки на Урале и в Средней Азии (Ошибкина 2000: 233–235) подтверждают точку зрения С. Н. Замятина о том, что наличие или отсутствие кремневых фигурок зависит лишь от степени изученности той или иной территории (Замятин 1948: 99). Датируются уральские скульптуры в широком хронологическом диапазоне от палеолита до бронзы. Но основная масса фигурок относится к эпохе энеолита. Для изготовления кремневой скульптуры применялись и краевая, и двусторонняя плоская виды ретуши. Плоская ретушь характерна для оформления нео-энеолитических скульптур. В донеолитическое время использовалась только краевая ретушь. При таком оформлении фигур сложности и сомнения в выделении донеолитических скульптур всегда будут сохраняться. Полные фигуры животных изображались редко, чаще практиковалось изображение только голов. Скульптура западного склона Урала тяготеет к центральным районам Европейской части России. Восточный склон Урала со временем, возможно, будет выделен в самостоятельный центр распространения оригинальной уральской скульптуры. Расшифровка семантики кремневой скульптуры (как и других видов первобытного искусства) неразрывно связана с выяснением сакрального назначения культового ландшафта памятника, на котором она обнаружена.

1.1.3. Галечная скульптура

Галька – это окатанные водой обломки горных пород диаметром до 10 см. Встречается она в виде открытых залеганий (галечников) по берегам рек, озер и морей. В залеганиях присутствует галька разных размеров, форм, пород и цветов. В силу своей доступности именно галька была первым материалом, который стал использоваться древним человеком. Древнейшие орудия (чопперы, чоппинги, рубила), изготовленные около 2 млн. лет назад, выполнены именно из галек.

В галечниках Урала представлены все основные виды минерального сырья, которое использовалось человеком в древности. Это, прежде всего, кварциты, кварцитопесчаники, алевротуфы, туфопорфиры, кремнистые сланцы, яшмы. Немного реже встречаются халцедоны и кремни. Еще реже – хрустали, сердолики, агаты, гематиты и другие «экзотические» минералы.

На протяжении всех археологических эпох гальки не только служили исходным материалом для изготовления орудий, но и сами использовались в качестве разнообразных орудий: отбойников, ретушеров, наковален, пестиков, терочников, молотов, рыболовных грузил, якорей, метательных снарядов для пращи, кресал, огнив, подпятников, шпателей (Сериков 2005а: 42–57).

Кроме этого известны случаи находок галек в различных культовых объектах и памятниках. Причем обнаружены они в таких конкретных ситуациях, которые неоспоримо свидетельствуют не только об использовании галек в обрядах и ритуалах, но и о том, что галькам придавался какой-то особый смысл, и они являлись определенными символами в культовой деятельности древнего человека.

В некоторых случаях гальки использовались в качестве украшений (подвесок). Фигурные или геометрические гравировки превращали гальки в своеобразные произведения искусства.

Однако существует еще один малоизученный аспект использования галек в первобытном искусстве. Работая с галькой, человек неоднократно различал и узнавал в ней объекты из реальной действительности, в том числе и образы животных.

Первые находки фигурных галек стали известны около 40 лет назад. В 1977 г. при исследовании энеолитической стоянки-мастерской Боровка III (Среднее Зауралье) в одном из очагов автором была найдена галька антропоморфной формы. Она изображает фигурку с прижатыми к телу руками и нерасчлененными ногами (фото 10, 2). Голова с выступающим вперед лицом показана естественными неровностями гальки (рис. 12, 1). Учитывая место находки, а также тот факт, что подобного галечного сырья на памятнике больше не обнаружено, автор высказал предположение о возможности использования такой необычной гальки в качестве естественной антропоморфной скульптуры. Годом позже Е. П. Казаков опубликовал гальку в виде головы лося, обнаруженную в Русско-Шуганском погребении

(Республика Татарстан) (Казаков 1978: рис. 2). В 1984 г. была опубликована массивная продолговатая галька длиной 22,5 см, найденная в районе г. Канска (Красноярский край). В галечной скульптуре, которую считают навершием жезла, автор публикации увидел голову хищника (Гришин 1984: 230–231).

В настоящее время автору известно около сотни галечных скульптур. Происходят они в основном с территории Среднего Зауралья, но это только потому, что на других территориях Урала они просто еще не выявлены. До недавнего времени самые ранние находки зооморфных галек относили к эпохе мезолита. Единственная фигурная галька, которую можно было бы связать с палеолитическим временем, найдена в Кумышанской пещере (р. Чусовая). Она имеет длину 5,5 см и ширину 3,2 см. Своими очертаниями галька напоминает фигуру мамонта (фото 10, 1). Двумя сколами выделена массивная голова и ноги (рис. 12, 2). Очень похожая скульптура, изображающая мамонта и также выполненная из гальки, найдена М. А. Кирьяк (Диковой) на раскопках палеолитической стоянки Большой Эльгахчан I на Магадане (рис. 12, 3) (Кирьяк (Дикова) 2003: рис. 32, 1).

Поскольку слой в пещере нарушен «вынырком», говорить о ее палеолитическом возрасте можно было только предположительно. Но совсем недавно В. Г. Котовым опубликованы зооморфные гальки, найденные в слоях эпохи палеолита, со стоянки Сергеевка 1 (Башкортостан) и с Каповой пещеры. Галька с Сергеевки (памятник датируется 18 тыс. лет) имеет размеры $6 \times 5,5 \times 2$ см. Одна сторона у нее плоская, а на второй присутствуют естественные выпуклости, которые и придают гальке очертания головы животного. Выпуклость, обозначающая глаз животного, дополнительно подработана для обозначения зрачка (рис. 20, 2). Важно отметить, что поверхность гальки с двух сторон сохранила следы окрашивания красно-бордовой охрой (Котов 2012: 181). Галька с Каповой пещеры менее выразительна. Она имеет причудливую форму, и в зависимости от положения гальки в ней, по мнению В. Г. Котова, можно увидеть и изображение человека, и фигуру животного (скорее всего, мамонта) (Котов 2012: 182; рис. 1, б). Если это так, то перед нами полиэikonическая скульптура, широко распространенная в эпоху палеолита на территории Восточной Европы (Демещенко 1999: 96–109).

Из мезолитических галечных скульптур наибольший интерес представляет галька с гравированным изображением головы лося со стоянки Горная Талица (Мельничук, Павлов 1987: 15; рис. 6). Своей формой она очень похожа на голову лося. Древний человек выбрал гальку, в очертаниях которой присутствуют характерные черты животного: горбатый нос, отвисшая нижняя губа и подчелюстная выемка. Интересно отметить, что и галька, и гравированное изображение имеют характерный для головы лося изгиб. Причем, изгиб гравированного изображения находится в перевернутом на 180° положении по отношению к изгибу гальки (рис. 11, 1).

Еще одна галечная скульптура обнаружена в коллекции мезолитической стоянки Андреевка III (Челябинская обл.). Это слегка изогнутая вы-

тянутая галька длиной около 15,5 см. Один конец гальки имеет очертания, напоминающие голову медведя (рис. 11, 2) (Беспрозванный, Мосин 1996: 30). Начиная с эпохи неолита, зооморфные гальки обнаруживаются исключительно на озерных памятниках, в пещерных святилищах и других культовых комплексах. На Юрьинском озере (Среднее Зауралье) на культовом памятнике Кокшаровский холм найдено несколько галечных скульптур, изображающих головы животных. На Полуденском торфянике на стоянке Полуденка I (окрестности Нижнего Тагила) выявлены две галечные скульптуры, изображающие головы лосей. Обнаружены они при просмотре коллекций из раскопок О. Н. Бадера 1944–1945 гг. Еще на одном озерном памятнике уже на западном склоне Урала – Чашкинское Озеро IV – Е. Л. Лычагиной найдена галька в виде головы лося. Сколами целенаправленно подчеркнуты глаз и разрез рта животного (рис. 11, 3). Также к неолиту относится упомянутый выше кремневый желвак в виде головы лося, залежавший в Русско-Шуганском погребении. Серия из четырех зооморфных галек обнаружена на культовом озерном центре эпохи энеолита Шайтанское озеро I (Среднее Зауралье). Одна галька представляет голову животного и переднюю часть тела. Причем естественные выемки подчеркивают переходы от тыльной части головы к холке животного и от подчелюстной выемки к тулову (рис. 12, 4). От второй гальки отколота лишняя часть, что придало ей сходство с головой змеи (?) (рис. 12, 6) (Серигов 2013б: 51).

Большая часть галечных скульптур происходит из средневековых комплексов пещерных святилищ р. Чусовой. Наибольшее количество зооморфных галек зафиксировано в пещере Туристов и в Кумышанской пещере. Всего в пещере Туристов найдено 452 целых и расколотых галек. 36 из них имеет зооморфные формы. Только рыбы представлены полными фигурами (5 экз.). Из них интересна плоская галька длиной 12 см, по форме напоминающая рыбу с выделенным хвостом.

Остальные гальки изображают головы животных. В 13 гальках можно опознать изображения голов лося, еще 13 изображают головы животных, вид которых определить затруднительно. В двух гальках можно увидеть изображения голов змей, еще в одной – голову медведя.

Последняя галька имеет достаточно крупные размеры – $11,7 \times 9,5$ см при толщине в 3 см. Выбору гальки в качестве скульптуры способствовал естественный залом, который подчеркнул глаз животного и обозначил резкий переход от носа ко лбу. Несколько сколов оформили разрез пасти (рис. 13, 3). Использование естественных неровностей поверхностей галек для подчеркивания каких-то характерных черт животного можно считать своеобразным приемом, который применялся древними людьми при выборе природных галечных скульптур. Этот прием в галечном комплексе пещеры встречен еще несколько раз. В одном случае была выбрана узкая (2,3 см) и продолговатая (11,3 см) галька. Глубокая естественная трещина обозначила разрез рта, а небольшое углубление поверхности пришлось как раз на месте глаза. В результате речная галька превратилась в скульптур-

ное изображение рыбы (рис. 14, 1). Естественная выпуклость в виде шишечки на месте глаза помогла увидеть в плоской гальке голову рыбы (рис. 15, 1). Изображение глаза естественным углублением присутствует и на небольшой гальке, изображающей лося (рис. 15, 4). Большой интерес представляет галька, вернее, валунчик весом 5,5 кг и размером $21,8 \times 16,7 \times 10,1$ см. Низ гальки плоский, верхняя часть гальки скруглена, один ее конец заужен. На зауженной части вдоль слоя породы двумя ударами образована щель длиной 3 см. Если смотреть на гальку спереди, то хорошо различается голова змеи, причем щель является разрезом ее пасти. Учитывая размеры скульптуры, она при исполнении ритуалов, по всей видимости, устанавливалась на какую-то подставку.

Еще одним приемом оформления галечной скульптуры является подчеркивание одним или несколькими сколами характерной черты животного. Чаще всего (в восьми случаях) ударом показывался разрез пасти. В этом плане интересна ровная и гладкая галька длиной 11 см, шириной 4 см и толщиной всего 0,7 см. Сходство естественной гальки с головой лося подчеркнуто сколом, обозначившим рот животного. Такой же скол присутствует и на оборотной стороне гальки, но уже в другом углу (рис. 14, 3). Это давало возможность использовать гальку в двух разных (перевернутых) положениях. Возможно, в этой скульптуре был заключен особый сакральный смысл.

Представляет интерес и галька зауженной грушевидной формы. Длина гальки 12 см. Скол в расширенной части гальки образовал приоткрытую пасть какой-то рыбы (рис. 14, 2). Еще одна галька имеет изогнутые очертания и овальное сечение. Ее длина всего 6,6 см при ширине 1,8 см. Один из узких концов гальки изображает приподнятую головку змеи. Сходство усиливается небольшим сколом, обозначившим разрез пасти (рис. 15, 6). В двух случаях сколы подчеркивают подчелюстную выемку. На одной гальке скол обозначил место глаза (рис. 15, 2). Любопытна небольшая галька с отсеченной тыльной частью. Эта галечная скульптура достаточно реалистично изображает головку лося с горбатым носом. Чтобы усилить сходство с головой лося, миниатюрным сколом снизу была подчеркнута отвисшая нижняя губа животного (рис. 15, 3).

Однако чаще всего (в десяти случаях) для усиления сходства с животным просто отсекалась тыльная часть гальки. Практически всегда таким приемом оформлялась голова животного (рис. 14, 4). И только в одном случае его использовали для получения скульптурного изображения рыбы. Для скульптуры использована плоская, узкая и тонкая галька каплевидной формы длиной 6,3 см, шириной в средней части 2,7 см и толщиной 0,7 см. Отбитая зауженная часть гальки позволила подчеркнуть хвост рыбы (рис. 15, 5).

В пещере Туристов найдены три гальки, которые интересны тем, что, возможно, представляют процесс превращения обычной гальки в зооморфную скульптуру. Одна галька без следов обработки своими очертаниями напоминает голову животного (рис. 16, 1). У второй галечной

скульптуры серией сколов подчеркнута шея (рис. 16, 2). Третья галька путем двусторонней оббивки превращена в скульптуру, также изображающую голову животного (рис. 16, 3) (Сериков 2009: 65–67).

Галечный комплекс Кумышанской пещеры содержит 376 целых и расколотых галек. Зооморфные очертания имеют 43 гальки. Только две гальки изображают полные фигуры – птицы и животного. Галька в виде птички (воробья или синицы) плоская, без каких-либо следов обработки (фото 10, 1). Ее длина 5,1 см. Естественные неровности подчеркивают очертания головы, клюва и хвоста (рис. 12, 5). Галька в виде фигуры животного (фото 10, 1) уже описана выше.

Оставшиеся галечные скульптуры представлены изображениями голов животных. Семнадцать галек изображают головы лосей. Одна из них выполнена на крупной плоской гальке размером $19,5 \times 9,6 \times 2,9$ см. От гальки отсечена ее тыльная часть. Тем не менее, естественные неровности поверхности достаточно реалистичски подчеркивают горбатый нос, отвисшую нижнюю губу и хорошо выраженную подчелюстную выемку (фото 9, 1). В скульптуре отчетливо узнается голова лося (рис. 17, 1). Обработка остальных галечных скульптур также минимальна: у всех галек отсечена тыльная часть (рис. 18, 7), в нескольких случаях сколом показан разрез рта (рис. 18, 5). Галечных скульптур, изображающих медведя, в коллекции всего две. Одна из них выполнена из крупной ($16,1 \times 7,2$ см) плоской гальки (фото 9, 2). Шея животного оформлена двусторонними сколами. Естественные неровности подчеркивают слегка вздернутый нос и выступающий глаз (рис. 17, 3). Вторая скульптура выполнена на плоской и ровной гальке размером $15,2 \times 6 \times 2,4$ см. Скульптура вполне устойчиво может стоять на ребре гальки. У нее также естественными выемками показаны глаз и вздернутый нос. От нижней части гальки отсечен небольшой кусок. Если сколотый кусок приставить к гальке, то линия скола очень реалистично передает разрез пасти. В центре скульптуры несмываемой черной краской нанесено пятно размером $4 \times 2,5$ см.

Изображения рыб в коллекции представлены двумя гальками. Одна скульптура выполнена на гальке размером $13,4 \times 4,9 \times 2$ см. От гальки отсечена тыльная часть. Глаз рыбы показан глухой сверлиной (рис. 12, 7). Зауженная вытянутая морда и высоко расположенный глаз указывают на сходство с хищной рыбой (щукой?). Вторую рыбу изображает длинная (11,9 см) и узкая (2 см) галька без следов обработки. Естественная трещинка на торце гальки передает рот рыбы, что способствует большему реализму образа.

Реалистическая скульптура змеи выполнена на длинной (12,3 см), узкой (2,7 см) и слегка изогнутой гальке. Эта изогнутость выделяет голову змеи, а также передает ее изгиб. Проступающая на гальке слоистость материала усиливает сходство со змеей (рис. 13, 1). Еще одна голова змеи выполнена на такой же длинной (12,5 см) и узкой (2,9 см) гальке. Причем глаз змеи обозначен естественной выпуклостью диаметром около 1 см (рис. 19, 1).

Остальные галечные скульптуры представлены изображениями голов животных, вид которых определить затруднительно (рис. 13, 2; 17, 2; 18, 1–4, 6, 8) (Сериков 2009: 153–154).

Следует отметить, что небольшой комплекс галечных скульптур (5 экз.) отмечен и в средневековом слое пещеры Котел. Представляют интерес две скульптуры. Одна из них выполнена на небольшой плоской гальке без следов обработки и изображает голову лося. Голова второго животного, по-видимому, медведя, изготовлена на расколоте вдоль гальке. Верхняя часть морды оформлена оббивкой, а нижняя – выломом (рис. 19, 1).

Анализируя комплекс галечных скульптур в целом, необходимо подчеркнуть несколько особенностей. Практически все зооморфные гальки плоские. Это свидетельствует о целенаправленном отборе. Все гальки можно подразделить на две группы. Одна группа представлена гальками без следов подработки, у которых узнаваемость образа достигается за счет естественных неровностей поверхности гальки. Обычно эти неровности подчеркивают характерные черты животного. Вторая группа галек имеет следы двух видов обработки. В одном случае от гальки просто отсечена лишняя часть, что придавало изображаемой фигуре большую выразительность. В другом случае незначительной подработкой подчеркивались детали образа. Чаще всего несколькими сколами обозначались шея животного, разрез рта или глаз. Но в одном случае глаз рыбы или животного был показан глухой сверлиной. Повторяемость признаков оформления и серийность находок позволяют считать зооморфные гальки артефактами.

Многие археологи продолжают скептически относиться к подобным находкам. Тем не менее после серии выступлений автора на эту тему в Твери (2001 г.), Омске и Санкт-Петербурге (2004 г.) ситуация стала меняться в лучшую сторону. Зооморфные гальки стали выделять и другие археологи Урала – В. Д. Викторова, Е. Л. Лычагина, А. Ф. Шорин и другие (Викторова и др. 2003: рис. 1). В настоящее время необходимо признать, что галечные скульптуры – это объективная реальность. Их все чаще обнаруживают не только при исследовании новых памятников, но и в музейных коллекциях, а также в старых публикациях. Участвовавшие в последнее время находки зооморфных скульптур из галек заставляют нас аргументированно оценить подобные природные скульптуры (Сериков 2004; 2006а; 2007).

Хорошо зная окружающий его мир, первобытный человек неоднократно обращал внимание на причудливые формы скал, валунов, камней, видя в них хорошо знакомых ему представителей животного мира. Очень часто это сходство закреплялось в топонимике местного населения. Среди прибрежных скал р. Чусовой встречаются такие, в названиях которых зафиксировано их сходство с определенными видами животных: Сокол, Курочка, Бычок, Ершик, Журавлик, Воробей, Конек и др. В 2007 г. в Серпиевской 2 пещере (Челябинская обл.) была обнаружена природная скульптура из массивного кальцитового натека, изображающая голову крупного кошачьего хищника (пещерного льва?) (фото 11, 2) (Широков, Петрин 2013:

96–97; фото 146–147). Интересно отметить, что скульптура покрыта гравированными расчесами, по-видимому, изображающими шерсть животного. В пещере найдены палеолитические рисунки, возможно, этим же временем следует датировать и природную скульптуру. На Шайтанском озере на святилище Шайтанский Шихан энеолитическое погребение обнаружено в щели под валуном в виде головы медведя (фото 12, 1). Под другим валуном в виде головы медведя находился раздавленный череп человека (фото 12, 2). На втором святилище озера – Шихан на просеке – центральное место занимает валун в виде головы кошачьего хищника (фото 11, 1) (Сериков 2013в: 38–40; ил. 11–13). На Палатках I на окраине памятника находился валун в виде головы лося.

Культ камней необычной формы был широко распространен на приполярном Севере и практически по всей Сибири. Во многих районах тундровой зоны Сибири почитались камни-скалы антропоморфного вида (Гурвич 1968: 230–237). В XIX в. манси обожествляли «каменного лося» или «каменного оленя», находившегося в верховьях р. Вижай. В верховьях Малого Югана есть священный камень, своей формой напоминающий голову медведя. Подобные камни известны также на Большом Югане, в верховьях Пима и Казыма (Балалаева 1999: 148–149).

У ненцев жертвенные места часто располагались возле камня какой-нибудь особенной формы, на вершине сопки, которая в разную погоду «меняет» свои очертания (Хомич 1966: 200). Использование камней зоо- или антропоморфной формы в качестве жертвенных мест известны и на других территориях: в Скандинавии, Карелии. У кольских саамов сильно развито было почитание священных камней – «сейдов», которыми часто являлись валуны зооморфных очертаний, напоминавшие белуху, тюленя, лягушку, ящерицу и др. (Мельников 1998: 61–67, 80). Если первобытный человек хорошо различал знакомые ему образы животных среди скал и валунов, то почему он не мог видеть эти же образы среди галек?

Здесь уместно напомнить, что в истории археологии в свое время при поиске истоков палеолитического искусства уже возникал вопрос об использовании первобытным человеком в качестве произведений искусства природных форм (зооморфных «фигур», «камень-фигур», «символов допотопного периода»). Имеются в виду коллекции зооморфных фигур из собраний Буше де Перта, А. Тюльена, А. Бертина, И. Дарвена, В. Маттеса и др. (Столяр 1985: 69–76). Уральские галечные скульптуры относятся к более позднему времени, в коллекциях каменного века они немногочисленны и присутствуют в основном в комплексах средневековья.

Еще 30 лет назад А. Д. Столяром были определены три признака, на основании которых можно установить связь фигурного камня с деятельностью первобытного человека (см. в очерке о кремневой скульптуре). По его мнению, если фигурный камень отвечает хотя бы одному из вышеприведенных условий, его можно связывать с целенаправленной деятельностью первобытного человека. Коллекции галечных скульптур, выявленные на уральских памятниках, соответствуют всем трем критериям. Все они за-

легали в культурном слое археологических памятников, а большая часть скульптур найдена в замкнутом пространстве пещерных святилищ. Все они плоские, что свидетельствует о специальном подборе, который не в состоянии выполнить природа. Обследование галечников Чусовой вблизи святилищ показало, что плоские гальки на них встречаются не так часто, в основном преобладают гальки круглого и овального сечения. И, наконец, некоторые из галек несут на себе неоспоримые следы обработки их древним человеком. Причем, обработка эта подчеркивает характерные черты определенных животных. Все это позволяет считать зооморфные гальки не только артефактами, но и специфическими изобразительными символами, специально подобранными или подготовленными для совершения определенных культовых действий. Их вполне можно рассматривать в качестве произведений, в которых художественные усилия человека сплелись с работой природы и одухотворили ее (Столяр 1985: 79). Факты использования природных форм в виде предметов художественной и обрядовой практики в археологии достаточно широко известны (Калинина 1998: 11–12).

Необходимо подчеркнуть еще одну деталь, характерную для комплекса зооморфных галек. Выше уже упоминалось, что практически все гальки изображают головы животных. Это очень важная черта галечных культовых комплексов, поскольку она полностью соответствует особенностям культовой практики древнего населения Урала. Последние исследования показывают, что на Урале вырисовывается своеобразный «культ голов», который существовал, видимо, во все археологические эпохи, начиная с верхнего палеолита и кончая средневековьем (Серигов 2007б).

Среди образов, воплощенных в галечной скульптуре, основное место принадлежит лосю – около 40 %. Примерно столько же скульптур представлено головами животных, видовая принадлежность которых достоверно не определяется. Кроме лося в галечном комплексе зафиксированы изображения рыбы, птицы, медведя и змеи. Единичными скульптурами представлены изображения человека и бизона (мамонта?). Если сравнивать со скульптурными изображениями Среднего Зауралья из камня, кости, рога, глины и дерева, то состав образов будет примерно одинаков. Но их количественное соотношение заметно различается. Среди произведений мелкой пластики первое место (около 40 %) принадлежит скульптурным изображениям птиц. Возможно, это связано с тем, что археологи еще не научились выделять гальки, изображающие птиц. Просмотр галечных комплексов из пещерных святилищ Чусовой позволил предположительно соотнести некоторые гальки с изображением голов птиц (рис. 19, 3; фото 10, 3). Что касается галечных скульптур человека, то их отсутствие в пещерах можно объяснить двумя причинами. Во-первых, галечные изображения животных имели особое семантическое значение, с которым изображения человека никоим образом не могли быть связаны. Во-вторых, скульптуры человека в пещерных святилищах были, но они имели другое назначение и были выполнены из других материалов, например, из дерева. В пользу этого предположения могут свидетельствовать находки 15 деревянных антро-

поморфных скульптур в Чаньвинской пещере и еще одной – в Уньинской (Гемуев, Сагалаев 1986: 117, 119).

При анализе галечных скульптур самым сложным является выяснение их семантического назначения. Согласно законам семиотики, исследовать нужно совокупности вещей (знаков) в конкретном археологическом контексте (Антонова, Раевский 2002: 15). К сожалению, самые большие коллекции зооморфных скульптур происходят из пещер с нарушенным культурным слоем. Археологический контекст единичных находок мало может помочь в решении этого вопроса. Например, антропоморфную галечную скульптуру с. Боровки III можно расценить как изображение духа-покровителя, духа-защитника. Данные этнографии показывают, что наряду с антропоморфными изображениями роль идолов у северных народов выполняли «странно образованные камни» (Гемуев, Бауло 1999: 179). Однако данное предположение так и остается предположением, поскольку серийные материалы отсутствуют.

Археологам хорошо известны факты использования в хозяйственной практике предметов естественного происхождения, т. е. природных форм. В качестве различного рода емкостей использовались черепные коробки животных, фрагменты тазовых костей, раковины. Бивни и рога животных употреблялись как землекопные орудия. Широкие кости служили подставками и наковальнями. Грифельные кости копытных применялись в качестве шилев. Ребра, челюсти животных, а также раковины употреблялись в качестве скребков. Для орнаментации керамических сосудов использовались белемниты, раковины, позвонки рыб, кости и челюсти разных животных. Гальки и плитки камня, завернутые в бересту, служили рыболовными грузилами, кристаллы горного хрусталя применялись в качестве ретуше-ров (Калинина 1998: 11–12).

Хозяйственное использование естественных природных форм на Урале известно во все археологические эпохи от палеолита до средневековья (Сериков 2006а). Известны и факты использования природных форм в качестве предметов художественной, обрядовой и культовой практики (Сериков 2004б).

Гальки также относятся к природным формам. На протяжении всех археологических эпох они служили сырьем для изготовления всевозможных орудий. Сортируя галечное сырье, человек, несомненно, обращал внимание на гальки, очертания которых напоминали ему знакомые образы животных. Путем незначительной обработки он добивался большего сходства с оригиналом. Узнаваемый образ животного создавался посредством подчеркивания двух – трех характерных признаков зоологического вида (Демещенко 1999: 97–101). Повтор одних и тех же элементов оформления галечных скульптур, а также их серийность являются весомым доказательством неслучайности подобных артефактов (Гиря 1997: 84–86). В результате галечную скульптуру можно считать ярким примером оппозиции природное / культурное. Один или несколько ударов вырывали гальку из мира природы и переносили ее в культурную среду, превращая ее в изображи-

тельный символ, который использовался в культовой практике древнего населения.

Совпадение образов, представленных в мелкой пластике Среднего Зауралья и галечной скульптуре, вряд ли можно считать случайным. Скорее всего, оно является свидетельством тесного переплетения хозяйственной и духовной сферы древнего человека. Исходя из этого, можно попытаться определить семантическое назначение галечной скульптуры. Поскольку все находки в пещерных комплексах представляют собой остатки жертвоприношений, галечные скульптуры также следует отнести к жертвам. Важно, что большая часть зооморфных скульптур найдена в пещерах. В финно-угорской мифологии пещера являлась местом смерти и рождения. Поэтому кости и изображения жертвенных животных в пещерных святилищах можно соотнести с обрядами по увеличению численности промысловых животных. Находки зооморфных галек в святилищах другого типа также могли быть связаны с промысловым культом. Этнографы отмечают наличие в верованиях коренных народов Западной Сибири мощного пласта, относящегося к промысловому культу (Гемуев, Сагалаев 1986: 186). В то же время все животные, образы которых представлены в галечной скульптуре, являлись объектами религиозно-мифологической системы древности. И зооморфные галечные скульптуры можно рассматривать в качестве изобразительных символов конкретных обрядов (ритуалов), проводимых на святилищах. Следует учитывать также, что мифы, связанные с животными, отличаются разработанностью и сложностью, поэтому практически каждый образ многозначен и несводим к одному аспекту (Гемуев, Сагалаев 1986: 178). Именно поэтому в настоящее время мы можем говорить только об общем значении семантического поля галечных скульптур.

Картографирование галечной скульптуры показывает незначительную территорию ее распространения. Это Татария, Средний и Южный Урал, Красноярский край, Приморье (Бродянский и др. 1998: 12–16; Бродянский 2003: 11–31), Камчатка и Чукотка (Кирияк (Дикова) 2003: 51–76). Наибольшие серии галечной скульптуры происходят с территории Среднего Зауралья и Крайнего Северо-Востока России. Сложности в выделении естественной галечной скульптуры объясняются, с одной стороны, стереотипным подходом к галькам как древним артефактам, а с другой – причинами психологического характера.

1.2. Глиняная пластика

Наиболее ранние скульптурные изделия из глины зафиксированы в Чехии на стоянках Павлов и Дольни-Вестонице, где найдены целые и около 10 тыс. обломков глиняных фигурок различных животных и человека (Праслов 1992: 32). Среди них знаменитая Венера из Вестониц, скульптурные изображения мамонта, носорога, медведя, пещерного льва и др. Изготовлены скульптурки были 25–26 тыс. лет назад. Концом палеолита датируются единичные глиняные скульптуры со стоянок Пршедмости, Кашов,

Петржковице, а также из пещер Бедейяк и Лабуиш (Столяр 1985: 220–224). Крупные скульптуры из глины найдены в пещерных святилищах Монтепан и Пеш-Мерль (медведи, лошади, пещерные львы). Широко известны глиняные барельефы из пещер Монтепан (лошадь, фриз «кошек») и Тюк д'Одубер (бизоны) (Столяр 1985: 187–191, 212–217). Следует упомянуть также довольно многочисленные рисунки животных, выполненные разной техникой по глине, в пещерных святилищах Франции и Испании (Альтамира, Бедейяк, Мас д'Азиль, Монтепан, Нио, Пеш-Мерль и др.).

На территории России палеолитические глиняные скульптуры найдены пока только на двух памятниках – поселении Костенки I на Дону и стоянке Майна на Енисее. В Костенках сохранился обломок плечевого пояса фигурки какого-то животного. А на Майне С. А. Васильевым выявлено почти полное изображение фигуры человека (фото 40, 2). Возраст костенковской скульптуры составляет около 23 тыс. лет, а майнинской – 14–15 тыс. лет (Праслов 1992: 29–33). Майнинская статуэтка слегка изогнута в профиле. Голова, руки и ноги оформлены в виде округлых выступов (рис. 21, 1). Высота фигурки 9,6 см, ширина туловища: без рук – 4,4 см, с руками – 7,3 см, толщина – до 1,9 см (в средней части) (Васильев 1996: 104).

На Урале также известны находки глиняных изделий в слоях эпохи палеолита. В Каповой пещере В. Е. Щелинским найдена глиняная жировая лампа. Она выполнена из местной пещерной (обожженной) глины в виде округлой чашечки диаметром около 7 см и высотой менее 2 см (Щелинский 1996: 15). Еще одна глиняная поделка происходит из Игнatieвской пещеры. Это глиняный уплощенный шарик диаметром до 1,7 см (рис. 21, 2). Найден он среди щебенки на полу Нижнего хода, ведущего в Дальний зал с самыми выразительными палеолитическими рисунками (Петрин 1992: 138–139). Почему автор находки В. Т. Петрин отнес этот глиняный шарик к эпохе палеолита, остается непонятным. Точно такие же глиняные уплощенные шарики диаметром до 1,4 и 1,7 см найдены В. Е. Чаиркиным в слое позднего бронзового века в Шайтанской (Костлявой) пещере на Северном Урале (рис. 26, 3, 6) (Чаиркин 2004: 349). Шарик диаметром 1,6–1,7 см выявлен автором в средневековом комплексе Пещеры Туристов на р. Чусовой. Еще два шарика диаметром 2,5 и 2,8 см обнаружены автором в энеолитическом культовом центре, расположенном на Шайтанском озере близ Невьянска (Средний Урал) (Серигов 2004а: 110). Поэтому автор считает, что условия находки и имеющиеся аналогии позволяют вполне обоснованно усомниться в палеолитическом возрасте глиняного шарика из Игнatieвской пещеры.

Все глиняные изделия по способу применения делятся на две большие группы: хозяйственного и культового назначения. Предметы для хозяйственного использования (рыболовные грузила, пряслица, литейные формы, скребки-шпатели, штампы и др.) требуют отдельного исследования и в данной работе не рассматриваются. Глиняные изделия культового характера условно можно подразделить также на две группы. Фигуративная скульптура представлена изображениями любых живых существ – людей,

зверей, птиц, рыб и т. д. К изделиям декоративной пластики отнесены все остальные объемные изображения и украшения.

Наиболее ранние глиняные скульптуры выявлены на территории Северного и Среднего Урала, а также в Зауралье. Все они относятся к ранним периодам неолита. На севере Урала на стоянке Энхты I (окрестности Сыктывкара) найдено три фрагментированных скульптуры. Они выполнены из глины в виде зооантропоморфных изображений, у которых голова, нос и конечности образованы пальцевыми защипами (рис. 22, 1, 2). Фигурки залегали в одном комплексе с керамикой, которая имеет типологическое сходство с керамикой ранненеолитической верхневолжской культуры (Карманов 2006: 63).

Из числа последних находок нужно отметить свыше 10 сломанных глиняных фигурок с ранненеолитической стоянки Угдым Ia, которые еще не опубликованы и требуют своего осмысления.

Оригинальная глиняная скульптура птицы обнаружена на неолитической стоянке Евстюниха I (черта г. Нижний Тагил). Она имеет короткую шею, слегка намеченную закругленную головку и рельефно вылепленные прижатые к телу лапки (рис. 24, 3). Одна лапка отпала, но отчетливо виден ее негатив. Хвостик и часть тулова срезаны лопатой. Высота фигурки – 3,7 см, длина сохранившейся передней части – 2,5 см, максимальная ширина – 1,9 см (Россадович и др. 1976: 188–189). Первоначально она была интерпретирована как изображение птицы (не водоплавающей) с поднятой головкой и поджатыми лапками (рис. 24, 3а) (Мошинская 1976: 33–34). Однако позднее было замечено, что, если скульптуру повернуть на 90°, то приподнятая головка превращается во вздернутый нос, а прижатые к телу лапки оказываются ушами животного, а именно – медведя (рис. 24, 3б). По всей видимости, данная фигурка является полиэikonической скульптурой (фото 13, 2) (Сериков 2002: 134). Подобные многоракурсные скульптуры, выполненные из камня и металла, достаточно широко известны в разных эпохах и на разных территориях (Демещенко 1997: 93; 1998: 17–18; 1999: 106; Симонова 2005: 79–83; 2006: 224–225). Следует также отметить, что на памятнике найдено еще 13 мелких обломков глиняных скульптур, которые не поддаются определению. Только в одном фрагменте можно увидеть тулово какого-то животного.

С отступающе-накольчатой керамикой раннего неолита связана находка глиняной фигурки птицы, обнаруженной в заполнении жилища на поселении ЮАО–XV (Андреевское озеро близ Тюмени). Изготовлена она довольно небрежно из плохо высушенной и неравномерно обожженной глины. Небрежность проявляется и в том, что поверхность фигурки практически не заглажена. Тулово птички достаточно массивно, от него в стороны отходят скошенные крылья, выполненные техникой пальцевого защипа. Над туловом на конической формы шее возвышается маленькая головка, основную часть которой составляет образованный защипом клюв. Снизу тулова присутствуют лапки в виде небольшого разделенного надвое вы-

стуга (рис. 24, б). Длина скульптуры – 5,1 см, высота – 3,5 см, ширина: с крыльями – 3,2 см, без крыльев – 2,1 см (Усачева 1998: 106).

Присутствует керамическая скульптура и в более поздних неолитических комплексах. Здесь следует отметить особенности формирования культурного слоя на территории всего Урала. На береговых памятниках (а именно береговые памятники составляют основной фонд уральской археологии) культурные остатки залегают сразу под дерном на глубине 10–40 см. Культурные слои разных эпох накладываются один на другой, в результате чего происходит их механическое смешивание. В таких условиях точно определить культурную и хронологическую принадлежность какой-либо единичной находки (скульптуры) представляется очень затруднительным. Отсутствие радиоуглеродных датировок на территории Урала только усугубляет данную проблему. Поэтому исследователю первобытного искусства всегда следует помнить о некоторой условности предлагаемых авторами находок датировок.

На коренном берегу Юрьинского озера (Верхнесалдинский р-н Свердловской обл.) в процессе исследования смешанного памятника Кокшаровское Поле под пахотным слоем были выявлены остатки двух неолитических жилищ, частично перекрывающих друг друга. На полу нижнего жилища, содержащего керамику, украшенную отступающее-накольчатый орнаментом, обнаружена фрагментированная глиняная скульптура птицы. Голова и задняя часть тулова отсутствуют, в нижней части тулова имеется отверстие глубиной до 1,5 см и диаметром 4 мм (рис. 24, 2). Длина сохранившейся части составляет 5,3 см, высота – 4,6 см, толщина – 2,8 см. Как и птичка с поселения ЮАО–XV, данная фигурка изготовлена из плохо высушенного и неравномерно обожженного глиняного теста (Волков Р. Б. 2001: 158).

На этом же памятнике на пахоте найдена глиняная эмбрионовидная фигурка. Она овальная в плане и слегка изогнута в профиле. Ноги и руки у скульптуры не показаны. Лицо (нос и брови) моделировано пальцевыми зажимами (рис. 20, б) (Сериков 2005б: 77). Высота фигурки – 3,6 см, ширина – 1,8 см, толщина – 0,8 см. Это первая эмбрионовидная фигурка, найденная на территории Урала. В Западной Сибири известна глиняная эмбрионовидная скульптура (рис. 22, б), найденная на поселении Большой Ларьяк III (Нижневартовский р-н Тюменской обл.) на полу жилища эпохи бронзы (Мошинская 1976: 34). К западу от Урала таких изображений известно гораздо больше (Студзицкая 1985: 100–108; 1987: 84–85; Кашина 2004: 23–25). В сравнении с известными эмбрионовидными скульптурами фигурка с Кокшаровского Поля представляется наиболее примитивной. Поэтому предварительно данное изображение можно отнести к эпохе неолита.

Серия глиняных поделок выявлена еще на одном памятнике Юрьинского озера – культовом центре эпохи неолита – Кокшаровском холме. Одно из изделий представлено отломанной головкой птицы. Головка имеет сглаженные очертания, высоко расположенный, сильно выступающий

клюв и намеченные углублениями глаза (рис. 24, 1). Высота головки – 4 см, диаметр основания шеи – 3 см. В целом скульптура напоминает хищную птицу, имеющую общие черты с изображениями урало-сибирской металлопластики. И, видимо, прав автор раскопок А. Ф. Шорин, который допускает более поздний возраст данной фигурки (Шорин 2001: 169). Возможно, ее следует связывать с культовым комплексом железного оружия и керамики позднего железного века.

Оригинальная глиняная скульптурка птицы найдена на многослойном поселении Малый Шарташ III (оз. Малый Шарташ, Свердловская обл.). Ее длина составляет 2,7 см, ширина без крыльев – 1,6 см, с крыльями – 3,2 см, толщина – 1,1 см. Тулово фигурки имеет уплощенную подовальную форму. Удлиненная шея слегка приподнята и заканчивается маленькой головкой с четко выраженным клювиком. Также приподняты и раскинуты в стороны небольшие крылья конической формы (рис. 24, 7). В разных местах скульптурки присутствуют небольшие углубления, назначение которых остается непонятным. Раскинутые в стороны крылья и маленькая головка позволяют сравнивать данную скульптуру с фигуркой птицы с Андреевского озера (ЮАО–XV), хотя птица с ЮАО–XV своими размерами почти в два раза превосходит скульптурку с Малого Шарташа. Авторы находки датируют ее эпохой неолита (Кернер и др. 1999: 87).

Глиняная скульптура птицы (возможно, утки) обнаружена в комплексе гребенчато-ямочной керамики среднего неолита в жилище стоянки Пезмогты 3 (Корткеросский р-н Республики Коми). Она была найдена в разбитом состоянии и реставрирована после раскопок. Изображение птички выполнено достаточно примитивно: вылеплены только тулово и голова, крылья показаны едва заметными выступами (рис. 24, 4). Высота утки – 2,8 см, длина тулова – 1,9 см (Карманов 2006: 63).

В этом же районе, на стоянке Вад I в слое среднего неолита найдена миниатюрная головка человека, выполненная из глины. Она имеет достаточно правильную округлую форму диаметром около 1,7 см. Лицо моделировано пальцевыми вдавлениями (?). Достаточно рельефно выделены глаза, нос, и рот (рис. 21, 3). Снизу головки находится небольшое углубление, образованное насколом (Карманов 2006: 63). Возможно, углубление служило для соединения головки с туловищем, а возможно, головка просто насаживалась на какую-то палочку. Оформление деталей лица выглядит слишком тонким для работы пальцами. Скорее всего, здесь применялся какой-то мелкий инструмент.

Такая же миниатюрная головка с отверстием для насаживания обнаружена в слое с керамикой кошкинского типа на стоянке Андреевское озеро XIII близ Тюмени (Ковалева 1997: 69). Она имеет овальные очертания, на головке схематично показаны нос, рот, глаза и даже прическа (рис. 23, 5). Высота изделия – 2,2 см, ширина – 1,3 см.

Еще одна глиняная головка человека, но уже отбитая, видимо, от полной скульптуры найдена на Южном Урале на неолитической стоянке Сабакты III. Она крупнее вышеописанных, ее размеры 4,2 × 3,5 × 2,7 см

(рис. 22, 3). У скульптуры небольшими углублениями показаны глаза и рот. Массивный, выступающий и высоко расположенный нос напоминает клюв хищной птицы. Приплюснутое темя придает голове некоторую шишкообразность. По затылку, шее и подбородку прочерчены тонкие вертикальные полосы, изображающие, по всей видимости, бороду и косу (?) (Обыденнов, Корепанов 1997: 18–19).

Также к неолиту авторы монографии по первобытному искусству отнесли скульптуру человека, найденную местным учителем на огороде в селе Верхние Леузы (Южный Урал). Скульптура высотой 5,9 см изображает верхнюю часть человека (рис. 22, 4). Вместо ног у нее плоское основание, как у шахматной фигуры. Руки в виде полукруглого уплощенного выступа сложены на груди. Расширенное основание подчеркивает талию. Шея практически отсутствует, голова начинается сразу от плеч. Достаточно реалистически показано лицо фигуры: рельефами и углублениями подчеркнуты глаза, нос, рот и брови (Обыденнов, Корепанов 1997: 19). Столь сложное моделирование фигуры человека не характерно для неолитической эпохи, поэтому данную скульптуру следует датировать более поздним временем, не ранее бронзового века.

С эпохой энеолита С. Н. Панина связывает находки оригинальных антропоморфных изображений из глины, найденных на культовом памятнике Усть-Вагильский холм (р. Тавда, Гаринский р-н Свердловской обл.). Одна фигурка сохранилась целиком, ее высота 2,6 см (рис. 22, 7). У второй отбита головка, сохранился фрагмент длиной 2 см. Нижняя ее часть была окрашена охрой. Фигурки представляют собой слегка заостренные книзу глиняные стерженьки круглого сечения. У целой фигурки защипом оформлен выступающий острый нос. В верхней части фигурка украшена резными линиями и ямочными вдавлениями. Находка одной из фигурок в раннем слое у подошвы холма позволяет предполагать и более ранний их возраст (Панина 2008: 144).

Здесь же на холме найден обломок глиняной фигуры рыбы. От нее сохранился фрагмент головы длиной 4,4 см при ширине до 3 см. Фигурка орнаментирована прямыми и косыми линиями, выполненными «отступающей палочкой» (рис. 26, 9). В такой же технике орнаментирована керамика сатыгинского типа, что позволяет отнести сломанную скульптуру к эпохе неолита (Панина 2008: 142–144).

Большую известность получила найденная еще в середине 60-х гг. XX в. глиняная антропоморфная статуэтка с Березового мыса (Аятское озеро, Свердловская обл.). Это самая крупная антропоморфная скульптура на Урале. Даже без головы, отбитой еще в древности, ее высота составляет около 8 см (рис. 21, 4). Скульптура изготовлена достаточно схематично, ноги и руки у нее отсутствуют, но отчетливо выделена грудь. Фигурка по всей поверхности орнаментирована овальными наколами наклонно поставленной палочки, которые, по всей видимости, обозначают одежду. В. М. Раушенбах считала, что скульптура изображает женщину в одежде с каймой (Раушенбах 1965: 65–68). Данная фигура широко известна в науч-

ной литературе, ее изображение «кочует» из статьи в статью (Мошинская 1976: 34; Студзицкая 1987: 83; рис. 6; Усачева 1998: рис. 3, 1).

Подобная орнаментация присутствует и на антропоморфных скульптурах с Андреевского озера (Матвеева 1985: 223–224; Дрябина 1993: 7). Все они (7 экз.) происходят из энеолитических слоев поселения ЮАО–ХІІ. Все скульптуры изготовлены по одной технологической схеме – в виде глиняного бруска, без рук и ног, но с головой, которая всегда отбита еще в древности. Одна из них залегала в жилище вместе с керамикой липчинского типа. У фигурки отбита голова, сама она реставрирована из двух частей (Викторова 1976: 226; рис.). Высота сохранившейся части скульптуры – 5,4 см, ширина в средней части – 2,6 см, толщина – 1,4 см. Ноги, руки и грудь у нее даже не намечены. Зато по всей своей поверхности (даже снизу) она украшена орнаментом, по которому можно даже представить тип одежды (рис. 23, 1) (Усачева 1998: 108).

Вторая фигурка с этого памятника найдена в наземном жилище липчинской культуры. Она немного отличается формой от первой скульптуры. Если первая имела подчетыреугольную форму, то вторая – подовальную. Выполнена она также без рук и ног и также у нее отколота голова (рис. 23, 3). Своими размерами она полностью идентична первому изображению – $5,6 \times 2,9 \times 1,4$ см. Лицевая поверхность фигурки украшена насечками, на ней присутствуют следы закопченности (Усачева 1998: 110).

Остальные пять глиняных статуэток представлены обломками. Три из них найдены в слое с липчинской керамикой (рис. 23, 2, 4, 8), две – в слое с керамикой андреевского типа (рис. 23, 6–7). От всех фигурок сохранились только нижние части тулова. Все они изготовлены в единой технологической традиции, которую условно можно назвать «брусковой». Все изображения украшены орнаментом, но разным. Один фрагмент, по форме близкий к почти целым экземплярам, со всех сторон орнаментирован гребенчатым штампом (рис. 23, 2). Еще у двух фрагментов закруглено нижнее основание. Один из них орнаментирован горизонтальными нарезками (рис. 23, 4), а второй – короткими насечками, которые покрывают почти всю поверхность скульптуры (рис. 23, 8). Эта фигурка имеет выпуклость с одной стороны, что позволяет некоторым исследователям видеть в ней изображение беременной женщины (Усачева 1998: 108).

Фигурки андреевской культуры близки по форме, но различаются орнаментацией. Более крупный фрагмент украшен отпечатками короткого гребенчатого штампа (рис. 23, 6), а мелкий – неглубокими точечными наколами (рис. 23, 7) (Ковалева 1995: 34).

Еще дальше на восток, за Тюменью, в Ишимском р-не на энеолитическом поселении Мергень 6 найдена оригинальная антропоморфная скульптура. Ее можно было бы отнести к типу эмбрионовидных, так как она заметно изогнута в профиле. Но у нее небольшими выступами обозначены руки. На округлой голове глубокими наколами показаны глаза. Вся поверхность фигурки покрыта гребенчатым орнаментом.

Практически все глиняные изображения животных происходят с территории Среднего Зауралья.

В энеолитическом слое с керамикой шувакишского типа на поселении Шувакиш I найдена глиняная головка медведя (рис. 24, 5). Ее размеры – $3,0 \times 2,0 \times 1,3$ см. На скульптуре небольшими выступами показан нос и уши, глаза обозначены мелкими штрихами (Чаиркина 1998: 87). Видимо, этот схематизм в изображении головки заставил автора находки Н. М. Чаиркину в следующей своей публикации определить вид животного более неопределенно: медведь или куница (Чаиркина 2004: 111). По мнению автора, скульптура изображает все же медведя.

Такое же невыразительное изображение головы медведя выявлено в смешанном слое неолита – бронзы на поселении Андреевское озеро VIII. Глиняные головки близки как по размерам ($2,7 \times 2,0 \times 1,6$ см), так и по технике изготовления: нос и уши показаны небольшими выступами (рис. 24, 5). Единственное отличие – на фигурке с Андреевского озера сбоку имеется небольшое округлое глухое отверстие диаметром 2,5 мм (Усачева 1998: 108).

На этом же памятнике найдена единственная на территории Урала глиняная скульптура змеи. Залегала она в заполнении жилища в смешанном энеолитическом слое. От скульптуры сохранилась голова, шея и передняя часть туловища. Общая длина сохранившейся части изделия 6,1 см. Животное изображено с поднятой головой и больше напоминает черепаху, чем змею (рис. 24, 8). У него широкий приоткрытый рот, большие ромбической формы глаза и насечки на шее, которые, по мнению автора находки И. В. Усачевой, изображают поперечные брюшные щитки (Усачева 1998: 106).

Уникальные глиняные фигурки, выточенные из фрагментов керамики, обнаружены при исследовании энеолитического культового центра, расположенного на Шайтанском озере (Кировградский р-н Свердловской обл.). Они изготовлены из стенок керамических сосудов путем шлифовки боковых краев. Одна скульптура изображает фигурку уточки. Она сохранилась почти полностью, отсутствует только кончик хвоста (рис. 25, 8). Высота скульптуры – 3,1 см, длина сохранившейся части – 3,7 см. Реконструируемая длина – около 4,5 см. Изображение уточки несколько необычно: у нее массивная голова, практически отсутствует шея (фото 13, 3). Такая техника изображения связана, по-видимому, со свойствами керамического сырья. Из стенки керамического сосуда практически невозможно выполнить реалистическую фигурку птицы или животного с изображением тонких деталей. Керамика не так прочна, как камень, и при выделке тонких деталей фигурка непременно сломалась бы еще при изготовлении. На фрагменте керамики, из которого сделана уточка, сохранились отпечатки гребенчатого штампа (Литвиненко, Сериков 1998: 222).

Вторая фигурка изображает лосиху (фото 13, 3). Она сильно фрагментирована. От нее сохранилась только голова, переходы к спине и передней ноге. Боковые края фигурки отшлифованы. Высверлиной показан глаз жи-

вотного, слабым разрезом, совпавшим с темным кусочком талька, намечен рот. Шея животного отсутствует, от нижней челюсти идет переход сразу к передней ноге (рис. 25, 7). На фрагменте керамики прослеживаются отпечатки гребенчатого штампа (Литвиненко, Сериков 1998: 222).

Возможно, частью фигурки является обточенный с двух сторон в форме крупа копытного животного (лося?) фрагмент керамики (рис. 25, 6) (Литвиненко, Сериков 1998: 222).

По орнаменту на керамике и условиям залегания скульптуры можно отнести к аятской энеолитической культуре.

Еще одна фигурка – рыбка из раскопок А. В. Шаманаева – выточена из венчика неолитического сосуда, орнаментированного «прочерченной гребенкой» (рис. 25, 4; фото 13, 4). А. В. Шаманаев и С. Ю. Зырянова относят сосуд, из фрагмента которого изготовлена скульптурка к полуденковской культуре (Шаманаев, Зырянова 1999: 88). Однако, учитывая, что на памятнике найдено еще две скульптуры, выточенные из фрагментов энеолитических сосудов, дата данной скульптуры не бесспорна. Все фигурки выполнены в одной технике, все они занимают единое место в мифологической картине мира энеолитического населения Среднего Зауралья, поэтому и относиться должны к одной археологической эпохе.

Здесь необходимо подчеркнуть, что аналогий подобным фигуркам нет не только на территории Урала, но и на территории соседних регионов (совсем недавно по устному сообщению Н. П. Матвеевой фигурки из фрагментов керамических сосудов найдены ею в материалах раннего железного века). Поэтому представляется невероятным допущение, что на одном памятнике в разные археологические эпохи могли существовать уникальные изделия одного и того же сакрального назначения, одного и того же мифологического контекста, выполненные в одинаковой технике. Вероятность такого события математиками определяется не менее чем одна двухсот пятидесятитысячная. По мнению автора, все керамические скульптурки следует отнести к энеолитической эпохе (Сериков 2002: 133). На береговом валу озера, где и найдены эти фигурки, около 88 % находок относится к энеолитической эпохе. Именно энеолитом датируются практически все культовые находки, происходящие с данного памятника. Здесь же было обнаружено и энеолитическое погребение шамана с богатым инвентарем.

Появление в этом комплексе рыбки, выполненной из венчика неолитического сосуда, находит вполне приемлемое объяснение. Для изготовления скульптурки рыбы мастер подобрал вымытый в обнажении берега венчик неолитического сосуда, волнистый орнамент с внутренней стороны которого подчеркивал сходство с рыбьим хвостом (рис. 25, 4). Автор неоднократно сталкивался с фактами вторичного использования изделий предшествующих эпох (Сериков 2001: 56–57). Этнографические материалы свидетельствуют, что коренное население Урала и Западной Сибири всегда с почитанием относилось к древним предметам и часто использовало их в своей культовой практике (Гемуев, Сагалаев 1986: 159–166). Вероятно, и в данном случае мы столкнулись с подобным фактом. Это предположение

вполне объясняет тот факт, что все фигурки изготовлены одинаковыми техническими приемами, по единому замыслу и отражают все три уровня мирового дерева.

Оригинальные скульптурные фигурки, наклепленные на края керамических сосудов, выявлены на этом же памятнике Шайтанское озеро I. По краю венчика одного из них высоким рельефом наклеплены обращенные наружу головы медведей (фото 14, 1). Высота наклепленных изображений – 1,4–1,5 см, ширина – 1,5–1,8 см, высота рельефа – 0,8 см. Морды имеют рельефно вылепленный нос и уши. Сверху и снизу они украшены гребенчатым орнаментом. Расстояние между наклепами 7 см, между их центрами – 8,7 см (рис. 25, 1). Учитывая, что диаметр сосуда равняется 24 см, на венчике могло быть восемь наклепов с мордами медведей (Серигов 2002: 142).

Ближайшей аналогией данному сосуду можно считать сосуд с I Береговой стоянки Горбуновского торфяника. Голова животного на нем также оформлена техникой высокого рельефа, также выделены большие стоящие уши и нос зверя, которые также украшены отпечатками гребенчатого штампа (рис. 25, 2). Д. Н. Эдинг считал, что вид животного определить затруднительно, но допускал, что изображена голова собаки (Эдинг 1940: 94). Единственное отличие – голова зверя обращена внутрь сосуда, а не наружу.

На территории Среднего Зауралья известно свыше 60 неолитических сосудов с зооморфными наклепами на венчиках (фото 14, 2; 15, 1, 2; 16, 1–6; рис. 26, 11). Но если вышеописанные головки выглядят достаточно рельефно и вполне могут быть отнесены к скульптурам, то наклепы на неолитических сосудах представлены крайне редуцированными формами, которые трудно отнести к скульптурным изображениям. Именно поэтому они в данной работе не рассматриваются. К тому же, зооморфным наклепам посвящено достаточное количество специальных работ (Мошинская 1972; Арефьев 1984; Ковалева, Арефьев 1993; Шорин 1999; Носкова, Шорин 2007; Бунькова 2010).

Какие же функции могли выполнять наклепленные на сосуды головки зверей? По данным этнографии хорошо известно, что в религиозных представлениях зауральского населения медведь играл и играет большую роль. У селькупов, например, дом «старухи жизни» в семейном болоте охраняют два медведя. В мире умерших вход охраняет богатырский зверь. Он не выпускает оттуда злых лозов (духов) и не дает им преследовать шамана после его выхода из мира мертвых. Это животное – основной помощник шамана в нижнем мире. На р. Тым (правый приток Оби) возле каждого селения на столбах стояли черепа медведей, охранявшие селение от злых духов (Прокофьева 1949: 368–369). Собаки также в ряде мест считались духами-хранителями человека (Головнев 1995: 269). Отсюда можно предположить, что зооморфные наклепы на краях сосудов также играли охранительную роль. Причем, морды медведя, обращенные наружу, предохраняли содержимое сосуда от вредоносного внешнего воздействия. А звери,

головы которых были обращены внутрь, охраняли внешний мир от чего-то вредоносного, находящегося внутри сосуда. Таким образом, точку зрения В. И. Мошинской, считавшей головы животных на краях сосудов апотропеями (охранителями, отвращающими беду) (Мошинская 1976: 29), следует признать вполне приемлемой.

С этого же памятника (Шайтанское озеро I) происходит еще одно скульптурное украшение сосуда. От него сохранилась только голова медведя (фото 13, 1). Высота ее – 2,5 см, ширина – 2,1 см, длина – 2,5 см. Рельефно выделены характерные для животного короткие округлые уши, круглыми глубокими наколами показаны глаза, точно передана вытянутая морда, двумя глубокими линиями обозначены нос и разрез пасти. Нижняя часть головы орнаментирована короткими отпечатками гребенчатого штампа (рис. 25, 3). С внутренней стороны фигурки присутствует заглаженная вогнутая поверхность и небольшие фрагменты стенок сосуда. В связи с этим можно предположить, что сосуд представлял собой керамический ковшик с рукояткой в виде головы медведя (Сериков, 2002: 142–143).

Керамический ковшик со сливом в виде головы птицы известен на энеолитическом поселении Атымья IV (север Свердловской обл.). Края ковшика с двух сторон орнаментированы гребенчатым штампом, верхняя треть его украшена орнаментом в виде стилизованных птичек (V), а округлое дно – ромбами, выполненными гребенкой (рис. 26, 8) (Стефанов, Кокшаров 1990: 56).

Глиняные изображения бронзового века на территории Урала достаточно малочисленны. Некоторые скульптуры (Верхние Леузы, Андреевское озеро VIII, Кокшаровский холм) уже описаны ранее. К ним можно добавить глиняную пестиковую скульптуру, найденную еще в конце XIX в. в окрестностях Тюмени на р. Болдинке. Она лежала в плоскодонном сосуде бронзового века. Фигурка представляет собой конический глиняный стержень, расширенный конец которого оформлен в виде лица человека. Длина стержня – 4,7 см, ширина в средней части – 1,5 см. На лице детально проработаны не только нос, рот, глаза, но даже брови (Студзицкая 1987: 85). Интересно отметить, что рисунок фигурки в работе В. И. Мошинской (1976 г.) (рис. 23, 10) заметно отличается от рисунка этой же фигурки в работе С. В. Студзицкой (1987 г.) (рис. 23, 9). Какой из них более точен, автору неизвестно.

Еще две глиняные статуэтки найдены на поселении Палатки II (окрестности Екатеринбурга). Одна из них залегала возле обмазанного глиной очага в жилище бархатовской культуры. Изготовлена она без головы, рук и ног в виде бруска со скругленными углами. Высота фигурки – 7,5 см, ширина – 5,8 см, толщина – 2,4 см. Единственным определяющим признаком является рельефно вылепленная грудь (рис. 22, 5) (Панина 1999: 23). Эта деталь объединяет данную скульптуру с изображением женщины с Березового мыса. Но имеются и отличия: фигурка с Палаток не орнаментирована и имеет другие (более приземистые) пропорции. Не совсем понятно, почему автор находки С. Н. Панина определяет фигурку как изображение жен-

щины в одежде. На приведенном ею рисунке (Панина 1999: рис. 1, 5) никаких признаков одежды не наблюдается. В. Д. Викторова публикует рисунок еще одной скульптуры, найденной на Палатках II (Викторова 2004: рис. 98, 6, 7). Вторая фигурка (поврежденная) является уменьшенной копией первой. Отсутствуют голова, руки, ноги, но показана выпуклая грудь (рис. 21, 5). Размеры изображения: 5,8 × 3,9 см (профиль фигурки на рисунке не указан.).

В данный обзор, безусловно, вошли не все глиняные скульптуры. Например, по устному сообщению А. С. Сергеева, на поселении бронзового века Коим найдена глиняная рыбка длиной около 15 см. Некоторые изображения опубликованы в местных, труднодоступных источниках. Другие еще ждут своей публикации.

Представляет интерес и группа глиняных изделий, относящихся к декоративной пластике. Обычно на памятниках подобные предметы встречаются единично, поэтому далеко не всегда информация о них включается в публикации. В силу этого автор ограничил территорию своего исследования в основном рамками Среднего Зауралья, материалы которого он знает не только по публикациям, но и по коллекциям.

Уникальное изделие из глины найдено В. Н. Кармановым в ранненеолитических материалах поселения Вис II (Княжпогостский р-н Республики Коми). Оно выполнено в виде полого шарика диаметром 3,3 см. Шар орнаментирован двумя рядами наколов (рис. 26, 2). Внутри шарика находятся несколько мелких предметов, которые при встряхивании гремят о стенки изделия (Карманов 2006: 63). Эту глиняную погремушку можно считать древнейшим своеобразным музыкальным инструментом на территории Урала.

Еще одно любопытное изделие в виде шарика найдено В. Ф. Старковым на Кокшаровском холме – культовом памятнике Юрьинского озера. Шарик слегка сплюснут и имеет неправильные очертания (фото 17, 2, 3). Его высота – 3 см, максимальный диаметр – 3,2 см, минимальный – 2,8 см. В центре шарика находится отверстие. Прodelали его следующим образом: уже готовое изделие налепили на палочку круглого сечения, затем палочку расшатывали и вытаскивали. В результате диаметр шарика сверху оказался 5 мм, а внизу – 3 мм. По всей поверхности изделие орнаментировано прямыми резными линиями. Они были прорезаны по слегка подсохшей глине. На первый взгляд, орнамент нанесен двумя инструментами: один использовался для нанесения глубоко врезанных линий, а вторым наносились неглубокие сдвоенные линии. Внимательный анализ показывает, что и те, и другие узоры выполнены одним штампом. По всей видимости, в качестве орнамента использовалась верхняя челюсть мелкого грызуна. Сдвоенные резцы грызуна при прочерчивании образовали парные линии. Если же челюсть повернуть боком, то рабочая поверхность орнамента из сдвоенной превращалась в одинарную. Это давало возможность получить глубоко врезанную прямую линию. У отверстия сверху и снизу шарика имеются участки, орнаментированные мелкими наколами. Причем, оттис-

ки группируются не вокруг отверстий, а сбоку (рис. 26, 1). При изучении этого орнамента видно, что он также нанесен верхней челюстью грызуна (Сериков 2002: 131). В целом своим внешним видом изделие напоминает грецкий орех. Вопрос о его функциональном назначении остается открытым.

Раскопки А. Ф. Шорина на холме добавили еще четыре глиняных изделия непонятного назначения. Все они найдены в обломках. Одно изготовлено в виде сферы (?) диаметром около 5 см. От него сохранился достаточно крупный фрагмент, украшенный композицией, характерной для сосудов кокшаровско-юринского типа (Шорин 2001: 168–169; рис. 7, 2). Второй обломок в виде полусферы размером $4,5 \times 4$ см не орнаментирован (Шорин 2010: 40; рис. 6, 2). Третье изделие имеет биконическую форму. Сохранился обломок высотой 3,4 см и максимальным диаметром около 3,5 см. Изделие орнаментировано тонкими резными линиями, которые образуют «елочки» и вертикально расположенные зигзаги (Шорин 2010: 40–41; рис. 6, 3). Еще одно изделие биконической формы представлено двумя обломками. Его высота 3 см, диаметр реконструируется примерно в 3,8 см. В расширенной части изделия по всему периметру проделан углубленный желобок (для привязывания?). От желобка вверх и вниз прочерчены вертикальные линии (Шорин 2010: 41; рис. 6, 4). Все изделия относятся к эпохе неолита.

Также на холме А. Ф. Шориным обнаружены две практически одинаковых глиняных поделки. Они представляют собой крупные кольца, вырезанные из фрагментов керамических сосудов. Одно кольцо целое, имеет не совсем правильную форму, его диаметр составляет 5,4–5,8 см. В центре кольца прорезано круглое отверстие диаметром 2,3 см (рис. 70, 1). От второго изделия сохранилась около трети. Оно примерно такого же диаметра, но у него меньше диаметр внутреннего отверстия (около 1,5 см), зато больше ширина стенок кольца. Ближайшие аналогии данным кольцам можно найти в материалах Турбинского могильника, где выявлена целая серия подобных колец из нефрита (Бадер 1964: 93–96; рис. 89).

На Юринском поселении, расположенном вокруг Кокшаровского холма, В. Ф. Старковым найдена вырезанная из фрагмента керамики овальная розетка (рис. 70, 2). На фрагменте сохранился волнистый прочерченный орнамент. Диаметр изделия по осям составляет 5,8 и 5,2 см. Все шесть лепестков розетки вырезаны каменным орудием (фото 41, 1). Причем каменным лезвием обработаны не только выемки, разделяющие лепестки, но и их боковые края. Это отличает данное изделие от зооморфных фигурок эпохи энеолита с Шайтанского озера, также изготовленных из фрагментов керамических сосудов. Края энеолитических скульптурок оформлены техникой шлифования, а не резания. По всей видимости, розетка использовалась в качестве украшения костюма (Сериков 2002: 131).

Небольшая серия изделий декоративной пластики энеолитического времени выявлена на Шайтанском озере I. В ней имеется склеенный из трех фрагментов глиняный шар диаметром около 5,5 см. На его поверхно-

сти присутствуют следы формовки какого-то изображения. Возможно, он представляет собой глиняную скульптуру в виде головы человека. Но достоверно говорить об этом трудно, поскольку одного фрагмента шара не хватает. В коллекции представлены обломки еще двух шариков диаметром 2,5 и 2,8 см. Также в виде шарика оформлена глиняная бусина. Она овальная в плане, ее диаметр по осям 1,1 и 0,9 см, диаметр отверстия – 1 мм. Поверхность бусины покрыта отпечатками тоненького гребенчатого штампа (рис. 26, 7). Кроме этого, на памятнике найдены фрагменты от 16 глиняных изделий, о форме и назначении которых пока говорить не приходится. Среди них можно отметить фрагментированную скульптуру, у которой сохранился вытянутый нос какого-то животного. По периметру изделие было украшено фигурными скобками. Любопытной находкой является плоский кусочек глиняного теста, на котором с двух сторон присутствует гребенчатый орнамент. Его размеры: $2,7 \times 2,6 \times 0,6$ см (рис. 26, 5). Из-за необычности находки остается неясным, считать ли ее законченным глиняным изделием или просто кусочком глины, на котором проверили оттиски штампа.

Представляет интерес изделие в виде глиняной лепешки прямоугольной формы со скругленными углами. С одной стороны она плоская, с другой – выпуклая. Плоская сторона заглажена, а на выпуклой кроме заглаженности присутствуют неясные следы каких-то оттисков. Нижний конец изделия слегка закруглен, а верхний – отбит (рис. 26, 10). Чем он заканчивался – такой же закругленностью, или, может быть, головкой? Тогда перед нами еще одна скульптурка с отбитой головкой. Высота сохранившейся части изделия – 3,3 см, ширина – 1,6 см, толщина – 0,6 см (Серигов 2013б: 35–36).

Большой интерес представляют два глиняных изделия, найденные Д. Н. Эдингом на VI разрезе, грандиозном древнем святилище, расположенном в центральной части Горбуновского болота. Оба изделия изготовлены из слабо обожженной глины в виде плоских лепешек (фото 17, 1). Их размеры – $5,1 \times 3,8 \times 1,6$ см и $4,7 \times 3,5 \times 0,8$ см. С обеих сторон на «лепешках» присутствуют непонятные знаки в виде наколов и наклонных или вертикальных линий (рис. 26, 4). На первом изделии В. А. Арефьев выделяет 22 знака, расположенных на каждой стороне тремя столбиками из 3–5 знаков. Повторяющихся знаков нет. Основой почти у половины знаков является длинная наклонная или вертикальная линия. Дополнительными элементами знаков с длинными линиями служат короткие линии или наколы. Другая часть знаков составлена из 2–3 средних по длине элементов. Сравнивая изделия с этнографическими материалами, В. А. Арефьев соотносит их с «тамгами владельца» и считает, что знаки на «лепешках» – это личные метки людей, участвовавших в древних обрядах на святилище VI разреза. В качестве примера он приводит деревянные ложки на одном из мансийских святилищ, на которых вырезано от двух до восьми знаков (Арефьев 2002: 146–147; 2010: 124–133).

Однако вырезать знак на деревянной ложке можно в любое время по мере совершения обрядов (даже в разные годы), в то время как нанести

знаки на глиняную основу можно только до ее высыхания или обжига. Следовательно, очередности в обряде здесь быть не могло. Сразу 22 человека одновременно должны были поставить свои метки. Такой способ участия в обряде представляется маловероятным.

Еще дальше в интерпретации данных знаков пошли М. Ф. Косарев и А. Г. Кифишин. Исходя из опыта дешифровки знаков на Каменной Могиле (Приазовье), проведенной А. Г. Кифишиным, они считают знаки на глиняных «лепешках» VI разреза остатками очень древнего, чрезвычайно архаичного варианта протописьменности. Читать это письмо они предлагают в протошумерском ключе. В расшифрованных ими текстах упоминается целый ряд шумерских богов: Уту – бог солнца, Ан(у) – бог неба, Ниндара – богиня подводного мира, Месламтаза – один из лунных богов, Думузи-Таммуз – «страдающий» бог. Предварительно данные «лепешки» с текстами авторы дешифровки рассматривают как жертвенный дар богам, которые почитались в «необычном» святилище на VI разрезе. А перечисленные боги являлись жертвами, «погибавшими» на дне священного Горбуновского озера (Косарев, Кифишин 2000: 272–273). Следует отметить, что это очень смелая реконструкция знаков, которая еще не раз должна быть проверенной специалистами.

Датировка этих необычных находок требует детальной проработки архива Д. Н. Эдинга. В. А. Арёфьев предварительно относит их к эпохе бронзы, а М. Ф. Косарев считает возможным датировать «лепешки» эпохой энеолита.

Таковыми же загадочными изделиями декоративной глиняной пластики являются «утюжки». К сожалению, до сих пор в литературе (в том числе и в монографии И. В. Усачевой) не опубликованы детальные описания и качественные рисунки глиняных «утюжков», поэтому автор вынужден ограничиться только самыми общими сведениями о данных изделиях. Все глиняные «утюжки» найдены в неолитических комплексах. Всего, по данным И. В. Усачевой, известно 16 глиняных «утюжков». Больше всего – два целых и три расколотых – найдено на Кокшаровском холме. С остальных памятников (Сауз–1, Коптяки, Коптяки 9, ЮАО–V, ЮАО–XII, 1 Андреевская, Исетское Правобережное, Палатки I) происходит по одному – два «утюжка». Десять «утюжков» разбиты, чаще всего вдоль или по диагонали. Все «утюжки» с Кокшаровского холма украшены резным орнаментом. Также орнаментированы (кроме трех) и остальные глиняные «утюжки» (Викторова, Кернер 1998; Алексашенко 2004; Усачева 2013: рис. 12, 1; 18, 3; 19, 2–4, 9; 20, 6, 8, 10–14; 22, 2–3, 6; 23, 2–3).

Таким образом, все произведения глиняной пластики можно разделить на три тематические группы: скульптуры, украшения и предметы культовой практики. В последнюю группу отнесены «утюжки» и изделия декоративной пластики неизвестного назначения («погремушка», «орех», «лепешки», шарики и т. п.).

Группа скульптур включает всего около 40 изображений. Антропоморфных изображений в ней 56,1 %, фигурок птиц – 19,5 %, зверей –

17,1 %, рыб – 7,3 %. Представленные в глиняной скульптуре зооморфные образы в целом совпадают с образами Восточной Европы (Кашина 2007: 125–134). Но есть и отличия. В Восточной Европе преобладают изображения птиц, тогда как на Урале количество глиняных скульптур птиц и зверей практически одинаково. При анализе скульптур можно отметить некоторые особенности, которые, возможно, связаны с их функциональным и сакральным использованием.

Фигурки птиц с ЮАО–XV и Кокшаровского Поля изготовлены из плохо высушенной и слабо обожженной глины. Эта деталь может свидетельствовать, что данные изделия не планировались для долговременного использования. Возможно, таких скульптур было и больше, но исследователи не всегда указывают качество глины и обжига.

Свыше половины скульптур найдены в разбитом состоянии (53,7 %). В основном это изображения птиц и антропоморфов. Процент разбитых скульптур среди антропоморфных изображений еще выше – 60,8 %. Из полных фигур только две найдены целыми – на р. Болдинке и Палатках II. Обе скульптуры датируются бронзовым веком. Недавно к ним добавилась еще одна с Усть-Вагильского холма. Нет никаких сомнений, что разрушение скульптур связано с каким-то обрядовым действием. Кроме определенных скульптур можно вспомнить многочисленные обломки, которые в данных подсчетах не участвовали. Только на Евстюнихе I и Шайтанском озере I найдено соответственно 13 и 16 обломков скульптурных изображений. Этнографические данные свидетельствуют, что человека с миром духов связывает предмет, вещь. Если данный предмет входит в какой-то ритуал, он воспринимается как знак, если выпадает из него – превращается в вещь. Если эту вещь в ритуале сломать, то этим самым будет разрушена связь между миром людей и миром духов (Байбурин 1989: 71–86). Какие именно ритуалы связаны с разбитыми глиняными фигурками, нам пока неизвестно.

Хотя у большинства антропоморфных скульптур отсутствуют признаки пола, можно попытаться определить их половую принадлежность. Вылепленные головы человека с Вад I и ЮАО–XIII, скорее, обладают мужскими чертами лица. Также мужскими изображениями можно считать обе антропоморфные скульптуры с Южного Урала – отбитую голову со стоянки Сабакты III и фигурку из с. Верхние Леузы. Пестиковую фигурку фаллического облика с р. Болдинки однозначно можно отнести к мужским изображениям. Все орнаментированные фигурки с Андреевского озера большинство археологов считает женскими. Скульптуры с Березового мыса и Палаток II имеют подчеркнута выраженную женскую грудь, поэтому их половая принадлежность никогда не вызывала сомнений. Определить пол у эмбрионовидных фигур и зооантропоморфных изображений с Энты I не представляется возможным. Следует подчеркнуть, что только женские статуэтки (8 экз.) украшены орнаментом (ЮАО–XIII и Березовый мыс). Возможно, орнаментом можно посчитать и насечки на шее змеи с ЮАО–VIII.

Четыре скульптуры в своем основании имеют глухие отверстия для насаживания на палочку. Интересно отметить, что в коллекции глиняной пластики Урала всего два скульптурных изображения головы человека (Вад I и ЮАО–XIII), и на обоих имеются отверстия для насаживания. Такие же отверстия присутствуют и на голове медведя с ЮАО–VIII и птице с Кокшаровского Поля. Можно было бы предположить, что скульптуры голов на палочках крепились к полным фигурам, однако отсутствие таких находок (туловищ с отверстиями) и наличие в коллекции полной фигуры птицы с отверстием пока не позволяют принять эту гипотезу. По всей видимости, скульптуры с отверстиями являлись частью каких-то сложных композиций, в настоящее время неизвестных для исследователей.

Несомненно, показателем каких-то культовых действий является наличие в коллекции глиняной пластики фигурок с отбитыми головами, отбитых голов и скульптурных изображений голов. Головы отбиты у фигуры с Березового мыса, Усть-Вагильского холма и трех скульптур с Андреевского озера. Отбитая голова человека найдена только одна, на стоянке Сабакты III. Скульптурных изображений голов в коллекции две – со стоянок Вад I и ЮАО–XIII. Также двумя экземплярами представлены головы медведя (Шувакиш I и ЮАО–VIII). А если к ним добавить изображение головы медведя в составе полиэйконической скульптуры с Евстюнихи I, то их станет три. Кроме этого, головы медведя наклеплены на венчиках сосуда и ковша с Шайтанского озера I. Из других изображений голов нужно отметить наклепленную голову собаки на край сосуда с I Береговой стоянки Горбуновского торфяника и отбитую голову птицы с Кокшаровского холма.

Автором уже высказывалось предположение, что на Урале в течение продолжительного времени существовал своеобразный «культ голов» (Сериков 2007б: 38–51). Поэтому не исключено, что антропоморфные фигурки с отбитыми головами в культовом плане могут соотноситься с некоторыми погребениями эпохи энеолита. Погребение на Аятском озере совершено без головы. Голова была захоронена отдельно, в жилище. По всей видимости, с отчлененной головой был погребен мужчина на поселении Дружный. Голова стояла теменем вверх, а шейные позвонки находились в сосуде. Подобная ситуация зафиксирована и в гроте у Каменного Кольца: череп погребенного находился в центре могилы затылочным отверстием вверх. Отсутствует череп и в погребении из навеса Старичный Гребень. В одной из могил Кара-Якуповского могильника (погребение 5) был захоронен только череп. Он лежал теменем вниз в окружении нескольких каменных и костяной подвесок. Захоронение черепа было обнаружено Д. Н. Маминым-Сибиряком на 2-м Карасьем озере. Подобные погребения без голов или захоронения отдельных черепов известны и на смежных территориях (Сериков 2013г: 23–24).

Данные о культе голов можно найти в этнографии обских угров. В. Н. Чернецов отмечает, что после похорон умершего у них очень часто сохраняются черепа. Объясняется это тем, что череп является самой важ-

ной частью скелета, так как именно в нем обитает главная возрождающаяся (четвертая) душа человека. Сохранение черепов особенно распространяется на покойников, являвшихся при жизни наиболее важными представителями данного рода (Чернецов 1959: 154).

То же самое можно сказать и о голове животного. Древнее население считало, что именно в голове заключается жизненная сила животного. Позднее голову животного стали связывать сместилищем души (Тэйлор 1939: 287; Чернецов 1959: 126; Головнев 1995: 235).

Вопрос о функциональном и сакральном назначении каждой категории скульптурных изображений (или отдельной скульптуры), следует решать отдельно в каждом конкретном случае.

Но обычно реконструкции исследователей древней скульптуры не выходят за пределы широко распространенных штампов. Это можно увидеть на примере антропоморфной скульптуры, функциональное использование которой чаще всего становилось предметом исследования. Все выводы С. В. Студзицкой, одного из основных исследователей мелкой пластики эпохи неолита и бронзы, сводятся к следующему. Антропоморфная скульптура связана с магическими обрядами. Многообразие форм антропоморфной скульптуры, по-видимому, вытекает из ее функционального назначения (Студзицкая 1985: 107–108, 115). Образ человека осмысливался в тесной связи с развитием анимистических представлений и мифологии. И в итоге: «Изображения человека в материализованной форме отражали определенные стороны взаимоотношений первобытных охотников-рыболовов с окружающей их природой и многообразной сферой социальной жизни» (Студзицкая 1985: 115).

Н. П. Матвеева, определяя назначение глиняных фигурок с Андреевского озера, пытается исходить из конкретного археологического контекста. Она указывает, что фигурки передают женский образ, что все они найдены в жилищах и разбитыми. Поэтому она принимает точку зрения В. М. Раушенбах и считает антропоморфные скульптурки хозяйками домашнего очага в рамках культа матери-прародительницы (Матвеева 1985: 224).

Более сложную картину использования глиняных фигурок предлагает В. Т. Ковалева. По ее мнению, они могли быть символами богини плодородия. Отбивание головы она связывает с магическим ритуалом, по которому происходит символическая смерть богини, а затем через магическую смерть она возрождается в новом качестве. Этот ритуал проводится в связи с представлениями об умирании и возрождении Природы (Ковалева 1995: 34–35).

Еще более сложный анализ антропоморфных глиняных фигурок проделан И. В. Усачевой. Исходя из формы тела фигурки, которая имеет вид уплощенной лепешки (без рук, ног, бедер, без детородного органа), она предполагает, что такая трактовка больше всего подходит для передачи образа не женщины – человека, а женщины – Великой матери земли. Наличие одежды на фигурках подчеркивает, что это не бесплодная земля. А тот факт, что

при раскалывании фигурки всегда нетронутой оставалась ее нижняя – плодоносящая – часть, по ее мнению, делалось специально для того чтобы земля не оскудевала. Находит И. В. Усачева объяснение и отбитым головкам. Она предполагает, что «головки забирались с собой на вновь осваиваемые земли как залог их не меньшей обильности и плодоношения». Но возможно, отбитые головки измельчались, чтобы облегчить выход находившейся в ней душе, которую впоследствии можно было «вдохнуть» в новое изображение. Проведя столь сложный анализ, И. В. Усачева интерпретирует глиняные фигурки женщин в качестве изображения местной (родовой) богини плодородия (Усачева 1998: 112–115).

Следует отметить, что к таким же выводам пришли и различные европейские исследователи первобытного искусства (И. А. Лозе) (Кашина 2004: 22).

Разносторонний анализ глиняной антропоморфной скульптуры из лесной зоны Восточной Европы, проведенный Е. А. Кашиной, привел ее к выводам: 1) что спектр функций глиняных изображений был довольно широким; 2) что глиняные скульптуры мало подчинены единому стандарту и каждая из них по-своему уникальна. Вследствие этого определение их функционального назначения чрезвычайно осложнено (Кашина 2004: 25–31). Все это можно сказать и про уральские глиняные скульптуры.

К сожалению, очень часто конкретный археологический контекст находки скульптуры остается вне внимания исследователя. Не указывается состав теста глиняной фигуры, ее сохранность и положение в слое, наличие сопутствующих или окружающих скульптуру предметов, соседство с какими-то объектами, положение фигурки к особенностям рельефа памятника (на склоне берега, у воды, в центральной части мыса, в его напольной части и т. п.). Не обладая всесторонней информацией, приходится ограничиваться стандартными, общепринятыми предположениями.

В частности, немногочисленные мужские скульптуры можно считать изображениями предков, которые были призваны охранять вход в иной мир (Жульников 2006: 84–98). В этом плане очень интересна находка пестиковой фигурки с р. Болдинки. Она лежала внутри плоскодонного сосуда бронзового века. Местоположение сосуда по отношению к рельефу памятника не указывается. Но можно предполагать, что сосуд находился в одной из сакральных точек памятника и представлял вместе со скульптурой своеобразный культовый маркер, «запирающий» символическую границу между своим и чужим мирами. По всей видимости, эту функцию и выполняли многочисленные разбитые глиняные фигурки с Шайтанского озера. Все они наряду с другими культовыми находками залегали на береговом валу озера, который являлся не только физической, но и символической границей между миром воды (миром враждебных сил) и миром людей. Именно на пограничной полосе между двумя мирами (между землей и водой) и совершались различные культовые обряды и церемонии, материальные остатки которых представлены в виде обломков глиняных фигурок (Серикив 2005в: 329–332).

Вторая по численности группа глиняной скульптуры – это изображения птиц. Образы водоплавающей птицы в литературе всегда относятся к ключевым мифопоэтическим символам древнего населения Урала и Сибири. Водоплавающая птица в мифологии евразийских народов лесной зоны – это основной персонаж в творении всего окружающего мира или, по крайней мере, его земной тверди. Птица ассоциируется с небом, небесными богами и добрыми духами, символизирует благополучие рода и выступает в роли посредника между мирами (Окладников, Мартынов 1972: 203–208; Косарев 2003: 77–82; Жульников 2006: 36–56).

Однако, определяя функциональное назначение уральских глиняных скульптур птиц, нельзя не учитывать, что половина из них найдена в жилищах. В этом отношении они соотносятся с женскими глиняными изображениями. Но если женские статуэтки могли быть хранительницами домашнего очага, то фигурки птиц можно рассматривать в качестве изображений духов, охраняющих данное жилище. В то же время необходимо отметить, что совместного залегания в жилищах скульптурок женщин и птиц пока не отмечено.

Скульптуры медведей представлены в нашей коллекции только изображением голов. Головы медведей на сосудах, как отмечалось выше, связаны с охранительным их значением. Клыки, когти и другие кости (части) медведя у многих северных народов считались действенными оберегами от злых духов (Косарев 2003: 77–82). Часто изображение медведя было связано с образом покойного шамана, ставшего духом-помощником действующего шамана, в распоряжении которого находились эти изображения (Гемуев 1985: 137–143). Следовательно, глиняные фигурки медведей могли быть апотропеями, принадлежавшими человеку, на которого была возложена обязанность охранять мир людей от вредного внешнего воздействия, т. е. шаману.

Большой интерес представляет единственный на территории Урала тематический набор из трех скульптурок, выточенных из фрагментов керамических сосудов. Все фигурки из этого набора (уточка, лосиха, рыбка) изготовлены одинаковыми техническими приемами, по единому замыслу, отражают все три уровня мирового дерева и найдены в одном из сакральных центров памятника – на береговом валу, по которому проходила символическая граница между мирами. Подобные тематические наборы глиняных скульптур зафиксированы и в Карелии. Обнаружение и интерпретация тематических наборов, по мнению Е. А. Кашиной, открывает новые возможности в изучении изобразительной знаковой системы в лесном неолите-энеолите Восточной Европы.

В заключение хотелось бы остановиться еще на одном аспекте символического назначения изделий, выполненных из фрагментов разбитых керамических сосудов. Это не только три описанные выше скульптурки, это еще кольца, диски, розетка, подвески, нашивки. Возможно, к ним следует добавить не рассматриваемые в данной работе пряслица, штампы, скребки-лощила, игральные фишки и т. п. Автор считает, что любое изделие, изго-

товленное из обломков другого изделия, должно обладать особым семантическим назначением. В новое изделие должна перелиться и часть первоначального семантического наполнения. Но этот семиотический аспект функционирования вещей остается абсолютно неисследованным в отечественной археологии.

1.3. Скульптура из кости и рога

Самые ранние костяные скульптуры на территории Урала представлены изделиями на основе природных форм. Под природными формами понимаются предметы природного происхождения, которые древний человек использовал в естественном состоянии без подработки или же с минимальной (подправляющей) подработкой. К таким формам относятся зубы и кости животных, раковины, кораллы, окаменелости, гальки, кристаллы (Серигов 2004б).

На стоянке Лабызы I (Оренбургская обл.), возраст которой достигает 40 тыс. лет, В. Г. Котовым выделено изделие из «катушки» эпифиза плечевой кости благородного оленя, которое он рассматривает в качестве антропоморфной скульптуры. Его размеры – $6,4 \times 5 \times 5$ см. Отсечение лишних частей кости позволило выделить голову, руки и женскую грудь. Ноги обозначены гравировкой (рис. 27, 1). Данную находку В. Г. Котов сравнивает с антропоморфными статуэтками из Авдеево и Пршедмости и относит ее к «знаковой» скульптуре (Котов 2012: 179; рис. 1, 5).

На палеолитической стоянке в Гарях (Свердловская обл.) найдено изделие, которое также можно отнести к произведениям первобытного искусства. Изготовлено оно из природной формы – межпозвоночного диска мамонта размером $9,8 \times 8,6$ см. От других дисков его отличает симметричность и правильная форма. Немного ниже центра изделия симметричными относительно его краев ударами с обратной стороны пробиты два сквозных отверстия. В результате межпозвоночный диск был превращен в зооморфную личину, где пробитые отверстия являлись глазами, нижний зауженный конец представлял нос, а симметричные выступы в его верхней части представляли уши (рис. 27, 2). По всей видимости, изделие изображало морду медведя в фас (фото 18, 4) (Серигов 2002: 127). Данная личина является своеобразным натуральным макетом, в котором использована природная форма. Возраст находки – 15–16 тыс. лет.

Замечательным произведением палеолитического искусства является скульптура из бивня мамонта из грота Безымянного (Свердловская обл.) (Петрин, Смирнов 1977: 60; рис. 7, 1). Она представляет стилизованное изображение животного, выполненное в стиле плоской скульптуры. Длина фигурки – 7,9 см, толщина – всего 2 мм. Склеена из четырех фрагментов. Поверхность изделия тщательно отшлифована, боковые края заглажены. Тонкие ноги фигурки отломаны в древности. Но по их положению можно предположить, что скульптура изображает присевшего для прыжка хищника семейства кошачьих (?). Однако следует подчеркнуть, что сильная

стилизация не позволяет достоверно определить вид животного. Среди ученых нет единого мнения даже в вопросе, что считать головой, а что хвостом. На Урале это пока единственная палеолитическая скульптура. В палеолите России (и бывшего СССР) аналогий ей не имеется. О. Н. Бадер в качестве аналогии приводит плоскую скульптуру льва со стоянки Павлов (Чехия) (Бадер, Петрин 1978: 30–31). Автор видит определенное сходство и со скульптурным изображением хищника со стоянки Истуриц (Франция) (Елинек 1985: 433). Памятник имеет дату около 19 тыс. лет.

Мезолитическая скульптура в основном связана с оформлением боевой и рукояточной части костяного вооружения. В экспозиции Свердловского областного краеведческого музея находятся два костяных игловидных наконечника стрел, острия которых оформлены в виде стилизованных головой водоплавающих птиц. Длина более крупного экземпляра стрелы составляет 19,3 см (Труды... 2009: рис. 512). Там же экспонируются два костяных кинжала с зооморфными рукоятками. У одного кинжала длиной 31,1 см рукоять оформлена в виде скульптурного изображение головы животного (рис. 28, 2). При виде сверху она напоминает голову медведя (Савченко 2005: 213; рис. 1, 1). Однако В. Н. Широков в этом же изображении видит головку птицы (Широков 2010: 94). Второй кинжал, также вкладышевый, имеет дугообразное лезвие. Его рукоять заканчивается стилизованной головкой водоплавающей птицы (рис. 28, 4). Длина изделия – 30,5 см (Савченко 2005: 224; рис. 11, 2). Все находки происходят с Шигирского торфяника.

Фигурка в виде стилизованной головки животного, изготовленная из рога лося, обнаружена М. Г. Жилиным в верхнем мезолитическом слое торфяной части Второй Береговой стоянки Горбуновского торфяника (Жилин, Савченко 2010: 36). Она изготовлена из отрубленного отростка рога длиной 5,5 см (Савченко 2014: рис. 10, 4). Головка имеет плавные обводы, своими очертаниями очень похожие на головку медведя на рукоятке деревянного весла с Шигирского торфяника (рис. 32, 7). Вполне вероятно, что головка тоже являлась навершием кинжала или другого изделия.

Коллекцию костяной скульптуры эпохи неолита открывают украшения из погребения шамана в гроте на камне Дождевом (р. Чусовая). Девять отшлифованных подвесок в виде уток изготовлены из таранных костей бобра (фото 18, 5). Все фигурки довольно стандартизированы: они имеют подквадратное тулово, короткую шею и массивную голову. У двух из них сзади головы присутствует своеобразный гребень. Длина уток – 2,2–2,5 см, высота – 2,3–2,5 см, толщина – 0,3 см (рис. 27, 8–16). От одной утки сохранилась только головка. У хвостов фигурок каменным сверлом путем встречного сверления проделаны отверстия диаметром 0,2–0,4 см. Скульптурки пришивались к одежде за отверстие и за шейку (Сериков 1993: 136).

Скульптурное изображение головы лося обнаружено в неолитическом слое Кокшаровско-Юрьинской торфяниковой стоянки. Изготовлена скульптура из естественной пяточной кости лося. Пяточная кость сама по себе имеет большое сходство с мордой животного. Незначительная подработка

ее поверхности (в частности, выделены губы животного) дает основание трактовать данную находку как скульптуру (Сериков 1992: 140; рис. 3, 8).

Аналогичная скульптура из пяточной кости лося длиной 15,4 см (рис. 27, 5) найдена во время подводных археологических работ на дне Шигирского озера. Датировка ее затруднена, но учитывая, что большая часть датированных находок со дна озера (и прежде всего, керамика) относится к эпохе энеолита, данную скульптуру также можно соотнести с этим временем.

Также на дне озера найдена еще одна скульптура. Изготовлена она из рога. Скульптура изображает водоплавающую птицу, возможно, большого крохаля (фото 18, 3). Ее длина – 15,8 см, высота – до 2,2 см, толщина – 1,3 см. Клюв птицы довольно вытянут. С одной стороны его серией насечек показана ноздря. Хорошо обозначен разрез клюва, конец подклювья загнут книзу. На подклювье с двух сторон нанесены отдельные насечки – 9 и 10 шт. (рис. 27, 4). Фигура имеет коленчатую форму, – возможно, она являлась частью или рукояткой какого-то составного изделия – ковшика. В местах изгиба скульптуры сохранились следы обработки. Однако на голове птицы они удалены тщательной полировкой поверхности. Условия находки аналогичны вышеописанной скульптуре лося. Видимо, также следует решать и вопрос датировки скульптуры. Аналогии данной скульптуре автору неизвестны.

В этом плане интересна еще одна находка. Ее также нашли на дне озера, но на другом – озере Увильды в Челябинской обл. Аквалангисты Челябинска на расстоянии 25–30 м от берега, на глубине 22–23 м в донном иле нашли целый глиняный неолитический сосуд, внутри которого находился сосуд поменьше. Также в большом сосуде находился деревянный ковш длиной 14,5 см, выполненный в виде тулова водоплавающей птицы (рис. 33, 2). Рукоятка, которая вставлялась в отверстие на конце ковша, у него отсутствовала. Учитывая форму ковша, она могла быть изготовлена в виде головки водоплавающей птицы (Юрин 2006: 62–64).

Еще две находки такого же плана происходит из пещерных святилищ на реке Чусовой. В пещере Туристов найдено изделие, выполненное из рога в виде фигурной Г-образной рукояти длиной 6,4 см. Сечение рукояти овальное, нижняя часть уплощена на две грани. На верхнем конце вырезана головка лосихи. В нижней части изделия присутствует вырезанное металлическим орудием овальное отверстие размером 0,4 × 0,5 см. От отверстия вниз отходит паз длиной 0,8 см и диаметром 0,4 см. Вполне вероятно, что данное «навершие» являлось рукояткой составного ковшика, к которому крепилось при помощи отверстия и паза (Сериков 2009: 62; рис. 35, 17). Обломок второй рукоятки найден в пещере Котел. Сохранилось навершие рукоятки в виде вытянутой головы животного с короткими округлыми ушами, – скорее всего, медведя. В передней части морды металлическим орудием прорезано овальное отверстие размерами 3 × 6 мм (рис. 27, 7). По всей видимости, изделие являлось навершием рукоятки

ковшика, который при помощи отверстия мог подвешиваться к поясу (Сериков, 2009: рис. 107, 20).

Данные находки позволяют предполагать существование в древности ковшей и ложек с составными рукоятками.

С Шигирского торфяника (а Шигирское озеро является остаточным водоемом торфяника-палеоозера) происходит еще серия выразительных, но трудно датируемых находок костяной и деревянной скульптуры (Археологические памятники Шигирского торфяника 2001).

Наиболее интересной и загадочной находкой с торфяника можно считать фигурный молот из рога лося. Его длина 23,2 см. На удлиненной части молота два слабо намеченных бугорка передают глаза, пасть почти во всю длину морды полураскрыта, зарубки по краю ротового отверстия обозначают зубы (рис. 28, 1). Считается, что это изображение какого-то фантастического животного. По мнению Д. Н. Эдинга, данный молот является показателем бытования на Урале изображений фантастических животных (Эдинг 1940: 61). Но есть и другое предположение: анализ мифологии и этнографии северных народов позволяет видеть в этой скульптуре изображение мамонта-щуки («кволи-козар») (Сериков, Серикова А. Ю. 2004: 168–172).

Также из рога вырезаны еще две скульптуры. Обе изображают головы лосей. Длина первой – 18 см. По стилю изображения она очень похожа на каменный фигурный молот из Евстюнихи (рис. 1, 4). У морды хорошо обозначены ноздри, показан разрез рта, кольцевой канавкой выделены глаза (рис. 28, 3). Вторая скульптура выполнена в объемном и очень реалистичном виде (Эдинг 1940: 53–54; рис. 44). Она имеет Г-образную форму, что позволяет его отнести к навершиям Оленеостровского типа. Длина головы лося составляет 15,5 см, а длина стержня – 9,5 см. Стержень навершия слегка уплощен и на внешней стороне имеет зарубки, что облегчало его крепление к древку посоха (?) (рис. 28, 5). Следует отметить, что глаза лося выделены двумя круговыми желобками, которые, возможно, инкрустировались каким-то минералом. В связи с этим можно вспомнить инкрустированные перламутром глаза сов из окаменевших раковин (Муллино) (рис. 4, 5). Д. Н. Эдинг считал эту скульптуру ручкой сосудов или других предметов (Эдинг 1940: 53). В. И. Мошинская сомневалась, что такое крупное изделие могло быть ручкой сосуда. Она видела в нем ритуальный предмет, который был символом власти (видимо, – жезл) (Мошинская 1976: 65). Точку зрения Д. Н. Эдинга конкретизировала И. В. Калинина, которая в своем докладе на конференции в Твери (2006 г.) предположила, что данное навершие могло быть ручкой крупного деревянного ковша, найденного здесь же на Шигирском торфянике (рис. 31, 6) (Труды... 2009: рис. 505). Высота этого ковша 26,5 см. А на Разбойничьем Острове найдена заготовка такого ковша, у которого рукоятка оформлена в виде головы лося (рис. 31, 4). По ее мнению, такие сосуды применялись для глушения рыбы и вычерпывания воды.

Две половинки разрушенной временем роговой скульптуры лося обнаружены на Аннином острове (Шигирский торфяник). На роговых пластинах вырезаны заостренные уши, бугорками показаны пеньки рогов, глаза выделены круговыми резными канавками (Эдинг 1940: 55–57; рис. 48, 49).

Все эти скульптуры найдены на торфянике в процессе золотодобычи, поэтому вопросы их датировки до сих пор остаются дискуссионными.

С торфяников происходят и другие единичные находки костяных и роговых скульптур. Предварительно к раннему неолиту относят заготовку цельного жезла из рога лося, найденную на Кокшаровско-Юрьинской II торфяниковой стоянке (Кокшаровский торфяник, Свердловская обл.). Он имеет Г-образную форму длиной около 38 см. Нижний конец изделия заострен, а верхний – уплощен с двух сторон. Форма скульптурного навершия только намечена, но в ней легко угадывается голова лося (фото 18, 2) (Жилин и др. 2012: 68; рис. 33).

В прибрежной заторфованной части озера Шувакиш (Свердловская обл.) в энеолитическом слое стоянки Шувакиш I найдена костяная головка животного. По сравнению с другими скульптурами она имеет миниатюрные размеры: $1,3 \times 1,4 \times 0,4$ см. Тыльная сторона изделия гладкая и слегка выпуклая. На лицевой стороне вырезана мордочка животного, – медведя или куницы (Чаиркина 1998: 94). Широкий прямоугольный нос и короткие уши, на взгляд автора, более характерны для медведя (рис. 27, б).

Следует упомянуть еще одну находку с территории Оренбургской обл. В обрыве реки Ток случайно было обнаружено скорченно-сидящее погребение, которое сопровождало единственная находка – Г-образный жезл из лосиного рога. Погребение ориентировочно относят к эпохе неолита. Рукоять жезла длиной 47 см имеет круглое сечение. На изогнутом конце жезла вырезана голова лося длиной 16,5 см. Голова тщательно обработана и отполирована. По технике изготовления скульптура очень близка аналогичным изделиям с Шигирского торфяника: пасть животного обозначена резным желобком; ноздри показаны овальными углублениями; зрачки глаз оформлены в виде круглых ямок, оконтуренных кольцевым желобком; подчелюстная выемка вырезана в виде V-образной фигуры (рис. 20, 4) (Богданов 1992: 195–196). Особенностью данного жезла является вертикальный паз, прорезанный на изгибе и в верхней части рукояти. По мнению С. В. Богданова, паз мог служить для помещения в него плюмажа, или же с его помощью жезл крепился к более крупному предмету. Автор же считает, что расположение паза в верхней части рукояти не случайно. В него могла крепиться грива животного, выполненная из органических материалов (шерсти, меха, растительных волокон). Подобная грива вырезана из рога на широко известном жезле из погребения № 152–153 Оленеостровского могильника.

Подобные Г-образные навершия известны в Оленеостровском могильнике, могильнике Звейниеки, на стоянках Швянтойи III, поселении Модлона и других памятниках европейского Северо-Запада. Как и фигурные

молоты они могли являться навершиями шаманских посохов (Сериков 2000: 207–210).

1.4. Деревянная скульптура

Деревянные изделия являются редким видом археологических источников. Еще более редкими являются находки произведений искусства из дерева. Они обнаруживаются только на торфяниковых памятниках. И таких торфяников очень немного, – всего пять: Шигирский, Горбуновский, Кокшаровский, Карасьезерский, Висский. Причем основная часть таких изделий происходит с Шигирского и Горбуновского торфяников.

Самым известным деревянным изделием не только на территории Урала является Большой Шигирский идол (фото 19). Он найден в 1890 г. на Втором Курьинском прииске Шигирского торфяника (Толмачев 1916: 94–99). Общая длина идола составляла 5,3 м, но нижняя часть тулова длиной 1,93 м со временем оказалась утраченной. Фигура выполнена из перевернутого бревна, т. е. голова вырезана из его комлевой части. Голова идола изготовлена в стиле круглой скульптуры, тогда как тулово – из вырубленной доски. Тулово со всех сторон украшено резным геометрическим орнаментом. На широких плоскостях идола вырезано несколько антропоморфных личин (рис. 29, 1). На рисунке В. Я. Толмачева присутствуют пять личин, но при монтаже экспозиции Шигирской коллекции С. Н. Савченко была выявлена еще одна личина и замечены некоторые расхождения в изображении орнамента на фигуре (Савченко, Жилин 2004: 130–134; рис. 1–3). Интересно отметить, что линия глаз идола в сочетании с носом образуют букву Т, а рот изображен круглым углублением, т. е. – раскрытым (рис. 29, 2). Такую же форму имеют и вырезанные личины, но у них показаны только глаза и нос. Эта особенность изображения лица характерна практически для всех деревянных антропоморфных изображений Урала. С одной стороны ее можно объяснить спецификой обработки древесины при помощи каменных или металлических орудий. Но с другой, – возможно, эта особенность транслировалась во времени, поскольку имелся обязательный образец для изготовления идолов.

Таким образом могло быть «лицо», высеченное природой на 60-метровой скале камня Дыроватого на р. Чусовой. «Лицо» на скале заключено между двумя расселинами. На нем хорошо различаются глаза в виде углубленных участков скалы и нос в виде скального выступа. Пещера на скале представляет открытый в крике рот, а остатки колонн в пещере – зубы. Можно добавить, что в пещере найдено свыше 20 тыс. наконечников стрел разных эпох. По всей видимости, пещера являлась межплеменным святилищем, которому поклонялось все население бассейна реки Чусовой (Сериков 1996: 121–138). Необычность данного святилища и его значимость для древнего населения Среднего Урала позволяет предполагать, что «лицо» каменного идола могло быть эталоном для изображения местных идолов.

О датировке Шигирского неоднократно высказывались разнообразные точки зрения. Его датировали последними веками до нашей эры, ранним железным веком, III–II тыс. до н. э., неолитом (Мошинская 1976: 46–47). В 1997 г. по древесине внутренних слоев идола были получены три радиоуглеродные даты: 8680 ± 140 (9467/1) – 8750 ± 60 (9467/2) – 8620 ± 70 (Le-5303) лет тому назад. Калиброванные значения дат (2 сигмы, 95,4 % вероятности) – 7696–7498 cal BC. Т. е. идол изготовили около 9,5 тыс. лет назад в эпоху мезолита (Савченко 1999: 52). Таким образом, на Шигирском торфянике найдена самая древняя в мире деревянная скульптура!

Тем не менее, следует упомянуть одну деталь, которая может повлиять на дату Шигирского идола. Дело в том, что идол изготовлен из древесины либо ели сибирской, либо лиственницы сибирской (Горячев 1999: 45–49). Эти породы деревьев хорошо сохраняются в болоте. Но радиоуглеродный анализ показывает дату «смерти» дерева, а не дату изготовления из него какого-то изделия. Если идол изготовлен из уже лежавшего в болоте дерева, его возраст может быть намного моложе.

В 2012 г. был опубликован доклад Н. П. Анисимова и Е. А. Окладниковой об одном из вариантов использования Большого Шигирского идола (Анисимов, Окладникова 2012: 60–76). Авторы сравнивают идола с мегалитами древности и предполагают, что он использовался в качестве передвижного мегалита, т. е. устанавливался на плоту. По их мнению, Т-образные личины на тулове идола на самом деле таковыми не являлись (отсутствовал рот), а служили опорными пазами «для фиксации подпоров от бокового смещения». С использованием инженерных данных они рассчитывают систему крепления идола на плоту и приходят к выводу, что «Большой Шигирский идол» является элементом более сложной инженерной и смысловой конструкции, чем традиционный предмет для ритуала. Также они считают, что такие сложные технологические особенности конструкции вряд ли могли возникнуть в эпоху мезолита (Анисимов, Окладникова 2012: 60–76).

На Язевском прииске Шигирского торфяника была найдена деревянная голова идола длиной 18 см (фото 20). Лицо у него плоское. Глаз практически нет. Их заменяет Т-образный уступ, роль которого выполняют находящиеся в одной плоскости надбровья и выступающий нос. Рот показан овальным широким желобком. Скульптура отличается тем, что тыльная часть головы покрыта вертикально расположенными желобками, скорее всего, обозначающими волосы. Своеобразной челочкой они заходят и на верхнюю часть лицевой стороны. По кромке лица от уровня носа к выступающему подбородку расположено по шесть крупных зарубок (рис. 29, 3). По мнению Д. Н. Эдинга, они изображали бороду (Мошинская 1976: 51). Судя по тонкой шее и характеру слома, голова могла быть отломана от полной фигуры.

Г. Н. Паранина считает, что лицо Малого Шигирского идола могло служить солнечными часами. При этом нос его являлся гномоном, а насечки на подбородке – разметкой частей дня. Когда тень от носа надвигалась на

рот идола, то своим движением могла создавать иллюзию движения языка. Создавалось впечатление, что идол говорил, передавал какие-то сообщения (Паранина 2011: 169). Большой Шигирский идол, по ее мнению, также мог использоваться в календарном счете в качестве гномона (Паранина 2011: 169–170).

В 2011 г. жители Урала смогли ознакомиться с замечательными находками с Шигирского торфяника из коллекции барона де Бая, которые экспонируются в Музее Человека в Париже. Среди них был еще один деревянный идол (фото 21), о котором научная общественность Урала ничего не знала. Его высота – около 40 см. Идол изображен с длинной и заостренной головой, что создает впечатление специфического головного убора. Его длина от линии надбровья составляет почти половину высоты фигуры. На выступающем ребре оборотной стороны идола нанесено девять поперечных зарубок. Нижняя часть лица передана одной плоскостью, которую сверху ограничивают надбровья. Вместе с длинным и прямоугольным носом они образуют все ту же букву Т. Глаза и рот у идола отсутствуют, туловище – тоже. Голова фигуры опирается на широко расставленные короткие полусогнутые ноги, своим изгибом очень напоминающие ножки венского стула (рис. 30, 1) (Савченко, Ромен 2011: 257–258). Но можно предположить, что данный идол являлся лишь частью большой составной фигуры. Тогда «ноги» будут изображать слегка раздутые щеки, а полость между ними – широко открытый рот, который мог использоваться для кормления идола.

С Горбуновского торфяника по последним данным происходит не менее семи идолов. Три идола представлены обломками, еще об одном имеется только устное сообщение (Гаджиева 2004: 92–93). Наибольшую известность имеет идол из раскопок 1931 г. (фото 22). Высота скульптуры сразу после извлечения из торфа составляла 125 см, в настоящее время высота идола 96,5 см. Глаза, щеки и рот выполнены в одной плоскости. Нос обозначил срезанный сучок, рот показан довольно глубокой серповидной выемкой. Особенностью данного идола является наличие разделенных ног. Они выполнены в виде тонких и коротких колышков (рис. 30, 2) (Эдинг, 1937: 136–137). Важно отметить, что ноги слегка согнуты в коленях. Также согнутая нога присутствует и у фрагмента идола из раскопок 1936 г. (Эдинг 1940а: табл. IV, 6). Многие исследователи обращали внимание на позу идола: фигура изображена несколько согнутой в поясице. На самом деле фигура изображена со слегка отставленным назад тазом, т. е. не согнувшейся вперед, а прогнувшейся назад. Автор предполагает, что прогнутая спина и согнутые в коленях ноги характерны для позы танцующего человека.

Второй идол из раскопок 1927 г. представляет собой кол длиной 123 см с высеченным на нем лицом. Он слегка изогнут в профиле, нижняя часть заострена для втыкания в землю. Удлиненная голова имела очень плохую сохранность: на лице с трудом просматривалось отверстие рта (Эдинг 1937: 138; рис. 7–8).

Идол 1936 г. представлен тремя обломками также в виде кола. Сохранность скульптуры плохая, но и здесь можно заметить, что надбровья и нос личины образуют Т-образную фигуру (рис. 31, 2).

От четвертого идола (1927 г.) сохранилась заостренная кверху голова высотой 41 см. Ее характеризуют высокий лоб, заметно выступающие надбровья и прямоугольный нос. Оформление рта на лице отличается от других идолов. Он вырезан не овальным, как обычно, а в виде асимметричного сильно приплюснутого ромба (рис. 29, 4) (Эдинг 1940: 137–138).

Любопытная антропоморфная фигурка экспонируется в Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея. Она никогда не упоминалась в литературе и никогда не публиковалась. Это миниатюрная фигурка без рук, без ног, с овальным туловом, в середине которого находится такое же овальное сквозное отверстие (фото 28, 2). У нее круглая головка, лицо оформлено совсем в другом стиле, чем у шигирских и горбуновских идолов. Глаза у фигурки показаны неглубокими округлыми ямками, рот просматривается в виде плохо выраженного углубления под носом, а нос изображен круглым выступом. Фигурка, скорее всего, относится к поздним периодам времени. С. Н. Панина считает, что она являлась изображением духа, помогавшего женщинам при родах. При этом в отверстие в животе фигуры могли класть какие-то предметы, связанные с этим ритуалом.

Небольшая головка высотой всего 4 см найдена на Разбойничьем Острове (Карасьеозерский торфяник, окрестности Екатеринбурга). На ее лице вырезаны надбровья и длинный прямоугольный нос, рот отсутствует (рис. 31, 3) (Чаиркина 1998: 97).

Зооморфная деревянная скульптура на торфяниках Урала представлена изображениями лося и медведя.

Наибольший интерес из них вызывают культовые сосуды в виде полных фигур лося. Первые скульптурные сосуды найдены Д. Н. Эдингом на VI разрезе Горбуновского торфяника в 1928 и 1929 гг. Наиболее выразительна скульптура 1928 г. Она вырезана из ольхи и изображает самку лося (фото 23). Длина скульптуры 23,5 см, высота 17,2 см. Тулово животного обработано лишь частично. Ноги выполнены в виде заостренных колышков. На спине вырезана обширная и глубокая полость. Голова лосихи изготовлена увеличенной по сравнению с туловом. Характерные черты животного показаны исключительно точно: утолщенная верхняя губа, большие ноздри, подчелюстная выемка. Выпуклые маленькие глаза в центре имеют углубления, которые, по мнению Д. Н. Эдинга, могли быть заполнены цветной массой. На месте ушей сделаны углубления, куда могли вставляться уши из другого материала (рис. 32, 4).

Скульптура 1929 г. сохранилась не полностью: отсутствуют голова и три ноги. Тем не менее, уровень и качество ее обработки более высокий, чем у фигуры 1928 г. (Эдинг 1940: 45–49; рис. 36–39).

Третий сосуд, найденный в 1979 г. В. Ф. Старковым, также сильно фрагментирован. От него сохранилась голова, передняя нога и большая

часть тулова (фото 23). Длина сохранившейся части фигуры – 23,5 см, высота – 17,1 см. Скульптура тщательно обработана и отшлифована. Заметно зауженная и вытянутая голова имеет плавные обводы. Судя по очертаниям фигуры, – изображена лосиха. У нее горбатый нос, большие круглые глаза с ямками в центре и отверстия на месте ушей (рис. 32, 3). Щеки и нижняя губа животного инкрустированы медными скобками. Узкая полость в спине в плане имеет линзовидную форму (Старков 1980а: 172).

Четвертый сосуд в виде лося в 1986 г. передан автору геологом старательской артели «Нейва» И. Н. Лучниковым. Найден он на Шигирском торфянике между Озерным (Старым Шигирским) и Вторым Курьинским приисками. Находился он на участке, не тронутом золотоискателями прошлых веков. По свидетельству геолога, сосуд залегал под торфом, на глубине около 4 м, в нижней части сапропеля, на контакте с синей болотной глиной. Это подтверждается и изучением сосуда: в нижней его части обнаружены ввевшиеся частицы синей глины.

Жертвенный сосуд выполнен в виде полной скульптуры лося (фото 24, 2). Ноги, уши и нижняя часть морды животного сколоты в древности. Нижняя часть туловища отслоилась уже в наше время. На одной стороне морды сохранился слегка выпуклый глаз животного. Сзади присутствует аккуратно вырезанный хвостик. Это единственная скульптура лося, у которой изображен хвост. В отличие от других скульптур у нее рельефно выражена холка. Это отличие позволяет предполагать, что древний мастер изобразил лося-самца. От холки вглубь спины идет выдолбленная металлическим орудием полость глубиной до 4 см. Вся поверхность скульптуры хорошо заглажена и покрыта расчесами, выполненными каменным орудием, скорее всего, скребком. По всей вероятности, данные расчесы передают шерсть животного. Общая длина животного от кончика хвоста до сохранившейся части морды – 38,3 см. Ширина скульптуры в области тулова – 8,2 см, высота в холке (от брюха) – 12,5 см (рис. 32, 6). По своим размерам данная скульптура заметно превосходит описанные экземпляры с Горбуновского торфяника. Обращает на себя внимание большой реализм в изображении животного, а также тщательная выделка мелких деталей (глаза, уши, холка, хвост) (Литвиненко, Сериков 1998: 216).

С Шигирского торфяника происходит и уникальный сосуд длиной около 34 см типа своеобразного черпака с рукоятью, выполненной в виде головы лося (Эдинг 1940: 49–51). Сосуд имеет форму удлиненного лотка, на дне которого было прорезано одиннадцать узких сквозных канавок. Жесткость изделия обеспечивала поперечная цельная перемычка, расположенная в центральной его части. Один конец лотка имеет закругленную форму, а противоположащий – после постепенного сужения превращается в рукоятку, выполненную в виде скульптурной головы лося (фото 24, 1). При взгляде сверху очертания сосуда напоминают фигуру лося, где лоток является туловом животного (рис. 32, 1). Голова лося вырезана очень тщательно с подчеркиванием всех характерных черт животного: выпуклые глаза, прижатые уши, ноздри, горбатый нос и отвисшая нижняя губа (рис. 32, 2). В 2003 г. на

стоянке Шигирская А обнаружен аналогичный почти целый лоток с прорезным дном, но рукоятка у него отсутствовала (Чаиркина 2005: 247).

В энеолитическом слое стоянки Разбойничий Остров найдена заготовка уплощенного ковша длиной до 45 см, шириной – до 24 см и толщиной – до 6,5 см. Изделию придана только общая форма сосуда, скорее всего, это должен был быть уплощенный ковш типа известных на Шигирском торфянике (рис. 31, б) и Аятском озере (Труды... 2009: рис. 505–506). Рукоятка ковша планировалась в виде головы лося: были намечены ее контуры, но без проработки деталей (рис. 31, 4).

Интересной, но все еще не опубликованной находкой является головка лося с VI разреза Горбуновского торфяника. Всего несколькими срезами ей придана общая форма головки животного. Вырезана она на конце изогнутой ветки дерева (Старков 1980а: 173). Учитывая известные Г-образные навершия шаманских посохов, данная находка может быть миниатюрной копией шаманского посоха с Г-образным навершием в виде головы лося (Сериков 2000: 207–210).

Также из дерева выполнено изображение рога лося длиной 36,4 см, найденное на VI разрезе Горбуновского торфяника. Д. Н. Эдинг считал, что подобные рога являлись частью маски лося и служили для проведения магических обрядов (Эдинг 1940: 58–60; рис. 55).

Последние работы на торфяниках Урала все больше свидетельствуют об энеолитическом возрасте большей части описанных деревянных скульптур лося. Однако известно и более древнее изображение лося из дерева.

Найдено оно Г. М. Буровым на I Висском торфянике (Княжпогостский р-н Республики Коми), датируемом эпохой мезолита. Голова лося с поднятыми ушами, выпуклыми глазами, широкими ноздрями и горбатым носом вырезана на конце изогнутой доски (рис. 30, 3). Ниже скульптурного изображения на доске проделаны два круглых отверстия. Предполагается, что скульптура крепилась к лыжам и украшала их концы (Burov 1989: 394–395; fig. 2–2a).

Другие животные в дереве изображались крайне редко. На Шигирском торфянике найдены две скульптуры, изображающие головы медведей. Одна фигурка выполнена с большим искусством. Она имеет миниатюрные размеры, ее длина всего 5,1 см. Головка имеет слегка заостренный нос с обозначенным разрезом пасти, выпуклые круглые глаза и маленькие закругленные уши. Поверхность головки покрыта мелкими площадками, которыми древний мастер обозначил шерсть животного (рис. 32, 5). Д. Н. Эдинг считал головку ручкой сосуда. Учитывая находки последних лет, в том числе и из других материалов, с этим предположением вполне можно согласиться.

Схематическое изображение головы животного вырезано на рукоятке весла, от которого сохранился обломок длиной 31,9 см. В силуэте головы легко угадывается тупая морда медведя (рис. 32, 7). Обломок рукояти со схематическим изображением головы неопределимого животного найден на Горбуновском торфянике (Эдинг 1940: рис. 53–54). С. Н. Погорелов,

анализируя деревянные весла с торфяников Среднего Урала, выделяет восемь типов оформления концов рукояток. У трех типов рукоятки весел заканчиваются схематическими изображениями голов зверей (Погорелов 1998: 233–235; рис. 1, 1–3). Выявлены такие весла на Шигирском, Горбуновском и Карасьеозерском торфяниках.

Единичной находкой представлено скульптурное изображение змеи с Горбуновского торфяника. Она вырезана из плоской доски, сохранился фрагмент длиной 27 см. Змея с утолщенной ромбической головой изображена в извивающейся позе (рис. 31, 5) (Эдинг 1940а: 54; табл. IV, 1).

Возможно, со временем некоторые деревянные обломки будут интерпретированы по-новому и начнут восприниматься как сломанные скульптуры. Примером могут служить некоторые находки с VI разреза. Среди них плоская лучинка, на конце которой вырезан ромб – головка змеи (?) (Эдинг 1940а: 56). А также заостренный в виде карандаша кол, который В. Ф. Старков считал основанием идола (Старков 1980: 172).

Почти все изображения птиц из дерева связаны с ковшом и ложками, где они являются навершиями фигурных ручек (рис. 33, 1–8). К настоящему времени известно около 30 украшенных головками птиц ручек, но сведения об их находках в разных работах заметно разнятся. Например, по данным С. Н. Погорелова, с разных приисков Шигирского торфяника происходит 13 изделий (Погорелов 2002: табл. 2), тогда как Н. М. Чаиркина упоминает лишь о трех (Кашина, Чаиркина 2011: 160). Не менее 17 ковшей-ложек найдено на VI разрезе Горбуновского торфяника (фото 25, 26, 27). И одна рукоятка ковшика обнаружена на Кокшаровско-Юрьинской I торфяниковой стоянке. С. Н. Погорелов определяет восемь типов деревянной посуды, но головки птиц в основном украшают ручки ложек и ковшей (Погорелов 2002: 123–125). Среди определимых изображений он выделяет уток (9 экз.), гусей и лебедей (по 3 экз.) и болотную курочку (Погорелов 2002а: 153). Через восемь лет он же расширяет этот список: уток уже 15 экз., гусей – 3 экз., лебедей – 6 экз., болотная курочка – 1 экз. (Погорелов 2010: 182). Н. М. Чаиркина среди птиц, украшающих ложки-ковши, определяет лебедей (2 экз.), уток и гусей (по 5 экз.), гагару, гуся или лебедя и неопределимые (7 экз.) (Кашина, Чаиркина 2011: 165).

Все головки птиц разнотипны по технике и качеству исполнения. Среди них присутствуют «ремесленные изделия», где головки выполнены очень схематично. Но есть и высокохудожественные, к которым Д. Н. Эдинг относит ложку с головой лебедя (рис. 33, 5) и ручку ковша с головой гуся (рис. 33, 7) с Горбуновского торфяника. Из находок В. Ф. Старкова нужно отметить ковш с ручкой в виде «трубящего» лебедя (фото 26). Это крупное изделие высотой около 21 см вырезано из комлевой части сосны. В результате древесные слои на шее птицы и на ее голове расположены почти перпендикулярно друг другу. Благодаря этому мастер смог реалистично передать оперение птицы и на тулове, и на вытянутой шее. А вот голова лебедя изображена очень схематично, она оформлена всего несколькими срезами (рис. 33, 8). С большим мастерством изготовлена рукоятка ковшика в виде

головки утки с Кокшаровско-Юрьинской I стоянки. Клюв утки передан очень реалистично: от головы он отделен резной линией, складки клюва обозначены двумя линиями, на носике клюва неглубокими ямками показаны ноздри. Вся головка утки покрыта мелкими срезами, передающими оперение (рис. 33, 1). Целых ложек-ковшей всего 5 экз. (4 – с Горбуновского торфяника и 1 – с Шигирского), все остальные представлены обломками. Вопрос о датировке ложек-ковшей с фигурными рукоятями полон противоречивости. По традиции эти интересные изделия датируют в пределах неолита – бронзы. Но по стратиграфическим наблюдениям большая часть этих изделий следует отнести к энеолиту.

Изображения головок птиц присутствуют и на четырех типах рукояток весел. Все они предельно стилизованы, чаще всего изготовлены в виде уплощенного и расширенного клюва (Погорелов 1998: 233; рис. 1, 4–7).

Скульптуры птиц с энеолитического слоя стоянки Разбойничий Остров выполнены совсем в другом стиле. Они не связаны с посудой и являются полнофигурными изображениями, скорее всего, птиц в полете. Длина почти целой (обломан хвост) скульптуры достигает 40 см. Длинная (32 см) шея заканчивается схематически изображенной головкой. На спинке тулова нанесены десять рельефно выраженных поперечных нарезок. От боков тулова в виде небольших выступов отходят слабо обозначенные крылья. С двух сторон выступов прорезаны противолежащие пазы, в которые, по мнению Н. М. Чаиркиной, могли вставляться берестяные или кожаные крылья (рис. 31, 1) (Чаиркина 2005: 240). Но эффектней, на взгляд автора, смотрелись бы крылья из птичьих перьев. От второй фигурки сохранилось только тулово и часть шеи. На спинке тулова также нанесены насечки, а по бокам прорезаны пазы (рис. 30, 4).

Совершенно необычная скульптура птицы найдена Н. М. Чаиркиной в 2008 г. на VI разрезе Горбуновского торфяника. Автор называет ее «птичка на пенечке». Скульптура изображает сидящую на «пеньке» птичку с вытянутой шеей и опущенным хвостом (фото 28, 1). Головка птички показана общим контуром, без проработки деталей. Годичные кольца на спине фигурки реалистично передают оперение (рис. 58, 1). Это явно не водоплавающая птица. Больше всего она похожа на глухарку. Длина скульптуры около 15 см (Рыжкова, Устинова 2010: фото на вклейке).

Таким образом, на территории Урала известно не менее 60 деревянных скульптур, большая часть которых происходит с Горбуновского (32 экз.) и Шигирского (21 экз.) торфяников. «Видовой» состав скульптур не отличается разнообразием. Больше всего – не менее 35 экз. – изображений птиц. Двенадцать скульптур изображают человека, девять – лося, два – медведя, одна – змею. Остальные изделия относятся к неопределимым.

ГЛАВА 2. ГРАФИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ

2.1. Гравировки по камню

Гравюра – один из древнейших видов изобразительного искусства. Гравированные фигуры животных, так же, как и орнаментальные композиции, известны на территории Западной Европы в десятках пещерных святилищ эпохи палеолита. Гравировками покрывались не только стены пещер и открытых плоскостей, они известны на каменных плитках и гальках, ими украшали многочисленные изделия из кости, бивня, рога и камня.

Первые гравированные знаки на камне появляются в мустьерскую эпоху (рис. 39, 1–3) (Столяр 1985: 127). В начале верхнего палеолита – около 30 тыс. лет назад – гравировка по камню уже хорошо известна. Прежде всего это гравированные фигуры и знаки на скалах как в пещерах (Столяр 1985: 117), так и на открытом воздухе (Дэвлет Е. Г. 2004: 72–74). Значительно реже встречаются фигуративные изображения на отдельностях – плитках и гальках. Тем не менее, в палеолите Западной Европы известны выгравированные фигуры мамонта, носорога, бизона, медведя, северного оленя, волка, зайца, женщины (Столяр 1985: рис. 70, 147–150, 164, 198, 2000–2001, 208, 234, 244–245).

На территории России палеолитические гравировки на скалах выявлены пока в Каповой и 2-й Серпиевской пещерах. В Каповой пещере выявлены гравировки геометрического характера. А в Серпиевской пещере гравированными расчесами покрыт пещерный натек в виде головы животного (Широков, Петрин 2013: фото 147). Недавно обнаружен гравированный рисунок, входящий в состав Исаковской писаницы на скальной гряде р. Реж (Алапаевский р-н Свердловской обл.). Единственная на настоящий момент гравировка на открытом воздухе изображает животное, похожее на бобра. Размеры фигуры – 27 × 9 см. Хорошо различается овальное туловище и хвост с двумя перехватами (рис. 58, 4). Линии шириной и глубиной до 1 мм по предварительным наблюдениям вырезаны металлическим инструментом. Датировка гравировки затруднена, но, по мнению исследователей, она нанесена гораздо позднее рисованного комплекса, относящегося к энеолиту или бронзовому веку (Широков 2007: 46–48; рис. 32).

Что касается палеолитических гравированных фигур на отдельностях, то таких изображений немного. На стоянке Костенки 21 найден диск песчаника диаметром около 10 см, с одной стороны плоский, с другой – выпуклый. На выпуклой стороне выгравирована фигура животного, оно стоит в полный рост с опущенной головой. Детали головы животного не прослеживаются, но по моделировке ног и туловища в нем предполагают изображение носорога (рис. 34, 1) (Рогачев, Аникович 1984: 229–230). Данная гравюра на камне считалась единственным фигуративным изображением на территории Русской равнины (Абрамова, Синицын 2002: 174). Однако в последние годы добавилось еще два гравированных изображения, которые датируются финальным палеолитом. На сланцевом ретушере со стоянки Рогалик XI (Рогаликско-Переделский р-н Украины) выгравировано про-

фильное женское изображение. Размер ретушера – $15,5 \times 6 \times 1,7$ см. Размер гравированного изображения – $9,3 \times 2,2$ см. Голова женщины в виде заштрихованного круга слегка наклонена, шея не выделена, левая нога выставлена вперед (рис. 40, 5) (Синицына 2009: 345; рис. 2, 1). Еще одна гравированная фигура выявлена на стоянке Ланино 1/8 (Селижаровский р-н Тверской обл.). Она выполнена на уплощенной округлой гальке размером $9 \times 8 \times 2$ см. На плоскость гальки нанесена серия гравированных линий, которые можно объединить в изображение женщины с намеченными грудями, но без головы и окончания ног (рис. 40, 4) (Синицына 2006: 56).

На Урале гравированные фигуры на камне чрезвычайно редки. На раннемезолитической стоянке Горная Талица (нижнее течение р. Чусовой, Пермский край) найдена галька зеленоватого сланца, на поверхности которой выгравировано изображение головы лося (рис. 11, 1). На обратной стороне гальки прочерчен короткий зигзаг, а под ним еще более короткая прямая линия. Возможно, это следы начатой, но не удавшейся гравировки. Но скорее всего, она имела какое-то самостоятельное значение. Галька имеет длину 12,5 см и ширину около 4 см, оба торцевых конца гальки использовались в качестве отбойника (Мельничук, Павлов 1987: 15). Интересно отметить, что галька сама по себе очень похожа на голову лося. И галька, и гравированное изображение на ней имеют характерный для головы лося изгиб. Причем, изгиб гравировки находится в перевернутом на 180° положении по отношению к изгибу гальки (Серигов 2005а: 49).

Подобное изделие с гравировкой выявлено и на восточном склоне Среднего Урала на мезолитической стоянке-мастерской Амбарка I (с. Мурзинка, Пригородный р-н, Свердловская обл.). Гравировка выполнена на расколоте вдоль отбойнике из гальки туфопорфирита. Длина отбойника – 6,8 см, ширина – 4,7 см. На относительно ровной боковой поверхности отбойника выгравировано изображение рогатого животного (рис. 34, 2). Интерпретировать данное изображение можно по-разному. Первый вариант: гравировкой изображена голова животного. Косая линия в правой части фигуры может изображать глаз. Заостренная морда и развесистые многорожковые рога позволяют видеть в данной фигуре изображение северного оленя. По второму варианту изображение читается как цельная фигура животного. В пользу этого предположения могут свидетельствовать куцый хвостик и треугольник под брюхом, изображающий, возможно, половые органы. Фигура представляется собой рисунок рогатого животного, но какого – понять невозможно. Поэтому первый вариант интерпретации представляется нам предпочтительней (Литвиненко, Серигов 1998: 225). К тому же можно отметить, что большая часть произведений искусства из камня на территории Среднего Зауралья представлена именно головами животных (Серигов 2007б: 38–51).

К неолиту Г. М. Буров относит гравированное изображение на плитке сланца со стоянки Вис I. В центре пятиугольной плитки размером 7×5 см выгравирован овал, от которого в разные стороны отходят прямые линии – своеобразные лучи. Пустоту овала перечеркивают три пересекающиеся

линии. Г. М. Буров относит это изображение к солярным знакам (Буров 1967: 108; табл. XVIII, 9).

Уникальное изделие с гравировками обнаружено в окрестностях г. Нижнего Тагила у пос. Антоновский (Свердловская обл.) (фото 29, 1, 2) (Сериков 2002: 31–33). Оно найдено на огороде, расположенном на склоне горы, где никаких следов археологического памятника не выявлено. Изделие в виде крупного диска имеет овальную форму, диаметр длинной оси – 14 см, короткой – 11,8 см. Толщина диска – 1,5 см. Он изготовлен из мягкой породы типа хлоритизированного сланца. Все поверхности – лицевая, обратная и ребро – тщательно отшлифованы. В центре изделия находится круглое отверстие диаметром 3,5–3,7 см. Оно образовано путем двустороннего пикетирования. По боковым граням диска с двух сторон металлическим орудием прорезаны крупные насечки. На лицевой стороне в одном горизонтальном поясе с отверстием по обе его стороны нанесено по три насечки, в верхнем полукружии расположено 29 насечек, в нижнем – 20. На обратной поверхности по обе стороны отверстия нанесено 4 и 3 насечки, в верхнем полукружии – 28, в нижнем – 26. На ребре изделия присутствует орнамент в виде зигзагообразной линии. Такая же зигзагообразная линия (только сдвоенная) нанесена и на обратной стороне. Она идет по всему периметру диска вдоль орнаментированной насечками грани. Ниже зигзага, в центральной части плоскости располагается более сложный орнамент. Он состоит из тупых углов, соединенных между собой лучами. В одном месте, где лучи не соединяются, имеется разрыв. На вершине каждого угла (за исключением одного) присутствуют парные насечки. Таких углов всего двенадцать. Вокруг отверстия в вертикальной и горизонтальной плоскости нанесены длинные сдвоенные насечки (рис. 37, 1).

На лицевой стороне изделия изображены два антропоморфных фантастических существа. Одно из них стоит, второе (по отношению к первому) лежит. У стоящего антропоморфа показаны голова, шея, руки, туловище, ноги и хвост. Голова состоит из ромба и двух углов под ним. Широкие плечи заканчиваются парными насечками, руки от плеч свисают вниз, они трехпалые. От локтя левой руки горизонтально протянулся длинный шест (?), на котором через равные промежутки нанесены три пары насечек, обращенные вниз. На туловище восемь коротких рисок изображают, видимо, ребра. Одна нога, как и руки, трехпалая. Голова лежащего антропоморфа показана парными рисками, обращенными в разные стороны. Плечи и руки у него точно такие же, как и у первой фигуры. На туловище нанесено семь насечек (ребер), ноги не трехпалые, хвост обозначен зигзагом. Следует отметить, что все гравированные линии на лицевой и обратной стороне предмета выполнены каменным орудием.

Изучение поверхности изделия позволило выявить несколько участков со следами сильного или заметного залощения. Прежде всего, заметно залощен соединительный пояс, который всегда образуется при встречном оформлении отверстия. Характер сглаженности и особенности отверстия

позволяют предполагать, что изделие служило навершием. Причем, надевали его на шест лицевой стороной (с изображением фигур) вниз. Если бы навершие надевалось просто на деревянную основу, следы соприкосновения изделия с деревом дали бы зеркальную заполировку. Здесь же присутствует залощение поверхности, что свидетельствует о том, что между изделием и основой находился мягкий посредник. Отсюда вытекает, что, прежде чем насадить навершие на деревянную основу, ее обматывали тканью или (скорее) шкуркой животного. Это усиливало сцепление с основой, вследствие чего оно прочно насаживалось на шест. Сильно залощенными оказались также и боковые грани изделия с нанесенными на них насечками. Такое впечатление, что по ним водили пальцем при счете. Особенно заметно залощены участки на оборотной стороне изделия напротив отверстия – там, где нанесены четыре и три насечки (Сериков 2002: 144–147).

Изображение обеих фигур настолько необычно, что их можно трактовать не только как ряженных людей (шаманов, колдунов), но и как пресмыкающихся (ящеров, ящериц). Отдаленное сходство данные изображения имеют с антропоморфными фигурами, вырезанными на обратной стороне Большого Шигирского идола. Отдельные элементы гравированных геометрических узоров хорошо представлены в орнаментах на костяных мезолитических наконечниках стрел. Это зигзагообразные линии, зигзаги, на вершинах углов которых присутствуют парные насечки, а также зигзаги из отрезков, перекрещивающихся друг с другом (Сериков 2001а: 153–160).

Однако ближайшие аналогии гравированным антропоморфам можно найти среди наскальных изображений Урала. На Ирбитском Писаном Камне присутствует фигура, у которой голова обозначена короткими отрезками, идущими под углом друг к другу, от широких плеч вниз свисают руки, на тулове короткими отростками изображены ребра (Чернецов 1971: рис. 8, 4). Еще более похожая антропоморфная фигура имеется на Писаном Камне на р. Тагил (Чернецов 1971: рис. 51, 4). Тем не менее, публикуемые изображения имеют лишь отдаленное сходство с приведенными аналогиями. Они своеобразны и оригинальны по исполнению и композиции. Можно предполагать, что обе фигуры изображают шаманов, облаченных в ритуальные костюмы человека-зверя. Изображения шаманов в археологических материалах издавна привлекали внимание исследователей (Спицын 1906; Окладников 1948). В последние годы интерес к данной теме усилился, и целая группа археологов занимается выделением шаманских изображений среди наскальных изображений Сибири (Дэвлет М. А. 1999; Килуновская 1999; Дэвлет М. А., Дэвлет Е. Г. 1999).

Утилитарное и сакральное назначение данного предмета требует специального исследования. Учитывая количество насечек на гранях диска, можно допустить, что он являлся своеобразным календарем и служил для фиксации определенных астрономических явлений (начало сезонов и месяцев, лунных и солнечных затмений). Детальная расшифровка астрономических значений диска как древнего календаря приведена в работе А. А. Герасименко (Буньковой) (Герасименко 2004: 83–87).

Вопрос о датировке данного изделия остается открытым. По мнению большинства коллег из археологической лаборатории Уральского государственного университета, наивернее следует датировать эпохой энеолита. Если учесть, что гравировки на предмете выполнены как каменным, так и металлическим орудиями, это предположение выглядит вполне обоснованным. Косвенным свидетельством в пользу энеолитического возраста является и находка подобного диска с гравировкой в энеолитическом комплексе поселения Шувакиш I (озеро Шувакиш в окрестностях г. Екатеринбурга) (Чаиркина 2005: 252).

Данный диск имеет неправильную округлую форму диаметром 6–6,4 см и толщиной до 1,4 см. В центре диска путем одностороннего сверления проделано отверстие диаметром 1,5 см. Одна из плоскостей и боковой край повреждены сколами. Противоположная плоскость ровная, на ней присутствуют следы пришлифовки. Именно на этой плоскости и выгравированы три неясных фигуры (рис. 34, 3). Основу фигур составляет ромб. Н. М. Чаиркина считает, что на диске изображены рыбы, головы которых упираются в края сверлины, а хвосты касаются внешнего края диска. Короткими, отходящими под углом вниз линиями показаны брюшной и спинной плавники. По боковой поверхности сверлины к морде одной из рыб прорезаны две линии. По краю сверлины нанесены неглубокие поперечные насечки. Такие же насечки вырезаны и по краю лицевой поверхности диска. Из-за повреждений диска точное их количество устанавливается только на отдельных участках (Чаиркина 1998: 93).

По мнению автора, возможна и другая интерпретация выгравированных изображений. Если сверлину посчитать за голову, то упирающиеся в нее ромбы превращаются в туловище человека, линии, обозначающие плавники, – в руки, а незаконченные ромбы (хвосты) – в расставленные ноги (рис. 34, 3). К антропоморфным фигурам (только безголовым) относятся данные гравировки и другие авторы (Петрин, Усачева 2003: 85). При такой интерпретации фигуры людей и насечки по краям сверлины и диска получают вполне объяснимую календарную символику, а оба перфорированных диска с гравировками можно рассматривать как полностью аналогичные изделия. К тому же, во время выставки, приуроченной к семинару по проблемам изучения аятской культуры (Нижний Тагил, 2003 г.), выяснилось, что оба диска – из Антоновска и Шувакиша – изготовлены из абсолютно идентичного материала.

Гравированная фигура, в состав которой входит ромб, известна на тальковой гальке с острова Вишневы (Аргазинское водохранилище, Аргаяшский р-н Челябинской обл.). Удлиненная овальная галька округлого сечения имеет длину 6,5 см, ширину – 1,7 см и толщину – 1,6 см. На гальке пятью линиями вырезано изображение, которое некоторые исследователи рассматривают как антропоморфное. По сути оно представляет два расположенных друг над другом косых креста. Их соединение образовало неправильный ромб. К верхнему кресту добавлена поперечная линия, которая замкнула выступающий угол креста и превратила его в треугольник

(рис. 34, 7). В. Т. Петрин и И. В. Усачева считают полученную фигуру схематизированным антропоморфным изображением, у которого треугольная голова и ромбическое тулово. При этом они проводят аналогии с резным изображением на Шигирском идоле, с гравюрами «рыб» на диске с поселения Шувакиш I и многочисленными наскальными рисунками, где в основе всех антропоморфных фигур лежат ромбы (Петрин, Усачева 2003: 83–85). находка датируется эпохой неолита.

Оригинальная гравировка на плитке сланца размером $6 \times 3,5$ см найдена на скальном памятнике Лайский мыс (Пригородный р-н Свердловской обл.). Памятник многослойный, на нем присутствуют материалы мезолита, неолита и раннего железного века. Очень предположительно находку можно связывать с последним периодом функционирования памятника, когда на нем находилось жертвенное и плавильное место. На плитке прямыми линиями выгравированы две схематичные фигуры. Одна из них напоминает птицу в полете: короткими линиями показано тулово птицы, слегка изогнутая длинная шея и расставленные крылья. Причем крылья изображены сведенными линиями. Вторая фигура – более загадочна. Она, бесспорно, изображает какое-то животное: процарапанными прямыми линиями показаны туловище, четыре ноги, голова с рогами и раздвоенный хвост (рис. 34, 6). (Сериков 2002: 144). Эта фигура очень походит на мамонта, как его изображало сибирское население по этнографическим данным. Однако распознать изображение мамонта очень сложно, так как обычно его наделяли чертами известных людям животных. Например, эвенки изображали это животное в виде рыбы с лосиными рогами. Ханты считали, что мамонт – это подземное перевоплощение лося, шуки и медведя, эти животные не умирают естественной смертью, а уходят под землю и превращаются в мамонта (Сериков, Серикова А. Ю. 2004: 171).

Данная гравировка отличается от всех представленных в работе отсутствием фигурного контура, оба изображения выполнены в «линейном» стиле. Следует отметить, что птица и животное находятся по отношению друг к другу в перевернутом положении. Здесь явно зашифрована мифология, где верхний мир (птица) противопоставляется миру нижнему (мамонт).

Следует упомянуть еще одну гравировку из энеолитического комплекса Аятского Правобережного поселения. Она выполнена на отшлифованной с двух сторон плитке талька размером $8,8 \times 4,3$ см. Среди бессистемных линий на одной из сторон изделия определяется какая-то фигура. Она выгравирована глубоко врезанными линиями (чем и выделяется) и вызывает ассоциации с плоскодонным ковшиком с короткой слегка отогнутой рукояткой (фото 30, 2). Вырезанная на рукоятке точка позволяет видеть в рукоятке голову животного с выделенным глазом. По другой версии фигура могла изображать плоскодонную лодку с носовой фигурой (рис. 58, 5).

Подобные гравированные сюжетные композиции крайне редко встречаются на отдельных предметах (гальках, плитках, изделиях). На Урале – это гравировки шаманов на диске из Антоновска (рис. 37, 1) и летящая в

пещеру стрела, выгравированная на костяном мезолитическом наконечнике с камня Дыроватого на Чусовой (рис. 44, 1) (Сериков 2003: рис. 3, 1). Еще одна композиция присутствует на гальке, найденной в неолитическом комплексе стоянки Ивановское VII (Переславский р-н Ярославской обл.). На небольшой сланцевой гальке размером $14 \times 4,6 \times 3,1$ см выгравирована сцена охоты. В левой части гальки находится схематическое изображение человека, только что выпустившего из лука стрелу. Ему противостоит массивное животное с задраным хвостом (по мнению автора, это бык), в груди которого торчит оперенная стрела (рис. 34, 5). Кроме сюжетной композиции на всех плоскостях гальки (лицевой, оборотной и боковых) прочерчены тонкие линии, которые, по мнению авторов публикации, располагаются безо всякой системы (Костылева, Уткин 2007: 8–9). Однако здесь уместно привести слова В. Б. Мириманова, который считал, что «первобытное изображение – это сам миф, а его создание – ритуал» (Мириманов 1997). Исходя из этого, и данное изображение следует считать зашифрованной мифологемой.

Два фигурных гравированных изображения известны на энеолитических памятниках Средней Волги. На Сутырском поселении найдена сломанная сланцевая подвеска, на которой сохранилась полная фигура утки и, видимо, хвостик второй птицы (Никитин 1996: 161). Тулово и головка утки переданы треугольниками, шея, лапки и крылья показаны короткими линиями (рис. 34, 8). На поселении Волоконное (Юринский р-н Республики Марий Эл) на обломке сланцевой плитки выгравирована лосиная головка (рис. 34, 4) (Никитин, Никитина 2004: 22). Данными находками практически и исчисляются все гравированные фигурные изображения людей, зверей и птиц, известные на Урале и смежных с ним территориях.

Кроме нанесения фигурных изображений каменные изделия украшались и орнаментальными гравировками. Эти предметы можно подразделить на несколько групп.

1. Плоская и круглая скульптура, где гравировка участвует в создании образа скульптуры или украшает ее.

2. Декорированные орудия, украшения и другие изделия.

3. Орнаментальные гравировки на гальках и плитках – чуринги.

По выполняемым функциям гравировку на скульптурах можно условно разделить на две группы. К первой относятся скульптуры, где гравировка участвует в создании образа изображаемого животного. Во вторую группу выделены скульптуры, на которых гравировки выглядят элементами украшения, но на самом деле несут в себе определенное семантическое наполнение. На практике обе функции гравировок часто совмещены и в чистом виде встречаются довольно редко.

Наиболее интересной и представительной категорией скульптур, в которой функции гравировок представлены как в чистом, так и в смешанном

виде, являются фигурные молоты². Самые ранние из них датируются эпохой неолита. Один из них в виде головы лося найден автором на раннеолитической стоянке Евстюниха I (рис. 1, 4). Разрез пасти показан глубокой резной линией, а выпуклые глаза подчеркнуты кольцевой гравированной канавкой (Россадович и др. 1976: 189). В молоте с Кокшаровского холма функции гравировки выступают в смешанном виде (рис. 1, 5). Небольшая округлая прорезь передает разрез пасти. Нос, глаза и уши животного соединены гравированной волнистой линией. От сверлины к носу и глазам идут прорезанные прямые линии (Сериков 2002: 129).

Фигурный молот из Нижней Туры в виде головы белки (рис. 2, 1) оформлен различными декоративными элементами. Глаза обозначены углублениями в виде точек. От сверлины к носу идет прямая резная линия, заканчивающаяся коротким перпендикулярным к ней отрезком. Такая же прямая линия, но без отростка, прорезана по основанию молота и за ушами животного. По ребру, расположенному с обратной стороны скульптуры, нанесены короткие, но глубокие насечки – от 18 до 20 экз. В тыльной части расположена серия из 18–20 насечек (Панина 2004: 256; Ченченкова 2004: 256).

Также резными линиями и насечками украшен и фигурный молот из Байгильдино в виде головы зайца (рис. 1, 3). По бокам нижней челюсти прорезаны две глубокие линии, которые доходят до кончиков ушей. Глаза показаны округлыми кольцевыми прорезями. Края нижних челюстей орнаментированы рядами коротких, расположенных слегка наклонно насечек. Их количество в публикациях не приводится, возможно, потому, что скульптура сохранилась не полностью (Ченченкова 2004: 258).

У фигурного молота из дер. Фершенпенуаз (рис. 3, 4) глаза обведены резными овалами, а линия пасти показана глубокой резьбой. На тыльной стороне шеи лося нанесен вертикальный ряд из коротких насечек, а справа от него вырезаны три окружности диаметром 0,4–0,6 см. Девять коротких насечек пересекают линии, которые очерчивают границы морды при переходе к шее. На основании молота вокруг шеи прорезаны две круговые линии (Ченченкова 2004: 260).

Фигурный молот из Новоорска (рис. 2, 3) украшен глубокими нарезками. Они вертикальными рядами нанесены по всем граням шеи. На грани с тыльной стороны шеи присутствует девять насечек, по боковым граням с внешней стороны – по 11, а с внутренней – по 5. Кроме этого, две резные линии очерчивают морду лося по бокам по всему ее периметру (Ченченкова 2004: 262).

Разрез пасти лося на небольшом молоте со стоянки Малый Липовый VI передан глубоко врезанной линией. От сверлины по верхней части головы идет слегка изогнутая резная черта (Петрин, Усачева 2004: 257). Еще одна скульптура с этой же стоянки имеет своеобразную обработку. На этой же

² Фигурные молоты и другие скульптуры из камня уже описаны в очерке «Каменная скульптура», поэтому их детальные описания в этом очерке опускаются.

стоянке обнаружена еще одна зооморфная скульптура. Одна часть ее тщательно отшлифована, а вторая – обработана точечной ретушью (рис. 1, б). На границе этих двух участков прорезана прерывистая кольцевая линия (Петрин, Усачева 2004: 257–258).

Скульптура выдры или бобра из Нижней Туры (рис. 3, 1) со стороны спины сплошь покрыта гравированными прерывистыми линиями, которые вполне реалистично передают шерсть плывущего животного (Панина 2004: 256).

Изображение человека-совы с поселения Палатки II богато украшено гравировками в виде насечек и косых крестов (рис. 3, 2). На боковых поверхностях скульптуры по всей ее длине вырезаны достаточно глубокие (до 0,5 см) прямые желобки, на одной плоскости – один, на противоположной – два. Обе торцевых грани орнаментированы косыми крестами, цепочка которых, в свою очередь, составляется в ромбы. На всех длинных ребрах бруска нанесены неглубокие насечки: с лицевой стороны по обоим ребрам суммарно – 21, с задней также суммарно – 28 (Панина 2004: 255).

Возможно, частью подобной скульптуры являлся крупный обломок талькового изделия, обнаруженный на энеолитическом поселении Шигирского торфяника Горушки I (Кировградский р-н Свердловской обл.). Изготовлена она в виде бруска прямоугольного сечения размером $8,2 \times 5 \times 2,5$ см. На одной из сторон бруска вырезано два параллельных желобка, между ними выгравирована волнистая линия. На ребрах с этой стороны нанесено 8 и 9 насечек (рис. 39, 12). Данная находка по сырью, форме, наличию желобков и насечек очень близка вышеописанному идолу с Палаток II (Шаманаев 2004: 217–218).

Известны и другие скульптурные изображения (иногда в обломках), в оформлении которых также применялась техника гравирования, но которые по ряду причин мало информативны (Петрин, Усачева 2004: рис. 10, 3; Ченченкова 2004: рис. 128).

В оформлении подвески в виде головы человека с поселения Усть-Кедва II (рис. 4, б) гравировка использовалась для обозначения рта и глаз (Карманов 2006: 64). Гравированными линиями покрыта подвеска в виде лица человека со стоянки Муллино III. Прямые горизонтальные и вертикальные линии украшают лоб, нос и верхнюю губу. Все лицо скульптуры пересекают в виде креста тонкие парные гравированные линии (Матюшин 1982а: 56).

Еще одной плоской скульптурой, где гравировка помогает раскрыть образ животного, является кремневая фигура мамонта со стоянки позднего палеолита Широфаново II. С двух сторон плитки глубокими гравированными линиями выделены задние ноги животного (Макаров, Павлов 2007: 12). Необходимо добавить, что на Широфаново II имеется еще шлифованная плитка сланца, на одну из сторон которой нанесены прямые гравированные линии, идущие в разных направлениях (Макаров, Павлов 2007: рис. 6, 31). Интересно отметить, что контуры самой плитки похожи на профильное изображение мамонта.

В следующую группу входят украшенные гравировками орудия, украшения и другие изделия.

Самой ранней находкой является торцовый нуклеус высотой 19 см, найденный на финальнопалеолитической стоянке Сюзеевский Взвоз (устье р. Камы). Боковые его стороны покрыты коркой, на которой с двух сторон присутствует тонкая бессистемная штриховка (Галимова 2001: 64).

К эпохе мезолита относятся два крупных шлифованных орудия с Синдорского озера (Республика Коми). Одно из них с отбитым рабочим концом найдено на стоянке Симва III. Длина его даже в сломанном виде составляет около 43 см. По центру выпуклой стороны орудия расположены два вертикальных ряда коротких насечек, которые окаймлены с двух сторон длинными сдвоенными зигзагообразными линиями (рис. 35, 1). От второго орудия с I Висского торфяника сохранилась рабочая часть длиной около 8 см. На боковых гранях изделия выгравировано по две зигзагообразные линии, а на выпуклой стороне – еще три таких же линии (рис. 35, 3). Г. М. Буров определяет данные изделия как пешни для проделывания прорубей (Буров 1967: 65).

Подобное орудие с гравировкой известно на неолитической стоянке Ивановское I (Переславский р-н Ярославской обл.). С собой оно представляет сломанное по сверлине клиновидное орудие типа кирки. Оно тщательно отшлифовано. Длина сохранившейся части – 16,5 см. В профиле имеет форму многогранника. По всем семи ребрам орудия нанесены короткие неглубокие насечки. Четыре широкие плоскости украшены гравировками в виде сдвоенных зигзагообразных линий. На боковых плоскостях зигзаги дополняет орнамент из трех коротких параллельных отрезков, отходящих от линий зигзага под прямым углом (Костылева, Уткин 2007: 8; рис. 32).

На неолитической стоянке Сахтыш II (Тейковский р-н Ивановской обл.) найден обломок крупного шлифованного орудия с гравировкой. Она нанесена на боковую поверхность овального в сечении изделия (судя по сохранившейся длине – 6,9 см, это могла быть кирка или пешня). Параллельно продольной оси орудия прорезаны глубокие канавки, от которых отходят диагонально расположенные насечки (Костылева, Уткин 2007: 8; рис. 31).

Еще одним массивным орудием с гравировкой является каменный пест фаллической формы длиной 36,4. Происходит он из старых поступлений в Свердловский областной краеведческий музей. Время и место находки не установлено. На округлой головке песта вырезаны три плохо различимые насечки длиной около 1 см (рис. 35, 2) (Ченченкова 2004: 220).

Из других орудий с гравировкой можно назвать гребенчатые штампы для нанесения орнамента на сосуды. Автору известно два таких орудия. Один штамп был найден на I Береговой стоянке (Пригородный р-н Свердловской обл.) (хранится в Государственном Историческом Музее в Москве). Штамп двусторонний, изготовлен из плитки сланца, его длина – 3,8 см. Обе плоскости покрыты тонкой гравировкой в виде длинных, идущих по диагонали и пересекающихся линий, которые образуют ромбы разного

размера (рис. 35, 4). Второй штамп происходит с культового энеолитического центра Шайтанское озеро I (Кировградский р-н Свердловской обл.). От него сохранился только небольшой расслоившийся вдоль обломок с пропиленными зубцами (Сериков 2004а: 111). На отшлифованной стороне присутствуют гравированные параллельные друг другу линии, нанесенные под небольшим углом к рабочей части орудия (рис. 35, 5).

Возможно, к орудиям (рыболовным грузилам) следует отнести два крупных каменных диска, украшенных гравированным орнаментом. Один из них найден на поселении эпохи бронзы Палатки II (окраина г. Екатеринбург), имеет овальную форму размером $12 \times 9,5 \times 1,8$ см (фото 30, 1). В центре диска просверлено отверстие. С обеих сторон диск покрыт сложным геометрическим орнаментом (рис. 35, 12). От сверлины к краям диска попарно прорезаны четыре радиальных линии. Справа и слева от линий отходят короткие насечки, образующие с линиями своеобразные елочки. На участках поверхности, заключенных между парными линиями, вырезано по одному или два угла, направленных вершинами от сверлины. Боковые стороны углов также украшены рисками. Увеличенные промежутки между парными линиями заполнены короткими штрихами, пересечения которых образуют вокруг сверлины многочисленные косые кресты. На одной из сторон орнамент усложняется добавлением к радиальным линиям резных треугольников. Внутри треугольников насечки, образующие елочки, отсутствуют, зато они переходят на стороны треугольников. Диск явно использовался в культовых целях, гравировки на нем, по всей видимости, являются зашифрованной мифологемой. По мнению С. Н. Паниной, диск мог выполнять функции древнего промыслового календаря (Панина 1999: 22). В. Д. Викторова предлагает другую интерпретацию диска, связанную с удачей на рыбалке (Викторова 2008а: 43).

Похожий диск с гравировкой найден С. Н. Савченко во время разведки на Аятском озере (поселение Шайдуриха 33) (Жилин 2007: 24; рис. 147). Он крупнее вышеописанного, также имеет овальную форму, его размеры – $15,4 \times 12,7 \times 3,5$ см (рис. 35, 13). Гравировка на нем похожа на эскиз для первого диска: от сверлины идут парные радиальные линии, но сдвоенные и уже без насечек. Также в промежутке между двумя линиями, но только на одном участке вписан угол, очень острый. На обеих плоскостях присутствуют и другие гравированные линии и риски, которые не вписываются в орнаментальную схему. Это еще больше показывает незавершенность замысла гравировки.

Условно к орудиям можно отнести булавовидное навершие, найденное в составе клада, оставленного на краю могильной ямы – погребение с лодкой в могильнике Бузан 3 (Ялуторовский р-н Тюменской обл.) (Матвеев и др. 1997: 156). Оно выглядело в виде своеобразного «пирожка» с отверстием в центре. Длина навершия – 5,8 см, ширина – 4,8 см. На выпуклой стороне орудия были выгравированы ломаные линии и непонятные знаки (Матвеев 2004: 101–103).

Очень небольшой серией представлены украшения с гравировками. Кроме описанных выше фигуративных подвесок с Усть-Кедвы II и Муллино III следует отметить подвеску с мезолитической стоянки Парч I (Усть-Куломский р-н Республики Коми). Подвеска изготовлена из глинистого алевролита, имеет веретенообразную форму, ее высота – 7,7 см. На обоих концах и в центре изделия прорезаны четыре круговые канавки (Карманов 2006: 64; рис. 5, 1).

Несколько интересных подвесок происходят с культового центра на Шайтанском озере. На одной из них, сломанной по сверлине, прочерчен косой крест (рис. 35, 7). Также косой крест нанесен на такой же небольшой подвеске, но без отверстия (рис. 35, 8). Еще на одной подвеске (все они изготовлены из темно-красного шифера – пироксилитового сланца) на обеих плоскостях сохранились следы шлифовки на крупнозернистом абразиве. Длинные царапины расположены горизонтально и идут параллельно друг другу. Поскольку боковые края подвески тщательно заглажены, можно предположить, что грубая штриховка на изделии оставлена намеренно и могла восприниматься как своеобразный орнамент. Возможно, в данную категорию изделий следует отнести подвески, у которых по всему периметру техникой глубокой резьбы оформлены многочисленные зубчики. Обычно они изготовлены из пироксилитового сланца, имеют каплевидную или овальную форму и небольшие размеры – 1–1,5 см (рис. 35, 6–8). В энеолитическом Аятском погребении среди 52 шиферных подвесок 30 имели по краю мелкие резные зубчики (Берс 1976: 198; рис. 7, 1–7, 24). Подобные подвески достаточно хорошо известны в энеолитических комплексах Урала и Западной Сибири (Носкова, Карачаров 2008: 151; рис. 5, 1). Еще одно изделие имеет форму круга с отверстием в центре. Диаметр украшения – 2,3 см, толщина – 1,5 мм. По части периметра изделия нанесены очень неглубокие насечки (рис. 35, 11). Из-за своей толщины и рельефно невыраженных зубчиков оно вряд ли могло использоваться в качестве штампа. Скорее всего, изделие можно рассматривать в качестве своеобразной нашивки. На Крутяках I была найдена трапециевидная, с вогнутой стороной нашивка с просверленными по углам отверстиями (одно недосверлено) (фото 4, 5). Длина изделия – 2,6 см, ширина – 1,7 см, толщина – 0,6 см. На одной ее стороне в бессистемном порядке прорезаны прямые и волнистые линии, а на другой – косой крест (рис. 39, 10). Здесь же обнаружен обломок талькового изделия, с двух сторон орнаментированный резными линиями (фото 4, 6). На памятнике присутствуют материалы эпохи мезолита и раннего железного века.

В группу «других изделий» отнесены так называемые «утюжки» и пряслица. Эти две категории находок достаточно многочисленны и разнообразны и требуют отдельного детального исследования.

Всесторонний анализ «утюжков», в том числе и орнамента на них, проделан И. В. Усачевой в ее монографии «„Утюжки“ Евразии» (2013 г.). Для описания орнамента на «утюжках» И. В. Усачева предлагает понятие «графический декор». Понятие «орнамент», по ее мнению, не всегда точно

отражает характер украшения «утюжков», поскольку ритмичность узора на «утюжках» не является обязательным признаком. Из 450 проанализированных ее «утюжков» 54 % оказались украшены различными гравировками. Рассматривается графический декор на разных иерархических уровнях: от элементов до мотивов и их вариаций и дальше к сюжетам и их комбинациям. Всего И. В. Усачевой выделено 34 элемента, 43 мотива, 38 сюжетов и 17 сюжетных линий. Наибольшая вариативность мотивов (36) и сюжетов (15) характерна для Урала и Зауралья (фото 31–34, 35, 1). Помимо этого выявлен набор гравировок в виде черточек, крестиков, насечек, которые не вписываются в предлагаемую систематизацию графического декора и которые И. В. Усачева предлагает называть «знаками». Также она отмечает редкость симметричного графического декора. Больше всего «утюжков» с таким построением сюжетов выявлено на Урале – 15 экз. (Усачева 2013: 52–56).

Всего на Урале и смежных территориях известно около 130 каменных «утюжков», почти половина из них украшена гравировками. Основные элементы в гравировках на «утюжках» представлены прямыми, волнистыми и зигзагообразными линиями, а также насечками (рис. 36, 1–2, 5–6, 8). Сочетание этих элементов формирует многообразные мотивы разного уровня – простые, сложные. Кроме этого, в оформлении «утюжков» часто использовались косые кресты и ромбы (рис. 36, 4, 6–7). Сложные и загадочные сюжеты иногда образуют сочетания резных линий (рис. 36, 3–4).

Уникальным по богатству орнамента является «утюжок» с культового энеолитического центра на Шайтанском озере. Этот памятник интересен уже тем, что на нем найдена самая крупная на Урале коллекция «утюжков» – 8 экз. Причем семь из них целые, только один разломан по желобку, а у второго из-за качества материала разрушился угол изделия. Три «утюжка» богато и оригинально украшены гравировками, на четвертом присутствуют «знаки» (по И. В. Усачевой). Богато украшенный «утюжок» имеет форму пирожка с отсеченными углами (фото 31). У него два желобка, а на оборотной (нижней) стороне вырезана неглубокая выемка длиной 7,5 см и шириной до 2,1 см. По предварительному определению, выемка использовалась в качестве литейной формы. Утюжок изготовлен из светло-серого глинистого сланца. Его размеры: 12,5 × 7,7 × 3,5 см. По всей поверхности, кроме торцевых граней, нанесен орнамент в виде коротких и длинных линий, которые образуют различные фигуры. Следует подчеркнуть, что это единственный на Урале «утюжок», у которого орнамент покрывает нижнюю сторону изделия полностью. По одну сторону желобков резные линии составлены углами, которые можно рассматривать как образ мировой горы. Данная композиция встречается на неолитических и энеолитических керамических сосудах и некоторыми авторами трактуется как образ мировой горы (Викторова и др. 1997: 45). Орнамент по другую сторону напоминает нижнюю часть ствола ели (рис. 36, 3).

Также оригинален еще один «утюжок» с Шайтанского озера (рис. 36, 5). Он довольно массивный, имеет прямоугольную форму со слабо выпук-

лыми боковыми сторонами. Его длина – 11 см, ширина в средней части – 7 см, высота – 5,3 см. Изготовлен из светло-серого (почти белого) глинистого сланца. Верхняя и нижняя поверхности изделия тщательно отшлифованы и слегка выпуклы, а боковые плоскости заметно раздуты. Посередине утюжка проходит желобок диаметром 1 см. По всем ребрам утюжка нанесены короткие насечки (фото 32). На верхних боковых ребрах их 28 и 25, на нижних – 28 и 30. Верхние торцовые ребра имеют 13 и 18 насечек, нижние – 9 и 12. На ребрах, соединяющих верхнюю и нижнюю поверхности изделия, с одной стороны нанесено 11 и 13 насечек, с противоположной – по 13 на каждом ребре (рис. 37, 2).

Причем количество насечек на каждом ребре не случайно, некоторые детали позволяют говорить об их специальном подборе. Например, насечки идут по грани через равные промежутки, но в конце ряда эти промежутки начинают уменьшаться или увеличиваться, что свидетельствует о том, что количество насечек в ряду определялось заранее. Определение функционального назначения насечек требует специального исследования. Скорее всего, данный «утюжок» являлся своеобразным календарем. Уже первичное исследование показывает, что на изделии присутствуют числа, связанные с различными календарными значениями: 56 – большой лунный сарос – (сумма рисков на торцевой грани – $18 + 13 + 13 + 12$); 53 и 52 – золотое соотношение (сумма рисков по длинным лицевым ребрам – $25 + 28$; и сумма рисков на всех торцевых ребрах – $13 + 9 + 18 + 12$); 46 – периоды отделения затмений – (сумма рисков на второй торцевой грани); 216 – круговорот перерождений человека; и другие числа драконического года. На других «утюжках» Урала подобной календарной орнаментации не встречено (Сериков 2004а: 108–109).

Еще более многочисленна группа каменных орнаментированных пряслиц. В раннем железном веке они широко были распространены по всей территории Урала. Находки пряслиц известны на поселениях (в том числе в жилищах), городищах, святилищах, в погребениях и металлургических комплексах. Орнаменту на каменных пряслицах и его семантике посвящено немало научных работ (Збруева 1952: 131; Генинг 1970: 108; Бельтикова 1988: 107; Ашихмина 1992: 7; Гуляева, Коренюк 1996: 24–26; Викторова 2003: 194–197; Котов 2003: 201–202; Коренюк 2003: 204; Отрощенко 2004: 224–227; Викторова, Непомнящая 2006: 142; Черных Е. М., Тищенко 2006: 125–128; Котов 2010: 36–55). Поэтому в данном очерке будет дано лишь краткое описание типов гравировок на пряслицах.

Гравировки на пряслицах можно разделить на две большие группы: геометрические и фигуративные. Геометрические гравировки чаще всего представлены знаками солярной символики (Сериков 2005д: 97). К ним относятся радиальные лучи, лучи с завитками, кресты, концентрические круги, спирали. Комбинации простых элементов ведут к созданию более сложных солярных символов, таких, как колесо, свастика, розетка, многолучевая звезда и т. п. (рис. 38, 1–7, 10–11). Солярные знаки составляют более половины всех гравировок на каменных пряслицах. Известны отдель-

ные пряслица с гравировками, выпадающие из круга солярной орнаментации. Например, на святилище, расположенном на вершине г. Голый Камень (черта г. Нижний Тагил), найдено тальковое пряслице, на одной стороне которого вырезаны знаки, напоминающие знаки рунического письма (рис. 38, 9) (Сериков, Серикова Л. В. 2005: 20).

Фигуративные гравировки представлены изображениями различных животных – волка, медведя, лося, иногда – голов хищных птиц. По всей видимости, данные изображения представляют зашифрованные мифологемы. Среди гравировок встречаются изображения свернувшегося хищника, противостоящие фигуры, сцены преследования одного животного другим (рис. 38, 12–14). Семантике фигуративных изображений посвящена серия работ ряда исследователей (Викторова 2003: 195–197; Гуляева, Коренюк 1996: 25–26; Котов 2003: 202; Коренюк 2003: 203–204; Черных, Тищенко 2006: 125–128).

В. Д. Викторова выделяет и третью группу орнаментов на каменных пряслицах, знаки которой выражены в растительном коде. Чаще всего в этой группе гравировок орнамент представлен в виде радиально расходящихся от сверлины ветвей хвойного дерева (рис. 38, 8) (Викторова 2003: 195). Автор же эти орнаменты относит к солярным.

Также в эту группу отнесена находка из святилища в Пещере Туристов. Ее можно считать уникальной, так как выполнена она из халькопирита золотистого цвета. В силу неизвестных нам причин халькопирит никогда не использовался в древности. Это первая находка халькопиритового изделия на территории Урала. Оно сильно фрагментировано. Сохранившийся обломок имеет размеры $3,2 \times 3,0 \times 2,7$ см. Первоначальную его форму из-за фрагментарности установить сложно. Возможно, это была усеченная пирамида. Сохранилась центральная площадка с прорезанными на ней тремя параллельными канавками. От этой площадки под острым углом отходят три шлифованных плоскости (на месте четвертой присутствует слом) (рис. 39, 9). Изделие носит следы пребывания в огне. Его функциональное назначение остается неизвестным (Сериков 2007г: 137).

Третья группа гравировок по камню – это гравировки на гальках и плитках. Практически везде такие гравированные предметы называют «чурингами», но на Урале это название не прижилось. Видимо, это связано с тем, что такие находки на Урале достаточно редки и не столь выразительны по сравнению с другими регионами.

На палеолитической стоянке Широфаново II найдена шлифованная плитка сланца, на одной стороне которой прочерчены идущие в разных направлениях прямые линии (Макаров, Павлов 2007: 12; рис. 6, 31). Возможно, эту гравировку можно поставить в один ряд с палеолитическими орудиями со стоянки Костенки 12, меловая корка на которых украшена тонкой штриховкой (Рогачев, Аникович 1984: 231). Эту гравировку нельзя считать орнаментом, так как она асимметрична и не связана с контурами предмета. Тем не менее, в тщательно выгравированных разнообразных линиях определенно заключался какой-то смысл, поэтому такие гравировки

можно считать знаковыми, символическими изображениями, расшифровка которых долгое время будет вариативной и предположительной (Рогачев, Аникивич 1984: 231).

Возможно, к гравированным изображениям следует отнести подвески из члеников окаменевших морских лилий и окаменевших раковин. На их поверхности присутствует нанесенный самой природой узор, который очень легко принять за гравировки (рис. 39, 4–5). Украшения из окаменевших раковин и кораллов известны на стоянках Сунгирь, Костенки 14 и 17. На стоянке Амвросиевка найдены членики морских лилий (4 экз.) с просверленными в центре отверстиями. Украшения из окаменелостей использовались и в более поздние эпохи. Бисерина из членика морской лилии найдена возле черепа погребенного в мезолитическом ярусном погребении могильника Минино I (Кубенское озеро, Вологодская обл.). На энеолитической стоянке Володары в составе одного из кладов (клад 7) найдено три просверленных окаменевших аммонита (Серигов 2005г: 381).

На Урале находки окаменелостей известны в основном в культовых памятниках. На реке Чусовой в уникальном пещерном святилище, расположенном на отвесной скале Камня Дыроватого, найден окаменевший стебель морской лилии, а в Кумышанской пещере – окаменевшие морская губка и раковины. Еще один стебель лилии выявлен в Шайтанской (Лобвинской) пещере (р. Лобва). В энеолитическом культовом центре Шайтанского озера найден обломок окаменевшей раковины (Серигов 2006а: 417).

Любопытнейшими находками, бесспорно, культового характера являются изделия из окаменевших раковин брахиопод, найденные на стоянке Муллино на Южном Урале. Приклеенные округлые кусочки перламутра превратили раковины в скульптурные изображения сов (рис. 4, 5), у которых кружки перламутра изображали глаза птиц (Матюшин 1982: 211).

Гравированные гальки, которые можно отнести к чурингам, на территории Урала становятся известны с эпохи мезолита. На мезолитической стоянке Ильмурзино (Башкортостан) найден обломок плоской гальки, на ровной поверхности которой выгравировано 13 параллельных линий (рис. 39, 6) (Матюшин 1976: 76). Еще одна галька длиной около 4,5 см выявлена в мезолитическом слое Кокшаровско-Юрьинской II торфяниковой стоянки (раскопки М. Г. Жилина) (Кокшаровский торфяник, Свердловская обл.). Посередине гальки прорезана глубокая прямая линия, с двух сторон ее окаймляют две линии покороче (рис. 39, 7). Следует отметить, что самая крупная серия чуринг (65 экз.) зафиксирована в мезолитическом и ранне-неолитическом слоях стоянки Замостье-2 (Сергиево-Посадский район Московской обл.) (Лозовский 1997: рис. 1, 2). Единичные находки орнаментированных галек известны на целом ряде мезолитических и неолитических памятниках лесной зоны Европейской России (Искусство каменного века 1992: 73–74; Васильева 2007: 75–76). И уральские чуринги, видимо, являются самыми восточными находками орнаментированных галек. Культурное использование чуринг никем не оспаривается, однако, что они собой представляли и для чего конкретно использовались, остается неизвестным.

Подобные находки известны и в более поздние эпохи, но гравировки на них выглядят очень простыми и представлены обычно простыми линиями и насечками. На святилище Кокшаровский холм найдено пять изделий из талька. Все они представлены в обломках. На двух из них присутствуют несистематические нарезки (рис. 39, 15), еще на двух – рельефно выраженные ритмические поперечные насечки (рис. 39, 13), а на одном просматривается часть какого-то рисунка (рис. 39, 14) (Шорин 2010: 39; рис. 3, 1–2, 4–5, 7). В культовом центре эпохи энеолита, расположенном на Шайтанском озере, выявлено четыре гравированных изделия. Одно из них – отколотый кусок гальки песчаника, на который нанесены ритмические насечки (рис. 39, 17). Второе – плитка коричневого сланца, на которой выгравирована зигзагообразная линия (рис. 39, 11) (Шаманаев, Зырянова 1999: 85). Еще одна плитка, покрытая тонкой штриховкой, залегала в разрушенном энеолитическом погребении (Серигов 2002б: 37). Последнее изделие в виде уплощенного конуса высотой 6,5 см вырезано из талька. С двух сторон на нем присутствуют вырезанные каменным резцом линии, параллельные краям изделия и друг другу. В центре изделия этим же резцом нанесены короткие перпендикулярные линии (рис. 39, 16). Возможно, данное изделие следует отнести в другую группу гравированных предметов (к скульптурам?), а не к галькам и плиткам.

Галька, украшенная резными линиями, найдена на многослойном памятнике на озере Нижнее под Североуральском (Свердловская обл.). В окрестностях озера найдена еще одна галька с гравировкой. На пришлифованной поверхности гальки длиной 5 см вырезан равносторонний треугольник, а ниже его – еще одна линия. Интересной находкой является плоская округлая галька полупрозрачного кварца диаметром около 7 см. На противоположных ребрах гальки нанесены короткие насечки, с одной стороны четыре, с другой – одна. Найдено это редкое изделие на одной из стоянок бронзового века в Республике Коми (Археология Республики Коми 1997: 249; рис. 26, 43). Также эпохой бронзы датируется галька сапожковидной формы с селища Барсова гора I / 40 (окрестности Сургута Тюменской обл.). В нижней части гальки на сглаженной грани нанесено семь коротких насечек (рис. 39, 8) (Чемякин 2008: 57).

Анализ гравированных предметов позволяет сделать еще одно уточнение, касающееся гравированной тальковой гальки с острова Вишневы (она описана в группе фигуративных гравировок). Авторы находки считают возможным трактовать выгравированный орнамент в виде ромбов как изображение человека (Петрин, Усачева 2003: 83–85). Однако сравнение данной гальки с известными чурингами показывает их полное сходство, вследствие чего ее и следует считать не скульптурой, а чурингой.

Семантика гравированных на камне изображений – это тема специального исследования. Орнаментальные гравировки, по-видимому, усиливали какие-то сакральные значения гравированных предметов: скульптур, орудий, украшений, «утюжков», пряслиц, чуринг. Можно предположить, что сюжетные фигурные гравировки являются зашифрованными мифологема-

ми. Семантика таких геометрических фигур, как ромб, косой крест неоднократно рассматривалась разными исследователями (Амброз 1965; Рыбаков 1972; Калинина 2006). В частности, по представлениям мансийского населения, изображение ромба на фигуре являлось символом жизненной силы и символизировало принадлежность ее к миру живых существ (Гемуев, Сагалаев 1986: 19–20). А косой крест у хантов служил символом охраны. Расшифровка гравированных фигур и знаков возможна только с учетом археологического контекста.

2.2. Гравированные изделия из бивня мамонта, кости и рога

Использование техники гравировки на костяных изделиях на территории Урала появляется гораздо раньше гравировок по камню. В 1992 г. П. Ю. Павловым на местонахождении Мамонтова Курья, расположенном в среднем течении р. Усы (Воркутинский р-н Республики Коми), был найден бивень молодой (5–7 лет) самки мамонта с ритмическими насечками (фото 36, 1, 2). Насечки были сгруппированы по две–три штуки (рис. 41, 1). Это самая ранняя на Урале находка орнаментированного изделия, ее возраст составляет около 34–38 тыс. лет (Археология Республики Коми 1997: 71; рис. 18). В. Е. Ларичев видит в этом орнаменте древний календарь.

Два орнаментированных костяных изделия найдено на стоянке Талицкого (Чусовской муниципальный р-н Пермского края), которая существовала около 20 тыс. лет назад. Одно из них было найдено школьниками еще в 1938 г. На обрезанном с одной стороны обломке ребра мамонта длиной 19 см и шириной 5,2 см у места среза нанесена серия поперечных рельефных нарезок. Гравированные линии числом от 8 до 10 иногда пересекаются или сливаются друг с другом. Через 1,2–1,3 см от гравированного участка на ребре прорезаны еще три почти параллельные линии, две – гладкие и одна – с короткими поперечными зарубками (рис. 40, 3). В эти зарубки была втерта красная охра (Талицкий 1940: 140; рис. 1). Вторая гравировка выполнена на обломке кости размером 6,1 × 2,4 см. На вогнутой его стороне нанесено девять глубоких поперечных нарезок (рис. 41, 4) (Щербакова 1994: 51; рис. 36, 5).

Насечки на ребрах встречены и на Гаринской палеолитической стоянке. В некоторых случаях они имеют систематизированный характер. Серия насечек отмечена на ребре молодого мамонта длиной около 35 см. Насечки покрывают плоскую и боковую стороны ребра. На плоской стороне ребра нанесено 17 насечек, коротких и длинных. Ритмично расположенные насечки выявлены и на обломке ребра длиной 50,5 см. Они располагаются на внутренней поверхности ребра. В центре ребра находится две группы парных насечек на расстоянии 2 мм друг от друга и в 1,7 см пара от пары. Ближе к концу ребра в 4,4 см нанесена одиночная риска, и в 1,2 см от нее – группа парных насечек. Длина всех насечек – 5–7 мм, только последняя имеет длину 1,6 см. Такое расположение насечек можно воспринимать как

орнамент. Еще одна находка – это обломок ребра молодого мамонта длиной 11,8 см. На плоской стороне на участке длиной около 4 см двумя группами нанесены короткие насечки в количестве девяти штук.

В коллекции имеются два ребра, наличие орнамента на которых не вызывает сомнений. В одном случае орнаментом украшен сломанный конец ребра длиной 33 см. У места слома нанесен орнамент в виде двух параллельных линий. Одна линия выполнена овальными ямками, вторая – короткими насечками. В первой линии десять ямок (причем последние две выходят из ряда книзу), во второй – не менее 12 насечек (рис. 40, 1). Второе орнаментированное изделие – это обломок ребра длиной 16,3 см. На выпуклой стороне глубокими насечками выделено шесть зубцов. Длина насечек к концу ряда уменьшается от 6 до 2 мм (рис. 40, 2) (Сериков 2007д: 60–63). Возраст стоянки – 16–18 тыс. лет.

Два орнаментированных изделия выявлены в гроте Бобылек (дата – 14 тыс. лет назад), расположенном в бассейне р. Уфы (Красноуфимский р-н Свердловской обл.). На пришлифованном обломке тазовой кости или лопатки северного оленя отчетливо просматривается параболическая линия (Волков и др. 2007: рис. 3, 25). Второе изделие более интересно. Это обломок вкладышевого кинжала из бивня мамонта. Он тщательно заполирован и орнаментирован двойными параллельными линиями по краям с обеих сторон (рис. 40, 3) (Волков и др. 2007: 104; рис. 3, 27).

В плейстоценовом слое Усть-Койвинской пещеры (р. Чусовая, Горнозаводский р-н Пермского края) возле очага лежали две мотыги из массивного рога лося. Обработка их минимальная: рог был подрублен с одной или трех сторон, а затем надломлен. Дополнительной обработке (шлифовке) подверглись только лезвия. Верхняя часть одной из мотыг по всем четырём плоскостям украшена орнаментом в виде насечек (рис. 41, 2; фото 37, 1). Длина мотыги – 15,7 см, ширина и толщина в средней части – 3,3 см. Памятник функционировал 12,5 тыс. лет назад (Сериков 2009: 156–157).

В отличие от верхнего палеолита Восточной Европы, гравированные костяные изделия на территории Урала известны в очень небольшом количестве. Среди свыше 300 костяных изделий с 26 палеолитических памятников гравировки выявлены всего на одиннадцати предметах.

В эпоху мезолита костяных изделий, украшенных гравировками, становится несравненно больше. Наиболее значительные их коллекции происходят с Шигирского торфяника и с пещерного святилища на камне Дыроватом (р. Чусовая).

Коллекция находок из камня Дыроватого хранится в двух музеях. Материалы из раскопок Н. А. Прокошева 1932, 1933 и 1937 гг. (6800 экз.) находится в Государственном Эрмитаже, а коллекция изделий из раскопок автора (18800 экз.) – в Нижнетагильском музее-заповеднике. Именно поэтому для классификации орнамента на наконечниках стрел была использована коллекция Нижнетагильского музея. Орнамент в виде геометрических узоров зафиксирован на 481 костяном наконечнике эпохи мезолита

(фото 38, 1). К ним нужно добавить около 150 орнаментированных наконечников из коллекции Эрмитажа.

«Геометрическим» обычно называют орнамент, состоящий из абстрактных геометрических форм. Вопрос о возникновении геометрического орнамента до сих пор не раскрыт. Существуют две основные гипотезы происхождения геометрического орнамента. В одном случае он возник как результат сознательного использования технологических особенностей некоторых производственных процессов, например, плетения сосуда из бересты или лозы. Согласно второй – это процесс постепенного упрощения и схематизации мотивов, которые первоначально имели изобразительный характер.

Орнамент является организующим началом. Он выявляет тектонику и конструкцию предметов. Кроме того, он несет в себе и определенную смысловую нагрузку. Таким образом, орнамент не только украшает предмет или выделяет отдельные его части, но наносится с определенной целью. И цель эта зависит от традиций и представлений об окружающем мире того народа, к культуре которого относится данный орнамент.

Расшифровка семантики орнамента – дело невероятно сложное. Считается, что орнамент имеет свой символический изобразительный язык. Геометрический орнамент мы встречаем на изделиях из кости, камня, дерева, глины. Для древнего человека геометрический орнамент служил своеобразным языком, с помощью которого он выражал свои понятия о мире. Общепринято считать, что прямая горизонтальная линия, например, означала землю, линия волнистая – воду, крестом изображали огонь или солнце, ромб, квадрат или круг символизировали небесный огонь – солнце. Комбинации этих простейших элементов составляли сложные знаки, расшифровать которые еще труднее.

Следует отметить, что в коллекции камня Дыроватого чаще всего орнамент наносился на вкладышевые наконечники стрел. Из около 300 биконических наконечников орнаментировано только два. Верхний конус одного из них орнаментирован короткими прямыми линиями, идущими параллельно продольной оси наконечника. На втором наконечнике орнамент в виде коротких насечек присутствует как на верхнем конусе, так и под ним, на костяном стержне. Также два наконечника орнаментированы из числа игловидных, которых в коллекции около 650 экз. (рис. 43, 3; 44, 13). Присутствует орнамент и на оригинальном наконечнике игловидной формы, но трапециевидного сечения (рис. 46, 1). Во всех остальных случаях орнаментированы разные типы вкладышевых наконечников. Из общего числа орнаментированных наконечников вкладышевые составляют 98,96 %. Из числа всех вкладышевых наконечников (около 1600 экз.) почти каждый третий на своей поверхности имеет геометрический орнамент. Следует добавить, что практически во всех случаях в орнамент втерта светло-красная охра.

При изучении орнамента на костяных мезолитических наконечниках стрел была сделана попытка его классификации. Первоначально были вы-

явлены простые элементы (мотивы) орнамента. Их оказалось немного: точки, насечки-нарезки, зигзаги, прямые и волнистые линии.

Точки встречены только на одном обломке наконечника (рис. 46, 7). Они высверлены каменным сверлом и расположены посередине наконечника на равном расстоянии друг от друга.

Насечки-нарезки обычно очень короткие и располагаются всегда поперек наконечника. Именно насечками орнаментированы наконечники с овальным и трапециевидным сечением (рис. 46, 1, 11, 12). Причем на самом длинном игловидном наконечнике (длина сохранившейся части 25,5 см) насечки расположены вдоль продольной оси и сочетаются с точками: два пояса насечек и два пояса точек. Часто насечки образуют группы по 3, 4, 5 насечек. Например, на игловидном наконечнике нанесено два ряда из трех групп по три насечки в каждой (рис. 46, 13). На наконечнике с трапециевидным сечением число насечек в группах составляет 4, 5, 6 (рис. 46, 1). Иногда очень тонкие нарезки покрывают шип вкладышевого наконечника (рис. 44, 5; 46, 21, 23).

Наконечники с нанесенными на них прямыми линиями составляют самую многочисленную группу. Почти всегда прямые линии нанесены по всей длине пера наконечника (рис. 42, 3, 9; 45, 2, 7). Иногда они прерываются, причем две параллельные линии прерываются одновременно. Иногда одна прямая линия идет непрерывно, а параллельная ей прерывается в одном или нескольких местах.

Волнистые линии практически всегда проведены по центру наконечника (рис. 42, 3; 44, 2, 7; 45, 1, 9, 15, 17; 46, 3, 10, 14, 16, 17, 20). Часто это сочетание двух волнистых линий, иногда они идут параллельно друг другу, иногда – переплетаются между собой. Вместе с прямой волнистая линия, пожалуй, самый представительный мотив (элемент) среди типов простого орнамента.

Зигзаг на наконечниках представлен разными типами. На боковых поверхностях наконечников обычен частый зигзагообразный орнамент (рис. 43, 1; 3, 6). Такой же зигзаг встречается и на плоскостях наконечников (рис. 46, 9). Реже присутствует широкий или растянутый зигзаг, обычно идущий по всей длине наконечника (рис. 42, 10).

Более сложным видом орнамента является простое сочетание элементов. Такими простыми сочетаниями элементов являются комбинации из: прямой и волнистой линии; прямой линии и зигзага; волнистой линии и зигзага; сочетания двух зигзагообразных линий, образующих ромбы и кресты; насечки и прямой линии; насечки и волнистой линии; насечки и зигзага; зигзага и точки; волнистых линий с ответвлениями. Иногда на одной плоскости наконечника присутствует одно сочетание элементов, а на другой – уже другое.

Прямая и волнистая линии в своем сочетании образуют разные композиции. Кроме обычного сочетания – прямая линия и параллельно ей волнистая – (рис. 45, 11; 46, 6) имеются и более сложные. На одном наконечнике, например, зафиксирована следующая композиция: прямая линия де-

лит наконечник на две части, справа от прямой линии – раздваивающаяся волнистая линия, а слева – расстраивающаяся (рис. 42, 7). На наконечнике с шипом волнистая линия идет сначала посередине наконечника параллельно прямой линии, а затем отворачивает от нее и переходит на шип (рис. 45, 5).

В сочетаниях прямой линии с зигзагом последний обычно занимает центральную часть орнаментальной композиции. В одних случаях зигзаг идет по центру наконечника, а по обе стороны от него расположена прямая линия (рис. 44, 8; 45, 4). В других случаях зигзаг занимает центр композиции, а от него в обе стороны расходятся прямые линии (рис. 44, 10, 12). Интересно сочетание с прямой линией коротких зигзагов. Они идут не как обычно – вдоль продольной оси, а поперек нее и напоминают изображения плывущих уток (рис. 44, 6).

Сочетание зигзага с волнистой линией зафиксировано только в двух случаях (рис. 44, 10). Интересен наконечник, по центру которого идут две волнистые линии, а по краю нанесен частый мелкий зигзаг.

Так же редки и сочетания зигзагов. В одном случае зигзаги образуют ряд ромбов (рис. 42, 11), в другом – крестов (рис. 44, 8; 46, 22), в третьем – два зигзага идут параллельно друг другу (рис. 46, 25).

Представляет большой интерес сочетание насечек и прямой, волнистой и зигзагообразной линий. Сочетания насечки с волной и зигзагом довольно немногочисленны (рис. 44, 9). В одном случае две насечки в сочетании с двумя волнистыми линиями образуют «стрелку» (рис. 46, 15). Особо стоит отметить волнистую линию, выполненную мелкими и тонкими насечками (рис. 42, 4). Интересен орнамент, состоящий из двух волнистых линий, которые заканчиваются короткими прямыми отрезками: на одной линии их три, на другой – четыре (рис. 42, 5). Очень интересны сочетания насечек с прямой линией (рис. 46, 5, 8, 24, 27). В одном случае такое сочетание фиксируется на вкладышевом наконечнике с боковым пером. С одной стороны на перо нанесены три параллельных прямых линии, а между ними заключены три группы насечек по 3, 5 и 5 шт. На другой стороне пера между двумя параллельными линиями нанесены 20 насечек (рис. 42, 2). На другом вкладышевом наконечнике три группы насечек по три в каждой заключены между двумя короткими прямыми линиями. Но находятся они не на пере наконечника, а на костяном стержне под боковым пером (рис. 45, 3).

Наибольший интерес представляет наконечник с так называемым «календарным» орнаментом. По обеим плоскостям наконечника проходят по две параллельных линии, поперек которых нанесены группы насечек. Наконечник фрагментирован, поэтому первоначальное количество групп неизвестно. На одной линии зафиксировано пять групп насечек, из них четыре – полные. Они содержат 7, 7, 7 и 9 насечек. На второй линии находится четыре группы насечек. Полные из них только две, в одной группе 13, а в другой 15 насечек. С противоположной стороны наконечника на одной линии три группы насечек. Две полные содержат 8 и 10 насечек. На второй

линии находится четыре группы насечек. В трех полных группах содержится 9, 10 и 10 насечек (рис. 44, 11).

Сочетания зигзага с насечкой встречаются нечасто (рис. 42, 8; 46, 13, 18, 19). Представляют они зигзагообразную линию, на вершине каждого угла которой располагается насечка. Часто насечки идут парами. Иногда они располагаются не только на вершине угла, но и на каком-либо отрезке зигзага. Гораздо реже встречается сочетание зигзага с точкой. В этом случае на вершине угла находится не насечка, а точка (рис. 42, 10).

Особо стоит отметить сочетание волнистой линии (часто двух) с боковым ответвлением такой же волны, но более короткой (рис. 43, 7; 44, 3; 46, 4).

Наиболее сложным видом орнамента являются композиции, составленные из трех и более элементов. Наконечники с подобным орнаментом трудно объединить в группы, все они требуют индивидуального описания. Композиция на одном из таких наконечников состоит из двух параллельных линий, обрамленных крестами, между которыми находится ряд из восьми точек (рис. 43, 4). Интересны композиции из прямых, волнистых линий и насечек (рис. 43, 6, 7). Не менее любопытными являются композиции из прямых или волнистых линий в сочетании с зигзагом и насечками (рис. 42, 5; 45, 10). Обращает на себя внимание орнамент, состоящий из сочетания прямых линий, зигзагов, насечек, заштрихованных треугольников, ромбов, лесенок, крестов и т. п. (рис. 42, 1; 45, 5, 8, 10, 12–14, 16; 46, 13, 26).

Отдельного описания заслуживает орнамент на почти целом вкладышевом наконечнике. Боковая грань наконечника украшена тремя группами мелкого и частого зигзага. На плоскости наконечника нанесена прямая линия в сочетании с зигзагом. На вершине каждого угла зигзага присутствуют парные насечки (рис. 44, 1). На другой плоскости наконечника орнамент выглядит более сложным. Состоит он из зигзага, прямой линии, длинных насечек и круга (единичный случай в комплексе камня Дыроватого). При первом взгляде на орнамент в нем можно увидеть изображение человека: в композиции выделяются голова, шея, руки, туловище и ноги. Но ног почему-то четыре, от туловища они отходят не просто вниз, но еще и в сторону. Если же вспомнить о топографии святилища, то данную композицию можно прочесть и по-другому (для этого наконечник нужно положить горизонтально). Зигзаг – это скала; круг – это пещера на скале; прямая линия с насечками изображает летящую в пещеру стрелу: насечки спереди обозначают острие, а насечки сзади – оперение стрелы (рис. 44, 1). Таким образом, перед нами классическая мифологема, в которой отображен обряд стрельбы из лука в пещеру.

Даже первичное знакомство с орнаментами на мезолитических наконечниках камня Дыроватого позволяет говорить об их многообразии и сложности. Совершенно ясно, что орнамент на наконечниках стрел – это не только и даже не столько их украшение, сколько зашифрованные мифологемы. Расшифровать их при настоящем уровне наших знаний пока не

удается, но работу в этом направлении необходимо проводить. Уже сейчас видно, что значительную роль в этих мифологемах играли числа 3, 4, 5, 7. Именно они наиболее часто повторяются в орнаментальных композициях. Это лишний раз подтверждает, что данные композиции являются зашифрованными мифологемами, за которыми скрыты представления древних людей об окружающем мире. Если наконечники стрел вместе с другими находками (костями животных, всевозможными подвесками, бусами и т. п.) можно считать дарами, подношениями духам, обитавшим в пещере, то орнаменты на наконечниках можно рассматривать в качестве своеобразных посланий, прошений, направленных этим духам.

Еще раз следует подчеркнуть, что почти всегда в орнамент на наконечниках втерта красная охра, что подтверждает их культовое назначение. Также охрой натерты и некоторые мезолитические наконечники, на которых орнамент отсутствует. Возможно, охра олицетворяла огонь, так как ни одного мезолитического наконечника стрелы со следами воздействия огня пока не найдено.

Большая часть наконечников стрел с орнаментом из коллекции Эрмитажа вполне укладывается в предлагаемую классификацию. В ней присутствуют орнаменты из прямых и волнистых линий, зигзагов и насечек, а также простое и сложное их сочетание (рис. 47, 1–8; 48, 1, 3–9; 49, 1–8; 50, 2–7; 51, 1–11; 52, 1–11, 14–16). Поскольку в эрмитажной коллекции больше целых наконечников стрел, в украшающих их орнаментальных схемах больше композиций, составленных из трех и более элементов.

Иногда гравировки образуют определенные фигуры. Интересны наконечники, украшенные ломаными линиями в виде углов (рис. 49, 1, 3). Сочетания насечек и коротких линий образуют «елочки» (рис. 51, 10), сотовидные фигуры (рис. 50, 1), а также фигуры, похожие на изображение чума (рис. 49, 4). У биконического наконечника круговые линии нанесены на его головку, а также, иногда перекрещиваясь, покрывают практически весь стержень (рис. 52, 4) (Калинина 2006: 393–401; рис. 1–6; 2007: 106–123; рис. 1–8; 2009: 351–372; рис. 1–19).

Наибольший интерес представляет целый вкладышевый наконечник длиной около 20 см с сохранившимися в пазу вкладышами³. На одной из его сторон нанесены изображения двух антропоморфных фигур, расположенных одна под другой (рис. 48, 2) (Калинина 2007: рис. 1, 2). Поскольку изобразительным полем является узкая плоскость наконечника стрелы, фигуры сильно заужены. Маленькая головка изображена короткими насечками, прямые руки опущены вниз, грудная клетка показана в скелетном стиле. Дальнейшая интерпретация изображений становится вариативной. Часть фигуры от грудной клетки до начала ног сильно удлинена и показана двумя параллельными линиями. Посередине предполагаемого туловища оно разделяется на две части округлым вздутием из скобчатых линий. Это вздутие может быть животом, а может и бедрами. Скорее, животом, пото-

³ Промеры по рисункам и фотографии наконечника дают показания от 18,9 до 21,6 см.

му что ноги начинаются значительно ниже вздутия. Возможно, вздутый живот обозначает беременную женщину. Ноги показаны кривыми линиями. Линии, обозначающие туловище, выходят между ног в одном случае короткими отрезками, а в другом – длинными и неодинаковыми. Что они изображают – непонятно. У верхней фигуры это могло быть изображением фаллоса, а у нижней – хвоста. Как эти мужские символы совместить с женскими – остается загадкой. Необходимо отметить, что обе фигуры окрашены охрой. Но интенсивная окраска верхней фигуры позволяет видеть четкое изображение, тогда как нижняя фигура из-за слабой окраски просматривается с трудом (Калинина 2007: рис. 1, 2). Скорее всего, изменение интенсивности окраски связано с разными условиями залегания разных частей наконечника в слое. А именно, две трети наконечника находились в почве, а хвостовая его часть торчала наружу и подверглась выветриванию. Такие следы выветривания зафиксированы автором на десятке мезолитических наконечниках, найденных воткнувшимися в стены пещеры.

Обработав эрмитажную коллекцию орнаментированных наконечников стрел с камня Дыроватого, И. В. Калинина предложила свою классификацию орнаментов. Опираясь на исследования Т. А. Молдановой, она выделяет четыре условных группы гравированных изображений: композиции, орнаменты, знаки-метки и граффити (Калинина 2007: 114–123). По своей сути в этих группах присутствуют два типа орнаментов – орнаменты «с линией жизни» и орнаменты, выполняющие функцию защиты, «крепежа» – «усиливающие», «оживляющие» наконечник стрелы. Орнаменты с «линией жизни» на наконечниках представлены прямыми, волнистыми линиями и зигзагами. Орнаменты, выполняющие «защитную» функцию, – это те же линии вдоль лезвия наконечника, насечки-нарезки, спирали, косые кресты. Втертая в орнамент охра «укрепляла» и «оживляла» наконечник (Калинина 2006: 393–400). Расплывчатость границ выделенных групп орнамента И. В. Калинина объясняет тем, что «мезолитический орнамент еще совмещает в себе функции рисунка, орнамента и письма, которые обособились позднее» (Калинина 2009: 371–372).

Орнаменты на наконечниках стрел с Шигирского торфяника детально пока никем не рассматривались. На вкладышевые наконечники наносился орнамент из прямых, волнистых линий, зигзагов, ромбов (рис. 54, 5–6, 8; 55, 1–7). Игольчатые наконечники украшались циркульным и спиральным орнаментом (рис. 53, 1–4; 54, 1–2, 7). На головки биконических наконечников нарезались круговые линии (рис. 53, 6, 8–9). На одном наконечнике головку украшает вырезанный зигзаг (рис. 53, 7). Сложная композиция нанесена на биконическом наконечнике длиной 24,5 см. Верхняя часть головки украшена тонко вырезанным мелким зигзагом. Нижняя часть головки по всему периметру покрыта вертикальными рядами высверленных (?) точек. А стержень опоясывают вырезанные по спирали тонкие линии (рис. 53, 5) (Савченко 2006: 214–223; рис. 1–6).

Кроме наконечников стрел на Шигирском торфянике присутствует небольшая серия орнаментированных костяных ножей и кинжалов. Грави-

ровки на ножах и кинжалах представлены прямыми и волнистыми линиями, зигзагами, насечками (рис. 56, 1–3, 5; 57, 1–3).

Представляет интерес вкладышевый кинжал, вдоль краев которого идут двойные волнистые линии. На его обеих плоскостях выгравированы редкие косые кресты, состоящие из одинарных и двойных линий (рис. 56, 1). На обломке прямого обоюдоострого ножа нанесены хаотично расположенные прямые линии, которые на одной из сторон образуют зигзаг (рис. 56, 5). Любопытен орнамент на костяном кинжале: с одной стороны он украшен двумя поперечными рядами мелких квадратов в сочетании с прямыми и слегка волнистыми линиями, а на вторую нанесен упрощенный меандр, переходящий в вертикальный ряд из отдельных квадратов (рис. 56, 2). Изогнутый вкладышевый нож по краям и по центру орнаментирован парными продольными линиями, внутри и между которыми нанесены поперечные насечки: 28 групп с числом насечек от 5 до 37 (рис. 57, 1). Необычный орнамент нанесен на прямой узкий кинжал типа стилета. Вдоль кромки лезвия выгравированы тонкие сдвоенные волнистые линии. На рукояточной части кинжала просверлены два круглых отверстия диаметром 2 мм. Немного ниже их тем же сверлом высверлено 12 неглубоких точек. Их расположение образует стрелку, обращенную к острию орудия. Но если кинжал перевернуть острием вверх, то в их расположении можно увидеть фигуру человека с расставленными ногами (рис. 57, 2) (Савченко 2005: 215–221; рис. 1, 2; 2, 2; 4, 1; 5, 2; 10, 1; 12, 1; 13, 1).

Кроме наконечников стрел и кинжалов на Шигирском торфянике выявлены и другие орнаментированные костяные изделия. Заостренный конец наконечника дротика (?) из расколотой трубчатой кости гравирован тонкими круговыми линиями (рис. 53, 11). На боковой плоскости цельного рыболовного крючка вырезан косой крест, а его тыльная часть украшена множеством коротких и тонких поперечных насечек (рис. 53, 10) (Савченко 2013: 219; рис. 1, 4). Богато орнаментирована костяная поделка непонятного назначения. Костяной стержень с одной стороны украшен зигзагообразной линией, а с другой – тонкими поперечными нарезками. В нижней части стержня между парными круговыми линиями нанесен орнамент в виде перекрещивающихся спиралей (рис. 54, 9).

Небольшие комплексы орнаментированных костяных изделий эпохи мезолита выявлены на целой серии археологических памятников. Наиболее известным из них является погребение в окрестностях с. Пеган (Лопаткинский р-н Курганской обл.), обнаруженное случайно в 1949 г. в стенке глиняного карьера. Покойный был помещен в яму в вертикальном, слегка согнутом положении. В погребении найдены каменный шлифованный топор, два костяных вкладышевых ножа и костяное игловидное острие.

Костяной кинжал длиной 26,5 см и шириной до 4 см с одной был покрыт геометрическим орнаментом, состоящим из группы симметрично и попарно расположенных ромбов. В двух местах ромбы имеют разрывы, ограниченные парами черточек. Линии, которые образуют стороны ромбов, выполнены в виде цепочек из мелких ромбовидных звеньев (рис. 56,

б). От ножа сохранился обломок длиной 16,5 см и шириной 2,7 см. Также с одной стороны на ноже вырезаны в одну линию пять заштрихованных слегка асимметричных ромбов. Они соединяются между собой прямыми линиями, а в одном случае – ломаной. От углов каждого ромба отходят Г-образные или ломаные линии. Крайние ромбы сопровождаются отходящими от них волнистыми и ломаными линиями (рис. 56, 4) (Сальников 1952: 15–16; рис. 2, 1–2).

К. В. Сальников в орнаментальных схемах на ножах увидел «пиктограммы», изображающие воду и рыболовные ловушки. Такого же мнения придерживались Г. Н. Матюшин и В. Н. Чернецов (Чернецов 1971: 107–108). Все исследователи отмечают близость орнаментальных схем пеганских ножей к гравировкам на костяных изделиях Шигирского торфяника.

На Кокшаровском торфянике костяные изделия с орнаментом выявлены на двух торфяниковых стоянках – Кокшаровско-Юрьинской I и II. На Кокшаровско-Юрьинской I стоянке выделяется отломанная головка биконического наконечника, вырезанная из рога (фото 37, 4). На ее поверхность нанесено шесть круговых линий (рис. 55, 10). Орнамент присутствует и на двух стерженьках, происходящих от игловидных или биконических наконечников. На одном стержне он представлен двумя группами круговых линий. На другом – прямые линии сочетаются с группами из четырех коротких насечек (рис. 55, 13). Обломок вкладышевого наконечника с двух сторон орнаментирован резными прямыми линиями, которые разбиваются группами парных косых насечек (рис. 55, 12). Поперечные насечки также украшают костяные рукоятки ножа и вкладышевого кинжала. Любопытна отшлифованная с двух сторон костяная пластинка (фото 37, 3), на которую с двух сторон нанесен сотовидный (?) орнамент (рис. 55, 11) (Сериков 1992: 144–145; рис. 8, 4, 11, 12, 20).

На Кокшаровско-Юрьинской II стоянке орнамент зафиксирован только на четырех костяных изделиях. На обломке кинжала сливающиеся извилистые линии нанесены вдоль краев лезвия. Также орнамент выявлен на двух обломках вкладышевых наконечников. На одном с двух сторон нанесены тонкие параллельные линии, а на втором – также по центру прорезаны сдвоенные прерывистые волнистые линии (рис. 55, 8). Отличается индивидуальными особенностями обломок двукрылого наконечника. Его острие с длинным оттянутым пером оформлено плоскими срезами с двух сторон. На края наконечника и на сглаженное ребро по его центру нанесены поперечные насечки (рис. 55, 9) (Жилин и др. 2012: 89–91; рис. 44, 6, 11–12; 45, 3).

Начавшиеся в 2008 г. раскопки торфяниковой части II Береговой стоянки Горбуновского торфяника уже дали находки орнаментированных изделий эпохи мезолита. Среди них плоские вкладышевые ножи и наконечники стрел. Один наконечник орнаментирован по центру прямой гравированной линией. Орнамент на втором наконечнике более сложен. Гравированная линия по центру изделия рассечена поперечными насечками. Такие же насечки нанесены и на боковые края наконечника (рис. 55, 14). Оригинальный орнамент вырезан на слегка изогнутом вкладышевом плоском

ноже. По краю лезвия вдоль паза прорезаны прямые линии. На одной стороне невыделенная рукоятка обозначена тремя свисающими заштрихованными треугольниками (Жилин, Савченко 2010: 37). Они очень напоминают такие же свисающие и заштрихованные треугольники на бронзовых кельтах Шайтанского озера (Сериков 2013б: рис. 128–131).

Отдельные единичные находки орнаментированных костяных изделий эпохи мезолита известны на целом ряде памятников. В пещере Гебауэра (окрестности г. Сухой Лог Свердловской обл.) найдено два обломка наконечников стрел и столько же обломков кинжалов, украшенных по краям прямыми линиями (Толмачев 1913: 223–224; табл. V, 9–12). Два целых вкладышевых наконечника длиной 20,5 и 13,6 см обнаружены в пещере Подземных Охотников (Стадника) (Александровский р-н Пермского края). Один из них орнаментирован прямыми линиями (фото 38, 2), а второй – прямой линией в сочетании с зигзагом (Близнецов и др. 2004: 273; рис. 24). В Лобвинской (Шайтанской) пещере (Новолялинский р-н Свердловской обл.) среди 62 обломков мезолитических наконечников выявлено два вкладышевых наконечника, с двух сторон орнаментированные прямыми линиями (Чаиркин, Жилин 2007: 260; рис. 3, 7, 10). Кальцинированный фрагмент вкладышевого наконечника длиной 2,6 см, найденный на памятнике Шайтанское озеро I, с двух сторон украшен прямыми гравированными линиями.

Следует отметить, что, как и в случае с каменными изделиями, гравировка участвует в создании образа костяной и роговой скульптуры или украшает ее. Обычно гравировкой подчеркивается разрез пасти животного, выделяются его глаза и другие мелкие детали (рис. 27, 4–7; 28, 1, 3, 5).

С переходом к неолиту количество гравированных костяных изделий резко сокращается. Основная часть гравировок приходится на биконические наконечники стрел.

По сравнению с мезолитическими неолитические наконечники имеют небольшие размеры – от 3,2 до 7,5 см. Часто они имеют граненое перо и циркульный или (чаще) спиральный орнамент либо на верхнем конусе наконечника, либо на нижнем. Биконическая головка обычно сразу переходит в уплощенный на две грани насад. Следы обработки и циркульный орнамент на наконечниках неопровержимо доказывают, что в эпоху неолита на территории Среднего Зауралья уже использовался токарный станок. Действующая модель токарного станка с лучковым приводом была изготовлена автором и продемонстрирована на международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. А. Семенова (Данилов, Сериков 1999).

В пещерном святилище на камне Дыроватом найдено около 400 биконических наконечников стрел (в основном в обломках), украшенных циркульным и спиральным орнаментом (рис. 57, 4–9). Отдельные экземпляры биконических наконечников с орнаментом известны в неолитическом погребении в гроте на камне Дождевом, Кумышанской пещере, памятниках Шигирского торфяника.

На II Береговой стоянке Горбуновского торфяника в неолитическом слое найден обломок вкладышевого наконечника стрелы, с двух сторон гравированный прямыми линиями.

Видимо, к неолиту относятся роговые мотыги с Шигирского торфяника с нанесенными на них поперечными насечками. Особенно интересна одна из них: верхняя ее часть по всему периметру украшена вертикальными рядами рельефных насечек.

Также немного известно и энеолитических изделий с гравировками. В Усть-Койвинской пещере найдена проколка из грифельной кости лося длиной 16,4 см. На выпуклой стороне острия ближе к его основанию нанесен орнамент в виде 21 нарезки, идущих поперек продольной оси орудия. Выше нарезок вырезан угол из сдвоенных линий, а двумя сантиметрами выше – еще пара поперечных нарезок (рис. 52, 12) (Сериков 2009: 161). Небольшой фрагмент изогнутого изделия, по двум краям украшенный насечками, выявлен в энеолитическом культовом центре Шайтанское озеро I (рис. 58, 11) (Сериков 2013: рис. 82, 17). Видимо, из разрушенного энеолитического погребения в пещере Жилище Сокола происходит оригинальное изделие из кости, «напоминающее акулий хвост, с прорезью, тремя отверстиями и насечками по боковым граням» (Чаиркин 2004: 30; рис. 23, 6).

Традиция украшать орнаментом наконечники стрел доживает до поздних времен. На камне Дыроватом найдено два орнаментированных костяных наконечника поздних типов. На ребре одного из них ближе к насаду высверлено небольшое углубление диаметром 3 мм, а у второго также на среднем ребре металлом вырезан небольшой равносторонний треугольник с длиной сторон – 3 мм (Сериков 2009: рис. 99, 24–25). Из Пещеры Туристов происходит игловидный наконечник стрелы длиной 6,8 см (не мезолитического облика). По краю одной плоскости металлическим ножом сделано семь поперечных насечек (рис. 52, 13).

Здесь следует обратить внимание на одну практически не исследованную сторону нанесения гравированного орнамента на костяные (и каменные) предметы. Априори считается, что орнаменты на костяные и каменные изделия наносились одномоментно. Однако трасологический анализ палеолитических так называемых «чуринг-изделий» показал, что орнамент часто вырезался в разное время и разными орудиями. Также фиксируются следы подновления некоторых гравировок (Хлопачев 2009: 32). Это наблюдение открывает новые возможности для различного рода семантических построений. Орнаментирование преимущественно костяных наконечников стрел позволяет предположить ситуацию, когда после удачного или неудачного выстрела на наконечник наносился соответствующий орнамент.

2.3. Глиняные изделия с гравировками

Украшенные гравировками каменные и костяные артефакты достаточно хорошо известны на территории Среднего Зауралья. А вот гравировки на глиняных изделиях встречаются чрезвычайно редко. Объясняется это

тем, что глина является пластичным материалом, на котором до обжига можно нанести любое необходимое изображение. Нанесение же гравировок уже по сухой глине связано с неучтенными заранее обстоятельствами. Гравировки по глине можно разделить на две группы. В первую входят изделия с нанесенным по сухой или подсохшей глине орнаментом. Вторую группу представляют предметы с гравированными знаками.

К первой группе отнесены «утюжки», скульптуры и пряслица. Сведения о глиняных «утюжках» уже представлены в одном из очерков. На территории Урала их известно 16 экз., из них с гравированным орнаментом – 13 экз. Орнамент обычно наносился уже по подсохшей глине в виде прямых, волнистых или перекрещивающихся линий (Алексащенко 2004: 243–244).

К скульптурным поделкам отнесено любопытное изделие в виде шарика с Кокшаровского холма. В целом своим внешним видом изделие напоминает грецкий орех (фото 17, 2, 3). Оно также детально описано в очерке о глиняной пластике. Боковые поверхности шарика орнаментированы прямыми резными линиями, которые были прорезаны уже по подсохшей глине (рис. 26, 1). Внимательный анализ показывает, что в качестве орнамента использовалась верхняя челюсть мелкого грызуна.

На Кокшаровско-Юрьинской II стоянке в неолитическом слое найдено пряслице, изготовленное из неорнаментированной стенки сосуда (фото 41, б). Уже по сухой глине на пряслице были прочерчены прямые и ломаные линии. Очень предположительно в переплетении линий можно увидеть изображение птицы, у которой длинная шея, треугольное тулово и вытянутые назад ноги (рис. 58, 7). Еще одно глиняное пряслице с гравировкой выявлено на святилище, расположенном на вершине горы Голый Камень. По двум сторонам пряслица по сухой глине прочерчен циркульный орнамент (рис. 58, б) (Сериков, Серикова Л. В. 2005: 26; рис. 17, 7).

Во вторую группу входят фрагменты разбитых керамических сосудов с гравировками. Е. М. Берс отмечает, что на жертвенном месте на Еловом мысу у озера Мелкого найдены черепки разбитых сосудов с гравированными изображениями птиц и людей (Берс 1963: 83). К сожалению, кроме этого упоминания никакой другой информации, в том числе иллюстраций данных изображений, обнаружить не удалось.

Автору известна небольшая серия фрагментов керамики с гравированными знаками, которые не являются изображениями или орнаментом. Причем все эти находки происходят из культовых комплексов. Самое раннее такое изделие выявлено на Усть-Вагильском холме (Свердловская обл.). Среди 15 тысяч находок выделяется фрагмент венчика неолитического сосуда, орнаментированный прочерченными линиями. Поверх орнамента уже по сухой глине были прочерчены непонятные знаки, напоминающие руническое письмо (рис. 58, 10) (Сериков 2002: 134). Поскольку большая часть находок на Усть-Вагильском холме связана с ранним железным веком, полной уверенности в том, что данные знаки нанесены в

эпоху неолита, быть не может. Известны многочисленные факты использования древних предметов в более поздние эпохи (Сериков 2001: 56–57).

Необычное использование фрагментов керамики зафиксировано в самом богатом неолитическом погребении Урала, которое автор трактует как погребение шамана. Обнаружено оно в гроте на Камне Дождевом (р. Чусовая, Средний Урал). На сгибе колена левой ноги погребенного лежал фрагмент керамики, орнаментированный отступающей палочкой. На нем имеется серповидный знак, прорезанный по сухой глине (Сериков 1993: 141; рис. 9, 3).

Несколько фрагментов керамики с гравированными знаками выявлены на Шайтанском озере (Свердловская обл.). В материалах энеолита и раннего железного века есть единичные черепки, на внутренней стороне которых присутствуют насечки, нанесенные по сухой глине. Иногда они имеют систематизированный характер в виде горизонтального ряда (рис. 58, 9). На трех фрагментах керамики (в одном случае – с внутренней стороны, в двух – с внешней) по сухой глине прорезаны косые кресты (рис. 58, 2–3, 12) (Сериков 2011г: 314). Такие знаки были известны уже в эпоху палеолита. Присутствуют они и на костяных и бронзовых наконечниках из пещерного святилища на Камне Дыроватом. По этнографическим данным косой крест выполняет функцию «охраны». Иногда он трактуется как знак закрытия (перекрытия) (Калинина 2006: 400).

Наиболее интересным изделием из этой группы является керамическая нашивка с Шайтанского озера I. Она выполнена из обточенного со всех сторон фрагмента керамики, которому обработкой придали прямоугольную форму размером $2,2 \times 1,5$ см (фото 41, 4). На лицевой стороне изделия каменным орудием вырезан ромб, а в его центре двусторонним сверлением проделано отверстие диаметром около 1 мм (рис. 70, 10). Изображения ромба довольно часто встречаются в первобытном искусстве, и его семантика неоднократно рассматривалась разными исследователями (Амброз 1965; Федоров 1961; Рыбаков 1981).

Представляет интерес обломок стенки от сосуда родановской культуры IX–XV вв. н. э. На неполном куске тулова сосуда сохранилось 31 отверстие. В тесте сосуда фиксируется очень большая примесь охры. Фрагментов от сосуда 92, но только на одном из них с внутренней стороны присутствует прорезанные металлическим орудием тонкие прямые перекрещивающиеся линии – своеобразное «граффити» (рис. 58, 8; фото 40, 3) (Сериков 2011г: 314). Следует подчеркнуть, что родановская культура бытовала на западном склоне Урала (верхнее течение Камы), тогда как Шайтанское озеро находится на территории Среднего Зауралья.

Интересный комплекс выявлен на святилище, расположенном на скалистом шихане горы Голый Камень (г. Нижний Тагил). Кроме многочисленных керамических «пряслиц» и дисков там найден фрагмент керамики, на котором металлическим орудием по сухой глине вырезан серповидный знак. На ошлакованном обломке сосуда с внешней стороны прорезаны две параллельные линии, одна глубиной до 2 мм, вторая – помельче. На фраг-

менте керамического диска металлическим ножом прорезана серия тонких параллельных линий (Серигов, Серигова Л. В. 2005: 27; рис. 22, 1–2, 5).

Все эти черепки с гравированными знаками могут свидетельствовать о проведении на памятниках каких-то ритуалов с участием отдельно взятых и специально отмеченных фрагментов керамики. Смысл этих ритуалов для нас остается загадкой.

2.4. Фигурные графические изображения на керамических сосудах

Фигурные графические изображения на керамических сосудах появляются в эпоху неолита. В основном они присутствуют на керамике боборыкинского типа. Самым известным изображением является антропоморфная фигура на боборыкинском сосуде с поселения Пикушка I (Кетовский р-н Курганской обл.). Прочерченными линиями на внешней стороне плоского дна сосуда нанесено контурное изображение человеческой фигуры (рис. 59, 3). Туловище и ноги выполнены парными параллельными друг другу линиями. Ноги слегка согнуты, т. е. человек показан в движении (или танце?). Вместо головы у него фигура из соединенных углом линий. Можно предположить, что они изображают пышный головной убор. Разведенные в стороны руки обозначены расположенными под углом одинарными линиями.

Известны антропоморфные изображения и на других памятниках. Два таких изображения выявлены на Андреевском озере (Тюменская обл.). Они сохранились на отдельных фрагментах керамических сосудов боборыкинского типа. В обоих случаях изображения голов не сохранились. Фигура с поселения ЮАО–IX изображена одинарными прочерченными линиями (рис. 59, 6), а фигура с ЮАО–XII образована ямочными вдавлениями (рис. 59, 5) (Шилов и др. 2002: 99; рис. 3, 1–3).

В. Т. Ковалева в изображении антропоморфа на сосуде с поселения Пикушка I увидела новые детали. По ее мнению, в правой руке антропоморф держит орудие в виде плети или дубинки, а в левой – змею. В итоге это изображение она связывает с образом Индры, а сосуды с антропоморфными фигурами и змеями – с космогоническими представлениями (Ковалева, Шилов 2002: 121–124).

Традиция изображать антропоморфные фигуры на керамической посуде сохраняется и в энеолите. Представляет интерес один из сосудов, найденный в одном из энеолитических жилищ на поселении Волвонча I (бассейн р. Конды). На нем гребенчатым штампом в скелетном стиле выполнена антропоморфная фигура. Она изображена с широкими плечами, расставленными ногами и ромбической головой (рис. 59, 1). По мнению С. Ф. Кокшарова, она изображает мифического героя-охотника (Кокшаров 1990: 8–18).

Уникальный сосуд с фигурными графическими изображениями антропоморфов и птиц обнаружен в энеолитическом комплексе памятника Палатки I. Верхний фриз сосуда украшен изображениями водоплавающих

птиц и антропоморфных фигур. Три фигуры людей выполнены двойными линиями отпечатков гребенчатого штампа (рис. 59, 2). Ноги у них расставлены, линии между ногами, возможно, изображают хвост. Руки у фигур опущены вниз и разведены в стороны. Головы, как и на сосуде с Пикшеш I, изображены углами. По мнению автора, эти углы обозначают пышный головной убор. Но В. Д. Викторова считает их рогами (Викторова и др. 2003: 11; рис. 4). В целом этот сюжет из трех антропоморфных фигур можно рассматривать как изображение танцующих ряженных в ритуальные одежды людей (шаманов).

На стоянке Бараний Мыс обнаружен неполный развал энеолитического сосуда, на котором кроме изображений косуль присутствует фигура человека (Чаиркина 1998: 96; рис. 1). Она выполнена гребенчатым штампом: туловище изображено тремя линиями, расставленные ноги – двумя, а согнутые и упирающиеся в поясницу руки – одной (рис. 59, 4). К сожалению, и в этом случае голова на фрагменте сосуда отбита (намеренно?). Согнутая нога и упирающиеся в бедра руки позволяют и в этой фигуре видеть изображение танцующего человека.

Известен еще один энеолитический сосуд с изображением антропоморфных фигур. Происходит он с поселения Боборыкино II (Шадринский р-н Курганской обл.). В верхней части сосуда расположен фриз с изображением человеческих фигур, которые чередуются с сильно вытянутыми заштрихованными треугольниками (возможно, изображениями жилищ). Фигуры выполнены одинарными линиями из оттисков гребенчатого штампа, изображены в фас с расставленными ногами и разведенными в стороны руками. Маленькая голова показана мелкими линиями и точками (?), повернута вправо. Уходящий вниз отросток, возможно, изображает бороду (рис. 59, 7) (Обыденнов, Корепанов 2001: 16; рис. 10, 2).

К раннему бронзовому веку относится изображение «пляшущего человечка» на фрагменте сосуда со стоянки Лопью (Республика Коми). Единичное изображение нанесено гребенчатым штампом в верхней части сосуда под горизонтальными поясами из ямок и скошенных отпечатков гребенчатого штампа. Антропоморфная фигурка изображена с расставленными и согнутыми в коленях ногами. Руки у нее разведены и согнуты в локтях (рис. 63, 2). Фигура, действительно, похожа на танцующего человека (Буров 1965а: 141–143; рис. 2, 1).

Первая находка сосуда с изображением фигур копытных животных была обнаружена Н. А. Рыжниковым на берегу Исетского озера еще в конце XIX в. и опубликована О. Е. Клером в 1900 г. Верхний фриз сосуда был украшен поясом из пяти или шести идущих животных, в которых О. Е. Клер увидел северных антилоп. По описанию О. Е. Клера, у них массивное тело, голова и шея напоминают жирафа, а ноги непропорционально малы и тонки (рис. 60, 2) (Клер 1900: 224–225). В настоящее время таких животных археологи относят к косулям. К сожалению, большая часть этих уникальных находок происходит из подъемного материала или обезличенных коллекций.

Выше уже упоминался сосуд с Бараньего Мыса. Кроме изображения антропоморфа в верхней части сосуда имелся горизонтальный пояс из, видимо, бегущих косуль. Их фигуры нанесены гребенчатым штампом. Передние ноги выброшены вперед, а задние – согнуты, что характерно для бегущих (галопирующих) животных (рис. 60, 5–6).

Совсем по-другому изображены косули на сосуде с Карасьего озера (окрестности Екатеринбурга). Если на сосудах с Коптяков IX и Бараньего Мыса животные показаны следующими друг за другом, то на сосуде с Карасьего озера они расположены группой («стадом»). У косуль прямоугольное туловище, длинная шея, заостренная морда, отставленные назад рога. Все детали выполнены гребенчатым штампом (рис. 60, 4) (Чаиркина 2005: 247; рис. 65, 4).

Два необычных графических изображения найдены автором на разрушенных памятниках Юрьино IV и Аятское Правобережное. Первое из них представляет собой изображение животного на венчике энеолитического сосуда. Изображение нанесено углом гребенчатого штампа. Судя по ширине отпечатков, оно выполнено тем же штампом, которым орнаментирована и остальная поверхность сосуда. Животное изображено с длинным туловищем, длинной шеей, вскинутой головой и поднятым хвостом (фото 39, 3). По определению Р. Л. Потапова, это лошадь. Однако за головой животного у сверлины имеется еще один оттиск штампа, который, по видимому, имеет отношение к данной фигуре и может рассматриваться как изображение рогов (рис. 60, 8). В таком случае изображение можно трактовать как бегущего оленя или лося с вскинутой головой. Такая поза характерна для бегущего оленя (лося), который вынужден закидывать рога к спине, чтобы они не мешали при беге. Следует подчеркнуть полное отсутствие аналогий данному изображению на территории Урала (Сериков 1978: 246–247).

Второе изображение также выполнено на венчике энеолитического сосуда. По верхнему его краю под двумя прямыми линиями идет горизонтальный пояс, состоящий из разных фигур. Видимо, центральной фигурой является изображение животного. Оно четырьмя вертикальными оттисками гребенки, возможно, изображающими ноги, опирается на две параллельные линии, которые имеют длину около трех сантиметров и располагаются только под фигурой. Ноги животного соединены горизонтальной линией, от которой под углом вверх отходит отпечаток гребенчатого штампа, заканчивающийся коротким вертикальным оттиском гребенки. По всей видимости, эти отпечатки обозначают шею и голову животного (рис. 60, 3). В таком случае данную фигуру можно рассматривать в качестве изображения какого-то копытного животного. Конкретизировать его вид не представляется возможным. Справа и слева изображение животного обрамляют геометрические фигуры в виде ромбов, заполненных диагонально поставленными отпечатками гребенчатого штампа. Под зооморфной фигурой располагается квадрат, выполненный сдвоенными отпечатками гребенки.

Выпадает из традиционного изображения копытных животных фигура на энеолитическом сосуде из Першинской пещеры (Режевской р-н Свердловской обл.). От сосуда сохранилось три совместимых фрагмента. В отличие от полнофигурных изображений на других сосудах на нем изображена только голова косули с небольшими рожками (Ерохин и др. 1997: 66; рис. 3, 5). На Урале аналогий этой находке пока нет, но фрагменты керамики с изображением головы животного известны на территории Поволжья (республика Марий Эл). Здесь на поселении Мольбище и Майданской стоянке найдены обломки сосуда с изображением голов оленя (или лося). А на поселении Волоконное обнаружена сланцевая плитка, на которой выгравирована лосинная головка (рис. 34, 4).

Отличается от известных сосудов с графическими изображениями животных и энеолитический сосуд с поселения Амня I (Белоярский р-н Тюменской обл.). Животные здесь расположены не в один, а в три яруса по 13 или 14 фигур в каждом. Причем два верхних яруса отделены от нижнего горизонтальным поясом из заштрихованных ромбов. Все они выполнены гребенчатым штампом. Туловище у фигур имеет ромбическую форму, длинная шерсть животных закрывает ноги, она показана волнистыми и прямыми линиями, такими же линиями обозначены шея, голова, рога и небольшая борода (рис. 60, 1). Авторы раскопок считают, что на сосуде изображены длинношерстные козлы (Стефанов, Морозов 1992: 83; рис. 2, 1, 4).

Некоторые исследователи пытаются среди зигзагообразных узоров на сосудах боборыкинской неолитической культуры найти изображения змей (Викторова 2002: 80–92). В принципе зигзаг может являться олицетворением змеи, но для полной достоверности следует привести дополнительные аргументы. Например, две змеевидные фигуры нанесены на внутреннюю часть днища сосуда с памятника Палатки I (рис. 60, 7). Контекст находки (сосуд обнаружен на культовой площадке боборыкинской культуры) может косвенно свидетельствовать в пользу данного предположения (Викторова 2002а: 53–57).

Два фрагмента необычного сосуда также боборыкинской культуры происходят с торфяниковой стоянки Кокшаровско-Юрьинская I. На памятнике вскрыто 140 м², но ни одного фрагмента от этого сосуда больше не найдено. Следует подчеркнуть, что фрагменты склеились друг с другом. Происходит фрагмент от придонной части сосуда. Его особенность заключается в том, что он орнаментирован с двух сторон – внешней и внутренней. На внутренней стороне нанесен крест из парных прочерченных линий. Из его углов в разные стороны отходят зигзагообразные линии. На внешней стороне сосуда прочерченные изогнутые линии (более семи) образуют многослойный овал, внутри которого находится короткая змеевидная фигура (рис. 63, 6). В. Т. Ковалева интерпретирует данное изображение как «змеевидный зародыш в яйце» (Ковалева 2002: 15).

Любопытный сосуд найден на святилище Три Сестры в комплексе раннего железного века. Плечико сосуда украшено поясом из предельно сти-

лизованных изображений уток (фото 40, 1). Орнаментальная схема сосуда при переходе к яйцевидному днищу ограничивается поясом из неглубоких ямок. Ниже этого пояса тоненькими линиями прочерчены четыре маленьких змейки. А на внутренней части венчика нанесены еще три таких же змейки (рис. 63, 5).

Все перечисленные фигуры, которые условно можно отнести к изображениям змей, заметно отличаются своей стилизацией. В отличие от них змея на одном из сосудов Федоровского поселения (Костромская обл.) выполнена гребенчатым штампом тройным зигзагом. К телу примыкает треугольная голова, боковые стороны которой, продолжаясь, образуют раздвоенное жало. Сосуд с изображением змеи датируется бронзовым веком (Гаврилова 1972: 117–118; рис. 35, 4–5).

Необходимо упомянуть изображения лошадей на сосудах с поселения Угдым III (Республика Коми). Фриз круглодонного сосуда украшен изображениями скачущих лошадей. Тулово лошадей выполнено тремя линиями из слитных отпечатков гребенчатого штампа, ноги показаны одинарными парными отпечатками того же штампа (рис. 63, 1). Сосуд относится к ванвиздинской культуре позднего железного века (вторая половина I тыс. н. э.) (Археология Республики Коми 1997: 439; рис. 27, 3).

Чаще всего на керамическую посуду наносились графические изображения водоплавающих птиц. Они известны на всей территории Урала. В поздненеолитическом жилище поселения Вис II залегали три фрагмента от одного сосуда с изображениями водоплавающих птиц. Оттисками гребенчатого штампа показаны плывущие друг за другом утки (рис. 62, 9) (Буров 1992: 18; рис. 3, 2–3). Возможно, это самые ранние изображения водоплавающих птиц на керамических сосудах.

В эпоху энеолита количество сосудов с графическими изображениями птиц резко возрастает. Такие сосуды исчисляются десятками, если не сотнями. Также возрастает количество работ, пытающихся объяснить семантику этих изображений (Мошинская 1972; Викторова и др. 1997; Чаиркина 1998; Усачева 1998; Викторова и др. 2003; Ковалева 2004; Панина 2004; Чаиркина 2005; Ковалева, Зырянова 2007).

Обычно на сосудах изображались горизонтальные пояса из плывущих птиц. Туловище утки изображалось тремя (редко – двумя) параллельными отпечатками гребенчатого штампа. Перпендикулярно или слегка под углом к нему таким же отпечатком показана шея. От шеи под прямым углом отходил еще один короткий отпечаток штампа, обозначающий голову утки (фото 39, 4, 5). Такие изображения выявлены на керамической посуде Аятского Правобережного, Бараньего мыса, Береговой I, Палатках I, Шайтанском озере I, Шигирском городище, Юрьино IV и др. (рис. 61, 6–7; 62, 2, 6; 63, 3). Иногда шея птицы оформлялась двумя параллельными линиями гребенки (62, 3, 5, 7). В редких случаях ниже тулова двумя коротенькими отпечатками штампа показывались ноги птицы (61, 6).

Гребенчатым штампом выполнялись и более сложные фигуры птиц. В технике «шагающей гребенки» изображены утки на сосудах с Нижней

Макуши и Чебаркуль I. Прямоугольное тулово птиц с Чебаркуля I заполнено «шагающей гребенкой». Поверх спины расположен горизонтальный ряд из круглых наколов. Голова и шея показаны сдвоенными линиями. Такими же линиями обозначены и ноги, число которых достигает четырех⁴ (рис. 62, 1). С. Н. Панина видит в этом изображении не птицу, а фигуру животного (Панина 2004а: 34).

Уточки с Аятского Правобережного поселения имеют большие размеры, туловище заполнено несколькими горизонтальными рядами отпечатков гребчатого штампа, также гребенкой образованы толстая шея и массивная голова (рис. 61, 4). Птицы с массивным туловом выявлены и на сосудах с Палкино I (рис. 62, 8).

Также с Палкино I происходит раздавленный сосуд, на котором присутствует целая композиция из антропоморфных и орнитоморфных фигур. Рогатые антропоморфы уже описаны выше. Фигуры птиц расположены на сосудах двумя ярусами. В верхнем ярусе напротив антропоморфов нанесены крупные изображения птиц, на нижнем – меньшие по размеру. Птицы изображены с длинными шеями (лебеди?), вытянутым прямоугольным или трапециевидным туловом и выступающими ногами. Причем все они находятся в наклонном положении – грудь опущена, а хвост приподнят (рис. 59, 2). Возможно, это поза ныряющей птицы. По мнению В. Д. Викторовой, на сосудах изображены гагары, ныряющие в воды мирового океана за кусочком суши (Викторова 2004: 146).

В этом плане представляет интерес фрагмент сосуда с изображениями двух птиц со стоянки Юрьино IV. Оба изображения фрагментированы, от одного сохранилась передняя часть, от другого – задняя. Но это как раз и дает возможность реконструировать полное изображение птицы. Оно выполнено сдвоенными отпечатками гребчатого штампа. Тулово и шея уточки обозначены длинными отпечатками штампа, голова – короткими (рис. 62, 7). Корпус утки наклонен вперед, что создает впечатление ныряющей птицы.

Отличаются от типичных орнитоморфных изображений птицы с Разбойничьего острова. Их крупные фигуры (до 14 см высотой) выполнены в отступающе-накольчатой технике, характерной для липчинской культуры. У птиц длинная шея, треугольное тулово и длинные ноги с лапками (рис. 61, 2). Некоторые исследователи предполагают, что они изображают стоящих гусей (Викторова и др. 1997: 45).

Известны изображения птиц, образованные неглубокими ямочками. Уточка на сосудах с Палкино I изображена при помощи наколов, сочетания которых имитируют оттиски гребчатого штампа (рис. 61, 5). На сосудах с Юрьино IV между двумя горизонтальными поясами из шагающей гребенки находятся две фигуры, выполненные круглыми наколами (фото 39, 2). Одна из фигур, возможно, изображает водоплавающую птицу (рис. 61, 3).

⁴ Следует отметить, что в разных публикациях рисунки фигур на сосудах с Чебаркуля I различаются в деталях.

Также к энеолиту относятся предельно стилизованные изображения уток со стоянки Юрьино IV. Они образованы тремя отрисками гребенчатого штампа, образующими короткий зигзаг (рис. 62, 4).

Подобные изображения, только выполненные не гребенкой, а сплошной линией, будут широко представлены в материалах поздней бронзы и раннего железа. Например, на VI разрезе – культовом памятнике Горбуновского торфяника – найдено свыше ста керамических тарелок со стилизованными орнитоморфными изображениями (фото 39, 1) (Чаиркина 2013: 68–80; рис. 1–10). А на святилище Три Сестры, расположенном на скальных останцах близ г. Новоуральск, найден хорошо сохранившийся сосуд железного века с изображениями стилизованных птиц и змей (рис. 63, 5).

К местной энеолитической традиции уральские исследователи относят фриз из реалистически выполненных изображений водоплавающих птиц на сосудах коптяковской культуры бронзового века. Такие сосуды известны на Верхней и Нижней Макуше, Коптяках 5, Палатках I, Шайтанском озере II (рис. 61, 1) (Викторова 1999: 49–54).

Следует упомянуть о наличии на некоторых сосудах поздних эпох Северного Урала изображений в виде трехпалых следов птичьей лапы (Буров 1992: 18; рис. 4, 3, 5–10).

В ранних работах с публикациями орнитоморфных фигур вопросы семантики данных изображений вообще не затрагивались (Эдинг 1940: 70–73; Мошинская 1972: 60–63). Исключением является статья Н. Н. Гуриной, которая в очень осторожной форме указала на возможную связь водоплавающей птицы с мифом о происхождении Вселенной из яйца утки (Гурина 1972: 44). Зато в последние два десятилетия число различных семантических построений в отношении изображений птиц на керамических сосудах заметно увеличилось. В. Д. Викторова, Н. М. Чаиркина и В. Н. Широков образ водоплавающих птиц связывали с образом горы (осью мироздания). И в этом соотношении водоплавающая птица выступала в качестве основного персонажа в творении мира (имеется в виду миф о ныряющей утке). Сюда же они добавили различные мифы с участием птиц (и не только водоплавающих) (в частности, о птице-душе, о посредничестве между мирами) и сделали вывод о многозначности образа водоплавающей птицы (Викторова и др. 1997: 40–61).

В последующие годы Н. М. Чаиркина продолжает поддерживать высказанную в 1997 г. версию о семантике водоплавающей птицы (Чаиркина 1998: 99–100), но подчеркивает «чрезвычайно сложный комплекс представлений, связанных с водоплавающей птицей» (Чаиркина 2005: 243–244). И. В. Усачева обилие изображений водоплавающих птиц в энеолите связывает с тотемизмом, а также со становлением промыслового культа (Усачева 1998: 116–118). В. Д. Викторова продолжает искать в угорской мифологии новые сведения, характеризующие роль водоплавающей птицы в сотворении земли (Викторова и др. 2003: 10–11). В. Т. Ковалева отрицает подобные построения и предлагает свое видение орнитоморфных изображений на сосудах: композиции из плывущих друг за другом птиц, скорее

всего, можно связать с календарной символикой. Причем в некоторых композициях она предполагает «даже не мифологический сюжет, а повествование» (Ковалева 2004: 76–77). Спустя три года она почти дословно повторила это предположение в другой статье (Ковалева, Зырянова 2007: 53–56).

Автору гораздо ближе точка зрения, высказанная в работе В. И. Молодина и М. А. Чемякиной: «на сегодняшний день правильнее ограничиться констатацией фактов и осторожными предположениями, нежели перечислять всевозможные варианты» (Молодин, Чемякина 2010: 13).

ГЛАВА 3. ОФОРМЛЕНИЕ РИТУАЛОВ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ

3.1. Украшения каменного века

Точное число украшений на памятниках каменного века Урала неизвестно, поскольку далеко не все они упоминаются в публикациях. Тем не менее, автору удалось учесть свыше 1000 изделий, которые употреблялись в качестве украшений. Все украшения можно подразделить на две большие группы – украшения, выполненные из природных форм, и украшения, полученные в результате глубокой переработки материала. В типологическом отношении украшения также делятся на несколько категорий. В данной работе будут рассмотрены только подвески, нашивки, пронизки, бусы, бляшки.

Природные формы для украшений первобытный человек достаточно широко использовал уже в палеолите. Самые древние украшения на Урале выявлены в гроте Большой Глухой и на стоянке Заозерье (оба памятника расположены на р. Чусовая). В нижнем слое грота возрастом 33900 лет найдено четыре зуба мелких копытных животных с глубокими двусторонними пропилами (рис. 64, 1–2) (Павлов 1996: 62). В последнее время искусственность пропилов ставится под сомнение. Стоянка Заозерье функционировала 31–33 тыс. лет назад. На ней найдены подвеска (бусина) из окаменевшего стебля морской лилии, в центре которого просверлено отверстие (рис. 64, 3). Окаменевшие членики морских лилий в плане обычно имеют форму звезды или круга, на их боковых плоскостях сохраняется внутренняя структура стебля, которая воспринимается в качестве своеобразного орнамента в виде лепестков или идущих по кругу рисок (рис. 64, 4–5). Бусины из члеников морских лилий известны на палеолитической стоянке Амвросиевка (Украина) и стоянке Костенки 17. Из других окаменелостей для украшений использовались белемниты, аммониты и кораллы (Сунгирь и Костенки 17) (Сериков 2005г: 381). Известны также редкие украшения из окаменевших игл морского ежа (Костенки 14 и 17). Следует отметить, что возраст упомянутых выше стоянок не превышает 35 тыс. лет (Аникович 2005: 88–89).

В более поздние эпохи украшения из окаменелостей использовались гораздо реже. Просверленная бусина из членика морской лилии найдена возле черепа человека в мезолитическом ярусном погребении могильника Минино I (Кубенское озеро, Вологодская обл.). В составе одного из кладов (№ 7) на энеолитической стоянке Володары найдены три просверленных окаменевших аммонита. На Урале несверленные членики лилий зафиксированы в пещерных святилищах на Камне Дыроватом (р. Чусовая) и Шайтанской (Лобвинской) пещере (р. Лобва, Северный Урал). По всей видимости, они служили нашивками и крепились к одежде при помощи плотного пришивания (Сериков 2005г: 381).

Кроме окаменелостей достаточно широко использовались и раковины. В раннем комплексе стоянки Заозерье обнаружены две подвески из раковин *Unio* (Павлов 2004: 11). Свыше 60 раковин ископаемых моллюсков с

проткнутыми отверстиями найдены в Каповой пещере на Южном Урале (Щелинский 1997: 33). В раннеолитическом погребении № 6 могильника у с. Съезжее (р. Самара) украшения из морских раковин находились в области шеи и груди. Причем на груди они лежали двумя рядами (Васильев И. Б., Матвеева 1979: 151). Подобные бусы (около 200 экз.) из раковин беззубки обнаружены в неолитическом Русско-Шуганском погребении (Республика Татарстан). Набор бус из 53 раковин наземного моллюска *Dentalium* найден в энеолитическом погребении в Усть-Катавской пещере (р. Юрюзань, Южный Урал). Там же залежали и 36 плоских бус, также вырезанных из раковин (Бибилов 1950: 118). Подвески из раковин (5 экз.) известны на Кара-Якуповской стоянке эпохи энеолита (Республика Башкортостан). Интересно отметить, что две подвески выполнены из ископаемых раковин (Морозов Ю. А. 1984: 46, 57). Пять подвесок из раковин *Unio* найдены в Кумышанской пещере (р. Чусовая) (рис. 64, 6).

В Русско-Шуганском погребении зафиксирован уникальный случай использования в качестве украшений необычных природных форм. На костюме погребенного были нашиты гантелевидные кремневые конкреции – 11 экз. (Казаков 1978: 174).

Также к редким природным формам можно отнести так называемый «курий бог» – небольшой камень с естественным отверстием. Такие подвески найдены в палеолитическом слое пещеры Байсланташ (р. Белая) (рис. 64, 7) (Котов 2004: 51) и в пещерном святилище Камня Дыроватого (рис. 64, 8; фото 42, 2).

Довольно редко встречаются и подвески из небольших галек, у которых кроме просверленных отверстий или противоположащих насечек дополнительная обработка отсутствует. На Урале подвески из галек известны в Каповой пещере (Южный Урал), на поселении Усть-Громатуха, Усть-Вагильском холме, I Береговой стоянке Горбуновского торфяника, поселении Шувакиш I, стоянке Чащиха II и культовом памятнике Шайтанское озеро II (рис. 64, 9; фото 42, 5) (все – Среднее Зауралье) (Серилов 2007с: 74). Капова пещера и Усть-Громатуха датируются палеолитом, последующие три комплекса – эпохой энеолита, оставшиеся два относятся к бронзовому веку.

Нельзя не упомянуть редчайшие украшения из кристаллов исландского шпата, найденные на Мальтинской палеолитической стоянке (р. Белая). Древние люди находили кристаллы в окрестностях стоянки, раскалывали их по спайности на плитки нужного размера, прорезали посередине канавку для крепления и использовали эти плитки в качестве подвесок (Мальтинское... 1996: 6).

На Урале украшений из кристаллов пока не выявлено. И это удивляет. Урал достаточно богат разнообразными кристаллами, и находки отдельных кристаллов известны на целом ряде памятников. Чаще всего использовались кристаллы горного хрусталя и его разновидностей – аметиста и раухтопаза. Но известны находки и других кристаллов, в частности, граната-альмандин и кальцита (Серилов 2011: 44–46).

Среди любопытных находок можно отметить кристалл хрусталя из пещерного святилища на Камне Дыроватом. На одной из граней кристалла сохранилась коричневая нашлапка, возможно, остатки вещества, которым он крепился для подвешивания. Большой интерес представляют находки кристаллов в погребениях бронзового века. В могильнике у д. Ростовка в одном из погребений кристалл горного хрусталя лежал под черепом ребенка (в этом же погребении находится знаменитый бронзовый нож с изображением лошади и «лыжника»). В могильнике Синташта (Челябинская обл.) в одном из богатых женских погребений вместе с серебряным нагрудником находились крупный кристалл горного хрусталя с сильно стертими концами. В синташтинском Больше-Караганском могильнике кристалл горного хрусталя залегал перед глазами погребенного (Сериков 2005ж: 9–10).

Данные находки позволяют предположить, что кристаллы могли использоваться не только для определенных ритуалов, но и для украшений. Только для их подвешивания использовался не традиционный способ крепления при помощи сверления или прорезания канавок, а другой, археологически не фиксируемый. Например, при помощи приклеивания на смолу или путем пришивания, обвязывания или оплетения его кожаным (или иным) ремешком. Проведенные эксперименты показали правомочность такого предположения (Сериков 2013д: 244). Вряд ли все упомянутые кристаллы являлись украшениями, по всей видимости, они обладали разнообразным семантическим наполнением, конкретное содержание которого еще предстоит выяснить.

Еще одним видом природных форм, которые древний человек использовал для украшений, являются кости животных и рыб. Таких находок немного, но бытовали они на протяжении всего каменного века и позже. К эпохе палеолита относится личина, выполненная из межпозвонкового диска мамонта с Гаринской палеолитической стоянки (Северный Урал). Минимальная подработка – в центре диска пробито два отверстия – превратила ее в зооморфную личину, где естественные симметричные выступы в верхней его части представляли уши, зауженный нижний конец – нос, а пробитые отверстия являлись глазами. В данной личине можно увидеть морду медведя в фас (рис. 27, 2). Оригинальные украшения из трахейных колец (24 экз.) найдены в мезолитическом слое грота Большой Глухой. Еще одно мезолитическое украшение – подвеска из фаланги северного оленя (рис. 64, 12) – выявлено на Кокшаровско-Юрьинской торфяниковой стоянке (Свердловская обл.). Значительная часть подобных украшений происходит с пещерных святилищ р. Чусовой. К рукавам рубахи и штанинам «шамана» с Камня Дождевого были нашиты расколотые кости северного оленя (4 экз.). На Камне Дыроватом найдено восемь костей животных с пробитыми отверстиями (фото 44, 3, 4), пять из которых принадлежат зайцу (рис. 64, 19–25). Там же обнаружена подвеска из просверленной жаберной крышки крупной рыбы (рис. 64, 15). В рядом расположенной Пещере Туристов отмечены подвески с отверстиями из таранной и плечевой костей

бобра (рис. 64, 18), плюсны и фаланги северного оленя (рис. 64, 13–14) и просверленных позвонков рыбы (рис. 64, 10–11). Но они датируются уже веком металлов.

Однако самыми распространенными природными формами, которые древний человек использовал для своих украшений, являются зубы и челюсти животных (фото 44, 1–6). Чаще всего подвески изготавливались из костей тех животных, которые пользовались особым почитанием. Их можно разделить на три условные группы: хищники, копытные и грызуны.

Из отряда хищников в качестве подвесок использовались зубы медведя, волка, песца, лисицы, куницы (соболя), выдры. Клык медведя с круговой канавкой найден в Пещере Туристов (рис. 65, 1). В гроте на Камне Дождевом (р. Чусовая) в женском погребении эпохи неолита была найдена подвеска из просверленного резца медведя. А на святилище Камня Дыроватого у подножья отвесной скалы под пещерой вместе с наконечниками стрел залегали три коренных зуба медведя без отверстий, которые могли служить нашивками. Следует упомянуть и оригинальную подвеску, изготовленную из когтевой фаланги медведя. В основании фаланги проделано сквозное отверстие (рис. 64, 2). Подвеска найдена на полу Игнatieвской пещеры (Челябинская обл.), поэтому ее датировка затруднена. Там же зафиксирована подвеска из просверленного клыка песца (Петрин 1992: 138, 203). Еще три подвески из клыков медведя найдены в процессе добычи золота на Шигирском торфянике (Свердловская обл.), но их датировка неизвестна.

Подвеска из расколотого вдоль зуба волка найдена на мезолитической Кокшаровско-Юрьинской I стоянке (рис. 65, 19). В Усть-Койвинской пещере обнаружена плохо сохранившаяся подвеска из клыка волка, у которой вокруг корневой части прорезана канавка для подвешивания (рис. 65, 8). Украшения из клыков лисицы отмечены в святилище на Камне Дыроватом (рис. 65, 17) и в погребении грота на Камне Дождевом (рис. 65, 20).

Самыми распространенными являются украшения из зубов представителей семейства кунных. Одна подвеска из клыка куницы (или соболя) найдена в пещере Камня Дыроватого. В соседней Пещере Туристов выявлена подвеска из клыка выдры (рис. 65, 18). Основной комплекс подвесок происходит из женского погребения эпохи неолита в гроте на Камне Дождевом (фото 43, 1). Костюм женщины украшали 73 просверленных клыка выдры (рис. 66, 1–54). Любопытно отметить, что для подвесок использовались клыки только из нижних челюстей выдры. Всего были использованы зубы от 37 особей (Серигов 1993: 130). Семантика таких находок подчеркивает особый статус погребенной женщины. По силе выдра считалась вторым после медведя подземным духом. Также она являлась духом, помощником шамана, который помогал шаману своей хитростью и ловкостью.

Подобная избирательность зубов, отобранных для изготовления украшений, отмечена еще на одном памятнике. В третьем погребении могильника Карасук II (р. Енисей) обувь женщины была расшита 310 зубами со-

боля. От каждого соболя из верхней челюсти было взято по одному третьему коренному зубу (Комарова 1981: 83). Такой способ оформления костюма и обуви свидетельствует о необычайно высоком социальном статусе погребенных женщин.

Копытные животные представлены зубами лошади, северного оленя, лося и марала. Самые ранние подвески эпохи верхнего палеолита происходят из пещерных святилищ. Выше уже упоминались подвески из зубов копытного животного (рис. 64, 1–2), найденные в гроте Большой Глухой. Из Игнatieвской пещеры происходит подвеска из зуба копытного животного (бизона?), а из Пещеры Туристов – из резца дикой лошади (рис. 65, 3). Интересно отметить, что обычно для украшений использовались резцы и клыки животных. Но костюм женщины, захороненной в гроте на Камне Дождевом, украшали два просверленных коренных зуба северного оленя (рис. 65, 21–22). На этот же костюм были нашиты два крупных резца лося без отверстия и круговой канавки для крепления. Подобная канавка и отверстие имеются на резцах лося, найденных в Пещере Туристов (рис. 65, 4–5). Там же найдены подвески из просверленного обломка коренного зуба лося (рис. 65, 7) и клыка очень старой лошади (рис. 65, 6). Последняя подвеска интересна тем, что кроме отверстия, расположенного на удаленном расстоянии от верхнего края подвески, в ее центре имеется две глухих (несквозных) сверлины. Крайне любопытной находкой является зуб марала с просверленным отверстием из пещерного святилища на Камне Дыроватом (рис. 65, 9; фото 44, 2). Значение этой находки еще предстоит осмыслить, так как маралы на территории Урала не встречались (Сериков 2004в: 38–49).

Еще к одной условной группе относятся украшения из зубов бобра и байбака. На поясе мужчины из грота на Камне Дождевом было нашито десять резцов бобров (рис. 65, 13–14). Две подвески из просверленных резцов бобра выявлены на Кокшаровско-Юрьинской II стоянке (рис. 65, 12, 15). Украшения в виде отшлифованных пластинок из резцов бобра найдены в пещере Жилище Сокола, гроте на Камне Денежном (по 2 экз.) (рис. 65, 10–11; фото 44, 5), в пещере на Камне Дыроватом (рис. 65, 16) и на Кокшаровско-Юрьинской I стоянке (4 экз.). Большие серии украшений из резцов байбака найдены в Русско-Шуганском погребении (свыше 50 экз.) и в захоронении ребенка в Усть-Катавской пещере II (20 экз.). Отверстия на зубах отсутствуют, к одежде они крепились при помощи простого пришивания.

Нижние челюсти животных также иногда служили украшениями костюма, в частности, пояса. На Урале такая находка известна только в мезолитическом слое Кокшаровско-Юрьинской I стоянки. Там найдена нижняя челюсть бобра с пробитым отверстием. Но на других территориях такие находки не являются редкостью. В энеолитическом погребении на стоянке Кубенино (озеро Лача, Архангельская обл.), в котором лежал скелет длиной 193 см, в области пояса найдено девять нижних челюстей выдры и две – куницы (Фосс 1938: 78). В вертикальном погребении № 100 (Оленеост-

ровский могильник) к поясу погребенного было прикреплено шесть нижних челюстей бобра с отверстиями (Гурина 1956: 340). Следует отметить, что в этом уникальном мезолитическом погребении находилось 303 резцалося и 126 пластинок из резцов бобра. А всего в Оленеостровском могильнике найдено 6 тыс. подвесок из зубов животных, в основном лося (4,5 тыс. экз.).

Таким образом, из шести групп природных форм, которые в древности использовались древним человеком для изготовления украшений, на Урале встречены пять, отсутствуют только украшения из кристаллов. Чаще всего для украшений использовались зубы животных (43,5 %) и раковины (37,8 %). Затем следуют кости животных – 14,5 %. На окаменелости и гальки приходится соответственно 0,9 и 3,3 %. Следует также отметить, что 15 пещерных святилищ дали 93,2 % всех украшений, в то время как на 10 стоянках найдено только 6,8 %. Необходимо также учесть, что 51,1 % всех украшений из природных форм происходят из четырех пещерных погребений.

Если проанализировать украшения из костей и зубов животных, то выясняется, что свыше половины подвесок изготовлено из костей хищников (52,1 %), затем идут украшения из костей грызунов (29,5 %), копытных (14,7 %) и рыб (3,7 %). В абсолютном выражении преобладают украшения из зубов выдры (45,4 %) (за счет 73 подвесок из зубов выдры в женском погребении на Камне Дождевом), костей и зубов бобра (14,1 %) и байбака (12,3 %) (все подвески происходят из одного погребения в Усть-Катавской пещере). Данный анализ показывает, что для каких-то серьезных обобщений все еще мала источниковая база (всего 338 украшений). Находка всего одного погребения с украшениями из зубов или раковин может значительно поменять и процентное соотношение, и всю картину (Сериков 2009б: 16–17).

Пока можно говорить лишь о том, что на Урале украшения из природных форм стали использоваться уже в начальную пору верхнего палеолита (33–34 тыс. лет назад). Дени Виалю – известный французский исследователь первобытного искусства считал, что появление украшений в шательперроне Западной Европы является первым проявлением символики трансформированных знаков, при которой украшения выступают как связь между жизнью и смертью (Абрамова 1992: 178). Во всяком случае, их появление свидетельствует о существовании деятельности, выходящей за рамки хозяйственных и производственных задач. По всей видимости, украшения являлись маркерами социального статуса отдельных членов общества. Этот статус подчеркивали как необычные и редкие природные предметы (кристаллы, конкреции, окаменелости), так и зубы, челюсти и другие кости различных животных, которые среди украшений преобладают. Семантика таких украшений сугубо индивидуальна и требует отдельного детального исследования.

Следует упомянуть еще одну особую группу украшений, в которую входят не только редкие, но и необычные подвески. В первую очередь к таким украшениям следует отнести подвески из человеческих костей. Самые ранние подвески такого рода происходят из детского погребения палеолитической стоянки Ушки I (Камчатка) (12–10 тыс. лет назад). Среди

мелких обломков разрушенного черепа выявлены молочные зубы человека без корней. Там же найдено и около десятка зубов с подточенными корнями и тонко просверленными отверстиями для подвешивания (Диков 1993: 25).

Использование зубов человека в качестве подвесок зафиксировано и в более поздние эпохи. В одном из позднемезолитических погребений могильника Звейниеки (Латвия) найдены две подвески из зубов человека.

В энеолитическом кургане (IV–III тыс. до н. э.) в станице Новосвободской (31 курган, 5 погребение) найден коренной зуб в оправе из золота с проделанным отверстием (в золоте) для подвешивания. По мнению исследователей, такое изделие служило в качестве оберега. Данная находка экспонируется в Особой кладовой Эрмитажа. В Сибирской коллекции Петра I также известно два человеческих зуба в золотой оправе, подвешенные на цепочке. Еще два человеческих зуба (женский и пожилого человека) были переданы голландскому исследователю сибирских древностей Н. К. Витзену. Происходят эти находки из разграбленных курганов железного века в Сибири и Южном Зауралье.

Кроме зубов для украшений использовались и другие человеческие кости, прежде всего – части черепа. На территории Западной Европы изготовление подвесок-амулетов из черепных костей получает распространение уже в эпоху неолита (Медникова 2001: 133–135). На территории России такие изделия становятся известными, начиная с раннего железного века. Первая подвеска из черепной кости была найдена Ф. Д. Нефедовым в 1883 г. при раскопках городища в Костромской обл. Позднее подвески из костей черепа были выявлены при раскопках Одоевского городища в бассейне р. Ветлуги.

Впечатляющими находками являются пять подвесок из вырубленных верхних челюстей человека, найденные в мощном прокале надмогильного сооружения погребений 12 и 13 Кипчаковских курганов в Башкортостане. Одна подвеска была вырублена из верхней челюсти с остатками зубов. У нижней челюсти отрубили венечный отросток, затем ее распилили пополам вдоль и поперек и из каждой четверти изготовили по подвеске. В самой крупной подвеске сохранились зубы. Все подвески из нижней челюсти имели по два отверстия, а из верхней – одно. Все части челюстей происходят от одной особи, предположительно, женщины 18–30 лет. Датируются данные находки II–I вв. до н. э. (Зубов 2007: 79; рис. 6).

Подобная подвеска из фрагмента просверленной нижней челюсти человека известна на Серенькинском городище раннего железного века, также в Башкирии. Изделия (подвески) из вырубленных верхних челюстей человека с отверстиями найдены в погребениях 25/1 и 37 Андреевского кургана в Мордовии. Относятся они к более позднему времени – к первым векам нашей эры. П. Д. Степанов считает их военным трофеем, который крепился на конской упряжи и являлся показателем воинской доблести.

Также в 37 погребении Андреевского кургана находились первые фаланги пальцев человеческой руки, которые, по мнению автора раскопок,

подвешивались вместе с кожей, снятой с кисти руки. Подобная подвеска, выполненная из просверленной фаланги пальца, известна и на Серенькинском городище. Возможно, три фаланги человека, найденные в Уньинской пещере, также использовались в качестве подвесок (Сериков 2013д: 243–244). А. И. Соловьев отмечает особое отношение к пальцам у разных народов. Он приводит сведения о том, что пальцы считались вместилищем души и физической силы. Поэтому у убитых врагов отрезали пальцы и использовали их в качестве важных фетишей (Соловьев 1990: 100).

Среди украшений, изготовленных в результате глубокой переработки материала, наиболее многочисленной группой в каменном веке Урала являются подвески. Изготавливали их из камня, кости, глины, раковины. Подвески из камня были известны уже в палеолите. В Смеловской II пещере (Южный Урал) найдена 31 подвеска, выполненная из мягкого талькового камня серого, коричневатого и желтоватого цветов. Выполнены они из плоских бесформенных плиток талька, боковая поверхность которых обработке не подвергалась. Но плоскости подвесок выровнены при помощи строгания каменным ножом. Длина подвесок варьирует от 4,5 до 11 см, ширина – от 1,7 до 7,5 см, толщина – от 0,6 до 1,7 см (Бадер 1971: 202, 206–207). По всей видимости, их следует отнести к нашивкам, так как отверстие всегда одно и почти всегда расположено в центре изделия.

В эпоху мезолита появляются подвески миндалевидной формы из зеленоватого офита (мягкой разновидности змеевика) (погребения в Бурановской пещере (фото 42, 1) и навесе Старичный Гребень – р. Юрюзань, Южный Урал) (Бибиков 1950: 100, 110). Мезолитические подвески Бурановской пещеры отличаются крупными размерами – от 3,7 до 7, 7 см высотой (рис. 67, 1–8). Подвески из Старичного Гребня имеют меньшие размеры – 3–4 см высотой (рис. 67, 9–19). Оригинальная подвеска из глинистого алевролита найдена на мезолитическом поселении Парч I (Республика Коми). Она изготовлена в виде стерженька длиной 7,7 см, имеет четыре круговые нарезки (Карманов 2006: 64). По мнению автора, она могла изображать клык крупного хищника. Подвески миндалевидной или каплевидной формы, только меньшего размера бытовали и в эпоху неолита.

Традиция использовать для подвесок минералы зеленых оттенков сохраняется и в энеолите, но большей частью в южных районах Урала. На Кара-Якуповском поселении обнаружено 29 подвесок из зеленоватого сланца высотой 2,3–4,1 см (рис. 68, 1–9; 69, 30–34). Единичные экземпляры подвесок из зеленого змеевика известны в погребении Березки Vг (оз. Аргази, Челябинская обл.) (рис. 69, 17) и в энеолитическом культовом центре Шайтанское озеро I (Свердловская обл.) (рис. 68, 39–40). В это же время для изготовления подвесок начинают использовать и мягкий серый сланец. В богатом погребении из Усть-Катавской II пещеры найдено 32 подвески из серого сланца (рис. 67, 20–33) (Сериков 2004г: 100–102).

В энеолите Среднего Зауралья и Западной Сибири более всего были распространены подвески из красно-бурого шифера (пирофиллитового сланца) (фото 42, 6). Их размеры уменьшаются до 1–1,5 см. Зато резко воз-

растает их количество. Как единично, так и сериями они встречаются на поселениях, стоянках, святилищах, в погребениях. Больше всего их находят в погребениях: Шайтанское – 13 экз., Аятское – 52 экз. (Среднее Зауралье), в двух погребениях могильника Бузан 3 – 170 и 220 экз. (Ингальская долина, Западная Сибирь). Хорошо представлены они и на культовых памятниках: на Усть-Вагильском холме и Шайтанском озере I их количество составляет от 30 до 40 экз. (рис. 68, 10–15, 17–27, 29–31, 34). Все подвески имеют форму, близкую к каплевидной. У некоторых подвесок по периметру тщательно вырезаны зубчики – в Аятском погребении, на Шайтанском озере I (рис. 68, 11, 17, 34; фото 42, 4).

Оригинальные каменные подвески найдены на Шайтанском озере. Одна из них имеет подтрапециевидную форму и высоту 3,2 см. Нижний край у подвески зубчатый, т. е. подвеска использовалась в качестве гребенчатого штампа (рис. 68, 40). Отверстие для подвешивания совершенно необычно как по форме, так и по технике изготовления. Оно образовано тремя соединенными сверлинами, в результате чего получило сердцевидную форму. Подвеска изготовлена из зеленоватого змеевика. Аналогий данной подвеске пока неизвестно, но подвески из змеевика выявлены в пещерных погребениях Южного Урала. Подобные подвески-орнаменты известны и на других территориях, в частности, на озере Сахтыш, в Карелии. М. М. Шахнович считает, что штампы обладали определенной сакральной нагрузкой и в силу этого могли выполнять двойную функцию – «использоваться для нанесения орнамента и быть подвеской-«оберегом» (Шахнович 1995: 86). Вторая подвеска выполнена из светло-серого глинистого сланца, который имеет ноздреватую структуру из-за присутствия в ней кристаллов. Она изготовлена таким образом, что отпечаток кристалла в виде параллелепипеда оказался в центре подвески под просверленным отверстием (рис. 68, 32). Еще на одной подвеске в центре изделия прочерчен крест (рис. 68, 33) (Сериков 2004г: 100–101).

Следует подчеркнуть, что цвет играл важную роль в оформлении подвесок. Когда не хватало красно-бурого шифера, его могли заменить галечками такого же размера и цвета. Такие подвески найдены на Усть-Вагильском холме и I Береговой стоянке Горбуновского торфяника. В коллекции Шайтанского озера среди подвесок красно-бурого шифера присутствует подвеска, изготовленная из шифера черного (рис. 68, 21). Однако изучение ее под микроскопом показало, что в древности подвеска была окрашена охрой в красный цвет. Кроме шифера для изготовления подвесок в энеолите использовался также светло-серый сланец и тальк (рис. 68, 16, 28, 32–33, 35–36, 38) (Сериков 2005е: 52).

Костяные подвески каплевидной формы в небольшом количестве были известны уже в мезолите и неолите. Они полностью обработаны шлифовкой, их высота колеблется от 2 до 3,6 см. Интересно отметить, что все костяные подвески этого времени найдены в погребениях: навес Старичный Гребень, Березки Vг (рис. 69, 7–16), грот в Камне Дождевом (рис. 69, 1–6).

Основная масса костяных подвесок (свыше 300 экз.) относится к эпохе энеолита. Их высота колеблется от 1 до 3 см. По своей форме и размерам они являются полной аналогией подвесок каменных. Единичные находки костяных подвесок небольшого размера известны на целой серии памятников (I Береговая, Камень Писанный на Вишере, Крутяки I, Муллино III, Шувакиш I, Шигирское городище, Шигирский Исток I и др.). Чаще всего костяные подвески составляли погребальные комплексы: Аятское погребение, Скворцовская Гора V (Средний Урал), Шайтанский Шихан, грот Бурмантовский, пещера Жилище Сокола (Северный Урал), Кульметовский грот (Южный Урал). Любопытна подвеска из грота Кульметовского. Ее высота – 1,5 см, по всему периметру нанесены многочисленные нарезки. Такая же подвеска найдена в культовом комплексе Шайтанского озера II. Оригинальные подвески выявлены в пещерном святилище Камня Дыроватого. Две подвески изготовлены из обломков кости (рис. 64, 16–17). Одна выточена из расколотой кости (рис. 64, 26). Еще одна выполнена из тонкой тщательно отшлифованной костяной пластинки в виде неправильного треугольника. В зауженной части треугольника имеется две противоположащих выемки, образованные путем ретуширования. Высота подвески – 1,7 см.

Самый крупный комплекс костяных подвесок (около 150 экз.) выявлен в погребально-жертвенном комплексе Скворцовой Горы V (Шигирский торфяник). Их высота укладывается в размеры от 1 до 2,8 см. Но основная масса подвесок имеет высоту 1,4–1,8 см. Почти у всех подвесок овальная форма с зауженным верхним концом. Подвески подверглись воздействию высокой температуры, вследствие чего значительная их часть растрескалась. Целыми или почти целыми сохранилось 98 подвесок. Сверлились подвески как с одной стороны, так и с двух (Чаиркина 2011: 76–92).

Не менее 76 подвесок выявлено на скальном святилище Шайтанского озера – Шайтанский Шихан (Свердловская обл.) (фото 43, 2). Они обнаружены вместе с раздробленными и кальцинированными костями человека в щели между крупными валунами. Подвески выпадают из традиционного круга украшений эпохи энеолита. Они сильно различаются по размерам и форме. Их высота колеблется от 1,5 до 2,5 см. Правильную каплевидную форму имеют единичные подвески. Некоторые экземпляры сильно вытянуты, но заужены; другие имеют грушевидную или почти круглую форму. В комплексе есть подвески толщиной 1 мм, а есть в четыре раза толще. Большая часть подвесок изогнута в профиле и отличается небрежностью в изготовлении. Боковые плоскости некоторых подвесок вообще не обрабатывались (рис. 69, 18–29) (Сериков 2011д: 145–150).

Довольно редко в коллекциях каменного века встречаются подвески из глины, точнее, – из фрагментов разбитых сосудов. Самая крупная коллекция керамических подвесок выявлена на озерном культовом центре эпохи энеолита Шайтанское озеро I. Представлены они разными типами. Любопытна керамическая подвеска, выполненная из венчика неолитического сосуда. Она имеет размеры 7 × 4,5 см. В зауженной части изделия присутствуют две противоположащие выемки, вырезанные каменным ножом. Под-

веска украшена прочерченным орнаментом в виде прямых и зигзагообразных линий (рис. 70, 5). Вторая подвеска имеет прямоугольную форму размером 7,5 × 5,2 см. В верхней части изделия просверлено отверстие для подвешивания (рис. 71, 1). Также в качестве подвески использовался венчик энеолитического сосуда с просверленным отверстием (рис. 71, 2).

На Шайтанском озере известна подвеска каплевидной формы, выточенная из стенки энеолитического сосуда толщиной 1 см. Отверстие на нем отсутствует, но торцевые его плоскости по отношению к плоскостям боковым располагались перпендикулярно и образовывали ровные поверхности, пригодные для обвязывания изделия по периметру (рис. 71, 8). Такое изделие можно было обвязать узким ремешком и подвесить к одежде. Тогда функционально оно будет выступать в качестве подвески (Сериков 2007а: 24). Таким же способом могла крепиться еще одна подвеска, изготовленная из обломка энеолитического сосуда (рис. 71, 7). В коллекции подвесок присутствуют изделия и из неорнаментированных фрагментов керамики. Крепились они либо с помощью отверстий, либо при помощи противоположащих выемок (рис. 71, 11).

Раковины в древности использовались не только в виде самостоятельных украшений, но служили также и сырьем для их изготовления. Особенно часто они использовались в энеолитическую эпоху. Подвески из раковин обычно обтачивались по периметру до получения типичной каплевидной формы и просверливались в верхней части. Но на I Береговой стоянке Горбуновского торфяника найдена оригинальная подвеска из перламутровой раковины в виде сильно вытянутого треугольника с выделенным вверху заострением (рис. 73, 19). Выделенное заострение по бокам ограничивают две противоположащие выемки для подвешивания. Среди сотни подвесок и бус в разрушенном погребении грота Бурмантовский найдены три выточенные из раковины округлые подвески (Чаиркин 2004: 30).

В отдельную группу украшений можно выделить уникальные подвески в виде фигур человека или животного. Все фигуративные подвески уже описаны выше в разделе скульптур. Поэтому здесь они приведены без детального описания. В неолитическом погребении мужчины в гроте на Камне Дождевом найдено девять костяных подвесок в виде полных фигур птиц (уточек) (рис. 72, 1–9). В погребении № 5 Кара-Якуповского могильника находились две фигурки уточек с отверстиями, выточенные из зеленого сланца (рис. 72, 10–11). В другом неолитическом погребении на р. Чусовой – в Кумышанской пещере – найдена подвеска из темно-зеленого офита в виде лица человека (рис. 72, 13). Подобная подвеска в виде лица человека обнаружена на энеолитическом поселении Муллино III (Южный Урал) (рис. 72, 14) (Матюшин 1982а: 56; рис. 14, 8). Еще одна фигуративная подвеска из песчаника в виде объемного лица человека происходит из жилища эпохи бронзы поселения Усть-Кедва II (рис. 72, 12) (Карманов 2006: 64).

Нашивки от подвесок отличаются отсутствием приспособления для подвешивания. В качестве нашивок могли выступать зубы и кости живот-

ных, фрагменты керамики. Все эти виды нашивок встречены в неолитическом погребении Камня Дождевого: резцы бобра украшали пояс, расколотые кости северного оленя крепились к рукавам и штанинам костюма, фрагменты керамики были нашиты на штанины на уровне колен. Своеобразная нашивка выявлена в пещере Камня Дыроватого. Изготовлена она из полой птичьей кости длиной 1,2 см (рис. 73, 22). Ее следовало бы отнести к пронизкам, но посередине изделия прорезана круговая канавка для пришивания.

Большая серия нашивок происходит с культового комплекса эпохи энеолита на Шайтанском озере. В нем представлено свыше 30 плиток камня со следами оббивки. Плиткам придана овальная или круглая форма диаметром от 1,1 см до 3,3 см (рис. 73, 1–6, 16). Практически все плитки имеют серебристый цвет, одна – светло-красный и три – темно-серый. Любопытна плитка подквадратной формы размером 2,4 × 3,1 см. Она оббита таким образом, что в ее центре оказалось естественное вздутие в виде своеобразной «опухоли» (рис. 73, 1). Иногда в качестве нашивок использовались природные формы без следов обработки – небольшие плоские галечки или плитки определенной формы и цвета. Среди них преобладают нашивки зеленоватого цвета овальной, округлой, реже – каплевидной формы (рис. 73, 7). К природным формам относится и оригинальная нашивка из расколотой гальки сердцевидной формы (рис. 73, 13).

Среди нашивок присутствуют каменные изделия, боковые края которых не оббиты, а пришлифованы. Также пришлифованы и их плоскости. По форме и размерам – это те же подвески, только без отверстия. Такие нашивки известны в Аятском погребении, на поселениях Макуша III, Шувакиш I и Шайтанском озере (рис. 73, 8–12). На одной из нашивок прочерчен крест (рис. 73, 8). Изготовлены они из шифера, талька и серого сланца (Серигов 2007е: 82).

В коллекции Шайтанского озера присутствуют пять каменных нашивок, которые заметно отличаются по форме и технике изготовления. Одна из них изготовлена из розового халцедона. Она имеет вытянутую каплевидную форму и большие размеры: высота ее – 7,5 см, ширина в нижней части – 4,3 см. В верхней своей трети изделие имеет две противолежащих выемки, которые давали возможность пришивать его или подвязывать к костюму. Вторая нашивка изготовлена также из халцедона, но уже светло-коричневого. Она имеет овальную форму размером 2,2 × 1,4 см и две противолежащих выемки (рис. 73, 14).

Самые оригинальные украшения могут быть отнесены к фигурным кремням. Одно из них можно принять за скребок. Оно имеет форму неправильного круга диаметром 2,3 см. По всему периметру обработано мелкой крутой ретушью (рис. 9, 10). Толщина в самом толстом месте не превышает 2 мм. Именно поэтому изделие можно расценивать как украшение, а не орудие. Изготовлена нашивка из серого кремнистого сланца. Два других изделия имеют форму пятиугольников и одинаковые размеры – 1,6 см в поперечнике. Одна нашивка изготовлена из углистого сланца, наполовину

темного, наполовину светлого, а вторая – из темно-серой яшмовидной породы. По всему периметру они обработаны ретушью, в одном случае – плоской с двух сторон, а в другом – достаточно крутой с одной стороны (рис. 9, 11). Нашивку, обработанную плоской ретушью, можно принять за сломанный наконечник стрелы. Но место слома было дополнительно обработано для придания изделию пятиугольной формы (рис. 73, 15).

Значительной серией на памятниках Урала представлены керамические нашивки эпохи неолита – энеолита. На Кокшаровском холме (Юрьинское озеро, Свердловская обл.) найдены крупные кольца, вырезанные из фрагментов керамических сосудов (рис. 70, 1). На Юрьинском поселении, расположенном вокруг холма, выявлена вырезанная из фрагмента керамики овальная шестилепестковая розетка (рис. 70, 2). Оба изделия датируются эпохой неолита (описаны выше). Оригинальной находкой является овальный диск размером $5,1 \times 4,3$ см с маленьким отверстием в центре (Шайтанское озеро I). Неолитический сосуд, из фрагмента которого изготовлено изделие, был украшен горизонтальными поясами треугольников. Диск выточен таким образом, что один из этих треугольников оказался в его центре (фото 41, 3). По всей видимости, это сделано намеренно. Скорее всего, изделие служило своеобразным украшением – нашивкой на костюм служителя культа. Также нашивкой служили диски округлой формы, выточенные из фрагментов неолитических сосудов. Один диск диаметром 5,4 см происходит с Кокшаровского холма (рис. 70, 3), второй – с Шайтанского озера I (рис. 70, 4). Его размеры $5,6 \times 6,2$ см, в поверхность изделия была втерта охра (Серигов 2007а: 23–24). Представляет интерес прямоугольная нашивка, выточенная из привенчиковой части неолитического сосуда, со стоянки Кокшаровско-Юрьинская II (рис. 70, 6). Она изготовлена таким образом, что в верхней (утолщенной) ее части расположена волнистая линия, а под ней идут шесть (седьмая сохранилась не полностью) прямых линий, образованных отпечатками отступающей палочки (фото 41, 5).

Энеолитические керамические нашивки по форме подразделяются на два типа: круглые, овальные и прямоугольные. Круглые нашивки довольно стандартизированы, они имеют диаметр 3,2–3,5 см (рис. 71, 3–5). Обычно их считают заготовками пряслиц. Однако на некоторых из них в центре круга имеется небольшое углубление. Круг с точкой в центре всегда трактуется как изображение солнца. Прямоугольные нашивки имеют разные размеры, они являлись, скорее всего, украшением пояса (рис. 70, 7–8; 71, 7, 10). В центре овальной нашивки со святилища Шайтанский Шихан оказались три ромба, образованные гребенчатым штампом (рис. 71, 6). Оригинальной нашивкой служил просверленный и обточенный со всех сторон фрагмент керамики с гравированным ромбом в центре (рис. 70, 10) (Серигов 2007а: 24).

Таким образом, данные находки показывают, что орнамент на керамических подвесках и нашивках очень часто целенаправленно включался в общий замысел изделия (рис. 70, 2–6, 9–10; 71, 6–8) (Серигов 2008: 17–18).

Разновидностью нашивок можно считать разного рода бляшки. Они могут иметь одно отверстие в центре или два и более в других местах изделия. Обычно бляшки строго индивидуальны и крайне редко образуют серии. Одна такая серия из пяти изделий выявлена в гроте Бурмантовском и на Шайтанском озере. Все бляшки имеют круглую форму диаметром 1,5–2,5 см. По периметру изделий прорезаны зубцы, а в центре просверлено отверстие (рис. 68, 39). Выше уже описаны бляшки с Исетского озера (рис. 72, 15) и со стоянки Крутяки I (рис. 73, 18).

Роль фигурных нашивок могли выполнять и кремневые скульптурки. На озере Таватуй (Свердловская обл.) найден фигурный кремень в виде лунницы, на одном из концов которого оставлен необработанный ретушью выступ, своими очертаниями напоминающий головку птицы. На противоположном конце скульптурки присутствуют две оформленные ретушью неглубокие выемки (рис. 73, 17). Судя по всему, фигурка за выступ и выемки пришивалась к одежде. Подобной нашивкой могла служить и кремневая скульптурка лосихи, найденная у подножья Камня Дыроватого. Она залегала в одном слое с энеолитическими наконечниками стрел. Скульптура изображает головку лосихи длиной 1,7 и высотой 1,3 см. Фигурка обработана краевой ретушью, но с двух сторон (рис. 73, 23). Находки кремневых фигурок в погребениях известны, по-видимому, в отдельных случаях их могли нашивать на одежду погребенных (могильники Иловец, Репище, Кончанский).

Еще к одной категории украшений следует отнести пронизки, бусы и бисер. Все эти изделия в центре имеют отверстия. Но длина пронизок в два и более раз превосходит их диаметр, тогда как длина бус равна или менее диаметра. Бисер отличается от бус своим миниатюрным размером.

Самая древняя (19 тыс. лет) пронизка обнаружена в палеолитическом слое грота Безымянный (р. Пышма). Изготовлена она из фрагмента трубчатой кости длиной 4 см и диаметром 1,5 см. Поверхность изделия хорошо отшлифована. Губчатое вещество кости высверлено (рис. 73, 21) (Петрин, Смирнов 1977: 60). Пронизки меньшего размера происходят из энеолитических комплексов пещер Усть-Катавская, Шайтанская, Лобвинская, Жилище Сокола (рис. 73, 20).

Бусы для украшений также стали применяться с эпохи палеолита. Уже в палеолите было несколько видов бус: из целых раковин наземных моллюсков, из бивня мамонта, камня и перламутра. Каменные бусы из желтовато-зеленоватого змеевика найдены в Каповой пещере. Они имели бочонковидную форму длиной до 1 см. Отверстие проделано путем встречного сверления. Там же выявлены две бусины из бивня мамонта диаметром 0,6 и 0,9 см. По сериям находок бус и их заготовок в ряде пещер (Байсланташ, Бобылек, Игнatieвская) удалось восстановить процесс их изготовления. Сначала из бивня мамонта изготавливалась пластинка, которая тщательно обрабатывалась строганием и шлифовкой. Затем пластинка делилась нарезками на близкие по форме к квадрату секции (рис. 73, 26). В центре секций сверлилось отверстие (рис. 73, 27). После этого легким нажимом сек-

ции отделяли друг от друга (рис. 73, 28), после чего их углы стачивали и превращали прямоугольную заготовку в круглую бусину (рис. 73, 29). Диаметр таких бусин колебался от 0,3 до 0,9 см. Бусины из раковины и кости также были известны уже в эпоху палеолита (стоянка Талицкого). В более поздние эпохи бусы, выточенные из перламутровых раковин, получают широкое распространение. В энеолитическом погребении в гроте у Каменного Кольца найдено 38 круглых плоских бусин с отверстием в центре, 36 – в погребении из Усть-Катавской пещеры, 6 – в Кара-Якуповском могильнике. Диаметр таких бус составлял 0,7–0,9 см. На территории Урала известно свыше 150 подвесок и бус, изготовленных из раковин. Представляет интерес оформленная в виде шарика глиняная бусина (Шайтанское озеро I). Она овальная в плане, ее диаметр по осям 1,1 и 0,9 см, диаметр отверстия – 1 мм. Поверхность бусины покрыта отпечатками тоненького гребенчатого штампа (рис. 73, 25). Три глиняных, но, видимо, позднего времени, бусины найдены в Пещере Туристов (рис. 73, 24).

Мелкой разновидностью бус является костяной бисер. Пока он встречен всего в двух энеолитических погребениях – в гроте Бурмантовский (26 экз.) и Скворцовская Гора V (9 экз.). Диаметр бисера всего 1–3 мм. Обнаружить его удалось только благодаря промывке.

Разного вида украшения автору известны более чем на 60 памятниках каменного века Урала. На самом деле их гораздо больше. Единичные подвески (а иногда и серии) не всегда становятся объектом публикации. Тем не менее, необходимо отметить, что около 65 % всех подвесок найдено в культовых памятниках, а почти 60 % – в погребениях. Это подчеркивает специфику семантического назначения подвесок (Серикив 2007ж: 78–84).

Появившись в начале верхнего палеолита около 35 тыс. лет назад, все виды украшений обладали особым символическим значением. В этом отношении материалы уральских памятников ничем не отличаются от комплексов украшений верхнего палеолита Европы и Сибири (Деревянко, Рыбин 2005: 243–253). В условиях архаичного общества с его традиционной культурой украшения выступали, прежде всего, как знаки (символы) силы, защиты, как маркеры принадлежности, социального статуса или заслуги (Демещенко 2006: 5). Позднее эти символические значения украшений только углубляются и детализируются. Появляются понятия «амулет» и «талисман» (Фишман 2005: 77). Еще позднее на первое место выходит эстетическое значение украшений.

Если обратиться к семантическому наполнению украшений, нас ожидает большое количество трудно решаемых вопросов (Калинина 2009а: 121–126). С одной стороны, можно предполагать, что подвески из костей и зубов животных наделяли владельца качествами зверя (силой, отвагой, быстротой, хитростью и т. п.). Они помогали ему перевоплощаться в зверя, были тотемными знаками и оберегами. Относительно подвесок из нижних челюстей и нижних клыков можно напомнить, что по представлениям эвенков-орочонов в нижней челюсти находилась душа животного (Мазин 1984: 26–27).

С другой стороны, если сравнивать процентное соотношение украшений из костей и зубов разных видов животных с образами животных, представленных в скульптуре (круглой и плоской каменной, кремневой, глиняной и деревянной), то мы увидим почти полное несоответствие. В скульптуре преобладают образы птицы (55,4 %), которая в украшениях представлена только фигуративными подвесками с двух памятников (6,3 %). Среди украшений преобладают изделия из костей и зубов хищников (48,8 %), тогда как в скульптуре изображений хищников только 13,3 %. Но изображения хищников представлены изображениями только медведей, а подвесок из костей медведя всего 6 экз. (3,5 %). Условная группа грызунов в украшениях составляет 27,6 %, а скульптурных изображений этой группы всего 6 (4,7 %). Большой разброс мы наблюдаем и в рыбах: скульптурных изображений – 13,3 %, украшений – 3,5 %. Единственное почти полное совпадение присутствует только в группе копытных животных: скульптур – 13,3 %, украшений – 13,8 %. Данные различия, по всей видимости, свидетельствуют о различном семантическом наполнении скульптурных изображений и украшений.

Анализ украшений каменного века Урала показывает, что встречаются они на памятниках разных типов: стоянках, поселениях, святилищах, могильниках. Но их соотношение по памятникам убедительно доказывает сакральный характер использования украшений. 65 % всех украшений выявлено в 13 погребениях, 30 % – в 22 культовых памятниках и только 5 % – на 22 стоянках и поселениях. Количество памятников с украшениями и самих украшений на весь Урал чрезвычайно мало. Особенно если вспомнить, что памятники эпохи палеолита – энеолита на Урале исчисляются сотнями (не менее 800). Отсюда становится ясным, что украшения не являлись принадлежностью каждого человека. Представление от том, что любой охотник, убивший зверя, мог в знак своей доблести повесить на грудь выбитые клыки, – оказывается ошибочным. 849 украшений, найденные в погребальных комплексах, принадлежали всего 17 человекам. В среднем на одного погребенного приходится по 50 экз. Если убрать из этого списка разрушенные погребения (как минимум 3) с небольшим количеством находок, то количество украшений на одном погребенном возрастет до 60 экз. Среди костных останков определены кости двух мужчин (Бурановская и Дождевой), трех женщин (Дождевой, Кумышанская и Старичный Гребень) и детей (Усть-Катавская II, Скворцовская гора V). Вполне очевидно, что подвески, нашивки, бусы и прочее использовались для украшения костюмов лиц, имевших высокий социальный статус, – вождей, шаманов и их помощниц (Сериков 2003а: 149).

Хотелось бы отметить еще некоторые аспекты использования украшений в древности. На Урале и в Сибири известны случаи, когда подвески изготавливались из расколотых вдоль зубов животных. Что стоит за таким обычаем, остается невыясненным. Использование окаменелостей для украшений, по видимому, объясняется их формой и «орнаментом». Но каково их семантическое наполнение? Чем объясняется каплевидная форма большинства каменных и костяных подвесок? В Сибири, например, боль-

шое распространение имеют лепестковые подвески из зубов марала. Но там же известны и подражания этим подвескам, выполненные из камня или кости. Может быть, и на Урале каплевидная форма каменных и костяных подвесок является подражанием таким природным формам, как зубы животных?

Еще одним интересным аспектом является оформление подвесок. Практически постоянным атрибутом подвески является присутствие на ней просверленного отверстия. Считается, что его появление объясняется функциональными причинами (для удобства крепления). Но существует точка зрения, что камень с отверстием мог символизировать вход в нижний мир. В пользу этого предположения свидетельствует сложившаяся погребальная традиция сопровождать умершего камнем с отверстием. Таким камнем, по мнению В. В. Никитина, могли быть «оселки», топоры-молоты, булавы, пряслица, а также подвески и бусы (Никитин 2000: 213–215). По-видимому, особое содержание имели подвески с вырезанными по периметру зубцами, подвески намеренно сломанные, подвески с нанесенными изображениями креста.

В заключение еще раз хотелось бы остановиться на принципах выделения подвесок и нашивок. К сожалению, четких критериев определения типов украшений до сих пор не разработано (Демещенко 2006: 5; Краткий словарь украшений 2008: 17–119), поэтому выделение данных категорий носит предварительный характер. Традиционно подвесками называются изделия, которые имеют оформленные приспособления для подвешивания. Это может быть отверстие, круговая канавка по периметру изделия или противоположные выемки для привязывания. На Урале отверстия проделывали различными способами. Их могли сверлить с одной или с двух сторон как вручную, так и при помощи лучкового или дискового приспособления. Их могли прорезать острым концом каменного ножа или резца. И, наконец, их могли просто пробивать. Круговую канавку и выемки на подвесках также прорезали или пропиливали каменным ножом. Нашивки от подвесок отличаются отсутствием приспособления для подвешивания. Но если к данным изделиям подходить с функциональной точки зрения, то кроме путаницы у нас ничего не получится. Если исходить из этимологии слова «подвеска», то изделие, которое мы относим к подвескам, должно находиться в подвешенном (свободном) положении, тогда как нашивка должна быть плотно пришита к одежде. Однако в женском погребении из грота на Камне Дождевом 76 сверленных зубов животных были плотно пришиты к одежде на уровне бедер, лодыжек, кистей, а также вокруг колен. Функционально такие украшения следует отнести к нашивкам. В этом же гроте костюм погребенного мужчины украшали фигурные подвески в виде уточек. У них есть просверленные отверстия, однако нахождение на скелете отломанной головки уточки позволяет понять, что уточки пришивались к одежде за отверстие и за шейку. Иначе головка на одежде не сохранилась бы. То есть и в этом случае перед нами нашивки. На Шайтанском озере известно керамическое изделие в виде подвески каплевидной формы. Отвер-

стие на нем отсутствует, но торцевые его плоскости настолько широкие (1 см), что позволяли обвязать изделие по периметру узким ремешком и подвесить к одежде (рис. 71, 8). В данном случае функционально оно будет выступать в качестве подвески.

Следует также отметить, что следы ношения в виде проточенности отверстия на подвесках выявляются крайне редко. Проточенность отверстий по наблюдениям автора и других исследователей отсутствует даже на подвесках, изготовленных из мягких минералов типа талька (твердость 1), шифера (пиррофиллитового сланца – твердость 1,5) и графита (графитита – твердость 1–2) (Инешин и др. 2005: 30). Отсюда вытекает, что так называемые подвески были намертво пришиты к одежде, что не приводило к протачиванию отверстия. А проточка непременно появилась бы, находишься подвеска в подвешенном состоянии. Поэтому функционально такие изделия относятся к нашивкам (Сериков 2013а: 45–63).

3.2. Краски и цвет в ритуалах древности

Первой краской, с которой познакомился древний человек, по всей видимости, была черная (уголь, сажа). Уже в раннем палеолите известны довольно многочисленные случаи использования и красной краски – охры.

Охра – это природный пигмент желтого цвета, состоящий из гидроксидов железа и глины. Исторически сложилось так, что археологи называют охрой красители в основном красного цвета. Как справедливо отмечал Н. Д. Праслов, несмотря на разнообразное использование охры палеолитическим человеком, детального анализа и классификации охры и окрашенных ею предметов практически не производилось (Праслов 1997: 81–84). Только в последнее десятилетие обозначился некоторый интерес к этой теме.

Ранние свидетельства использования охры относятся к ашельской эпохе. По данным Р. Беднарика, на стоянке Терра Амата найдено 75 кусков красного, коричневого и желтого обожженного лимонита, среди которых отмечено несколько обработанных фрагментов (возраст 380 тыс. лет). Кроме этого, Р. Беднарик приводит сведения о целой серии ранних находок и на других территориях. Многочисленные куски охры встречены на всех уровнях пещеры Вондерверк (Уондерворк) в Южной Африке, самые ранние из которых относятся к среднему плейстоцену (около 800 тыс. лет назад). Сработанные куски гематита найдены в пещере Кабве в Замбии и в Нуитгедахте в Южной Африке. Они имеют возраст порядка 300 тыс. лет. Следы красной краски зафиксированы на фигурке Тан-Тан из Марокко (возраст около 400 тыс. лет). Несколько позже (285 тыс. лет) датируются 70 кусков красной охры общим весом свыше 5 кг с памятника GnJh-15 в Кении. Свыше 300 кусков охры было обнаружено при раскопках у Туинс Риверс в Замбии. Р. Беднарик подчеркивает, что «3 % материала имеет следы дробления или затирания». Датируются находки в интервале 270–170 тыс. лет назад (Беднарик 2004: 36–37).

В мустьерскую эпоху такие свидетельства становятся более частыми и достоверными. Кусочки красных красителей найдены в пещерах Ла Ферраси, Ла Кина, Пеш-дель-Азе, Ла Шапель-о-Сен (Франция), Кафзех (Израиль), Бломбос (ЮАР) (Рогачев, Аникович 1984: 226–227).

Условно охру (под нею традиционно понимаются красители красных оттенков) можно подразделить на два типа: глинистую и рудную. Судя по описаниям охры в литературе, в древности чаще использовались красители из рудных минералов (гематита, магнетита, гетита, лимонита и т. п.). Распространены они достаточно широко, поэтому их добыча не составляла особых проблем. Железистые конкреции часто встречаются в окрестностях Костенок, именно они и использовались для получения охры. Проведенные Н. Д. Прасловым эксперименты с обжигом местных конкреций позволили получить краску темно-красных тонов (Праслов 1997: 82–83). Бурые железняки часто встречаются в бортах автодороги недалеко от Каповой пещеры и в долине реки Белой (Котов и др. 2004: 67). В окрестностях Янской стоянки (Якутия) исходным сырьем для получения краски служили полимиктовые песчаники розового цвета, в состав которых входит гематит (Питулько и др. 2012: 12). На Приполярном Урале местные жители добывали охру из окислов железной руды из залежей на горе Кожым-Из (Республика Коми) (Калинин, Конаков 2005: 111). Окатанные гальки гематита и магнетита автору неоднократно приходилось встречать в галечниках на берегах среднеуральских рек. В среднем течении р. Чусовой на галечнике в пос. Кын (Пермский край) в течение часа можно собрать ведро галек гематита размером до 15 см. Что касается глинистой охры, то автору за 40 лет полевых исследований только дважды удавалось обнаружить ее выходы.

Процесс производства красной краски чаще всего не привлекал особого внимания археологов. Обычно эта часть древней технологии в литературе, возможно, в силу ее кажущейся очевидности не фиксируется. Железистые образования обжигались, потом обскабливались, дробились и растирались на абразивах. Наличие таких действий по получению охры реконструируются на материалах разных памятников. На Усть-Вагильском холме (Северный Урал) обнаружены куски бурого лимонита и конкреции железной руды. Все конкреции заметно обожжены. Там же найдены абразивы со следами краски, инструменты для растирания и скобления охры. Следы подобных операций прослеживаются на поселении Тудозеро V (Южное Прионежье). Там в качестве красителей использовались куски алевролита и аркозового песчаника. Красно-бурый песчаник легко крошился руками и превращался в красящий порошок. Более твердый красновато-бурый алевролит для получения охры приходилось скоблить каменным орудием. Следы скобления фиксируются на 9 из 18 найденных кусков охры (Васильева и др. 2008: 127–131). Тем не менее, несмотря на кажущуюся простоту изготовления краски, получить охру ярко-красного, малинового и бордового цвета в результате проведенных экспериментов так и не удалось (Усачева 2012: 50–54).

Уже с ашеля известны так называемые «карандаши» – кусочки охры со следами скобления или растирания. Кроме упомянутых выше они присутствуют в памятниках разных типов, эпох и территорий. Охряные «карандаши» выявлены в поселенческих комплексах в Костенках. На Межиричском палеолитическом поселении (Украина) в трех жилищах найдено 26 кусочков красной и желтой охры со стертыми поверхностями. Несколько десятков мелких охряных «карандашей» обнаружено на Янской стоянке в Якутии. В палеолитическом святилище с рисунками в Каповой пещере таких «карандашей» выявлено около десятка.

Кусочек охры со стертой поверхностью находился в энеолитическом погребении могильника Бестамак (Северный Казахстан). Серия подобных находок отмечена в пещерных святилищах реки Чусовой (Средний Урал). «Карандаши» из магнетита найдены в Пещере Туристов, на Камне Дыроватом, в Кумышанской пещере (Серигов 2009: 50, 101, 151). Свыше десятка «карандашей» из магнетита и глинистой охры происходят с культовых памятников Шайтанского озера (Среднее Зауралье), которое в древности почиталось в качестве священного. Следует отметить, что на каждом из исследованных раскопками памятнике озера найдено от десятка до нескольких сот кусочков охры разного размера и оттенков.

Орудия для получения охры известны, но информация о них в литературе очень незначительна. Серия подобных находок выявлена в Каповой пещере (Шульган-Таш) в Башкортостане. В зале Хаоса обнаружено три окрашенных охрой краскотерки из кусков известняка. Там же найдена своеобразная палеолитическая палитра, покрытая слоем красного красителя разного состава (Котов и др. 2004: 65–67). На поселении Межиричи краску растирали на плоских плитках и грубых кусках песчаника, гранита и гнейса, на которых сохранились следы краски. Для растирания охры применялись обработанные в виде кружков плоские плитки розового песчаника. Плотные железистые конкреции дробились на мелкие фракции при помощи кусков гранита (Пидопличко 1976: 153–154).

Следует подчеркнуть, что далеко не всегда краскотерки, палитры и пестики для растирания краски находят в таких очевидных условиях, как пещера с красочными рисунками. Иногда для их выявления требуются более детальные исследования. Именно при помощи микроанализа С. А. Семенов выделил краскотерки на палеолитических стоянках Тимоновка (плитки песчаника), Мальта (плиточки хрупкого сланца), Костенки IV (плитки песчаника и сланца), Костенки I (ребра мамонта с плоским широким концом), Афонтова Гора (фрагмент бивня мамонта). Интересно отметить, что в двух случаях краскотерки были выполнены в виде своеобразных ступок. Одна ступка изготовлена из расколотой вдоль крупной сланцевой гальки (Костенки IV), а вторая – из бивня (Афонтова Гора). По всей видимости, при раскалывании бивня по кольцам образовался своеобразный «стаканчик», который использовался, скорее, не для растирания, а для хранения охры. А в сланцевой ступке, судя по следам, охру не только растирали, но и дробили на более мелкие фракции (Семенов С. А. 1957: 166–167). На стоянке

Большой Якорь (бассейн Витима) найдена уплощенная галька подпрямоугольных очертаний, на которой присутствуют следы скобления и истирания с остатками охры ярко красного цвета (Инешин и др. 2005: 32). На поселении бронзового века Ташково II (Среднее Зауралье) в качестве краскодержки использовалась плитка песчаника размером $8,5 \times 6$ см. Ее выступающие участки стерты, а в порах камня сохранились следы красной краски. Там же выявлено орудие для скобления охры.

В качестве пестиков, по наблюдениям С. А. Семенова, использовались гальки: в Костенках I – кварцитовая, а в Шан-Кобе – песчаниковая (Семенов С. А. 1957: 166–167). На палеолитической стоянке Лиственка (Красноярский край) найдено костяное изделие с широким основанием, покрытое тонким слоем охры. Исследователи памятника считают, что оно могло использоваться как орудие для втирания охры (Палеолит Енисея. Лиственка 2005: 103). Тальковый стерженек, окрашенный красной краской, из неолитического Русско-Шуганского могильника (Республика Татарстан) также служил орудием для растирания охры (Казаков 2011: 45). Необычный пестик для растирания охры обнаружен в культовом энеолитическом центре на Шайтанском озере – в этом качестве использовалась галька чистого горного хрусталя диаметром около 3 см.

Очень интересным является вопрос о емкостях для хранения охры. В сунгирском захоронении детей у руки мальчика лежало крупное бедро человека с отбитыми эпифизами, с двух концов заполненное охрой (Позднепалеолитическое поселение Сунгирь 1998: 79). В неолитическом погребении в Кумышанской пещере обнаружена распавшаяся по швам черепная крышка ребенка. Внутри крышки находился комок охры. Судя по всему, эта черепная крышка служила своеобразной чашей для хранения минеральной краски. В энеолитическом слое стоянки Сахтыш II на краю глубокой ямы стоял сосуд, наполненный красной охрой и содержащий культовые изделия из кости. На стоянке Боршево найдены две створки раковины, наполненные ярко-красной краской. В Скворцовском курганном могильнике бронзового века (Южный Урал) в женском погребении находилась раковина каури, заполненная охрой (Моргунова и др. 2010: 55). Четыре раковины в могильнике Яковлевский (Южный Урал) были заполнены порошками-красителями разного цвета. Также в южноуральских курганах железного века использовались и другие оригинальные емкости. В могильнике Обручевский найдено два пустотелых минеральных образования (секрети), заполненные охрой красного и темно-бордового цвета. В других курганах порошки разного цвета (не красного) хранились в костяных или деревянных трубочках, с двух сторон заткнутых деревянными пробками (Таиров, Бушмакин 2001: 168–172).

Начиная с верхнего палеолита, цветовая символика реализовывалась двумя способами: либо при помощи красителей, либо использованием в ритуалах минералов (и изделий из них) нужной окраски.

Например, на поселении Ушки I (Камчатка) в жилище с погребением собаки у входа был положен зеленый камень. Возможно, определенный

сакральный смысл имело размещение во вкладышевом орудии со стоянки Лиственка (окрестности Красноярска) микропластинок по цвету – вкладыши зеленого цвета четко чередовались с вкладышами серого. Интересное предположение приводит П. В. Волков. Определяя странные особенности палеолитических орудий, предназначенных для ритуальных действий, он считает, что наиболее важной характеристикой таких орудий «должны были быть *красота* материала, из которого они изготовлены, и яркая, запоминающаяся *форма* изделий» (Волков П. В. 2004: 50). Из контекста статьи видно, что он имеет в виду изделия, выполненные из неординарного сырья – оранжевого сердолика, красного сарда и полосатого желто-туманного агата. Однако следует учесть, что «красота» – понятие относительное. Что считается красивым здесь и сейчас, не считается таковым в другое время и в другом месте. Поэтому точнее будет говорить не о красивых орудиях, а об орудиях, изготовленных из яркого, цветного, эффектного, неординарного материала.

Уже с верхнем палеолите известны множественные факты, когда охрой посыпали отдельные участки поселений, дно жилищ, ямок, западин. Больше десятка таких объектов, посыпанных красной охрой, изучено на палеолитическом поселении Костенки I (Ефименко 1958: 53, 128, 141–142, 161, 164, 185, 193–199). Подобная картина выявлена и на палеолитических памятниках Украины. На поселении Пушкари I куски красной, желтой и коричневой краски обнаружены и на дне жилища, и в десятках ямок вокруг центрального кострища в жилище. Окрашенность слоя охрой, как и находки в очаге кусочков красной и желтой охры, отмечена и на стоянке Мезин (Борисковский 1953: 185, 194, 198, 246–247). Все прослойки охры на поселениях, возможно, являлись своеобразной границей между освоенным и неосвоенным пространством. Кроме этого, отмеченные охрой части памятника могли играть определенную роль в структурном соотношении отдельных участков и объектов поселения.

Маркировку охрой жилищных заполнений, стен, входа, ямок и очагов отмечает Л. И. Ашихмина на целом ряде нео-энеолитических памятников Европейского Северо-Востока: Чойновты II, Ошчой I, V, Чужьялей II, Вомянъяг I, Топыд-Нюр XIII, Энты I и др. Она считает, что посыпание охрой связано с обрядом имитации ритуальной смерти объекта (очага, жилища); в то же время этот обряд может рассматриваться и как вариант жертвоприношения (Ашихмина 2002: 42–44). На мезолитическом памятнике Вершина I (окраина Екатеринбурга) зафиксировано три слоя охряной подсыпки разного цвета – от розовой до вишневой. Приурочены они были к гранитной фигуре медведя размером 42 × 43 см. Сложную картину маркировки разноцветной охрой разных участков неолитического памятника Чепкуль 21А (Притоболье) отмечает И. В. Усачева. Ее раскопки выявили «очертания сооружений в виде прямоугольников, полуколец, траншей, канавок и т. д.», причем «каждый из которых (объектов – Ю. С.) имел свой цвет и структуру: коричневый, розовый, коричнево-розовый, коричнево-белый, белый и т. д.». Данный памятник И. В. Усачева считает уникаль-

ным и относит его к числу культовых (ритуальных) (Усачева 2009: 106–108).

Наиболее яркие следы ритуалов, в которых применялось окрашивание костей мамонта, выявлены в одном из жилищ Мезинского поселения. Там найдены лопатка, таз, две нижние челюсти и берцовая кость мамонта, украшенные орнаментом, выполненным красной охрой. По мнению С. Н. Бибикова, раскрашенные кости являлись древними ударными музыкальными инструментами (Бибиков 1981: 54–71). На Межиричском палеолитическом поселении на череп мамонта красной охрой нанесено предполагаемое изображение огня (Пидопличко 1976: 214). Необычный способ применения охры зафиксирован на стоянке Ушки I. На земляном полу жилища из красной охры было вылеплено изображение рыбы (Диков 1993: 23).

На культовом памятнике Северного Причерноморья – Анетовке-2 – обнаружены покрытые красной охрой черепа и рога бизонов. Здесь же выявлена округлая в плане площадка, интенсивно окрашенная каолином в белый цвет (Щербакова 2000: 44–45). На стоянке Каменная Балка II (Северное Приазовье) на одном из участков выявлено компактное скопление расколотых костей животных, которые были густо покрыты слоем охры. На этой же стоянке был найден клад из 40 крупных пластин, которые также были обильно посыпаны охрой (Леонова и др. 2006: 152–153). На Гмелинской стоянке в Костенках найдено ребро мамонта, окрашенное в красный и черный цвета. Сажей окрашено оригинальное изделие из рога со стоянки Лиственка (Палеолит Енисея. Лиственка 2005: 61).

Изучение костей плейстоценовых животных на стоянках Костенковского региона позволило Н. Д. Праслову обнаружить значительное количество раскрашенных костей. В настоящее время в Костенках зафиксировано использование палеолитическим человеком четырех основных цветов: красного, охристого (желтого), черного и белого. Во втором жилом комплексе стоянки Костенки I найдена окрашенная красной охрой фигурка мамонта, вырезанная из плитки известняка (Демещенко 2009: 35). Также окрашена красной охрой статуэтка бизона из бивня мамонта, найденная в одной из ямок Зарайской стоянки (Амирханов, Лев 2004: 300–305). Подобная находка известна в Германии: скульптура, изображающая двуполое существо, окрашена охрой и положена в ямку, заполненную охрой (стоянка Мауэрн) (Лбова, Табарев 2009: 82).

На Янской палеолитической стоянке бусы из бивня мамонта на заключительной стадии изготовления окрашивались в красный цвет. По мнению В. В. Питулько, окрашивание производилось одновременно с полировкой, причем операция эта осуществлялась посредством пастообразной смеси из красной охры и жира. Также он считает, что окраска бус неоднократно подновлялась за время бытования украшения (Питулько и др. 2012: 12). В этом случае окрашенные бусы могли служить оберегами, апотропеями, отвращающими беду.

Уникальные находки обнаружены под скальным навесом Далмери (Северная Италия). В одном из слоев (11–11,5 тыс. лет назад) зафиксирована серия камней, на которых красной охрой были нанесены фигуры животных (быка, медведя, волка, каменного козла и др.). 80 % камней лежали рисунками вниз, причем большинство камней найдено около входа в жилище (Синицына 2009: 343).

Также часто охра использовалась в погребальной обрядности. Практически все погребения от верхнего палеолита до энеолита посыпались охрой. Детальное изучение погребений показывает, что иногда охрой посыпалось только дно могилы; изредка охрой окрашивали стены могильной ямы; часто охрой засыпали тело погребенного. Многочисленны случаи, когда особое внимание уделялось голове погребенного. Иногда из охры делали подсыпку, на которую помещали голову погребенного – такой способ зафиксирован в энеолитическом могильнике у с. Съезжее (Поволжье) (Васильев, Матвеева 1979: 149). Но чаще охрой засыпали именно голову или же верхнюю часть скелета. Иногда рядом с черепом помещали большой кусок охры (Логвин, Шевнина 2009: 144). Известны случаи, когда охрой раскрашивали черепа погребенных. Пока неясно, производилась окраска посмертно при наличии мягких тканей, или уже после мацерации трупа. Чаще всего раскраске подвергалась лобная часть черепа. На нее наносились пятна, горизонтальные линии, иногда и более сложные композиции. Необычный ритуал зафиксирован в катакомбном погребении у с. Марьяновка на Николаевщине: глазницы и носовая полость черепа были заполнены охрой, а по переносице была проведена полоса алой краски. Подобные способы окрашивания черепов зафиксированы в погребальной практике эпохи энеолита – бронзового века в Северо-Восточном Приазовье (Тесленко 1996: 28–30).

Необычная находка обнаружена в погребении у с. Полудни (Поволжье) – погребенному из черного смолистого вещества и красной охры были смоделированы глаза и нос. В результате получилась своеобразная маска (Древние культуры и этносы 2007: 81–82). Подобные маски, окрашенные охрой, хорошо известны в погребениях ранней бронзы степной зоны Украины (Евдокимов 1990: 18–20).

Большой интерес представляют помещенные в погребения окрашенные охрой предметы. Таких необычных и малопонятных ритуалов в обрядах захоронения с каждым годом фиксируется все больше и больше.

В палеолитическом погребении ребенка в Мальте на каменную плиту был поставлен окрашенный охрой зуб мамонта (Столяр 1985: 178). Несколько окрашенных артефактов (подвеска из резца лося, острый конец костяного кинжала, ножевидные и роговые пластины) найдено в мезолитическом могильнике Попово (Прионежье) (Ошибкина 2006: 82–85). Необычный комплекс зафиксирован в неолитическом погребении в могильнике у озера Ножий (Забайкалье). В изголовье погребенного были положены окрашенные охрой кости суслика (Лбова и др. 2008: 80). На Старом Мусульманском кладбище (окрестности Томска) в одной из могил обна-

ружен каменный диск, на который красной краской нанесено несколько поперечных полос. В неолитическом погребении 2 Аносовского могильника галька черного цвета была окрашена охрой в красный цвет и положена рядом с костяными ложками (Окладников 1976: 92–96). Круглая кварцитовая галька, полностью покрытая охрой, обнаружена между ног погребенной в неолитическом погребении 52 (могильник Сопка-2). Неолитическое коллективное погребение в Кумышанской пещере сопровождали две заполненные охрой ямки. В одной из них находились каменное рыболовное грузило и локтевая кость бизона, а во второй – шило из грифельной кости лося (Сериков 2009: 143).

Энеолитическое захоронение ребенка в Усть-Катавской пещере II (Южный Урал) сопровождалось богатым инвентарем, среди которого находилось 20 окрашенных охрой резцов байбака (Бибиков 1950: 113–119). В могильнике Улан-Толга (Предкавказье) у таза погребенного находился предмет сакрального престижа – скипетр из зеленого серпентинита. Его обуховая часть была окрашена охрой (Кореневский 2009: 32). Несколько окрашенных охрой изделий отмечены в трех погребениях энеолитического могильника у с. Съезжее. В двух случаях у головы были положены обильно посыпанные охрой шлифованные долотья, еще в одном – ножевидная пластина (Васильев, Матвеева 1979: 151–152). Необычный ритуал зафиксирован в одном из курганов могильника афанасьевской культуры Урускин лог-I (Алтай). В погребении пожилого мужчины рядом с его правой рукой кучкой лежали 25 человеческих зубов (резцы, клыки и коренные), засыпанных охрой (Погожева 2006: 30).

Даже если некоторые приведенные случаи связаны с непреднамеренным окрашиванием, произошедшим в результате перемещения на предмет охры из засыпки могилы, все равно остаются предметы, чье окрашивание имеет бесспорно намеренный характер. Определить причины такого окрашивания можно только предположительно. С одной стороны, окрашенные предметы могли подчеркивать особый статус погребенных лиц. С другой – они могли являться особыми жертвоприношениями, возможно, жертвоприношениями своим предкам.

На Урале самое раннее использование охры выявлено на стоянке Заозерье (р. Чусовая, 33–31 тыс. лет назад). Там найдено ребро животного, с одной стороны окрашенное красной краской (Павлов 2004: 10). На Гаринской палеолитической стоянке (16–18 тыс. лет назад) найдено два обломка ребер мамонта длиной 21 и 23,5 см. Один из них обильно окрашен охрой с двух сторон. На второй фрагмент охра нанесена поперечными полосами. Кроме двух ребер, окраска охрой которых доказана, на стоянке имеются и другие кости мамонта, предположительно также окрашенные охрой. В пещере Сикияз-Тамак I (Южный Урал, 11,5 тыс. лет назад) на черепе пещерного медведя удалось обнаружить следы окрашивания красной охрой (Житенев 2006: 202–203).

На стоянке Талицкого (р. Чусовая, 18 тыс. лет назад) найдено семь сланцевых раскрашенных охрой плиток. На пяти плитках присутствуют

только следы краски. Зато на двух плитках нанесенные изображения имеют геометрический характер. На одной плитке изображен круг и идущая от него поперечная полоса. На другой стороне этой же плитки нанесены две поперечные линии. На второй плитке охрой выполнены идущие под разными углами линии (Синицын 1997: 86–87).

В Игнatieвской пещере (Южный Урал) найдено два каменных изделия со следами охры. Подобные находки известны и в пещерах Франции (Петрин 1992: 80–81).

Разнообразные красители широко применялись для нанесения рисунков в пещерных святилищах Южного Урала. Наиболее изученной среди них является Капова пещера (Шульган-Таш). Несмотря на то, что живопись в пещере была открыта в 1959 г., только в последнее десятилетие пещера стала исследоваться активно и комплексно (Ляхницкий, Солодейников 2004: 56–64). В настоящее время в пещере известно около 200 рисунков. Были проанализированы и составы красок. Для анализа использовались сколы известняка с остатками краски, комки охры из культурного слоя, охряные «карандаши», а также краска, сохранившаяся на так называемых «палитрах».

Результаты исследования оказались чрезвычайно интересными. Выяснилось, что в основе краски лежат окислы железа, тем не менее, краска довольно разнообразна по цвету и составу. Краска получалась при обжиге бурых железняков, затем смешивалась с порошками, полученными при дроблении других железистых соединений. Есть предположение, что полученные порошки смешивались с животным клеем. Состав охр, если судить по микропримесям, оказался очень разнообразным. В некоторых случаях с охрой использовался древесный уголь. Также разнообразен и цвет красок. Применялись краски от алой до темно-красной и темно-коричневой, почти черной. Анализы показали сложный состав красок, что свидетельствует о специальном их приготовлении. Разнообразие красок, возможно, имеет хронологическое значение. Анализ черных красок (а в пещере есть рисунки, выполненные черной краской) пока не проводилось (Котов и др. 2004: 66–71). Следует добавить, что рисунки Игнatieвской пещеры (более 50 экз.) выполнены черной и красной красками, а 2 Серпиевской (Колокольной) – только красной.

В эпоху мезолита использование красок в культе продолжается. Но свидетельств этого использования сохранилось немного. Несколько окрашенных артефактов найдено в могильнике Попово (Прионежье). Возле погребенного в могиле II лежала подвеска из резца лося, ярко окрашенная охрой. А в яме рядом с погребением обнаружены две пластины, также покрытые охрой. В могиле IV в районе груди погребенного найден сильно окрашенный охрой острый конец костяного кинжала. Две окрашенные ножевидные пластины обнаружены в яме рядом с погребением. В одной из ям возле погребения VI зафиксированы две роговых пластины, которые были сложены вместе плоскостями и обильно посыпаны охрой. Как отмечает автор раскопок, подобные пластины, также окрашенные охрой, из-

вестны и на стоянке Веретье 1 (Ошибкина 2006: 82–85). Краситель в виде белой глины был использован при захоронении умершего в погребении VII этого же могильника. В могильнике Песчанице белым порошком был обильно покрыт череп человека.

В мезолите Западной Европы хорошо известны раскрашенные гальки, так называемые чуринги (Синицына 2009: 345).

На Урале в эпоху мезолита охра часто использовалась для окрашивания костяных наконечников стрел. Обычно такие изделия были украшены орнаментом. Самая большая коллекция орнаментированных наконечников происходит с пещерного святилища на Камне Дыроватом (р. Чусовая) – около 500 экз. Почти всегда в орнамент была втерта красная охра. Но имеется несколько окрашенных охрой наконечников, у которых орнамент отсутствует (Сериков 2009: 80). Подобные наконечники найдены и на Северном Урале в Лобвинской пещере. Среди нескольких десятков мезолитических наконечников у двух вкладышевых присутствует орнамент, в который втерта красная охра (Чаиркин, Жилин 2005: 260). Еще два вкладышевых наконечника с орнаментом, окрашенным охрой, найдены в пещере Подземных Охотников на западном склоне Среднего Урала (Близнецов и др. 2004: 273).

Сохранилась на Урале и традиция использовать краски при оформлении пещерных святилищ. В раннемезолитическом слое грота Большой Глухой (р. Чусовая) на восточной стене под слоем супеси были выявлены два пятна красной и желтой краски диаметром соответственно 32 и 25 см (Павлов 1996: 58–59).

Неожиданные результаты были получены в результате прямого датирования красок с рисунков Игнatieвской пещеры. По материалам из культурного слоя рисунки были датированы в интервале 13–14 тыс. лет назад и отнесены к палеолитическому времени (Петрин 1992: 145–146). В 1998 г. для датировки рисунков современными методами было взято четыре образца пигмента – из трех черных и одного красного. Анализы были выполнены в Техасском университете. Красную краску продатировать не удалось, а черная дала даты 6030, 7370 и 7920 лет назад (Широков и др. 2003: 68–71). Т. е. они показали в лучшем случае мезолитический возраст рисунков.

В эпоху мезолита уже прослеживается использование в ритуалах минерального сырья определенного цвета. В частности, подвески в погребениях Южного Урала изготавливались из мягкой разновидности змеевика (серпентинита) – офита. Сопровождающий инвентарь погребения в Бурановской пещере содержал только 35 миндалевидных подвесок, выполненных из зеленого или голубовато-зеленого офита. В погребении под навесом Старичный Гребень найдено 15 подвесок из зеленого офита (Сериков 2004г: 101). Можно предполагать, что зеленый цвет намеренно использовался в погребальной обрядности.

Начиная с эпохи неолита древний человек активно использовал в своей культовой практике прибрежные скалы – именно к этому времени боль-

шинство исследователей относит появление писаниц (Чернецов 1971: 107). В настоящее время писаницы, выполненные красной охрой, широко исследованы на реках Тагил (Широков и др. 2005), Нейве (Широков и др. 2000), Реж и Ирбит (Широков 2007), а также реках и озерах Южного Урала (Широков 2009). К сожалению, анализа красок, которыми выполнены рисунки, до сих пор не проводилось.

Интересные факты по использованию в ритуалах красок получены С. Н. Паниной при исследовании насыпного культового Усть-Вагильского холма (слияние рек Тавда и Вагиль). На святилище найдены фрагменты неолитической керамики с большой примесью охры, а также окрашенные красной охрой. С. Н. Панина отмечает три способа маркировки керамики охрой: черепок просто посыпали охрой; черепок затирали охрой поверх орнамента после обжига сосуда; сосуд окрашивали охрой до нанесения орнамента. Отсюда она приходит к выводу, что некоторые сосуды с самого начала были предназначены для ритуальных целей, а другим статус сакральных придавали по мере необходимости в особых случаях (Панина 2008: 142–144). Кроме этого, на Усть-Вагиле найдены окрашенные охрой нуклеидный кусок, каменный наконечник стрелы, куски камня и отщепы (фото 48, 6). Любопытна пластина, окрашенная охрой и сажей. На одном отщепе предположительно нанесен рисунок животного (лошади?) (фото 48, 5). По всей видимости, краску для обрядов получали на месте. Об этом свидетельствуют крупные куски охры, куски лимонита (бурого железняка) и четыре конкреции обожженной железной руды.

На другом культовом холме (Чертова Гора), находящемся на р. Конде (Западная Сибирь), на жертвенной площадке большое количество фрагментов керамики и костей животных были обильно пересыпаны охрой (Сладкова 2008: 155). Окрашенная охрой керамика выявлена и на других среднеуральских памятниках: на неолитических поселениях Евстюниха I, Полуденка I; святилищах Кокшаровский холм и Шайтанское озеро I, на Левшинской стоянке. Иногда охру добавляли в керамическую массу, из которой лепили сосуды. Такие сосуды зафиксированы в Пещере Туристов, Шайтанском озере I, Усть-Вагильском холме, Русско-Шуганском погребении.

Начиная с эпохи энеолита свидетельства использования в ритуалах символики цвета становятся более разнообразными.

На многослойном поселении Паром 1 (Салехард) у очага среди скопленных керамики и каменных изделий находилась галька со следами желтой серы (Зах 1997: 26). На энеолитическом поселении Юртик (Кировская обл.) у центральных очагов трех жилищ обнаружены овальные гальки коричневого, красноватого, серого и белого цветов. Одна из галек была окрашена красной охрой (Ошибкина 1980: 53). Фрагмент керамики с торфяниковой стоянки Кокшарово I (болотная) (Кокшаровский торфяник, Среднее Зауралье) с двух сторон был густо облеплен охрой. Острие из грифельной кости лося, найденное в верхней пещере камня Дыроватые Ребра (р. Чусовая), также было окрашено охрой.

Небольшая серия окрашенных предметов выявлена на энеолитическом культовом озерном центре Шайтанское озеро I (Среднее Зауралье). На памятнике найдено 347 кусочков охры разного размера и цвета – желтого, красного, ярко-малинового. Шесть кусочков охры служили карандашиками – у них стертые поверхности. Охрой окрашены керамический диск диаметром 5,5–6 см и фрагмент керамики, который служил разбивальником для получения нитей из сухожилий. Несколько фрагментов керамики облеплены охрой с двух сторон. О хрустальном терочнике уже упоминалось выше. Также следует отметить, что в глиняное тесто энеолитической керамики добавлялось заметное количество охры. Поверхность некоторых сосудов была натерта красной охрой (Серигов 2013: 53–54).

В культовом комплексе этого же памятника имеется несколько десятков подвесок из темно-красного шифера (пиррофиллитового сланца). Интересный факт – в коллекции присутствует подвеска из шифера черного, но на ней сохранились следы окрашивания ее охрой в красный цвет.

Представляет интерес кремневая лунница с поселения Вис I (оз. Синдор). В древности она была окрашена охрой, о чем свидетельствуют остатки краски, присутствующие на ее поверхности.

В Свердловском областном краеведческом музее хранится жезл-пест из старых поступлений. На рабочем конце среди выщербленных участков заметны следы красного красителя. Возможно, пест применялся для приготовления краски. Там же находится фигурный молот в виде головы белки. На голову и тулово красно-коричневым красителем нанесен линейный орнамент (Серигов 2011ж: 83).

Некоторые находки в торфяниковых памятниках Урала показывают, насколько широко использовались краски в древности и как мало раскрашенных артефактов доходит до археологов.

На поселении Шувакиш IA (окрестности Екатеринбурга) найдено весло с лопастью, украшенное геометрическим орнаментом. На одной лопасти черной краской нанесены два соприкасающихся вершинами равнобедренных треугольника. От треугольника к лопасти идут три пунктирных линии, каждая из которых содержит по семь точек диаметром около 1,5 см. Подобный орнамент украшает и противоположную плоскость весла. Следы черной краски зафиксированы еще на двух веслах – с поселения Шувакиш IA и святилища на VI разрезе Горбуновского торфяника (окрестности Нижнего Тагила) (Погорелов 1998: 236).

Редчайшими находками, не имеющими пока аналогий в материалах других торфяниковых памятников, являются найденные на VI разрезе Горбуновского торфяника семь фрагментов берестяных сосудов, расписанных бурой краской. Орнамент состоит из горизонтальных поясов, полностью закрашенных или состоящих из волнистых линий, встречены пояса из геометрических фигур: прямоугольников, ромбов, зигзага (Кашина, Чаиркина 2012: 41–48.).

Детальный анализ красок, используемых в погребальных обрядах раннего железного века Южного Урала и Северного Казахстана, представили

челябинские археологи А. Д. Таиров и А. Ф. Бушмакин. Южноуральские курганы дали обильные материалы для изучения использования красок. В могильнике Обручевский найдены два каменных жертвенника в виде голов волка и медведя, на дне которых сохранились следы красной краски, и пустотелое минеральное образование (секреция), заполненное порошком красного цвета. Такая же секреция, но с темно-бордовой краской, найдена в другой могиле. Там же лежал и кусок мела. В этом же могильнике в одной из могил в качестве подстилки использовался желтый песок, края ее были присыпаны желтой краской. В могильнике у поселка Мирный найден каменный жертвенник со следами красной краски и комков минерала серовато-желтовато-коричневого цвета. В одном погребении Варненских курганов обнаружена костяная трубочка, с двух сторон заткнутая деревянными пробками. Внутри трубочки находился темно-голубой порошок, полученный из азурита. Такая же трубочка с серо-синим порошком найдена в могильнике Николаевка II. Порошок состоял из смеси белого каолинита и синего азурита. Каменный жертвенник, поверхность которого была покрыта тонким слоем темно-красной охры, найден в одном из погребений могильника Яковлевский. Здесь же обнаружены четыре раковины, заполненные разными порошками: ярко-красным, ярко-зеленым, ярко-оранжевым и ярко-синим. Еще одна трубочка с ярко-синим порошком зафиксирована в могильнике Графские развалины. Причем в нее было вставлено костяное острие с резной рукоятью. В могильнике Четыре Мара сохранились два кожаных мешочка с белой и желтой глиной (Таиров, Бушмакин 2001: 168–172).

Использование в ритуалах минералов с яркой и эффектной окраской на Урале известно уже в верхнем палеолите около 25 тыс. лет назад. Горный хрусталь – прозрачная разновидность кварца – привлек внимание древнего человека именно своей прозрачностью и «игрой».

Наиболее ярко использование хрусталя проявилось на культовом памятнике Большие Аллаки II. Памятник находится на юго-восточном берегу одноименного озера в Челябинской обл. Связан он со скальными выходами высотой до 8 м. Некоторые скалы имеют очертания человеческого черепа. На скалах зафиксированы две писаницы, под которыми обнаружен культурный слой с остатками культового характера. Судя по находкам (микропластинки, каменные и бронзовые наконечники стрел, медное копье, медный птицевидный идол, фрагменты керамики и др.), которые датируются в широком хронологическом диапазоне от мезолита до средневековья, данный памятник можно рассматривать как древнее долго функционировавшее культовое место (Чернецов 1971: 43–47).

Ниже голоценовых отложений был зафиксирован еще один слой с находками эпохи палеолита: кости дикой лошади и каменные изделия. Причем 164 (78,85 %) изделия из 208 изготовлены из горного хрусталя. Ярко выраженными орудиями являются только два скребка. Исходной формой сырья являлись друзы и гальки горного хрусталя. Учитывая необычную топографию памятника, а также наличие на «каменных палатках» культо-

вого места, функционировавшего на протяжении нескольких тысячелетий, авторы раскопок допускают, что традиция такого почитания данных скал могла начаться еще в палеолите (Жилина, Петрин 1989: 46–48).

Единственным хрустальным изделием в девятитысячной коллекции долговременного мезолитического поселения Серый Камень на Горбуновском торфянике является нуклеус высотой 2,9 см, найденный в жилище рядом с очагом. Он выполнен из чистейшего горного хрусталя. Из-за многочисленных граней (17 негативов), которые при солнечном свете создают эффектные переливы, нуклеус воспринимается как законченное ювелирное изделие (фото 45, 1). Чистота сырья и производимый им оптический эффект делали данное изделие вполне подходящим предметом для ритуальных действий (Сериков 1999а: 101).

При анализе коллекций каменных изделий от палеолита до средневековья вполне доказуемо выявляется факт использования изделий из горного хрусталя в культовых целях (Сериков 2005ж). Этот факт очевиден для хрустальных комплексов и отдельных изделий, находимых в погребениях, на святилищах и других культовых объектах (фото 45, 3). Среди этих находок присутствуют и уникальные, такие, как хрустальное навершие булавы в одном из мало-кизильских курганов бронзового века, хрустальный подпятник для добывания огня (случайная находка) (фото 45, 2), хрустальная галька для растирания охры с Шайтанского озера и кресальный кремь из «волосатика» – горного хрусталя, насыщенного нитями рутила со стоянки Исток III (ранний железный век) (Сериков 2004д: 227–228).

Таким образом, известные нам факты вполне убедительно доказывают, что цвет (в данном случае прозрачность и «игра») хрусталя умело и сознательно использовались древним человеком в его культовой практике.

Довольно часто в ритуалах использовались изделия белого цвета. На неолитическом поселении Полуденка II (Среднее Зауралье) найдена каменная лунница. Функциональное назначение изделия подчеркнуто не только формой, но и цветом – она изготовлена из молочно-белого кварца (фото 7, 4). А на стоянке Мурино I из такого же белого кварца выполнена фигурка птички (фото 6, 1, 2).

На Нижнем Амуре в неолитическом слое поселения Малая Гавань обнаружена уникальная фигурка тигра, выполненная из прозрачно-белого халцедона. Скульптура обработана тончайшей мелкофасеточной отжимной ретушью. Находку связывают с образом Белого Тигра восточной мифологии, который входил в число существ со сверхъестественными способностями и являлся символом Запада, т. е. страны мертвых (Сериков 2009г: 340).

В погребениях глазковской культуры часты находки шлифованных нефритовых дисков с отверстием в центре, которые наряду с нефритовыми кольцами считаются отличительным признаком данной культуры. Только А. П. Окладников в своей монографии приводит сведения о 141 подобном изделии (Окладников 1955: 176). Причем, в отличие от орудий, которые делались из зеленого нефрита, диски почти всегда изготавливались из нефрита беловатых оттенков. Тратовка этих дисков как соляных символов у

исследователей Восточной Сибири не вызывает сомнений (Окладников 1955: 339–340).

Гальки белого кварца нередко встречаются в погребениях (могильник Остров 2, Фофаново, Острог-2, Мирный). Сто светлых (видимо, кварцевых) галек найдены в богатом тройном захоронении бронзового века могильника Улярба на Байкале. Гальки находились в центре скопления, остальной инвентарь располагался вокруг них (Сериков 2012б: 133).

По всей видимости, в группу сакральных минералов можно отнести и изделия из талька. Обычный цвет талька – светло-серый (близкий к белому), серебристый, хотя встречаются изделия из зеленовато-серого талька. Из талька чаще всего изготавливали изделия культового характера: скульптуры, фигурные молоты, «утюжки», литейные формы, диски, пряслица, подвески, нашивки и др. (Сериков 2011з: 117–130). Сакральный характер талька подтверждает и необычное энеолитическое погребение в щели между валунами на скальном святилище Шайтанский Шихан (Шайтанское озеро). Оно было засыпано 546 пластинками светло-серого (серебристого) талька (Сериков 2011и: 145–150).

Следует рассмотреть вопрос и об изделиях из кости. Мы забываем, что свежая кость животного имеет чистый белый цвет. Темнеет и меняет окраску она, только пролежав в земле сотни и тысячи лет. А в погребальных комплексах часто представлены изделия из кости неутилитарного характера, прежде всего, фигурки и подвески.

Также активно в ритуальной практике древности использовались изделия красного цвета, а точнее – его оттенков (оранжевого, бурого, коричневого). Чаще всего для изготовления ритуальных изделий применялся халцедон и его яркие разновидности: сердолик (красный, оранжевый, оранжево-красный, буро-красный), карнеол (от оранжево-красного до темно-красного), сардер (бурый, желтовато-бурый, красно-бурый, коричневый) (фото 47, 1).

В пещерном святилище на Камне Дыроватом кроме хрустальных и сердоликовых наконечников выделяется целая серия изделий из халцедона. Все они изготовлены из халцедонов разных оттенков: оранжевого, коричневого, серо-коричневого, бело-оранжевого, красно-бурого. Но цвет у всех наконечников подобран таким образом, что кончики острий у них окрашены в ярко-красный, оранжевый или красно-бурый тона. Причем, у одного из них буро-красная полоска от кончика острия идет по середине тулова наконечника, затем раздваивается и спускается на боковые шипы (Сериков 2001б: 46).

На этом же святилище найдена кремневая скульптурка, изображающая головку лосихи. Она изготовлена из пестрого слоистого халцедона. Если посмотреть скульптурку на просвет, то видно, что рот лосихи обозначен полоской темно-коричневого цвета, которая отчетливо выделяется на просвечивающемся серо-коричневом фоне. Целенаправленное акцентирование деталей скульптурки цветом не может быть случайным. Напротив, оно свидетельствует о высоком техническом искусстве древних мастеров.

На Шайтанском озере найдены два ножа, изготовленные из ножевидных пластин. Одним ножом служила пластина из темно-красного просвечивающего карнеола. Другой нож изготовлен из двухцветного халцедона. Причем, лезвие ножа длиной 2,5 см выполнено из оранжевого полупрозрачного сердолика, а насад (1,7 см длиной) – из красно-бурого сардера. Нет никаких сомнений, что расположение цветов выбрано преднамеренно и, скорее всего, данное изделие служило жертвенным ножом. Подобный нож, только из полосчатой (красно-зеленой) яшмы известен на мезолитическом поселении Уральские Зори I. Он изготовлен таким образом, что полоса зеленого цвета пришлась на обушковую часть ножа, тогда как лезвие оказалось красного цвета (Серигов 2011с: 44–46).

На культовой площадке Шайтанского озера II найдено несколько скоплений (ритуальных «кладов») бронзовых изделий, которые сопровождали каменные наконечники стрел. Из 108 наконечников 45 изготовлены из красных и розовых оттенков халцедона и сердолика (фото 46, 1, 2) (Серигов 2012б: 134).

В эпоху энеолита на территории Урала и Западной Сибири широко распространилась традиция изготавливать подвески из темно-красного шифера (пирофиллитового сланца). В погребении на Шайтанском озере найдено 13 подвесок из шифера. Еще около 40 подвесок происходит с площади памятника (фото 42, б). Аятское погребение содержало 52 подвески из шифера. Еще больше шиферных подвесок найдено в двух погребениях могильника Бузан 3 (Ингальская долина, Тюменская обл.). В центральной погребальной камере найдены остатки деревянной лодки, на дне которой находилось погребение. Костюм погребенного украшали свыше 170 каменных подвесок из красно-бурого шифера. В другом погребении найдено свыше 220 каменных подвесок из шифера, которые залежали на дне могилы тремя скоплениями. На культовом памятнике Усть-Вагильский холм найдено около 20 подвесок из темно-красного шифера. Единичные подвески из шифера известны и на других энеолитических памятниках (Серигов 2013с: 167–169).

Выделенные автором кресальные кремни для добывания огня чаще всего изготавливались из разных видов цветного халцедона (бурого, красного, оранжевого, коричневого). На святилище, расположенном на вершине горы Голый Камень, 67 % кресальных кремней изготовлено из халцедона. Много кресальных кремней из халцедона выявили раскопки на озерном культовом центре Шайтанское озеро I. Любопытная находка из халцедона известна на Аятском озере. Цвет кресального кремня – нежно-розовый, но верхняя рабочая кромка, которая собственно и служила для высекания огня, имеет ярко-красный цвет (фото 48, 2). На стоянке Крутяки I найден кресальный кремнь из оранжево-красного сердолика. Таким образом, данные факты показывают, что специфическое сакральное назначение орудия в древности часто подчеркивали и цветом, и материалом (Серигов 2003б: 254–263).

Интересную деталь подметила Н. Ю. Кунгурова, анализируя погребальные комплексы могильника Солонцы-5 (Алтай). Оказывается, в мужские погребения или рядом с ними укладывались красные камешки (Кунгурова 2005: 33).

Минералы других цветов использовались гораздо реже. Выше уже отмечались подвески из офита зеленого цвета, найденные в мезолитических погребениях Южного Урала. К ним можно добавить две фигурные подвески в виде уточек и 29 каплевидных подвесок из зеленого сланца, которые были обнаружены в разрушенных энеолитических погребениях Кара-Якуповской стоянки. На Шайтанском озере найдена небольшая серия подвесок из мягкой породы салатного цвета. В последнее время стали известны единичные бусы и подвески из зеленого малахита (могильник Синташта, Палатки I) (фото 48, 3, 4). На некоторых памятниках (Палатки I, Шайтанское озеро II) встречены кусочки малахита, но для чего и как они использовались, остается невыясненным (Серигов 2013: 167–169).

Изделия синего цвета на Урале неизвестны, можно только отметить находку почек ярко-синего лазурита на культовом памятнике Палатки I под Екатеринбургом (раскопки В. Д. Викторовой). Хотя в Верхнем Приобье в ряде могильников XI–XIII вв. (Осинки, Санаторный-I, Ташара-Карьер-2 и др.) находки бус и подвесок из синего и голубого лазурита не являются редкостью (Савинов и др. 2008).

Большой интерес представляет случайная находка на Горном Алтае утюжка, изготовленного из мягкого глинистого сланца голубого цвета. Но поверхность утюжка была окрашена в глубокий черный цвет. Какой краситель для этого использовался, пока неизвестно (Кунгурова, Мамадаков 2006: 127).

Единичными находками являются изделия из золотистого халькопирита. На Урале таких изделий автору известно только два. Одно из них в виде усеченной пирамидки с орнаментом найдено в святилище, расположенном в пещере Туристов на р. Чусовой (фото 47, 4, 5). Второе – шпатель для заглаживания и выравнивания стенок сосудов – обнаружено на Шайтанском озере (Серигов 2007г: 137).

Таким образом, можно отметить, что на Урале в различных ритуалах широко использовались следующие цвета: различные оттенки красного (оранжевый, бурый, коричневый, малиновый), белый (чисто белый, светло-серый, светло- и темно-серебристый), желтый (золотистый), зеленый, черный, прозрачный.

Расшифровка семантики окрашенных изделий всегда будет сложной и трудно доказуемой. Окрашивание предметов охрой вырывало их из профанного мира и наделяло особыми сакральными функциями. Окрашивание орудий так же, как и посуды, могло быть показателем использования их в сакральных целях. Раскрашенные скульптуры наделялись особым сакральным смыслом. Окраска предметов могла являться дополнительным свидетельством престижа и служить показателем социального статуса владель-

ца. В то же время окрашивание предметов наделяло их апотропеическими, защитными свойствами.

Символическое значение окрашенного предмета могло меняться в зависимости от места расположения. Всегда нужно учитывать конкретное место находки и условия залегания такого предмета.

Например, учитывая залегание камней с рисунками под навесом Далмери около входа в жилище, авторы раскопок предполагают их охранное назначение (Синицына 2009: 343).

По мнению некоторых ученых, втирание в орнамент на наконечниках стрел красной охры могло усиливать поражающую функцию оружия.

Окрашенную в красный цвет гальку между ног погребенной женщины (могильник Сопка-2) В. И. Молодин считает своеобразным терочником (Молодин 2001: 12). Но пол погребенного, местоположение гальки, ее правильная яйцевидная форма позволяют выдвинуть и другое предположение. В данной ситуации гальку-яйцо можно рассматривать как символ новой жизни.

Куски гематита и другие предметы из красной породы, положенные в могилы, Н. Ю. Кунгурова считает «символом перерождения и тепла, знаком для возвращения души в мир живых» (Кунгурова 2005: 33).

Окрашивание предметов кровью, охрой и другими красками красного цвета могло придать им сверхъестественную силу, могло символизировать «оживление» предметов или их «кормление» (Очерки культурогенеза... 1994: 160).

Краски в порошковидном состоянии из южно-уральских курганов могли использоваться для татуировок. В нескольких случаях внутри емкостей с порошками были найдены костяные или деревянные острия (Таиров, Бушмакин 2001: 172). В редких случаях на черепках скелетов сохранились нанесенные красной охрой рисунки, которые «осели» на кости после разложения мягких частей тела (Шишлина и др. 2012: 66). Множественные факты использования красной охры для татуировок, а также анализ значения этих татуировок в жизни древнего человека приводит М. Б. Медникова в своем интересном исследовании (Медникова 2007).

По мнению Л. В. Лбовой и А. В. Табарева, «символическое употребление цветов – это и средство передачи отвлеченных понятий, и язык, и орудие магии и даже способ классификации явлений» (Лбова, Табарев 2009: 85).

Практически все исследователи триаду цветов белый – черный – красный считают не только универсальной, имеющей распространение повсеместно во все времена и у всех народов, но и первичной.

Если обратиться к данным этнографии, то у большинства северных народов белый цвет маркирует предметы, связанные с верхним миром; красный цвет связан со средним миром, а черный ассоциируется с царством мертвых (Черемисина 2010: 211).

Существование бинарной оппозиции «белое – черное» признается всеми исследователями. Некоторые выделяют оппозицию «белое –

красное» (Лбова и др. 2008: 152), тогда как другие считают красный цвет амбивалентным (двойственным), в котором одновременно проявляются противоположные качества (Черемисина 2010: 211).

У обских угров одежду красного цвета шили для идолов. Жертвенное животное для Мир-сусне-хума накрывали покрывалом красного цвета. Головные платки и куски ткани красного цвета приносились в качестве жертвы (наравне с кровью) огню, который воспринимался и как очистительное средство, и как всеуничтожающая сила (Гемуев, Сагалаев 1986: 174).

Сочетание красной и синей ткани использовали при пошиве обрядовой одежды – рукавиц и шапок.

Белый цвет считался священным, а белая одежда имела особое значение. Все животные и птицы белого цвета считались священными. Белая одежда носила обрядовый характер и являлась наиболее древней.

Черный цвет был связан с духами мира мертвых. Сочетание черного и белого цветов использовали в одежде шамана, который был посредником между верхним и нижним мирами (Богордаева 1999: 98–104).

В настоящее время невероятно сложно определить, что обозначал определенный цвет в разное время и на разных территориях. Но множество окрашенных и цветных археологических находок убедительно показывают, что уже в глубокой древности цвет являлся могучим средством воздействия на человека, и поэтому он широко использовался в ритуалах и обрядах первобытности (Серигов 2009г: 338–342).

3.3. Музыка и танцы в древности

Первобытная музыка и танцы теснейшим образом связаны между собой, поскольку являлись главными элементами ритуальной практики. И если о музыке нам что-то могут рассказать редкие археологические находки музыкальных инструментов, то о танцах древности имеются только косвенные свидетельства.

Самые ранние находки музыкальных инструментов известны уже в верхнем палеолите. В пещерах Западной Европы обнаружено около 20 флейт или свирелей, выполненных из птичьих и медвежьих костей. Их длина достигала 20 см, а количество отверстий колебалось от трех до семи. Подобные звуковые трубки известны и на территории России (Авдеево, Гагарино, Костенки I, Молодова V и др.).

Наиболее известный музыкальный комплекс эпохи палеолита выявлен на палеолитическом поселении Мезин (Украина). Он находился в жилище № 1, которое С. Н. Бибилов назвал «праздничным домом». Следы производственной деятельности в нем отсутствовали. Комплекс состоял из музыкальных инструментов стационарного типа – раскрашенных охрой костей мамонта (череп, двух нижних челюстей, бедра, лопатки и таза) – и подвижного звукового инструментария – колотушки, молотка из рога северного оленя и шумящего наборного браслета из пластин бивня мамонта. Расписанные кости использовались в качестве ударных музыкальных ин-

струментов и предназначались для воспроизведения музыкальных ударно-шумовых звуков. Также в жилище найдены запасы охры, шесть подвесок, около сотни раковин морских моллюсков, игла и восемь проколов. С. Н. Бибиков предполагал, что жилище служило для подготовки театрализованных обрядов и ритуалов и хранения музыкальных инструментов. По его мнению, в ритуале участвовало 6–7 человек. Охра служила для раскрашивания тела и, возможно, одежды. А игла и проколки были необходимы при одевании шкур, для их крепления и подгонки (Бибиков 1981: 74–89).

От послепалеолитических эпох также сохранились немногочисленные находки музыкальных инструментов. На неолитической стоянке Черная гора (Рязанская обл.) найдено четыре костяных флейты длиной около 10,5 см. Изготовлены они из костей птиц, у которых спилены эпифизы, очищена внутренняя поверхность и просверлено по четыре отверстия (рис. 74, 4–5). Там же найден костяной мундштук, который мог вставляться в одну из флейт (рис. 74, 10). Фрагмент флейты обнаружен на соседней, также неолитической, стоянке Владыченской-Береговой (Оськин 1987: 151–155).

В неолите – энеолите был известен и другой тип музыкальных инструментов. Это манки, которые практически повторяют форму и устройство птичьего клюва. Они треугольные в сечении, клювовидно изогнуты в профиле, снизу имеют по два просверленных или прорезанных отверстия, на широком конце присутствует совкообразный желобок (рис. 74, 3). К настоящему времени выявлено не менее 20 подобных изделий (Черная гора, Маслово болото IV и V, Усвят IV, Володары, Сахтыш I и II, Панфиловская и Волосовская стоянки) (Сидоров 1987: 157–160).

Оригинальное изделие из глины, которое также можно отнести к музыкальным инструментам, найдено в раннеэнеолитическом комплексе поселения Вис II (Республика Коми). Оно представляет собой полый шар диаметром 3,3 см (рис. 74, 16), внутри которого помещено несколько мелких камешков. При встряхивании они издают звуки, похожие на шум детской погремушки (Карманов 2006: 63). Кстати, подобные погремушки, выполненные из бересты, распространены среди коми до настоящего времени. По их представлениям, шум погремушки должен отгонять злых духов.

Находки разнообразных музыкальных инструментов известны и на территории Западной Сибири (Бородовский 1995: 33–43).

В раннем железном веке количество находок музыкальных инструментов увеличивается. В Луговском могильнике (Нижнее Прикамье) найдена своеобразная многоствольная флейта, состоящая из 19 полых косточек длиной 5–6 см и диаметром от 0,5 до 1 см. В Бишунгаровском могильнике (Республика Башкортостан) обнаружена флейта другого типа, с одиннадцатью просверленными отверстиями (рис. 74, 2). Представляет интерес свисток из зуба медведя (рис. 74, 7), найденный в Поволжье. Он имеет два канала и боковое отверстие. По К. И. Корепанову, на территории Северного Поволжья и Прикамья известно 62 аэрофона. Все они изготовлены из

полых костей (рис. 74, 6–9, 11–14) и только один – из глины (рис. 74, 15). Обычно их считают манками, имитирующими свист рябчика. Некоторые манки имеют углубления для пальцев, украшены спиральным орнаментом или насечками. Их длина доходит до 9 см, а диаметр – до 0,5 см. Часто манки изготовлены из бедренных костей куницы или соболя. В среднем течении р. Белой кроме обычных манков найдены костяные мундштуки для них (Корепанов 1998: 7–11).

В последние годы музыкальные инструменты выявлены и на территории Среднего Зауралья. Все они происходят из пещерных святилищ реки Чусовой и датируются эпохой средневековья.

Самыми распространенными находками являются манки, имитирующие свист рябчика. В пещере Туристов найдено 24 свистка, в Кумышанской пещере – один. Обычно их изготавливали из полых бедренных костей куницы. По одному манку выполнено из берцовой и плечевой костей куницы. Данный выбор, возможно, объясняется тем, что самым опасным врагом рябчика считалась куница. Еще три манка изготовлены из полых костей птицы. Длина свистков колеблется от 3,8 до 6,4 см. Преобладают свистки длиной 4,4–5,5 см. Диаметр кости в районе отверстия – 4–5 мм. Отверстия расположены в средней части манка. Они имеют длину от 3 до 7 мм и ширину 1,5–2 мм (рис. 75, 2–14).

Отделение эпифизов и обработка концов изделий происходила разными способами. Чаще всего делали неглубокие круговые надрезы, по которым и переламывали кость. Место слома заглаживали абразивом. У некоторых свисточков один из концов сильно расширяется. Обычно этот конец имеет минимальную обработку, либо оставлен совсем без обработки. В коллекции имеется свисток, у которого диагональным срезом удалена только часть эпифиза (рис. 75, 2).

Отверстия на манках выполнены одним движением металлического ножа. Профиль среза с одной стороны пологий, с другой – крутой. Его изучение показало, что лезвие ножа входило в поверхность кости под углом около 40°. Затем постепенно выполаживая, нож двигали вперед. Образовавшиеся при движении ножа ступеньки зачищали (срезали) этим же ножом. В результате получали отверстия длиной от 3 до 7 мм (преобладают 4–4,5 мм) и шириной от 1 до 2,5 мм (преобладают 1,5–2 мм). Длина среза при этом колебалась от 0,7 до 1,4 см (преобладает 0,9–1,1 см) (Серигов 2008а: 24–26).

На поверхности двух свистков сохранились следы обработки в виде срезов, произведенных металлическим ножом. Поверхности еще двух свистков обработаны по периметру абразивом. Восемь изделий имеют следы сильного залощения.

Единичной находкой в коллекции музыкальных инструментов из пещеры Туристов представлена дудочка. Она изготовлена из полой кости крупной птицы (лебедя или гуся). Оба конца инструмента обломаны. Длина сохранившейся части изделия – 14,5 см, диаметр – 1,1 см.

На боковой поверхности дудочки металлическим ножом прорезано отверстие длиной 9 мм и шириной 2,5 мм (рис. 75, 1). Нож в обрабатываемый материал входил под очень пологим углом (около 15°). В результате длина среза составила около 5,5 см. По всей видимости, планировалось изготовить еще одно отверстие. Почти в одной плоскости с прорезанным отверстием в 4,7 см от его края находится уплощенный ножом участок длиной до 2,5 см.

Поверхность кости вокруг отверстия тщательно обстругана и заглажена. В этой части кости ей придана правильная округлая форма. Также обстругана кость и в районе намечавшегося отверстия. Но не везде округлена и заглажена. Видимо, инструмент сломался в процессе изготовления второго отверстия. Предварительно его можно классифицировать как простую свирель.

Из пещеры Туристов происходит еще 14 костяных изделий, которые, возможно, являются фрагментами язычковых музыкальных инструментов. Все изделия выполнены из тонких (1 мм и менее) костяных пластинок. Наибольший интерес представляет целое изделие на пластинке длиной 7,4 см и шириной 0,7–1 см. По средней части пластинки проходит прорез, внутри которой вырезан узкий «язычок» длиной 3,2 см и шириной 1,5 мм (рис. 75, 16). По всей видимости, данное изделие служило звукообразующим язычком какого-то музыкального инструмента типа варгана. Абсолютно идентичное изделие, только выполненное из бронзы, недавно обнаружено в женском погребении VII–VIII вв. н. э. Деменковского могильника в Верхнем Прикамье. Авторы находки также интерпретируют это изделие в качестве музыкального инструмента (Мельничук и др. 2008: 188; рис. 4, 7).

Остальные изделия являются обломками аналогичных язычковых музыкальных инструментов. Один из них представлен фрагментом костяной пластинки длиной 7,4 см и шириной 1,1 см. Оба конца пластинки сломаны (рис. 75, 17). Еще от одного инструмента сохранился сам «язычок». Он изготовлен в виде слегка сужающейся тонкой и узкой (0,35–0,45 мм) костяной пластинки длиной 5,3 см. Судя по обработанным концам, изделие сохранилось полностью. Расширенный его конец имеет небольшие плоские выступы, один из которых обломан. На втором конце присутствует вилокобразная прорезь глубиной около 1 мм (рис. 75, 15). Обе его поверхности тщательно выструганы и залощены. Можно предположить, что обе пластинки также являлись фрагментами язычковых музыкальных инструментов (Сериков 2009в: 40–46).

Находка в пещере Туристов большой серии манков для охоты на рябчика позволяет усомниться в их только охотничьем назначении. Некоторые исследователи музыкального инструментария считают, что его эволюция двигалась от хозяйственной к производственно-магической практике (Оськин 1987: 149–150). Другие же склонны считать музыкальные инструменты, в том числе и манки, принадлежностью определенных культов и ритуалов (Сидоров 1987: 162–163). Автор же считает, что в контексте свя-

тилища все музыкальные инструменты (и манки тоже) использовались в культовых целях.

Своеобразными музыкальными инструментами (каменными кастаньетами) могли выступать и гальки, которые в большом количестве присутствуют в каждом исследованном раскопками пещерном святилище.

Свидетельства о существовании в древности ритуальных танцев (плясок) носят только предположительный характер. Но можно не сомневаться, что подобные ритуальные танцы в древности существовали. Ритуальные танцы (пляски) являлись действенными орудиями древней магии. Этнографические материалы показывают, что с глубокой древности ритуальными плясками старались воздействовать как на внешний, так и на потусторонний мир (Тэйлор 1939: 167–168).

Изображения человека и зоантропоморфов, которые могли быть ряжеными танцорами, известны в целом ряде французских пещер с палеолитическими росписями. Наиболее известным является изображение загадочного существа с рогами и хвостом из пещеры Труа Фрэр. Обычно его воспринимают как изображение ряженого колдуна (рис. 74, 1).

В 2008–2009 гг. профессором Парижского университета Е. Д. Резниковым было проведено комплексное исследование Каповой пещеры, в ходе которого были изучены ее акустические качества и сопоставлены эти качества с размещением рисунков. В результате выяснилось, что хорошая акустика имеется практически во всех декорированных залах, число эхо составляет 7–8 раз и доходит до 11. Совпадение рисунков и звука составляет около 80 % от общего числа рисунков. По мнению Е. Д. Резникова, «это показывает, что палеолитические посетители пещеры выбирали для росписи звучащие места; а значит, они, наверное, пели и музицировали в этих местах» (Резников 2010: 85–90).

В наскальных изображениях Урала, датированных эпохой неолита – бронзы, имеются танцующие антропоморфные фигуры, у которых ноги согнуты в коленях, а руки в локтях (Широков и др. 2000: 17, 26). Некоторые антропоморфные изображения на писаницах исследователи трактуют как существа в масках (Широков и др. 2005: 72–73).

Можно также напомнить, что самый крупный деревянный идол с Горбуновского торфяника, как и идол барона де Бая с Шигирского торфяника, вырезаны с согнутыми в коленях ногами (рис. 30, 1–2). Графические изображения танцующих (иногда ряженных) фигур известны на целом ряде керамических сосудов (рис. 59, 2–4).

Косвенным подтверждением существования танцев в древности могут служить материалы святилища, расположенного на вершине горы Голый Камень (окраина Нижнего Тагила). На его центральной площадке площадью около 120 кв. м вся найденная керамика представлена обломками размером не более 2–3 см. Фаунистические остатки (а их на святилище собрано свыше 50 кг в сухом виде) также представлены кальцинированными косточками размером 1–2 см. Автор считает, что и керамика, и кости жи-

вотных были растоптаны в процессе ритуальных танцев на центральной площадке святилища (Серигов, Серигова Л. В. 2005: 19, 32, 36).

Любопытные материалы получены и при исследовании святилища в пещере Туристов на реке Чусовой (Средний Урал). Пол в самой пещере заметно наклонен к выходу. Но в 7 м от входа в пещеру находится довольно ровная площадка размером 9 × 2 м. Над площадкой находится второй выход, который называется «грот Окно». Вся площадка усыпана множеством мелких фрагментов кальцинированных костей и сильно дробленой керамики. Копать на площадке очень трудно из-за большой плотности почвы. Можно предположить, что именно на этой площадке и проводились театрализованные ритуалы.

Если принять это предположение, то логичное объяснение получает целый ряд находок из этой пещеры. Все они датируются эпохой средневековья. Выше уже описано 39 музыкальных инструментов. Также в пещере найдено около десятка кусочков охры. Один кусочек ярко-красной охры имеет сильно стертую поверхность. Кроме охры в коллекции присутствуют и два своеобразных «карандаша» – кусочки гематита и магнетита со стертой поверхностью, которые использовались для получения краски. Поскольку рисунков и раскрашенных предметов в пещере не обнаружено, можно предположить, что охра использовалась для раскраски лица и тела (возможно, одежды) во время ритуальных действий. Культовый комплекс пещеры включает и разнообразные украшения: медную фигурную бляху, медальоновидные подвески из золота, серебра и бронзы, серебряное колечко, серьги, поясные бляшки, подвески из зубов животных, бусы из глины, стекла, хрусталя и рыбьих позвонков, пронизки.

Долгое время не удавалось определить функциональное назначение комплекса острий. В него входит пять костяных игл, среди которых только одну можно использовать по назначению. Она изготовлена из очень тонкой кости птицы или рыбы и имеет длину 5,3 см. Остальные иглы изготовлены из грифельных костей оленя (?), имеют сверлины на головках костей, извилистый профиль и закругленные (неострые) концы. Их длина достигает до 10 см и более. Автор находок Н. А. Прокошев относил изделия к вязальным спицам (Прокошев 1935: 185–186). Однако в сводной работе о костяном инвентаре ананьинской эпохи аналогичные изделия определены как половые кости медведя (Ашихмина и др. 2006: 65). В нашей коллекции имеется один обломок длиной 5,3 см, изготовленный из такой же кости. Автор считает, что их можно интерпретировать и как своеобразные заколки (булавки) для скрепления одежды. В качестве таких же заколок могли использоваться острия из грифельных костей лося (10 экз.), а также массивные острия (24 экз.), изготовленные из расколотых вдоль длинных костей копытных животных. Длина острий составляет от 10 до 19 см. Их концы грубо заострены металлическим ножом. К этому же типу можно отнести острие, изготовленное не из кости животного, а из расколотой бедренной кости человека. Его длина 10,4 см. Для проделывания отверстий служили восемь костяных проколов.

Своеобразной заколкой могла быть костяная пластина (обломок) с профильным изображением головы медведя на конце. Аналогично могло использоваться Г-образное изделие из рога, на конце которого вырезано скульптурное изображение головы лося. Длина изделия – 6,4 см. В нижней его части проделано отверстие. Первоначально находку определили как рукоятку составного ковша, но ее можно было использовать и в качестве фигурной застежки.

Следует также добавить, что в коллекции из раскопок Н. А. Прокошева в 30-х гг. прошлого века, хранящейся в Государственном Эрмитаже, также присутствуют целые серии костяных острий, игл и украшений.

Таким образом, в пещерном святилище выделяется целый комплекс находок, которые предположительно можно связывать с использованием в театрализованных ритуальных танцах (плясках). По всей видимости, в обряде участвовало несколько человек, которые помогали основному действующему лицу (шаману?) принять соответствующий конкретному ритуалу образ. Охра применялась для раскрашивания тела и, возможно, одежды. Иглы и проколки были необходимы при одевании шкур, для их крепления и подгонки. Массивные острия служили для застегивания и крепления одежды, острия длинные и тонкие использовались для оформления прически. Этот же «персонал» сопровождал ритуал музыкой. Интересно отметить, что музыкально-оформительский комплекс пещеры Туристов имеет определенное тематическое сходство с материалами «праздничного дома» с палеолитического поселения Мезин (Сериков 2012а: 325–332).

Необходимо подчеркнуть, что раскопками на р. Чусовой изучено 15 пещер, но такой внушительный комплекс музыкальных инструментов обнаружен только в пещере Туристов. По все видимости, это объясняется как особенностью топографии пещеры, так и близостью (1 км) к известному святилищу на Камне Дыроватом, которое в древности являлось своеобразным культовым центром, собиравшем во время определенных календарных праздников обширную межплеменную аудиторию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная работа содержит 11 очерков, характеризующих различные аспекты первобытного искусства. Девять очерков вполне традиционны для работ такого плана. В них рассматривается скульптура из разных материалов, графические изображения на изделиях и украшения. Два очерка выходят за рамки традиционной подачи материала, они касаются использования музыки и танцев, а также красок и цвета в ритуалах древнего населения.

В очерках представлены материалы, в основном, каменного века (от палеолита до энеолита). Они не претендуют на полную характеристику соответствующих разделов первобытного искусства. По разным причинам в них вошли далеко не все предметы изобразительной деятельности древнего человека, известные автору. Тем не менее, с учетом того, что последние сводные работы по первобытному искусству каменного века вышли в 1976 (Мошинская) и 1997 гг. (Обыденнов, Корепанов), в данной книге гораздо более полно представлены художественные артефакты как прошлых лет, так и современности. Работа проиллюстрирована 863 рисунками, собранными в 75 таблиц и 144 цветными фотографиями, в которых представлено около 350 предметов.

Во всех очерках делается попытка охарактеризовать семантическое наполнение различных предметов первобытного искусства. Анализ взглядов разных исследователей на семантику художественных артефактов показал, что все семантические построения вращаются в ограниченном круге, связанном с определенными мифологическими представлениями древнего населения (культ предков; культ матери-прародительницы; культ плодородия; промысловый культ; миф о ныряющей утке; птицы – посредники между мирами; мировое древо и т. п.). Но стилевые особенности артефактов, условия их залегания и другие детали ясно показывают, что семантическое назначение данных артефактов было гораздо более глубоким и разнообразным, чем мы можем представить в настоящее время.

Проведенный детальный анализ произведений искусства неопровержимо доказал, что наши представления о первобытном искусстве базируются на неполных данных о художественных изделиях. Не вызывает сомнений, что определенная (а может и большая) часть скульптурных изображений была окрашена в древности. Но до нашего времени таких изделий сохранилось единицы. Скульптуры животных из дерева, камня и кости в древности могли украшаться дополнительно: глаза инкрустировались камнем или, скорее, раковиной; головы деревянных лосей дополнялись ушами или рогами, изготовленными из дерева, кожи или бересты; также из органики (шерсти, меха, растительных волокон) делалась грива животного; к деревянным птицам прикреплялись крылья из перьев.

Акустические исследования Каповой пещеры открывают новые возможности для дальнейшего изучения специалистами музыки и танцев в

древности. А сомневаться в том, что древние обряды сопровождались музыкой и ритуальными плясками уже не приходится.

В целом можно констатировать, что мы еще плохо знаем загадочный мир искусства древнего человека и для его познания, видимо, требуется дополнять или изменять существующие подходы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова З. А.* Новый взгляд на искусство палеолита // *Археологические вести*. – СПб. – 1992. – Вып. 1. – С. 177–183.
- Абрамова З. А., Синицын А. А.* Искусство в контексте проблемы периодизации верхнего палеолита Костенок // *Костенки в контексте палеолита Евразии. Исследования*. Вып. 1. Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы (материалы Международной конференции, посвященной 120-летию открытия палеолита в Костенках). – СПб.: ИИМК РАН, 2002. – С. 167–177.
- Алексащенко Н. А.* «Утюжки» под микроскопом // *Культовые памятники горно-лесного Урала*. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – С. 239–254.
- Алексеев Е. А.* Кеты. – Л.: Наука, 1967. – 262 с.
- Амброз А. К.* Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») // *Советская археология*. – 1965. – № 3. – С. 14–27.
- Амирханов Х. А., Лев С. Ю.* Статуэтка бизона с Зарайской стоянки // *Проблемы каменного века Русской равнины*. – М., 2004.
- Аникович М. В.* Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // *Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты*. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – С. 79–93.
- Антонова Е. В., Раевский Д. С.* Археология и семиотика // *Структурно-семиотические исследования в археологии*. – Т. 1. – Донецк: ДонНУ, 2002. – С. 11–26.
- Арефьев В. А.* Зооморфные мотивы оформления края сосудов со стоянки Полуденка I // *Советская археология*. – 1984. № 1. – С. 229–235.
- Арефьев В. А.* Знаки на керамических изделиях с Шестого разреза Горбуновского торфяника // *Северный Археологический Конгресс. Тезисы докладов*. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск: «Академкнига», 2002. – С. 146–147.
- Арефьев В. А.* Керамические изделия со знаками с VI разреза Горбуновского торфяника // *Древности Горбуновского торфяника. Охранные археологические исследования на Среднем Урале*. – Вып. 6. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2010. – С. 124–133.
- Археологические памятники Шигирского торфяника*. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – 196 с.
- Археология Республики Коми*. – М.: Издательство «ДиК», 1997. – 759 с.
- Археология СССР. Неолит Северной Евразии*. – М.: Наука, 1996. – 379 с.
- Ашихмина Л. И.* Реконструкция представлений о мировом древе у населения Северного Приуралья в эпоху бронзы и раннего железа. Препринт. – Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 1992. – 32 с.
- Ашихмина Л. И.* Охра в строительной обрядности древнего населения Европейского Северо-Востока // *Новые идеи и концепции в минералогии: Материалы III Международного минералогического семинара*. – Сыктывкар: Институт геологии Коми НЦ УрО РАН, 2002. – С. 42–44.
- Ашихмина Л. И., Черных Е. М., Шаталов В. А.* Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тыс. до н. э.). – Ижевск: ОАО «ИПК «Звезда», 2006. – 220 с.
- Бадер О. Н.* Смеловская II палеолитическая стоянка в степях Южного Урала // *МИА*. – 1971. – № 173. – С. 200–208.
- Бадер О. Н., Петрин В. Т.* Производство искусства и костяные изделия эпохи палеолита с восточного склона Уральских гор // *У истоков творчества: (Первобытное искусство)*. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 26–31.
- Балалаева О. Э.* Священные места хантов Средней и Нижней Оби // *Очерки истории традиционного землепользования хантов. (Материалы к атласу)*. – Екатеринбург: изд-во «Тезис», 1999. – 216 с.

Беднарик Р. Интерпретация данных о происхождении искусства // Археология, этнография и антропология Евразии. Специальный номер. Проблемы изучения первобытного искусства. – Новосибирск, 2009. – С. 31–43.

Бельтикова Г. В. Памятник металлургии на острове Малый Вишневый // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: УрГУ, 1988. – С. 103–117.

Берс Е. М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. – Свердловск: Свердловское книжное издательство, 1963. – 116 с.

Берс Е. М. Поздненеолитическое погребение на р. Аять в Среднем Зауралье // Советская археология. – 1976. – № 4. – С. 190–200.

Беспрозванный Е. М., Мосин В. С. К характеристике мезолита Южного Зауралья // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск: Изд-во «Рифей», 1996. – С. 18–47.

Бибииков С. Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // Советская археология. – 1950. – Т. XIII. – С. 95–138.

Бибииков С. Н. Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта: Очерк материальной и духовной культуры палеолита. – Киев: «Наукова думка», 1981. – 108 с.

Близнецов П. Е., Мельничук А. Ф., Изосимов Д. А. Жертвенное место в пещере Подземных Охотников (Стадника) // Культовые памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – С. 272–273.

Богданов С. В. Токский жезл // Древняя история населения Волго-Уральских степей. – Оренбург: Изд-во Оренбургского пединститута, 1992. – С. 195–205.

Богданов С. В., Котов В. Г. 2001. Новая находка произведения монументального искусства на Южном Урале // Проблемы первобытной культуры. – Уфа: Гилем. – С. 113–116.

Богордаева А. А. Цветовая символика в традиционной одежде обских угров // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Вып. 2. – Тюмень, 1999. – С. 98–104.

Борисковский П. И. Палеолит Украины. Историко-археологические очерки // МИА. – 1953. – № 40. – 464 с.

Бородовский А. П. Изобразительные и вещественные свидетельства древней музыкальной культуры Верхней Оби // Традиции и инновации в истории культуры. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. пед. ун-та, 1995. – С. 33–43.

Бродянский Д. Л. Бойсманские фигурки // Мир древних образов на Дальнем Востоке. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1998. – С. 92–101.

Бродянский Д. Л. Произведения искусства трех древних культур из бухты Бойсмана (находки 2001–2002 годов) // Древности Приморья и Приамурья в контексте тихоокеанской археологии. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2003. – С. 10–32.

Бродянский Д. Л. Древнее искусство и его исследователи (очерки, статьи, доклады). – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2010. – 180 с.

Бродянский Д. Л., Гарковик А. В., Крупяно А. А. Древнейшие произведения искусства в Приморье и Приамурье // Мир древних образов на Дальнем Востоке. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1998. – С. 5–18.

Бунькова А. А. Керамика с фигурными налечами из фондов Нижнетагильского музея-заповедника // Тагильский вестник: Историко-культурное наследие родного края: изучение, сохранение и популяризация: Историко-краеведческий альманах. – Вып. 6. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2010. – С. 193–208.

Буров Г. М. Вычегодский край. – М.: Наука, 1965. – 198 с.

Буров Г. М. Археологическая разведка 1963 г. в зоне затопления будущего Усть-Куломского водохранилища // Древние поселения на Печоре и Вычегде. Отчеты о работах 1963 г. в зоне затопления Усть-Войского и Усть-Куломского водохранилищ. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1965а. – С. 139–159.

Буров Г. М. Древний Синдор. – М.: Наука, 1967. – 220 с.

Буров Г. М. Фрагменты саней с поселений Вис I (мезолит) и Вис II (I тыс. до н. э.) // Советская археология. – 1981. – № 2. – С. 117–131.

Буров Г. М. Искусство Крайнего Северо-Востока Европы в эпоху неолита – раннего металла и его семантика // Наскальные рисунки Евразии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 14–28.

Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.) – Л.: Наука, 1969. – 304 с.

Васильев С. А. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). – СПб.: «Европейский дом», 1996. – 213 с.

Васильев И. Б., Матвеева Г. И. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // Советская археология. – 1979. – № 4. – С. 147–166.

Васильева Н. Б. Чурина с мезолитической стоянки Котовский Мыс на оз. Кумзеро // Каменный век Европейского Севера. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2007. – С. 74–83.

Васильева Н. Б., Иванищев А. М., Иванищева М. В., Чернышов В. И. Использование охры на поселении Тудозеро V // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Доклады 11-й научной конференции. – Том XI. – Сыктывкар: Геопринт, 2008. – С. 126–133.

Викторова В. Д. Раскопки жилищ по берегам Андреевского озера // Археологические открытия 1975 года – М.: Наука, 1976. – С. 226–227.

Викторова В. Д. Коптяковская культура в горно-лесном Зауралье // III Берсовские чтения: к 95-летию А. А. Берса и 90-летию Е. М. Берс: материалы научно-практической конференции. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. – С. 49–54.

Викторова В. Д. Мифы на сосудах // Северный Археологический Конгресс. Доклады. – Екатеринбург: «Академкнига», 2002. – С. 80–94.

Викторова В. Д. Святилище боборыкинской культуры на памятнике Палатки I // Вопросы археологии Урала. – Вып. 24. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002а. – С. 46–66.

Викторова В. Д. Пряслица в мифо-ритуальной практике народов Урала в раннем железном веке // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: Материалы международной научной конференции. – Пермь: ООО «Форвард-С», 2003. – С. 194–197.

Викторова В. Д. Культовые озерные памятники // Культовые памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – С. 144–157.

Викторова В. Д. Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). – Екатеринбург: изд-во КВАДРАТ, 2008. – 208 с.

Викторова В. Д. Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев реки Исети (эпоха раннего металла) // Наука. Общество. Человек. Вестник Уральского отделения РАН. – 2008а. – № 1 (23). – С. 31–45.

Викторова В. Д., Кернер В. Ф. «Утюжки» с неолитических и энеолитических памятников Зауралья // Вопросы археологии Урала. – Вып. 23. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. – С. 63–80.

Викторова В. Д., Колмакова В. В., Федорова А. Ю. И разные народы побывали здесь... // Образы и сакральное пространство древних эпох. – Екатеринбург: «Аква-Пресс», 2003. – С. 9–20.

Викторова В. Д., Непомнящая О. В. «Пряслица» с памятников иткульского металлургического очага // Пятые Берсовские чтения. – Екатеринбург: Издательство КВАДРАТ, 2006. – С. 130–143.

Викторова В. Д., Чаиркина Н. М., Широков В. Н. Гора и водоплавающая птица в мировидении древнего уральского населения // Уральский исторический вестник. – 1997. – № 4. – С. 40–64.

Волков П. В. Странные особенности палеолитического инструментария // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 3. Парадоксы археологии. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 2004. – С. 47–53.

Волков Р. Б. Рекогносцировочные раскопки на многослойном поселении Кокшаровское Поле // Археологические открытия 2000 года. – М.: Наука, 2001. – С. 158.

Волков Р. Б., Широков В. Н., Улитко А. И. Изделия из кости, бивня и рога с верхнепалеолитической стоянки в гроте Бобылек // Российская археология. – 2007. – № 4. – С. 102–106.

Волкова Ю. С. Искусство малых форм Северной Азии в эпоху верхнего палеолита: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2011.

Волокитина Н. А. Акварнитоморфные образы в традиционной культуре коми (зырян): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2010.

Гаврилова И. В. Зооморфные изображения на керамике Федоровского поселения // Краткие сообщения Института Археологии. – Вып. 131. – 1972. – С. 115–118.

Гаджиева Е. А. Идолы VI разреза Горбуновского торфяника (несколько замечаний по вопросу культурно-хронологической принадлежности) // Четвертые Берсовские чтения. – Екатеринбург: ООО «АКВА-ПРЕСС», 2004. – С. 91–99.

Галимова М. Ш. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье реки Камы. – М.: Янус-К, 2001. – 267 с.

Гарковик А. В. Предметы мелкой пластики как отражение некоторых сторон духовной жизни древних обществ // Мир древних образов на Дальнем Востоке. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1998. – С. 49–59.

Гемуев И. Н. Некоторые аспекты культа медведя и их археологические параллели // Урало-алтаистика: Археология. Этнография. Язык. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 137–143.

Гемуев И. Н., Бауло А. В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 240 с.

Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Культовые места (XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1986. – 192 с.

Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегандинская культура (III в. до н. э. – II в. н. э.) // Вопросы археологии Урала. – Вып. 10. – Ижевск – Свердловск, 1970. – 257 с.

Герасименко А. А. Древний календарь и календарная мифология населения Среднего Зауралья (опыт интерпретации одной находки) // Четвертые Берсовские чтения. – Екатеринбург: ООО «АКВА-ПРЕСС», 2004. – С. 83–90.

Гиря Е. Ю. О статистической природе выделения следов «человеческой» деятельности // Развитие культуры в каменном веке. Краткое содержание докладов на Международной конференции, посвященной 100-летию Отдела археологии МАЭ. – СПб.: МАЭ РАН, 1997. – С. 84–86.

Головнев А. В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.

Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 1999. – 464 с.

Горячев В. М. Древесно-кольцевой анализ отдельных частей «идола» из Шигирского торфяника // III Берсовские чтения. Материалы научно-практической конференции. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. – С. 45–49.

Гришин Ю. С. Каменное навершие жезла из г. Канска (Красноярский край) // Советская археология. – 1984. – № 2. – С. 230–231.

Гуляева Ю. П., Кореньюк С. Н. Соляная символика на изделиях ананьинской культуры (VIII–III вв. до н. э.) // Полевой симпозиум «Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». – Пермь: Изд-во Соликамского гос. пед. ин-та, 1996. – С. 24–26.

- Гурвич И. С. Культ священных камней в тундровой зоне Евразии // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 230–239.
- Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник // МИА. – № 47. – 1956. – 430 с.
- Гурина Н. Н. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен // КСИА. – Вып. 131. – 1972. – С. 36–45.
- Гусенцова Т. М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск: Изд-во УдГУ, 1993. – 240 с.
- Данилов Д. Б., Сериков Ю. Б. Реконструкция токарного станка каменного века // Современные экспериментально-трассологические и технико-технологические разработки в археологии. Первые Семеновские чтения. Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. А. Семенова. – СПб.: «Фирма ВЛАС», 1999. – С. 151–153.
- Демещенко С. А. Зооморфная скульптура из верхнепалеолитических коллекций МАЭ // Развитие культуры в каменном веке. Краткое содержание докладов на международной конференции, посвященной 100-летию Отдела археологии МАЭ. – СПб.: МАЭ РАН, 1997. – С. 92–94.
- Демещенко С. А. К вопросу об интерпретации одной поделки из Костенок I // Вестник Сибирской Ассоциации Исследователей Первобытного Искусства. – Вып. 1. – 1998. – С. 17–18.
- Демещенко С. А. Относительная хронология палеолитического искусства малых форм и художественно-стилистические традиции // Международная конференция по первобытному искусству. – Т. 1. – Кемерово: «НИКАЛС», 1999. – С. 96–109.
- Демещенко С. А. Особенности украшений костенковско-авдеевской культуры // Российская археология. – 2006. – № 1. – С. 5–16.
- Демещенко С. А. Специфика образности в палеолитическом искусстве // Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии: материалы научной конференции. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – С. 33–39.
- Денисов В. П., Мельничук А. Ф. Комплекс памятников эпохи неолита и палеометалла у деревни Рычино в Сарапульском районе Удмуртской республики // Научные труды национального парка «Нечкинский». – Вып. 2. – Ижевск: Парадигма, 2013. – С. 3–26.
- Деревянко А. П., Рыбин Е. П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – С. 232–255.
- Диков Н. Н. Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1993. – 68 с.
- Древние культуры и этносы Самарского Поволжья. – Самара: Самарское книжное издательство, 2007. – 416 с.
- Дрябина Л. А. Глиняная скульптура Андреевского озера // Конференция «Художественный музей: Коллекции, культура края». Сб. статей и тез. – Тюмень, 1993. – С. 7–10.
- Дубровский Д. К., Грачев В. Ю. Уральские писаницы в мировом наскальном искусстве. – Екатеринбург: ООО «Грачев и партнеры», 2010. – 213 с.
- Дэвлет Е. Г. Альтамира: у истоков искусства. – М.: Алетейа, 2004. – 280 с.
- Дэвлет М. А. Изображения шаманов и их атрибутов на скалах Саянского каньона Енисея // Международная конференция по первобытному искусству. Труды. – Т. 1. – Кемерово: «НИКАЛС», 1999. – С. 224–231.
- Дэвлет М. А., Дэвлет Е. Г. Изображения шаманов в наскальном искусстве // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Тезисы докладов юбилейной конференции, посвященной 60-летию кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1999. – С. 86–89.

Евдокимов Г. Л. К вопросу о черепах-масках из погребений эпохи ранней бронзы степной зоны Украины // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: Тезисы докладов всесоюзного семинара. – Запорожье, 1990. – С. 18–20.

Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. – Прага: изд-во Артис, 1985. – 560 с.

Ерохин Н. Г., Тихонова Н. Р., Волков Р. Б. Першинская I пещера – стратифицированный археологический памятник в Среднем Зауралье (каменный век – поздний железный век) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Вып. 1. – Екатеринбург: изд-во «Екатеринбург», 1997. – С. 61–69.

Ефименко П. П. Костенки I. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 450 с.

Жилин М. Г. Отчет о работах в Свердловской области в 2007 г. // Архив ИА РАН. – 3-1.

Жилин М. Г., Савченко С. Н. Торфяниковые памятники мезолита и раннего неолита Зауралья: опыт и перспективы комплексного исследования // Тагильский вестник: Историко-культурное наследие родного края: изучение, сохранение и популяризация: Историко-краеведческий альманах. – Вып. 6. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2010. – С. 30–42.

Жилин М. Г., Савченко С. Н., Сериков Ю. Б., Косинская Л. Л., Косинцев П. А. Мезолитические памятники Кокшаровского торфяника. – М.: «Воскресенская типография», 2012. – 214 с.

Жилина И. В., Петрин В. Т. Оригинальная индустрия из Кыштымского озерного края (к проблеме появления культовых мест на Урале) // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытнообщинного строя. Информационные материалы. – Свердловск: УрО РАН, 1989. – С. 46–48.

Житенев В. С. Череп пещерного медведя (*URSUS SPELAEUS*) с нарезками и следами охры из пещеры Сикийз-Тамак I (Южный Урал) // Современные проблемы археологии России. – Т. I. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2006. – С. 201–203.

Жульников А. М. Петроглифы Карелии: образ мира и миры образов. – Петрозаводск: Скандинавия, 2006. – 224 с.

Замятнин С. Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // Советская археология. – Т. X. – 1948. – С. 85–123.

Зах В. А. Многослойное поселение Паром 1 у Салехарда // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Вып. 1. – Тюмень, 1997. – С. 24–34.

Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. – № 30. – 1952. – 326 с.

Золотые олени Евразии. Каталог выставки. – СПб.: «НП-Принт», 2001. – 247 с.

Зубов С. Э. Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры // Уфимский археологический вестник. – Уфа, 2007. – Вып. 6–7. – С. 72–88.

Иванов С. В. Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX в. – Л.: Наука, 1970. – 296 с.

Иванова М. Г., Куликов К. И. Древнее искусство Удмуртии: Альбом. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2000. – 216 с.

Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции. – СПб.: СПбГУ, 2004. – 350 с.

Инешин Е. М., Ревенко А. Г., Секерин А. П. Использование экзотических пород в культурах каменного века бассейна Витима // Археоминералогия и ранняя история минералогии: материалы Международного семинара. – Сыктывкар: Геопринт, 2005. – С. 33–35.

Искусство каменного века (лесная зона Восточной Европы). – М.: Наука, 1992. – 136 с.

Казаков Е. П. Неолитические погребения в восточных районах Татарии // Советская археология. – 1978. – № 2. – С. 165–177.

Казаков Е. П. Памятники эпохи камня в Закамье (Археологический очерк). – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2011. – 180 с.

Кайдалов А. И., Сечко Е. А. Материалы переходного времени от бронзы к железу городища Усть-Утяк 1 (по результатам исследований 2002–2004 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2006. – № 7. – С. 76–84.

Калинин Е. П., Конаков Н. Д. Традиционные системы природопользования и горные промыслы народа коми // Археоминералогия и ранняя история минералогии: материалы Международного семинара. – Сыктывкар: Геопринт, 2005. – С. 110–111.

Калинина И. В. Оппозиция культурное/природное в археологии и культурологии (Функции предметов естественного происхождения в археологической культуре. Вопросы методологии и теории первобытной культуры) // Тверской археологический сборник. – Вып. 3. – Тверь: Тверская областная типография, 1998. – С. 11–20.

Калинина И. В. Орнаменты на мезолитических наконечниках стрел из пещеры «Камень Дыроватый» // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. – Пермь: ООО «Форвард-С», 2003. – С. 200–201.

Калинина И. В. Орнаментальные композиции на мезолитических наконечниках стрел в связи с культовым характером пещеры Камень Дыроватый // Тверской археологический сборник. – Вып. 6. – Т. I. – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2006. – С. 393–402.

Калинина И. В. Мезолитический субстрат в орнаментальной традиции обских угров // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. – Екатеринбург – Сургут: издательство «Магеллан», 2007. – С. 106–124.

Калинина И. В. Орнаментальные «знаки-метки» и «граффити» на мезолитических наконечниках стрел из пещеры Камень Дыроватый на р. Чусовой // Тверской археологический сборник. Вып. 7. Материалы 9-го–11-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2009. – С. 351–372.

Калинина И. В. Очерки по исторической семантике. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009а. – 272 с.

Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул: Изд-во Азбука, 2007. – 156 с.

Карманов В. Н. Мелкая пластика европейского Северо-Востока // Ученые записки Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Общественные науки. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2006. – С. 61–70.

Карманов В. Н., Семенов В. А. Миниатюрная кремневая скульптура на памятниках Европейского Северо-Востока // Археология в пути или путь археолога. Часть 2. Археология в пути... – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2001. – С. 113–119.

Кашина Е. А. Антропоморфные изображения из глины в неолите-энеолите лесной зоны Восточной Европы // Российская археология. – 2004. – № 3. – С. 20–32.

Кашина Е. А. Искусство малых форм неолита-энеолита лесной зоны Восточной Европы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2005.

Кашина Е. А. Наборы лепных зооморфных скульптур в неолите-энеолите лесной зоны Восточной Европы и Финляндии // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. – Екатеринбург – Сургут: издательство «Магеллан», 2007. – С. 125–135.

Кашина Е. А., Чаиркина Н. М. Деревянная посуда с навершиями в виде голов водоплавающих птиц на территории Зауралья, лесной зоны Восточной и Северной Европы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 157–169.

Кашина Е. А., Чаиркина Н. М. Орнаментированные берестяные изделия VI разреза Горбуновского торфяника // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 1. – С. 41–48.

- Кернер В. Ф.* Поселение Исетское правобережное // Неолитические памятники Урала. – Свердловск: УрО АН СССР, 1991. – С. 46–67.
- Кернер В. Ф., Чаиркина Н. М., Савченко С. Н.* Поселение Малый Шарташ III // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Вып. 3. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. – С. 83–97.
- Кирьяк М. А.* Образ медведя в мелкой каменной скульптуре Чукотки (древние памятники искусства малых форм) // Мир древних образов на Дальнем Востоке. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1998. – С. 80–91.
- Кирьяк (Дикова) М. А.* Древнее искусство Севера Дальнего Востока как исторический источник (Каменный век). – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2000. – 288 с.
- Кирьяк (Дикова) М. А.* Древнее искусство Севера Дальнего Востока как исторический источник (Каменный век): 2-е изд., испр. и доп. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2003. – 278 с.
- Кирьяк (Дикова) М. А.* Загадочный мир древних граффити: по материалам поздне-неолитической стоянки Раучувагытгын. – Магадан: Кордис, 2012. – 167 с.
- Клер О. Е.* Предварительная заметка об открытии изображений животных на сосуде неолитической эпохи на Урале // Записки УОЛЕ. – 1900. – Т. XXII. – С. 224–227.
- Ковалева В. Т.* Энеолит Среднего Зауралья: Андреевская культура. – Препринт. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. – 62 с.
- Ковалева В. Т.* Скрытые символы древнего знания // Уральский исторический вестник. – 1997 – № 4. – С. 65–75.
- Ковалева В. Т.* Архаичные модели мироздания зауральского населения (по археологическим источникам) // Вопросы археологии Урала. – Вып. 24. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. – С. 4–24.
- Ковалева В. Т.* Образ мира населения аятской культуры (по орнаментах на сосудах) // Четвертые Берсовские чтения. – Екатеринбург: ООО «АКВА-ПРЕСС», 2004. – С. 76–82.
- Ковалева В. Т., Арефьев В. А.* О семантике сосудов с рельефными зооморфными изображениями // Вопросы археологии Урала. – Вып. 21. – Екатеринбург: УрГУ, 1993. – С. 107–119.
- Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю.* О семантике обряда у камня Дыроватого и образа водоплавающей птицы на энеолитической посуде в Зауралье // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т. М. Потемкиной). – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. – С. 50–55.
- Ковалева В. Т., Шилов С. Н.* Прообраз Индры: об интерпретации антропоморфного изображения на сосуде // Вопросы археологии Урала. – Вып. 24. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. – С. 119–126.
- Кожевникова Д. В.* Фоноинструменты в каменном веке на территории Северной Евразии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2013.
- Кокшаров С. Ф.* Опыт реконструкции некоторых мифологических представлений кондинского населения эпохи энеолита // Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала. – Препринт. – Свердловск: УрО АН СССР, 1990. – С. 4–28.
- Комарова М. Н.* Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 76–90.
- Корневский С. Н.* Особенности погребальной практики протоямного культурного типа в сравнении с погребальными традициями положения вещей майкопско-новосвободенской общности // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. – Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2009. – С. 27–48.
- Коренюк С. Н.* Образ волка-собаки в искусстве населения Прикамья в раннем железном веке // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: Материа-

- лы международной научной конференции. – Пермь: ООО «Форвард-С», 2003. – С. 203–205.
- Корепанов К. И.* Музыкальные инструменты эпохи железа Волго-Камского региона VIII века до н. э. – III века н. э. – Уфа: Изд-во БЭК, 1998. – 24 с.
- Корепанов К. И., Обыденнов М. Ф.* Новые материалы по искусству и духовной культуре древнего населения Башкортостана (эпохи камня и бронзы) // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. – Вып. I. – Уфа, 1995. – С. 24–36.
- Король Г. Г.* Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. – М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 332 с.
- Косарев М. Ф.* Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам. – М.: Ладога, 2003. – 352 с.
- Косарев М. Ф., Кифишин А. Г.* Глиняные таблички Горбуновского торфяника // Жертвоприношение: Ритуал в культуре и искусстве от древности и до наших дней. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 272–273.
- Костылева Е. Л., Уткин А. В.* Произведения изобразительного искусства VI–III тыс. до н. э. из собрания Археологического музея ИвГУ. Каталог. – Иваново, 2007. – 40 с.
- Котов В. Г.* Хтоническая мифология населения Южного Урала (К вопросу о реконструкции хтонических культов по данным археологии, этнографии и фольклора): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Уфа, 1999.
- Котов В. Г.* Методологические принципы анализа каменных орудий // Современные экспериментально-трассологические и технико-технологические разработки в археологии. Первые Семеновские чтения. Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. А. Семенова. – СПб.: Фирма ВЛАС, 1999а. – С. 7–9.
- Котов В. Г.* Семантика пряслиц ананьинской культуры // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: Материалы международной научной конференции. – Пермь: ООО «Форвард-С», 2003. – С. 201–202.
- Котов В. Г.* Исследование палеолитического слоя в пещере Байсланташ (Акбутинская). Предварительные итоги // Уфимский археологический вестник. – 2004. – Вып. 5. – С. 36–55.
- Котов В. Г.* Семантика пряслиц кара-абызской культуры раннего железного века Приуралья // Уфимский археологический вестник. – 2010. – Вып. 10. – С. 36–55.
- Котов В. Г.* Скульптуры на основе естественных форм в палеолите Урала // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. – Кн. 1. – СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. – С. 179–184.
- Котов В. Г., Кадыров И. Ф.* Каменные наверхия из Кушнаренковского историко-краеведческого музея // «Наследие веков». Выпуск 2. Материалы Региональной научно-практической конференции «Историческое краеведение в Башкортостане: история и современность», посвященной 100-летию со дня рождения краеведа-археолога Анисима Павловича Шокурова. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – С. 161–165.
- Котов В. Г., Савельев Н. С.* Энеолитическая стоянка Сабакты-8 в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. – 2007. – № 6–7. – С. 12–18.
- Котов В. Г., Ляхницкий Ю. С., Пиотровский Ю. Ю.* Методика нанесения и состав красочного слоя рисунков пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Уфимский археологический вестник. – Вып. 5. – Уфа, 2004. – С. 65–71.
- Краткий словарь украшений* / авт.-сост. Т. В. Летягова, Н. Н. Романова, А. В. Филиппов; под ред. О. Я. Гойхмана. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 136 с.

Культурные связи населения Европейского Северо-Востока в древности и средневековье: Материалы по археологии Европейского Северо-Востока // Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2013. – Вып. 18. – 164 с.

Кунгурова Н. Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2005. – 128 с.

Кунгурова Н. Ю., Мамадаков Ю. Т. Каменный «утюжок» из Горного Алтая // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 125–128.

Лаушкин К. Д. Онежское святилище. Ч. II (Опыт новой расшифровки некоторых петроглифов Карелии) // Скандинавский сборник. – Т. V. Таллин: Эстонское государственное издательство, 1962. – С. 238–254.

Леонова Н. Б., Несмеянов С. А., Виноградова Е. А., Воейкова О. А., Гвоздовер М. Д., Миньков Е. В., Спиридонова Е. А., Сычева С. А. Палеоэкология равнинного палеолита (на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье). – М.: Новый мир, 2006. – 360 с.

Лбова Л. В., Жамбалтарова Е. Д., Конев В. П. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2008. – 248 с.

Лбова Л. В., Табарев А. В. Культура, искусство, ритуал. Происхождение и ранние этапы: Учебное пособие. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2009. – 142 с.

Литвиненко Ю. П., Сериков Ю. Б. Новые находки произведений первобытного искусства на территории Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. – Вып. 23. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. – С. 216–227.

Логвин А. Г., Шевнина И. В. Погребения каменного века могильника Бестамак // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. – Оренбург, 2009. – С. 142–151.

Лозовский В. М. Искусство мезолита–раннего неолита Волго-Окского междуречья (по материалам стоянки Замостье-2) // Древности Залесского края: материалы к международной конференции «Каменный век европейских равнин». – Сергиев Посад, 1997. – С. 33–51.

Ляхницкий Ю. С. Сокровище палеолита. – Уфа: Китап, 2008. – 188 с.

Ляхницкий Ю. С., Солодейников А. К. Результаты исследования рисунков пещеры Шульган-Таш (Каповой) группой ВСЕГЕИ в 2001–2004 гг. // Уфимский археологический вестник. – Вып. 5. – Уфа, 2004. – С. 56–64.

Мажитов Н. А., Сунгатов Ф. А., Султанова А. Н. Сокровища древней Уфы. – Уфа: ГУП «ГРИ «Башкортостан», 2008. – 112 с.

Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочанов (конец XIX – начало XX вв.). – Новосибирск: Наука, 1984. – 201 с.

Макаров Э. Ю., Павлов П. Ю. Стоянка Широфаново II – новый памятник позднего палеолита в бассейне Верхней Камы // Каменный век Европейского Севера. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2007. – С. 7–21.

Мальтинское палеолитическое местонахождение: (по итогам полевых работ 1995 года). – Иркутск: Арком, 1996. – 32 с.

Матвеев А. В. Затерянный мир Ингальской долины. – Тюмень : ОАО «Тюменский Дом печати», 2004. – 144 с.

Матвеев А. В., Зах В. А., Волков Е. Н. Исследование энеолитического могильника Бузан 3 в Ингальской долине // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Вып. 1. – Тюмень, 1997. – С. 155–158.

Матвеева Н. П. Антропоморфные фигурки из раскопок у Андреевского озера // Советская археология. – 1985. – № 2. – С. 223–224.

Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. – М.: Наука, 1982. – 324 с.

- Матюшин Г. Н.* Поселение Муллино III в Приуралье // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1982а. – С. 36–64.
- Медникова М. Б.* Трепанация у древних народов Евразии. – М.: Научный мир, 2001. – 304 с.
- Медникова М. Б.* Неизгладимые знаки: татуировка как исторический источник. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – 216 с.
- Международная конференция по первобытному искусству: тезисы докладов.* – Кемерово: «НИКАЛС», 1998. – 188 с.
- Международная конференция по первобытному искусству: труды.* – Т. I. – Кемерово: «НИКАЛС», 1999. – 308 с.
- Международная конференция по первобытному искусству: труды.* – Т. II. – Кемерово: «НИКАЛС», 2000. – 259 с.
- Мельников И. В.* Святилища древней Карелии. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1998. – 134 с.
- Мельничук А. Ф., Берсенева О. Е., Кузьминых С. Ю.* Новейшие исследования Деменковского некрополя в Верхнем Прикамье (предварительные итоги) // Региональные, социокультурные, политические и экономические процессы: опыт и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Березники, 2008. – С. 188–196.
- Мельничук А. Ф., Павлов П. Ю.* Стоянка Горная Талица на р. Чусовой и проблема раннего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. – Ижевск: Республиканская типография Гос. комитета Удмуртской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 1987. – С. 5–18.
- Мельничук А. Ф., Пономарева Л. В.* Неолитическая стоянка Чашкинское озеро VI // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. – Ижевск: НИИ при Совете Министров Удм. АССР, 1984. – С. 44–57.
- Мир древних образов на Дальнем Востоке.* – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. – 182 с.
- Мириманов В. Б.* Искусство и миф. Центральный образ картины мира. – М.: Согласие, 1997. – 327 с.
- Молодин В. И., Чемякина М. А.* Орнитоморфные навершия одиновской культуры (Западносибирская лесостепь) // Уральский исторический вестник. – 2010. – № 1 (26). – С. 5–14.
- Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Дегтярева А. Д., Евгеньев А. А., Купцова Л. В., Салугина Н. П., Хохлова О. С., Хохлов А. А.* Скворцовский курганный могильник. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. – 160 с.
- Морозов А. В.* Мелкая пластика эпохи неолита–энеолита на территории Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2010.
- Морозов Ю. А.* Кара-Якуповская энеолитическая стоянка // Эпоха меди юга Восточной Европы. – Куйбышев: ПИ Год, 1984. – С. 43–58.
- Мошинская В. И.* О зауральских зооморфных изображениях, связанных с глиняной посудой (К вопросу о древних контактах в уральской среде) // Проблемы археологии и древней истории угров. – М.: Наука, 1972. – С. 56–65.
- Мошинская В. И.* Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. – М.: Наука, 1976. – 132 с.
- Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири.* – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. – 104 с.
- Недомолкина Н. Г.* Сухонские кремневые фигурки // Тверской археологический сборник. – Вып. 4. – Т. 1. – Тверь: Тверская областная типография, 2000. – С. 224–232.
- Никитин В. В.* Каменный век Марийского края. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 1996. – 177 с.

Никитин В. В. К вопросу о месте и назначении каменных «орудий» со сверленным отверстием в древнем погребальном обряде // Тверской археологический сборник. – Тверь: Тверская областная типография, 2000. – Вып. 4. – Том I. – С. 213–216.

Никитин В. В., Никитина Т. Б. К истокам марийского искусства: Научное издание. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. – 152 с.

Носкова Л. В., Карачаров К. Г. Энеолитический могильник Старые Покачи 5.1 на реке Аган // Барсова Гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург – Сургут: Уральское издательство, 2008. – С. 146–169.

Носкова Л. В., Шорин А. Ф. Скульптурные изображения на неолитических сосудах Кокшаровского холма // Миф и символ в прошлом и настоящем. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2007. – С. 22–27.

Образы времени: Из истории древнего искусства. К 80-летию С. В. Студзицкой. – Труды ГИМ. – М., 2012. – Вып. 189. – 192 с.

Обыденнов М. Ф., Корепанов К. И. Искусство Урала и Прикамья. Часть I. Эпоха камня и бронзы. – Уфа: Изд-во БЭК, 1997. – 91 с.

Обыденнов М. Ф., Корепанов К. И. Человек в искусстве Урала, Прикамья и Среднего Поволжья. – Уфа: изд-во «Юрика» Юридического колледжа, 2001. – 235 с.

Обыденнов М. Ф., Корепанов К. И. История изобразительного искусства Урало-Поволжского региона. С древнейших времен до середины XVIII века. Учебное пособие. – Уфа: Изд-во «Юрика», 2002. – 354 с.

Обыденнов М. Ф., Корепанов К. И. Искусство Урала и Прикамья. Часть III. Эпоха железа VIII в. до н. э. – III в. н. э. Учебное пособие. – Уфа: Изд-во «Юрика», 2002а. – 204 с.

Обыденнов М. Ф., Корепанов К. И. Средневековое искусство Урала и Прикамья. Учебное пособие. – Уфа: «Юрика», 2004. – 179 с.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III // МИА. – 1955. – Вып. 43. – 373 с.

Окладников А. П. Неолитические памятники Нижней Ангары. – Новосибирск: Наука, 1976. – 328 с.

Окладников А. П., Мартынов А. И. Сокровища Томских писаниц. – М.: «Искусство», 1972. – 296 с.

Оськин А. К проблеме интерпретации археологического музыкального инструментария // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка. – Часть 1. – М.: Советский композитор, 1987. – С. 148–156.

Отрощенко В. В. О функции колесовидных дисков эпохи поздней бронзы // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А. А. Формозова). – М.: ИА РАН, 2004. – С. 224–227.

Очерки культуuroгенеза народов Западной Сибири. Том 2. Мир реальный и потусторонний. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1994. – 475 с.

Ошибкина С. В. Поселение Юртик на Средней Вятке // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. – М.: Наука, 1976. – С. 176–192.

Ошибкина С. В. Поселение Юртик. Результаты исследований // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. – Ижевск: Изд-во НИИ при Сов. Мин-в Удм. АССР, 1980. – С. 29–69.

Ошибкина С. В. Мезолит бассейна р. Вятки // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. – Ижевск: НИИ при СМ Удмуртской АССР, 1984. – С. 3–21.

Ошибкина С. В. Кремневая скульптура из Джанбас 12 в Средней Азии // Тверской археологический сборник. – Вып. 4. – Т. 1. – Тверь: Тверская областная типография, 2000. – С. 233–235.

Ошибкина С. В. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. – М.: ИА РАН, 2006. – 324 с.

- Павлов П. Ю. Палеолитические памятники Северо-Востока Европейской части России. – Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 1996. – 212 с.
- Павлов П. Ю. Ранняя пора верхнего палеолита на Северо-Востоке Европы (по материалам стоянки Заозерье). Препринт. – Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2004. – 36 с.
- Палеолит Енисея. Лиственка. – Красноярск – Новосибирск: «Универс», 2005. – 180 с.
- Панина С. Н. Итоги полевых исследований Свердловского краеведческого музея (1977–1997) // III Берсовские чтения. Материалы научно-практической конференции. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. – С. 20–29.
- Панина С. Н. Культовые предметы в собрании археологических коллекций Свердловского областного краеведческого музея // Культовые памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – С. 255–256.
- Панина С. Н. Елизаветинский тип керамики. К постановке проблемы // Четвертые Берсовские чтения. – Екатеринбург: ООО «АКВА-ПРЕСС», 2004а. – С. 29–44.
- Панина С. Н. Археологические исследования на Усть-Вагильском холме (2005–2006 гг.) // Вопросы археологии Урала. – Вып. 25. – Екатеринбург – Сургут: изд-во «Магеллан», 2008. – С. 137–146.
- Паранина Г. Н. Отражение пространства–времени в древнем культурном наследии Урала // Шестые Берсовские чтения. – Екатеринбург: Изд-во КВАДРАТ, 2011. – С. 164–170.
- Паришуков Ю. В. Отчет Печоро-Вычегодской археологической группы о работах в Усть-Куломском, Сыктывдинском и Сосногорском районах Республики Коми в 2001 г. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. – Ф. 2. – Оп. 2 – Д. 586.
- Первобытная археология. Человек и искусство. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию со дня рождения Якова Абрамовича Шера. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2002. – 204 с.
- Первобытное искусство Евразии: Библиографический указатель (1952 – март 2001 гг.). – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2002. – 56 с.
- Петрин В. Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. – Новосибирск: Наука, 1992. – 207 с.
- Петрин В. Т., Смирнов Н. Г. Палеолитические памятники в гротах Среднего Урала и некоторые вопросы палеолитоведения Урала // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1977. – С. 56–71.
- Петрин В. Т., Усачева И. В. Антропоморфная скульптура эпохи неолита с Южного Урала // Образы и сакральное пространство древних эпох. – Екатеринбург: «Аква-Пресс», 2003. – С. 83–86.
- Петрин В. Т., Усачева И. В. Каменные навершия с оз. Аргазы // Культовые памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – С. 257–258.
- Петрин В. Т., Шорин А. Ф. Антропоморфная скульптура эпохи бронзы с Южного Урала // Советская археология. – 1980. – № 2. – С. 226–228.
- Пидопличко И. Г. Межиричские жилища из костей мамонта. – Киев: Наукова думка, 1976. – 240 с.
- Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Никольский П. А., Иванова В. В. Символическая деятельность верхнепалеолитического населения арктической Сибири (бусы и подвески янской стоянки) // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. – С. 35–51.
- Погожева А. П. Могильник афанасьевской культуры Урускин лог-1 (Каракол-1) // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 23–43.
- Погорелов С. Н. Весла из торфяниковых памятников Среднего Урала // Вопросы археологии Урала. – Вып. 23. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. – С. 228–240.

- Погорелов С. Н.* Деревянная посуда из торфяниковых памятников Среднего Урала // Уральский исторический вестник. – 2002. – № 8. – С. 123–141.
- Погорелов С. Н.* Культовая деревянная посуда из торфяниковых памятников Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. – Вып. 24. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002а. – С. 151–164.
- Погорелов С. Н.* Скульптурные навершия изделий из органики (по материалам торфяниковых памятников Среднего Урала) // Древности Горбуновского торфяника. Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Вып. 6. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2010. – С. 182–185.
- Позднепалеолитическое поселение Сунгирь* (погребения и окружающая среда). – М.: Научный мир, 1998. – 272 с.
- Праслов Н. Д.* О керамике эпохи верхнего палеолита в Северной Евразии // Археологические вести. – Вып. 1. – 1992. – С. 28–39.
- Праслов Н. Д.* Краски в палеолитическом искусстве // Пещерный палеолит Урала: Материалы международной конференции. – Уфа: ГП «ПРИНТ», 1997. – С. 81–84.
- Проблемы изучения первобытного искусства. Материалы дискуссии.* // Археология, этнография и антропология Евразии. Специальный выпуск. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 372 с.
- Произведения изобразительного искусства VI–III тыс. до н. э. из собрания Археологического музея ИвГУ: Каталог.* – Иваново: ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет», 2007. – 40 с.
- Прокофьева Е. Д.* Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // Сборник МАЭ. – Т. XI. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 335–375.
- Прокошев Н. А.* Район реки Чусовой // Известия ГАИМК. – Л., 1935. – Вып. 109. – С. 176–187.
- Раушенбах В. М.* Женская статуэтка со стоянки Березовый мыс // МИА. – Вып. 130. – 1965. – С. 65–68.
- Раушенбах В. М.* Новое поселение эпохи неолита в Среднем Зауралье // Труды ГИМ. – Вып. 40. – М., 1966. – С. 15–28.
- Резников Е. Д.* Звуковой размер пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Природное и культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс». – Уфа: Изд-во ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. – С. 85–96.
- Рогачев А. Н., Аникович М. В.* Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Археология СССР. Палеолит СССР. – М.: Наука, 1984. – С. 162–271.
- Россадович А. И., Сериков Ю. Б., Старков В. Ф.* Древнейшая скульптура лесного Зауралья // Советская археология. – 1976. – № 4. – С. 185–190.
- Руссо А.* Глоссарий палеолитического искусства. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. – 80 с.
- Рыбаков Б. А.* Происхождение и семантика ромбического орнамента // Музей народного искусства и художественные промыслы: сб. трудов НИИХП. – Вып. 5. – М.: Изобразительное искусство, 1972. – С. 127–134.
- Рыжкова О. В., Устинова Е. А.* История исследования археологических памятников Горбуновского торфяника // Древности Горбуновского торфяника. Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Вып. 6. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2010. – С. 6–30.
- Савинов Д. Г., Новиков А. В., Росляков С. Г.* Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 424 с.
- Савченко С. Н.* История формирования коллекции Шигирских древностей в Свердловском областном краеведческом музее // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В. Ф. Генинга. Часть 1. Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. – С. 46–53.

Савченко С. Н. Кинжалы и ножи из кости и рога в Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. – М.: Academia, 2005. – С. 212–237.

Савченко С. Н. Мезолитические наконечники стрел восточноевропейских типов в Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея // Тверской археологический сборник. – Вып. 6. – Т. I. – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2006. – С. 214–223.

Савченко С. Н. Костяные цельные рыболовные крючки в каменном веке Среднего Зауралья // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Материалы 13–15 заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2013. – С. 218–221.

Савченко С. Н. Преемственность и инновации в развитии костяной индустрии мезолита горнолесного Зауралья // Stratum plus. – 2014. – № 1. – С. 181–208.

Савченко С. Н., Жилин М. Г. О новых деталях изображений Большого Шигирского идола // Четвертые Берсовские чтения. – Екатеринбург: ООО «АКВА-ПРЕСС», 2004. – С. 130–135.

Савченко С. Н., Ромен О. Шигирская коллекция барона де Бая в Музее Человека (Париж, Франция) // Шестые Берсовские чтения. – Екатеринбург: Изд-во КВАДРАТ, 2011. – С. 250–259.

Сагалаев А. М. Птица, дающая жизнь // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 21–34.

Сальников К. В. К вопросу о неолите степного Зауралья // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – Вып. XLVII. – 1952. – С. 15–23.

Семенов В. А., Кремневые наконечники стрел из полярных святилищ Урала: семиотический аспект // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Материалы к конференции, Ч. II. Археология и изучение культурных процессов и явлений. – СПб.: Петербургкомстат, 1993. – С. 65–67.

Семенов В. А., Несанелене В. Н. Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы (по материалам раскопок Сыктывкарского университета): Учебное пособие. – Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1997. – 169 с.

Семенов С. А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы) // МИА. – М. – Л., 1957. – № 54.

Серигов Ю. Б. О находках произведений искусства со стоянки Юрьино IV (Зауралье) // Советская археология. – 1978. – № 4. – С. 245–248.

Серигов Ю. Б. Кокшаровско-Юрьинская торфяниковая стоянка в Среднем Зауралье // Российская археология. – 1992. – № 4. – С. 131–147.

Серигов Ю. Б. Исследование грота на камне Дождевом (р. Чусовая) // Вопросы археологии Урала. – Вып. 21. – Екатеринбург: УрГУ, 1993. – С. 120–143.

Серигов Ю. Б. Камень Дыроватый – уникальное пещерное святилище на реке Чусовой // Российская археология. – 1996. – № 4. – С. 121–140.

Серигов Ю. Б. Культовые озерные центры Урала (принципы выделения) // Сохранение, восстановление, использование исторического, культурного, природного наследия народов России (материалы Международной научно-практической конференции). – Березники: Издательский дом «Типография купца Тарасова», 1998. – С. 168–171.

Серигов Ю. Б. Культовые центры древности на озерах Среднего Зауралья // XIV Уральское археологическое совещание: Тезисы докладов. – Челябинск: Изд-во «Рифей», 1999. – С. 39–40.

Серигов Ю. Б. Горный хрусталь и его использование в каменном веке Урала // История и философия минералогии. Материалы II Международного минералогического семинара. – Сыктывкар: Институт геологии Коми НЦ УрО РАН, 1999а. – С. 101–102.

Серигов Ю. Б. Атрибуты шаманского культа // Международная конференция по первобытному искусству. Труды. – Т. 2. – Кемерово: «НИКАЛС», 2000. – С. 207–219.

Сериков Ю. Б. Вторичное использование изделий предшествующих эпох // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов международной научной конференции. – Оренбург: ООО «Оренбургская губерния», 2001. – С. 56–57.

Сериков Ю. Б. Орнаментированные наконечники стрел эпохи мезолита с пещерного святилища на Камне Дыроватом (р. Чусовая) // Материалы международной конференции «Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». – Сергиев Посад: Издательский дом «Подкова», 2001а. – С. 153–160.

Сериков Ю. Б. Использование камней-самоцветов на территории Среднего Зауралья // Пермский регион: история, современность, перспективы (материалы международной научно-практической конференции). – Березники: Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2001б. – С. 44–47.

Сериков Ю. Б. Произведения первобытного искусства с восточного склона Урала // Вопросы археологии Урала. – Вып. 24. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. – С. 127–150.

Сериков Ю. Б. Каменное навершие с гравировками с восточного склона Среднего Урала // Вестник Сибирской Ассоциации Исследователей Первобытного искусства. – Вып. 5. – Кемерово, 2002а. – С. 31–33.

Сериков Ю. Б. Энеолитическое погребение с Шайтанского озера // Нижнетагильский государственный педагогический институт. Ученые записки. Общественные науки. – Т. 2. – Ч. 2. – Нижний Тагил: НТГПИ, 2002б. – С. 35–50.

Сериков Ю. Б. Орнаментированные наконечники стрел эпохи мезолита с пещерного святилища на Камне Дыроватом (р. Чусовая) // Образы и сакральное пространство древних эпох. – Екатеринбург: «Аква-Пресс», 2003. – С. 73–82.

Сериков Ю. Б. Шаманские погребения каменного века // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука: Сибирская издательская фирма, 2003а. – Т. 6. – С. 141–164.

Сериков Ю. Б. К вопросу об орудиях для высекания огня // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии: В честь юбилея Г. Ф. Коробковой. – СПб.: ИИМК РАН, 2003б. – С. 254–263.

Сериков Ю. Б. Произведения искусства с культового центра на Шайтанском озере // Памятники археологии и художественное творчество: Материалы осеннего colloquium (с международным участием). – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. – С. 18–21.

Сериков Ю. Б. Культовый памятник нового типа на западном берегу Шайтанского озера // Ученые записки Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Общественные науки. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2004а. – С. 101–146.

Сериков Ю. Б. Использование природных форм из кости и камня в первобытном искусстве // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции. – СПб.: СПбГУ, 2004б. – С. 58–61.

Сериков Ю. Б. Культовые пещеры р. Чусовой // Культовые памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004в. – С. 38–62.

Сериков Ю. Б. Подвески и нашивки энеолитической эпохи (по материалам культового центра на Шайтанском озере) // Четвертые Берсовские чтения. – Екатеринбург: ООО «АКВА-ПРЕСС», 2004г. – С. 100–108.

Сериков Ю. Б. Сакральные свойства хрусталя // Культовые памятники горно-лесного Урала. Коллектив авторов. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004д. – С. 224–232.

Сериков Ю. Б. Кремневая скульптура Урала (вопросы хронологии, происхождения и семантики) // Проблемы археологии и древней истории Урала. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2005. – С. 108–140.

Сериков Ю. Б. К вопросу о семантике некоторых атрибутов шаманов каменного века // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 2. – Донецк: ДонНУ, 2005а. – С. 73–84.

Сериков Ю. Б. Гальки и их использование древним населением Урала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2005а. – № 6. – С. 42–57.

Сериков Ю. Б. Новые находки произведений мобильного искусства в Среднем Зауралье // Памятники археологии и художественное творчество: Материалы осеннего colloquium. – Вып. 3. – Омск: ООО «Издательский дом «Наука», 2005б. – С. 75–79.

Сериков Ю. Б. Символическая граница между мирами по данным археологии // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: изд-во Томского ун-та, 2005в. – С. 329–332.

Сериков Ю. Б. Использование древним человеком окаменелостей и костей вымерших животных // Эволюция жизни на Земле: материалы международного симпозиума. – Томск: Томский гос. ун-т, 2005г. – С. 381–383.

Сериков Ю. Б. К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц // Археология Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005д. – С. 93–101.

Сериков Ю. Б. Символика цвета у древнего населения Урала по данным археологии // Проблемы археологии и древней истории Урала. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2005е. – С. 45–53.

Сериков Ю. Б. Горный хрусталь в культовой практике древнего населения Урала // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы Шестых Сибирских чтений. – СПб.: МАЭ РАН, 2005ж. – С. 9–10.

Сериков Ю. Б. Новые (зауральские) районы распространения кремневой скульптуры // Современные проблемы археологии России. – Т. II. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – С. 322–324.

Сериков Ю. Б. Использование природных форм в культовой практике древнего населения Урала // Тверской археологический сборник. – Вып. 6. – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2006а. – С. 414–425.

Сериков Ю. Б. Галечные скульптуры – изобразительные символы обрядовой деятельности древнего человека // Миф и символ в прошлом и настоящем. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2007. – С. 28–39.

Сериков Ю. Б. Глиняная пластика Урала в эпохи неолита – бронзы // Ученые записки Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Общественные науки. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2007а. – С. 18–37.

Сериков Ю. Б. «Культ голов» в обрядовой практике древнего населения Урала // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Вып. 5. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007б. – С. 38–51.

Сериков Ю. Б. Культовые центры Урала // Пермские финны: археологические культуры и этносы. – Сыктывкар: ООО «Типография «Полиграф-Сервис», 2007в. – С. 61–65.

Сериков Ю. Б. Изделие из халькопирита // Nota Bene. Вып. I. Случайная находка. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2007г. – С. 137.

Сериков Ю. Б. Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые проблемы уральского палеолитоведения. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2007д. – 138 с.

Сериков Ю. Б. Природные формы в украшениях древнего человека // Памятники археологии и художественное творчество: Материалы осеннего colloquium. – Омск: Изд-во ООО «Издательский дом «Наука», 2007е. – Вып. 4. – С. 73–78.

Сериков Ю. Б. Украшения древнего человека по материалам археологических памятников Урала // Памятники археологии и художественное творчество: Материалы осеннего colloquium. – Омск: Изд-во ООО «Издательский дом «Наука», 2007ж. – Вып. 4. – С. 78–84.

Сериков Ю. Б. Использование фрагментов керамики в культах и ритуалах // Мирозрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – Барнаул: Изд-во Азбука, 2008. – Вып. II. – С. 11–31.

Сериков Ю. Б. Музыкальные инструменты древности // Уфимский археологический вестник. – Вып. 8. – Уфа, 2008а. – С. 24–26.

Сериков Ю. Б. Пещерные святилища р. Чусовой. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. – 368 с.

Сериков Ю. Б. Кремневая скульптура Урала (вопросы хронологии, происхождения и семантики) // Тверской археологический сборник. Вып. 7. Материалы 9–11 заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2009а. – С. 391–410.

Сериков Ю. Б. Природные формы в украшениях человека каменного века Урала // Археология. История. Культура: Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 60-летию доктора исторических наук, профессора М. В. Обыденнова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009б. – С. 11–22.

Сериков Ю. Б. Музыкальные инструменты и танцы в древности: некоторые аспекты ритуальной практики // Проблемы археологии и истории Северной Евразии: Сборник, посвященный юбилею Л. А. Чиндиной. – Томск: Изд-во Аграф-пресс, 2009в. – С. 40–46.

Сериков Ю. Б. Символика цвета у древнего населения Урала по данным археологии // Тверской археологический сборник. Вып. 7. Материалы 9–11 заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2009г. – С. 338–342.

Сериков Ю. Б. О своеобразии кремневой скульптуры Урала // Челябинский гуманитарий. – 2011. – № 1 (14). – С. 146–161.

Сериков Ю. Б. Гравировки по камню – редкий вид изобразительного искусства // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции V Халиковские чтения «Урало-Поволжье в древности и средневековье», посвященной 80-летию А. Х. Халикова. Серия «Археология евразийских степей». – Выпуск 11. – Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011а. – С. 203–221.

Сериков Ю. Б. Клады Шайтанского озера // Вопросы археологии Урала. – Вып. 26. – Екатеринбург – Сургут: изд-во Магеллан, 2011б. – С. 151–160.

Сериков Ю. Б. Некоторые аспекты использования наконечников стрел // «Наследие веков». Выпуск 2. Материалы Региональной научно-практической конференции «Историческое краеведение в Башкортостане: история и современность», посвященной 100-летию со дня рождения краеведа-археолога Анисима Павловича Шокурова. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011в. – С. 79–89.

Сериков Ю. Б. Использование фрагментов керамики в хозяйстве и ритуале // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Том I: Материалы IV Тверской археологической конференции и 12-го заседания научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2011г. – С. 296–316.

Сериков Ю. Б. Новое энеолитическое погребение с Шайтанского озера (Среднее Зауралье) // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург – Сургут: изд-во Магеллан, 2011д. – Вып. 26. – С. 145–150.

Сериков Ю. Б. Благородные минералы в изделиях древнего населения Урала // Шестые Берсовские чтения: Сборник статей Всероссийской археологической научно-практической конференции. – Екатеринбург: Изд-во КВАДРАТ, 2011е. – С. 44–46.

Сериков Ю. Б. Использование красок на территории Урала // Памятники археологии и художественное творчество: материалы осеннего colloquium. – Вып. 6. – Омск: Издат. дом «Наука», 2011ж. – С. 80–84.

Сериков Ю. Б. К вопросу о сакральных свойствах талька // Челябинский гуманитарий. – 2011з. – № 4 (17). – С. 117–130.

Сериков Ю. Б. Новое энеолитическое погребение с Шайтанского озера (Среднее Зауралье) // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург – Сургут: изд-во Магеллан, 2011и. – Вып. 26. – С. 145–150.

Сериков Ю. Б. Новые находки кремневой скульптуры на территории Среднего Зауралья // Стратегия экономического, политического, социокультурного развития регионов в условиях глобализации. Материалы Международной научно-практической конференции. – Березники, 2012. – С. 217–218.

Сериков Ю. Б. Музыка и танцы в обрядах древнего населения Среднего Урала (по материалам пещеры Туристов на реке Чусовой) // Город: годы, события, люди: материалы II региональной научно-практической конференции. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2012а. – С. 325–332.

Сериков Ю. Б. Краски и цвет в ритуалах древнего населения Урала // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2012б. – Вып. V. – С. 122–142.

Сериков Ю. Б. Образы мифических животных в произведениях первобытного искусства (по материалам археологических памятников Среднего Зауралья) // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы V Всероссийской тюркологической конференции, посвященной 80-летию Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. – Уфа: ИИЯЛИ УНЦ РАН, 2012. – С. 398–401.

Сериков Ю. Б. Каменная скульптура древнего населения Среднего Урала // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2013. – С. 272–276.

Сериков Ю. Б. Украшения населения Урала в каменном веке // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Материалы 13–15 заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2013а. – С. 45–63.

Сериков Ю. Б. Шайтанское озеро – священное озеро древности. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2013б. – 408 с.

Сериков Ю. Б. Природные объекты в культах и обрядах древнего населения Урала // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Материалы 13–15 заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2013в. – С. 31–44.

Сериков Ю. Б. Использование костей человека в ритуалах и культах древности // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Материалы 13–15 заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2013г. – С. 23–30.

Сериков Ю. Б. Редкие и необычные украшения древности // Регионы в современном мире: материалы международной научно-практической конференции. – Березники: ООО «Пермское книжное издательство», 2013д. – С. 243–244.

Сериков Ю. Б. Сырьевая характеристика каменных украшений древнего населения Урала // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание». – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013е. – С. 167–169.

Сериков Ю. Б. Зооморфные изображения с памятников Шайтанского озера // Регионы в современном мире – 2014: материалы международной научно-практической конференции. – Пермь: Березниковский филиал Перм. нац. политехн. ун-та, 2014. – С. 320–323.

Сериков Ю. Б., Серикова А. Ю. Мамонт в мифах, этнографии и археологии голоцена // Российская археология. – 2004. – № 2. – С. 168–172.

Сериков Ю. Б., Серикова Л. В. Святилище на вершине горы Голый Камень (Нижний Тагил). – Нижний Тагил: НТГСПА, 2005. – 79 с.

Сидоров В. В. Манок – музыкальный инструмент эпохи неолита // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка. – Часть 1. – М.: Советский композитор, 1987. – С. 157–163.

Симонова И. Л. Многокурсовые полиэikonические композиции в мобильно-скульптуре (к вопросу изучения) // Памятники археологии и художественное творчество: Материалы осеннего коллоквиума. – Вып. 3. – Омск: ООО «Издательский дом «Наука», 2005. – С. 79–83.

Симонова И. Л. Многокурсовые полиэikonические изображения в металлопластике таежных культур Западной Сибири // II Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск: «Чароид», 2006. – С. 224–225.

Синицын А. А. Раскрашенные плитки стоянки Талицкого // Пещерный палеолит Урала: Материалы международной конференции. – Уфа: ГП «ПРИНТ», 1997. – С. 86–87.

Синицына Г. В. Предметы символической деятельности на стоянках каменного века северного берега озера Волго в Тверской области // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. П. Левенка. – Липецк: Изд-во Липецкого государственного педагогического университета, 2006. – С. 55–57.

Синицына Г. В. О провинциях мобильного искусства финального палеолита // Тверской археологический сборник. Выпуск 7. Материалы 9–11 заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2009. – С. 343–349.

Сладкова Л. Н. Чертова Гора – неолитический памятник в бассейне Конды // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург – Сургут: изд-во Магеллан, 2008. – Вып. 25. – С. 147–158.

Соловьев А. И. О жертвоприношениях людей у древнего населения Прииртышья // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 92–103.

Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. – М.: Наука, 1980. – 220 с.

Старков В. Ф. Новые раскопки на Горбуновском торфянике // Археологические открытия 1979 года. – М.: Наука, 1980а. – С. 172–173.

Стефанов В. И., Кокиаров С. Ф. Северное Зауралье накануне бронзового века // Советская археология. – 1990. – № 3. – С. 44–63.

Стефанов В. И., Морозов В. М. Энеолитический памятник в бассейне р. Казыма // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1992. – С. 77–91.

Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства. – М.: Искусство, 1985. – 298 с.

Студзицкая С. В. Изображение человека в мелкой пластике неолитических племен лесной зоны Европейской части СССР // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы. – Труды ГИМ. – Вып. 60. – М.: ГИМ, 1985. – С. 100–108.

Студзицкая С. В. Изображение человека в искусстве древнего населения Урало-Западносибирского региона (эпоха бронзы) // Антропоморфные изображения. Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 73–88.

Таиров А. Д., Бушмакин А. Ф. Минеральные порошки из курганов Южного Урала и Северного Казахстана // Уфимский археологический вестник. – Уфа, 2001. – Вып. 3. – С. 168–175.

Талицкий М. В. Палеолитическая стоянка на р. Чусовой // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. – № 6–7. – М. – Л., 1940 – С. 136–140.

Тесленко Д. Л. Ритуальные раскраски черепа в погребениях ямной культуры // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит–бронзовый век): Материалы международной конференции. – Ч. 1. – Донецк, 1996. – С. 28–30.

Толмачев В. Я. Древности восточного Урала. Вып. 1. // Записки УОЛЕ. – Т. XXXII. – Вып. 2. – Екатеринбург, 1913. – С. 214–225.

Толмачев В. Я. Деревянный идол из Шигирского торфяника // Известия археологической комиссии. – Вып. 60. – СПб. – Пг., 1916. – С. 94–99.

Труды Государственного Эрмитажа: Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии: материалы научной конференции. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – 388 с.

Туркина Т. Ю. Коллекция предметов зооморфных мотивов в собрании Национального музея Республики Коми: альбом-каталог. – Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2012. – 84 с.

Тэйлор Э. Б. Первобытная культура. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. – 567 с.

Уваров А. С. Археология России. Каменный период. – Т. 1. – М.: В синодальной типографии, 1881. – 490 с.

Урбан Ю. Н. Поселение и могильник Иловец // КСИА. – Вып. 137. – М., 1997. – С. 107–114.

Усанов Е. Н. Диалог культур: 100 веков. Мезо-неолитический орнамент (10–4 тыс. лет) центральной части Волго-Окского междуречья в контексте формирования протописьменности. – Владимир: РЕКО, 2009. – 84 с.

Усачева И. В. К истокам мировоззрения древних уральцев (по материалам мелкой глиняной и кремневой пластики эпохи неолита – бронзы оз. Андреевского Тюменской обл.) // Вопросы археологии Урала. – Вып. 23. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. – С. 105–134.

Усачева И. В. Чепкуль 21А – ритуальный комплекс? // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы Всероссийской конференции. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. – С. 106–108.

Усачева И. В. Охра и эксперименты по ее изготовлению // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всероссийской конференции. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. – С. 50–54.

Усачева И. В. «Утюжки» Евразии. – Новосибирск: Наука, 2013. – 352 с.

Уткин А. В., Костылева Е. Л. Антропоморфные изображения волосовской культуры // Тверской археологический сборник. – Вып. 2. – Тверь: Тверская областная типография, 1996. – С. 259–270.

Уткин А. В., Костылева Е. Л. Волосовские погребальные «святилища» Сахтышских стоянок // Международная конференция «Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Материалы. – Сергиев Посад: Издательский Дом «Подкова», 2001. – С. 227–231.

Федоров В. В. Новые изображения рыб с палеолитических стоянок Европейской части СССР // Краткие сообщения Института археологии. – 1961. – Вып. 82. – С. 140–143.

Филиппов А. К. Происхождение изобразительного искусства. – СПб.: «Академ Принт», 1997. – 103 с.

Филиппов А. К. Хаос и гармония в искусстве палеолита. – СПб.: ЛООО «Сохранение природы и культурного наследия», 2004. – 224 с.

Фишман А. М. Камни – талисманы и амулеты // Археоминералогия и ранняя история минералогии: материалы Международного семинара. – Сыктывкар: Геопринт, 2005. – С. 78–80.

- Фосс М. Е.* Погребения на стоянке Кубенино // Труды ГИМ. – Вып. VIII. – 1938. – С. 73–91.
- Фосс М. Е.* Стоянка Кубенино // Советская археология. – 1940. – Т. V. – С. 31–63.
- Хлопачев Г. А.* Орнаментированные пластины с палеолитической стоянки Елисеевичи 1. Категориальный состав и особенности орнаментации // Труды Государственного Эрмитажа: Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии: материалы научной конференции. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – С. 29–32.
- Хомич А. В.* Ненцы. Историко-этнографические очерки. – М. – Л.: Наука, 1966. – 330 с.
- Чаиркин С. Е.* Пещеры Урала: общий обзор // Культурные памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – С. 24–37.
- Чаиркин С. Е., Жилин М. Г.* Мезолитические материалы из пещерных памятников лесного Зауралья // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. – М.: Academia, 2005. – С. 252–273.
- Чаиркина Н. М.* Антропо- и зооморфные образы энеолитических комплексов Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. – Вып. 23. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. – С. 81–104.
- Чаиркина Н. М.* Энеолит Среднего Зауралья. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 313 с.
- Чаиркина Н. М.* Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культовой площадки Скворцовская гора V). – Екатеринбург: УрО РАН, 2011. – 224 с.
- Чаиркина Н. М.* Глиняные тарелки со стилизованными орнитоморфными изображениями из VI разреза Горбуновского торфяника // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 3 (55). – С. 68–80.
- Чемякин Ю. П.* Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. – Сургут – Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. – 224 с.
- Ченченкова О. П.* Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III – I тыс. до н. э. – Екатеринбург: «Тезис», 2004. – 336 с.
- Черемисина К. П.* Символика цвета в сфере сакрального традиционной культуры хантов // III Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. – Екатеринбург: Издательский Дом «ИздатНаукаСервис», 2010. – С. 211–212.
- Чернецов В. Н.* Представление о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. – Труды Института этнографии. – Т. 51. – М., 1959. – С. 114–156.
- Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала. – М.: Наука, 1971. – 120 с.
- Чернов Г. А.* Атлас археологических памятников Большеземельской тундры. – М.: Наука, 1985. – 168 с.
- Черных Е. М., Тищенко И. Г.* «Свернувшийся зверь» – волк, медведь, дракон? (К вопросу о появлении мотива в декоре пряслиц ананьинской культуры // Пятые Берсовские чтения. – Екатеринбург: Издательство КВАДРАТ, 2006. – С. 125–129.
- Черных И. Н.* Мелкая кремневая пластика со стоянки «Синяя гора» 1 (Ботово 1) на оз. Селигер // Тверской археологический сборник. – Вып. 2. – Тверь: Тверская областная типография, 1996. – С. 271–291.
- Шаманаев А. В.* Изделие с гравировкой эпохи энеолита из горно-лесного Зауралья (поселение Горюшки I) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции. – СПб., 2004. – С. 214–218.
- Шаманаев А. В., Зырянова С. Ю.* Предметы культового назначения стоянки Шайтанское Озеро I // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В. Ф. Генинга. Часть 1. Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. – С. 84–89.

Шахнович М. М. Находки неолитических орнаментальных штампов на территории Карелии // Вестник Карельского краеведческого музея. – Вып. 3. – Петрозаводск: ТОО «Полипринт», 1995. – С. 80–87.

Шер Я. А. Первобытное искусство: учеб. пособие. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. – 351 с.

Шилов С. Н., Зырянова С. Ю., Шаманаев А. В. Комплекс боборыкинской культуры поселения Пикушка I // Вопросы археологии Урала. – Вып. 24. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. – С. 90–118.

Широков В. Н. Уральские писаницы: Реки Реж и Ирбит. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. – 80 с.

Широков В. Н. Уральские писаницы. Южный Урал. – Екатеринбург: изд-во АМБ, 2009. – 128 с.

Широков В. Н. Композиции с рисунками птиц, копытных и змей в наскальных изображениях Урала // Уральский исторический вестник. – 2010. – № 1 (26). – С. 92–99.

Широков В. Н., Петрин В. Т. Искусство ледникового периода. Игнatieвская и Серпиевская 2 пещеры на Южном Урале. – Екатеринбург: УрО РАН, 2013. – 190 с.

Широков В. Н., Чаиркин С. Е. Наскальные изображения Северного и Среднего Урала. Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2011. – 182 с.

Широков В. Н., Чаиркин С. Е., Чемякин Ю. П. Уральские писаницы: Река Нейва. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. – 52 с.

Широков В. Н., Чаиркин С. Е., Широкова Н. А. Уральские писаницы: река Тагил. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. – 110 с.

Широков В. Н., Rowe M. W., Steelman K. L., Southon J. R. Игнatieвская пещера – первые прямые радиоуглеродные датировки настенных рисунков // Образы и сакральное пространство древних эпох. – Екатеринбург: «Аква-Пресс», 2003. – С. 67–72.

Шишлина Н. И., Белькевич Е. В., Усачук А. Н. Татуировки эпохи бронзы: симпатическая магия или украшения? // Образы времени: Из истории древнего искусства. – Труды ГИМ. – М., 2012. – Вып. 189. – С. 64–73.

Шорин А. Ф. О неолитических сосудах с зооморфными налечами Кокшаровского холма // III Берсовские чтения. Материалы научно-практической конференции. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. – С. 42–45.

Шорин А. Ф. Первые предварительные итоги изучения Кокшаровского холма (по материалам раскопок в 1995, 1997–1999 гг.) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. – С. 151–169.

Шорин А. Ф. Святилище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: маркеры сакрального пространства // Уральский исторический вестник. – 2010. – № 1 (26). – С. 32–42.

Щелинский В. Е. Некоторые итоги и задачи исследования пещеры Шульган-Таш (Каповой). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1996. – 30 с.

Щелинский В. Е. Палеогеографическая среда и археологический комплекс верхнепалеолитического святилища пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Пещерный палеолит Урала. Материалы международной конференции. – Уфа: ГП «ПРИНТ», 1997. – С. 29–38.

Щербакова Т. И. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской). – Екатеринбург: УрО РАН, 1994. – 96 с.

Щербакова Т. И. Поселение или святилище? (К вопросу о характере палеолитического местонахождения Анетовка-2 в Северном Причерноморье) // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики: Материалы тематической научной конференции. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000. – С. 42–46.

Эдинг Д. Н. Идолы Горбуновского торфяника // Советская археология. – 1937. – Т. IV. – С. 123–135.

Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала // Труды ГИМ. – Вып. X. – М., 1940. – 104 с.

Эдинг Д. Н. Новые находки на Горбуновском торфянике // МИА. – № 1. – М., 1940а. – С. 41–57.

Юрин В. И. Неолитическое местонахождение Красный Камень. Челябинск // Пятые Берсовские чтения. – Екатеринбург: Издательство КВАДРАТ62, 2006. – С. 62–64.

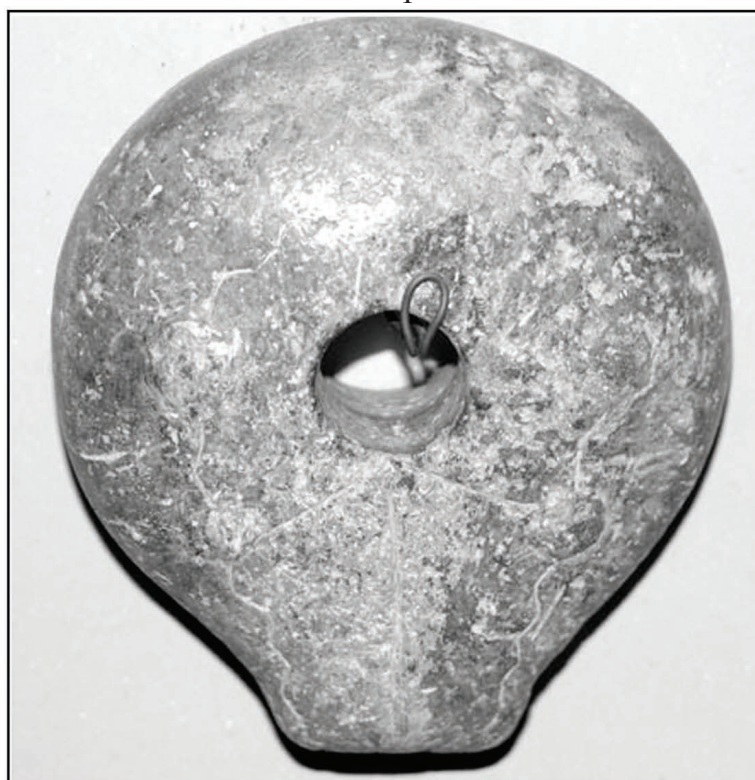
Burov G.M. Some Mesolithic wooden artifacts from the site of Vis I in the European North East of the USSR // The Mesolithic in Europe. – Edinburgh, 1989. – P. 391–401.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН РТ – Академия Наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия Наук СССР
АССР – Автономная советская социалистическая республика
ВСЕГЕИ – Всероссийский геологический институт
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ДонНУ – Донецкий национальный университет
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии Наук
ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИвГУ – Ивановский государственный университет
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения
ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН
КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР РАН
Л. – Ленинград
М. – Москва
МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт
МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
МАЭ – Музей археологии и этнографии
МВД – Министерство внутренних дел
МГУ – Московский государственный университет
М.–Л. – Москва–Ленинград
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НГУ – Новосибирский государственный университет
НИИ – Научно-исследовательский институт
НИИХП – Научно-исследовательский институт художественной промышленности
НТГПИ – Нижнетагильский государственный педагогический институт
НТГСПА – Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия
НЦ – Научный центр
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет
Пг. – Петроград
РИЦ БашГУ – Редакционно-издательский центр Башкирского государственного университета
СВКНИИ ДВО РАН – Северо-Восточный комплексный научно исследовательский институт Дальневосточного отделения РАН
СО РАН – Сибирское отделение РАН
СПб. – Санкт-Петербург
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УНЦ РАН – Уральский Научный Центр РАН
УОЛЕ – Уральское общество любителей естествознания
УрГУ – Уральский государственный университет
УрО АН СССР – Уральское отделение Академии Наук СССР
УрО РАН – Уральское отделение РАН



1



2

Фото 1. Фигурные молоты (1 – Евстюниха I;
2 – Кокшаровский холм. Нижнетагильский музей-заповедник
«Горнозаводской Урал» (НТМЗ).



1



2

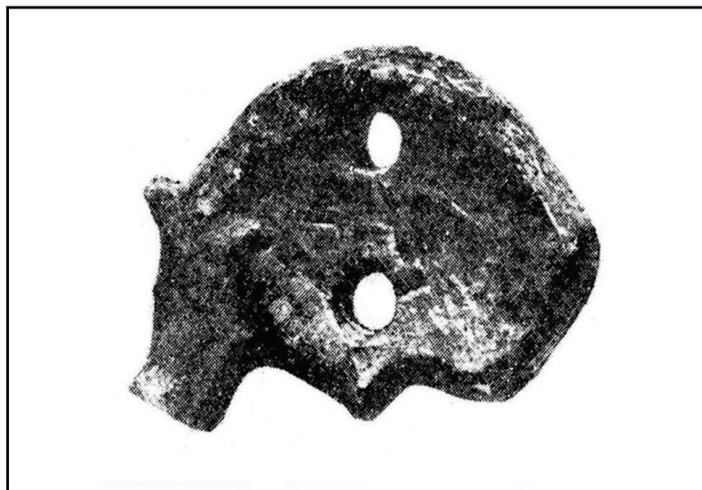
Фото 2. Фигурный молот (1, 2 – случайная находка с р. Белой.
Кушнаренковский историко-краеведческий музей).



Фото 3. Антропоморфная скульптура.
Палатки II.
Свердловский областной краеведческий музей (СОКМ).



1



2



3



4



5



6

Фото 4. Плоская скульптура (1–4) и гравированные изделия (5–6)
 (1 – Кумышанская пещера; 2 – Еловый мыс; 3, 4 – Кара-Якуповское поселение;
 5, 6 – Крутяки I; 1, 5, 6 – НТМЗ; 2 – СОКМ;
 3, 4 – Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований
 им. Р. Г. Кузеева УНЦ РАН).



1



2



3



4



5

Фото 5. Кремневая скульптура (1 – Уральские Зори V; 2 – III-я Береговая;
3 – Макинский торфяник; 4 – р. Пышма; 5 – Шайтанский Шихан; 1 – СОКМ;
2, 3, 5 – НТМЗ; 4 – Верхнепышминский исторический музей).



1



2



3



4



5



6

Фото 6. Кремневая скульптура

(1, 2 – Мурино I; 3, 4 – Аятское Правобережное; 5 – озеро Таватуй; 6 – Юрьино IV;
1–4, 6 – НТМЗ; 5 – Музей археологии Урала, НТГСПА).



1



2



3



4



5



6

Фото 7. Кремневая скульптура (1 – Широфаново II; 2 – Угдым;
3 – Юрьино IV; 4 – Полуденка II; 5 – Шигирский Исток III; 6 – Аятское озеро;
2 – Музей археологии европейского Северо-Востока Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН;
3, 4, 6 – НТМЗ; 5 – Музей археологии Урала НТГСПА).



1



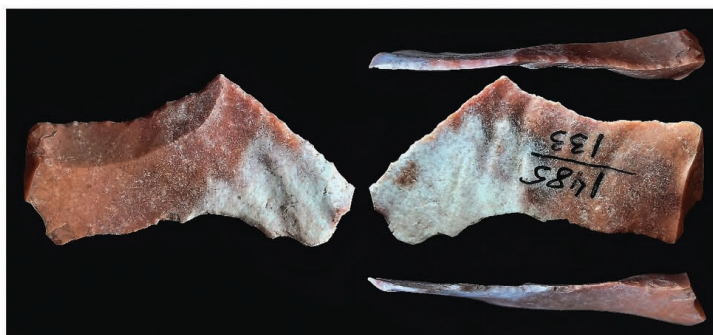
2



3



4



5

Фото 8. Кремневая скульптура (1, 2 – Подты I; 3 – Усть-Тимшер;
4, 5 – Угдым I; 1–5 – Музей археологии европейского Северо-Востока
Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН).



1



2

Фото 9. Галечная скульптура (1, 2 – Кумышанская пещера. НТМЗ).



1



2



3

Фото 10. Галечная скульптура (1 – Кумышанская пещера;
2 – Боровка III; 3 – пещера Котел. НТМЗ).



1



2

Фото 11. Валуны зооморфных очертаний
(1 – Шихан на просеке; 2 – Серпиевская 2-ая пещера).



1



2

Фото 12. Валуны зооморфных очертаний (1, 2 – Шайтанский Шихан).



1



2



3



4

Фото 13. Глиняная скульптура (1, 3, 4 – Шайтанское озеро I;
2 – Евстюниха I. НТМЗ).



1



2

Фото 14. Зооморфные налесты на венчиках сосудов (1 – Шайтанское озеро I;
2 – Кокшаровский холм. НТМЗ).



1



2

Фото 15. Зооморфные налепы на венчиках сосудов
(1 – Кокшаровский холм; 2 – Кокшаровский холм и Юрьинское поселение. НТМЗ).



1



2



3



4

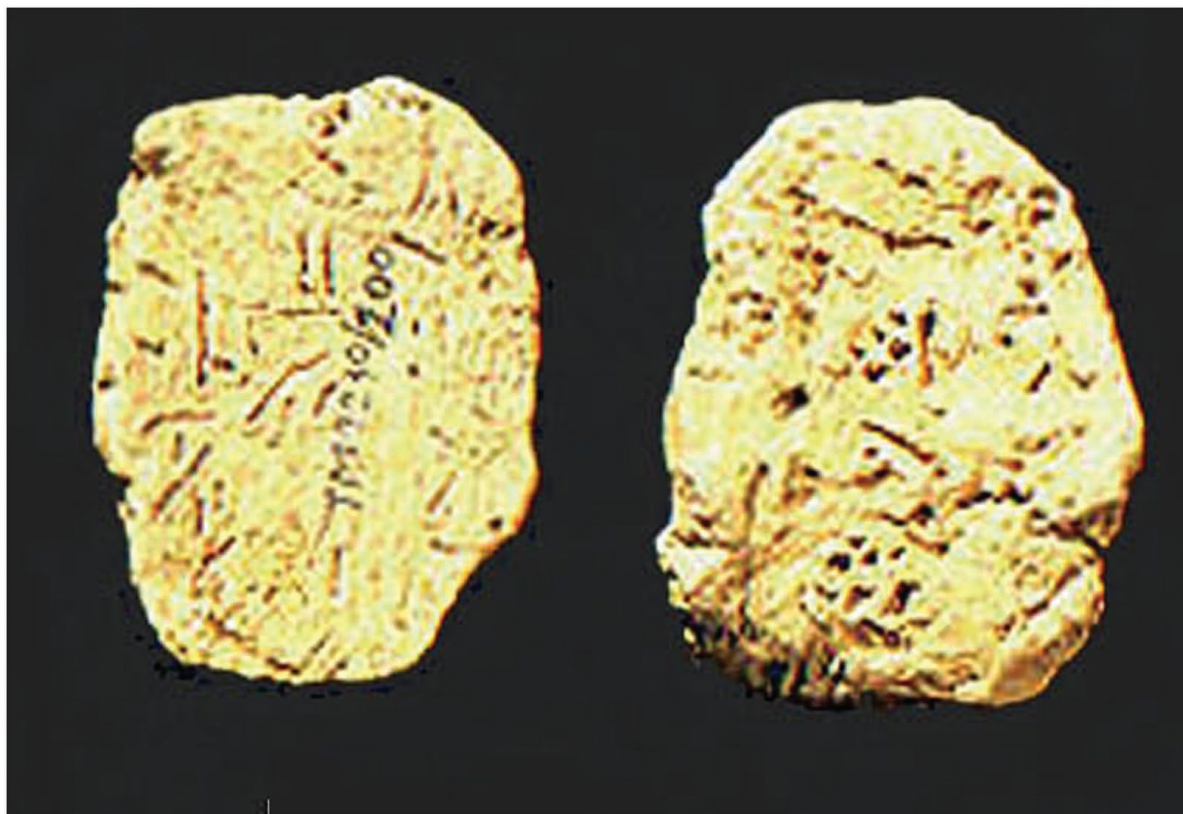


5



6

Фото 16. Зооморфные налепы на венчиках сосудов (1, 3, 6 – Кокшаровский холм; 2, 5 – Полуденка I; 4 – Юрьинское поселение. НТМЗ).



1



2



3

Фото 17. Глиняная пластика (1 – VI разрез Горбуновского торфяника;
2, 3 – Кокшаровский холм. НТМЗ).



1



2



3



4



5

Фото 18. Роговая (1–3) и костяная (4–5) скульптура (1 – Шигирский торфяник;
2 – Кокшаровско-Юрьинская II; 3 – дно Шигирского озера;
4 – Гаринская стоянка; 5 – погребение в камне Дождевом; 1–3 – СОКМ;
4 – Музей археологии Урала НТГСПА; 5 – НТМЗ).

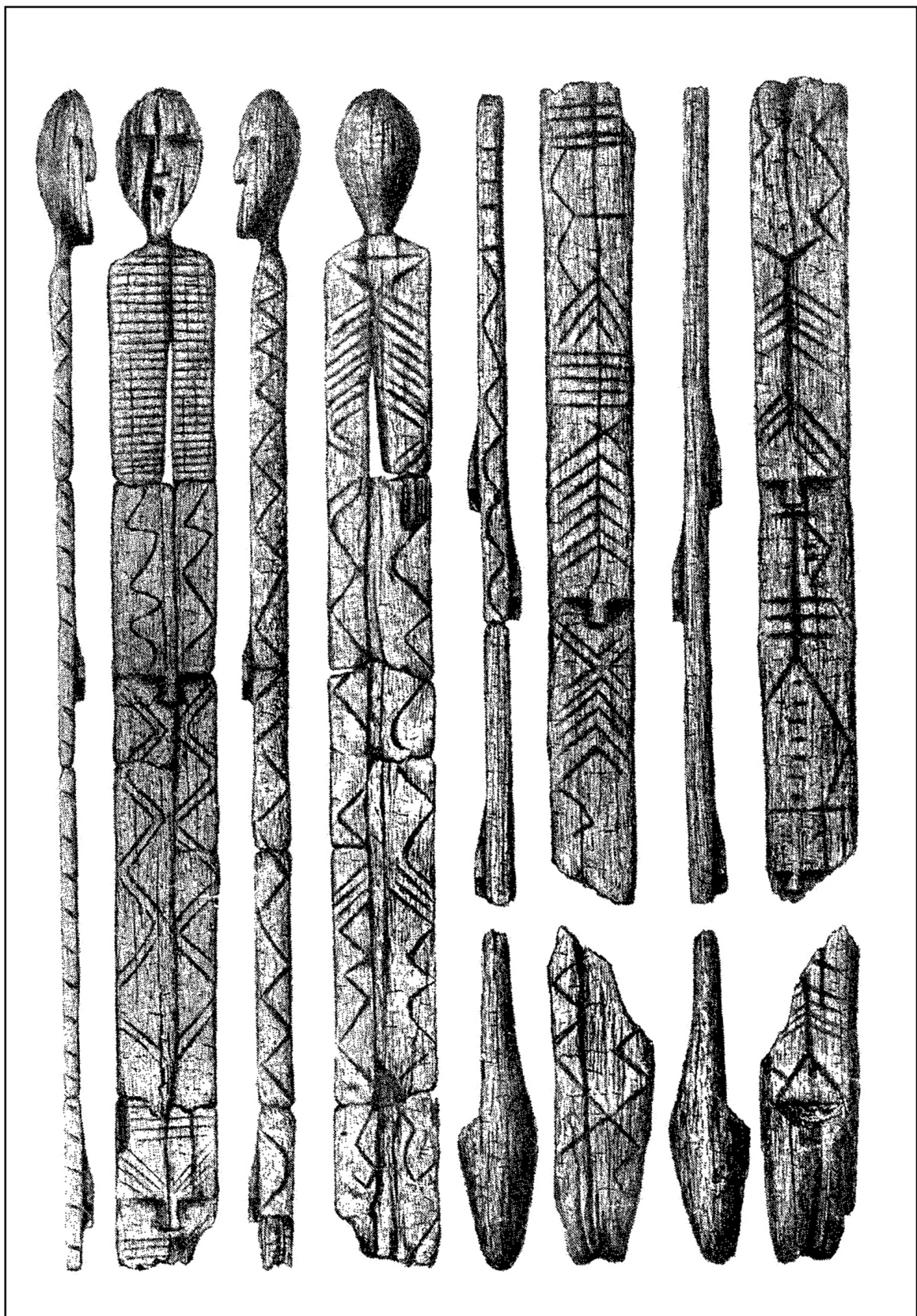


Фото 19. Большой Шигирский идол (Шигирский торфяник. СОКМ).

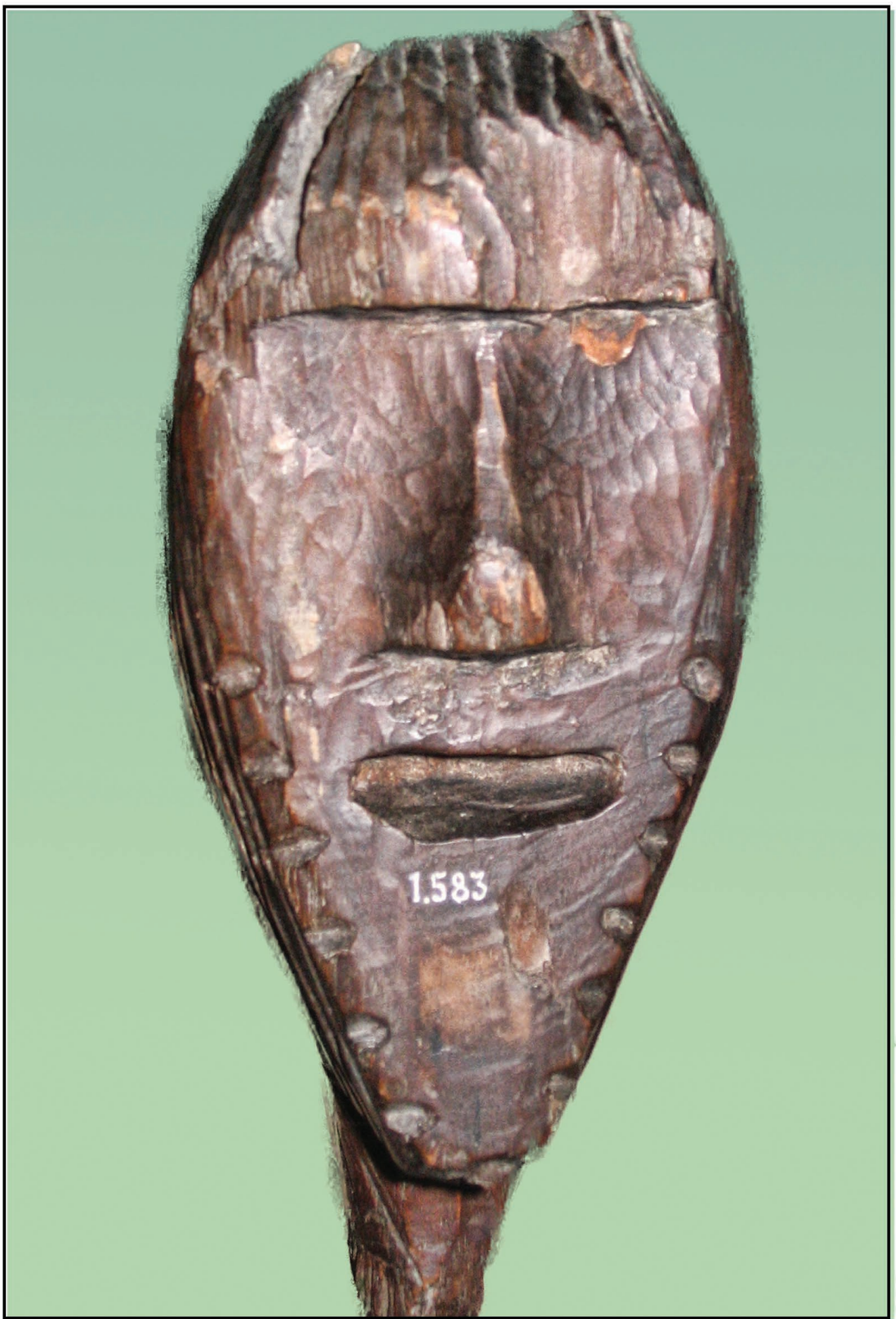


Фото 20. Голова Малого Шигирского идола (Шигирский торфяник. СОКМ).



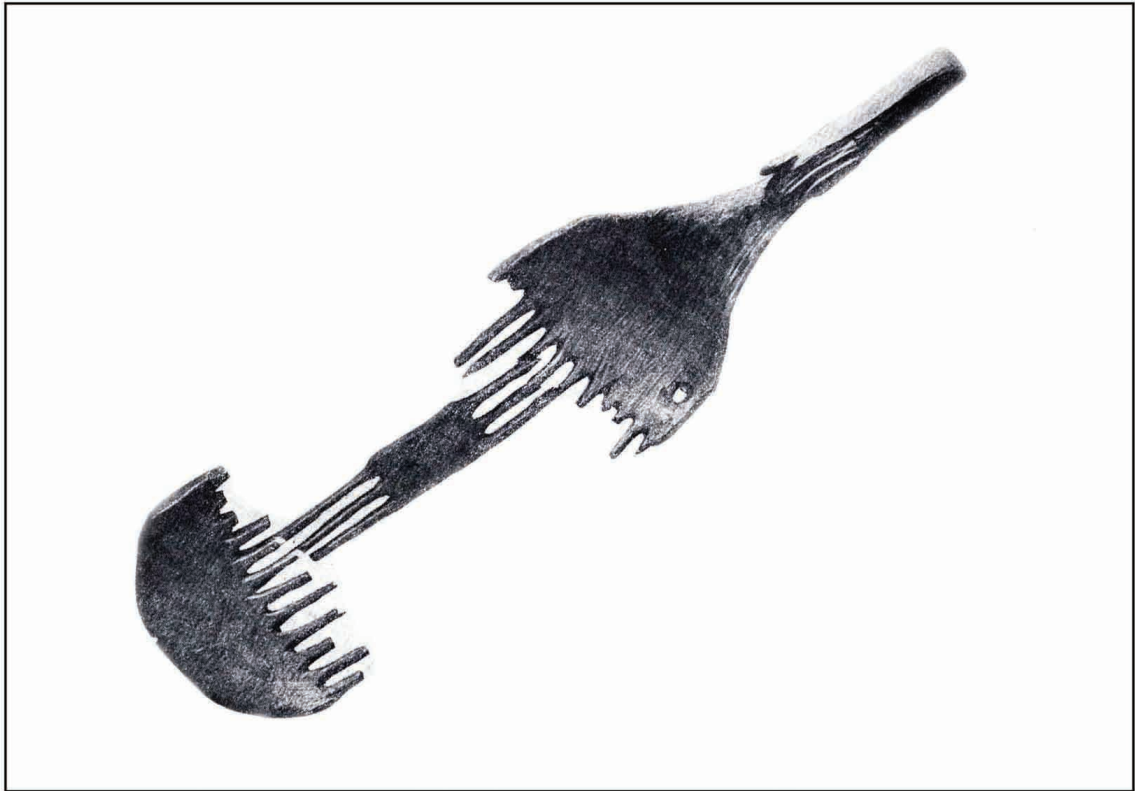
Фото 21. Идол из коллекции барона де Бая (Шигирский торфяник.
Музей человека в Париже).



Фото 22. Деревянный идол (VI разрез Горбуновского торфяника. НТМЗ).



Фото 23. Деревянные скульптуры лосей
(VI разрез Горбуновского торфяника. НТМЗ).



1



2

Фото 24. Деревянные скульптуры лосей (1, 2 – Шигирский торфяник;
1 – СОКМ; 2 – Государственный Эрмитаж).

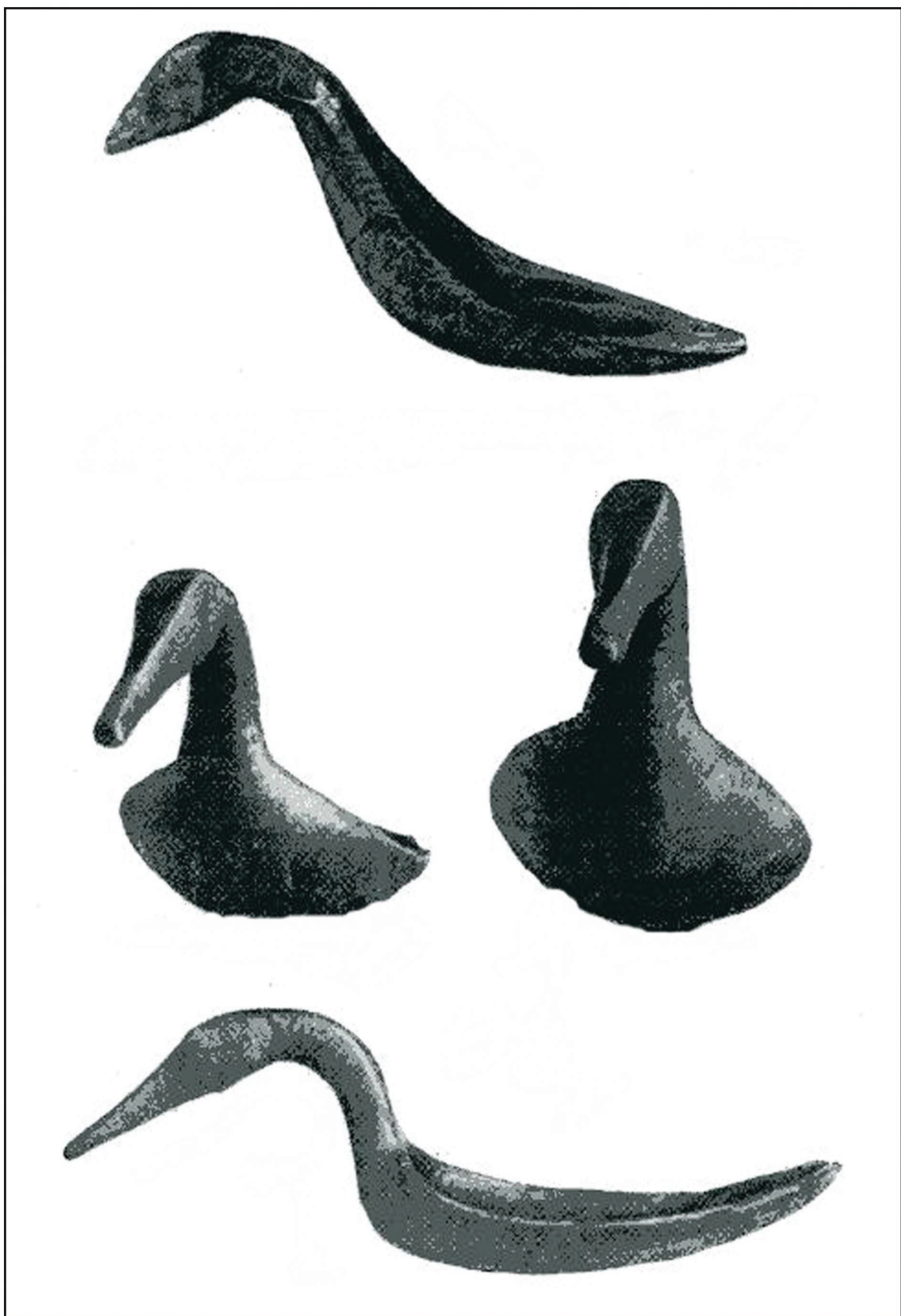


Фото 25. Деревянные ковши с рукоятками в виде голов птиц
(VI разрез Горбуновского торфяника. НТМЗ).



Фото 26. Деревянные ковши с рукоятками в виде голов птиц
(VI разрез Горбуновского торфяника. НТМЗ).



1



2



3

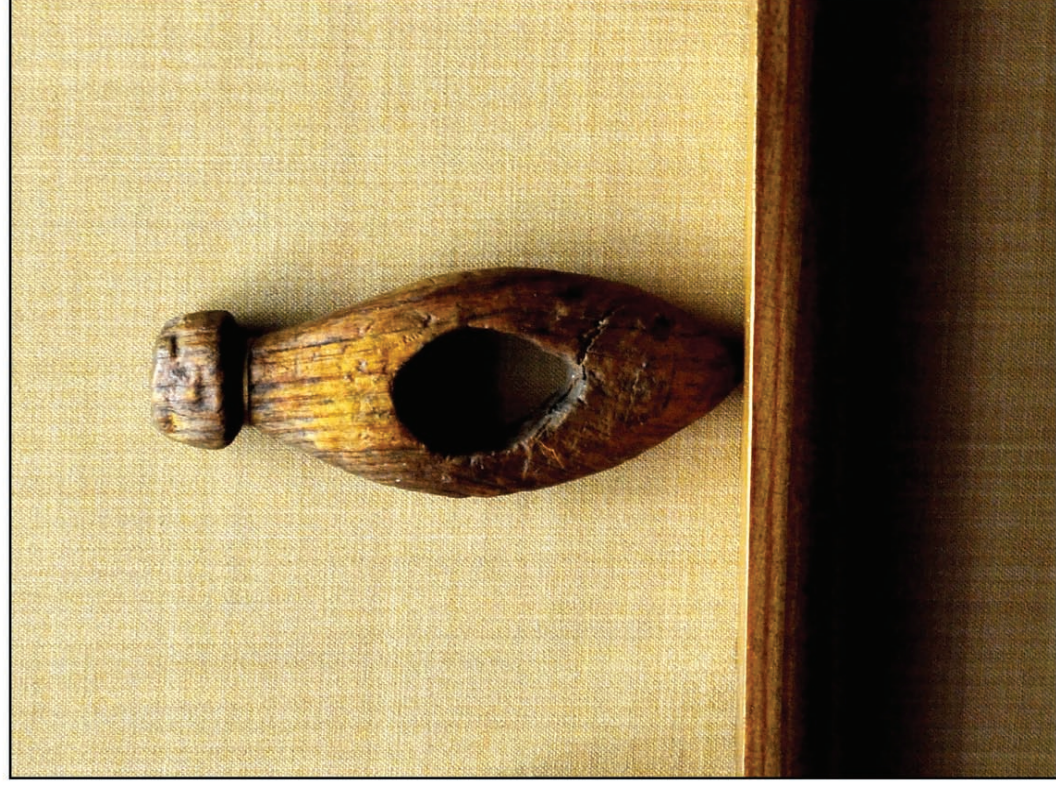


4

Фото 27. Рукоятки ковшей в виде голов птиц
(1–4 – VI разрез Горбуновского торфяника. НТМЗ).



1



2

Фото 28. Деревянная скульптура (1 – VI разрез Горбуновского торфяника; 2 – Шигирский торфяник; 1 – Институт истории и археологии УрО РАН; 2 – СОКМ).



1



2

Фото 29. Каменный диск с гравировками (1, 2 – случайная находка у пос. Антоновский. НТМЗ).



1



2

Фото 30. Каменные изделия с гравировками
(1 – Палатки II; 2 – Аятское Правобережное; 1, 2 – СОКМ).



1



2

Фото 31. «Утюжок» с гравированным орнаментом
(1, 2 – Шайтанское озеро I. НТМЗ).



1



2

Фото 32. «Утюжок» с гравированным орнаментом
(1, 2 – Шайтанское озеро I. НТМЗ).



1



2

Фото 33. «Утюжки» с гравированным орнаментом
(1, 2 – озеро Мелкое. СОКМ).



1



2

Фото 34. «Утюжки» с гравированным орнаментом
(1, 2 – 1-ое Карасье озеро. СОКМ).



1



2

Фото 35. «Утюжок» с гравированным орнаментом (1) и кремневая скульптура (2)
 (1, 2 – Шайтанское озеро I;
 1 – Уральский минералогический музей В.А. Пелепенко; 2 – НТМЗ).



1



2

Фото 36. Бивень мамонта с насечками (1, 2 – Мамонтовая Курья. Музей археологии европейского Северо-Востока Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН).



1



2



3



4

Фото 37. Роговые (1, 4) и костяные (2, 3) изделия с гравированным орнаментом (1, 2 – Усть-Койвинская пещера; 3, 4 – Кокшаровско-Юрьинская I; 1–4 – НТМЗ).



1



2

Фото 38. Костяные наконечники стрел с гравированным орнаментом
(1 – Камень Дыроватый; 2 – Пещера Подземных охотников; 1 – НТМЗ;
2 – Пермский краеведческий музей).



1



2



3



4



5

Фото 39. Фрагменты сосудов с графическими изображениями
(1 – VI разрез Горбуновского торфяника; 2–5 – Юрьино IV; 1–5 – НТМЗ).



1



2



3

Фото 40. Изделия из глины (1 – Три Сестры; 2 – Майна; 3 – Шайтанское озеро I;
1, 3 – НТМЗ; 2 – Государственный Эрмитаж).



1



2



3



4



5



6

Фото 41. Глиняная пластика (1 – Юрьинское поселение; 2 – Южный шихан;
3, 4 – Шайтанское озеро I; 5, 6 – Кокшаровско-Юрьинская II; 1-4 – НТМЗ;
5, 6 – СОКМ).



1



2



3



4



5



6

Фото 42. Каменные подвески (1 – погребение в Бурановской пещере; 2 – Камень Дыроватый; 3, 4, 6 – Шайтанское озеро I; 5 – Шайтанское озеро II; 1 – Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН; 2–6 – НТМЗ).



1



2

Фото 43. Подвески из зубов и костей животных (1 – погребение в камне Дождевом;
2 – погребение на Шайтанском Шихане. НТМЗ).



1



2



3



4



5

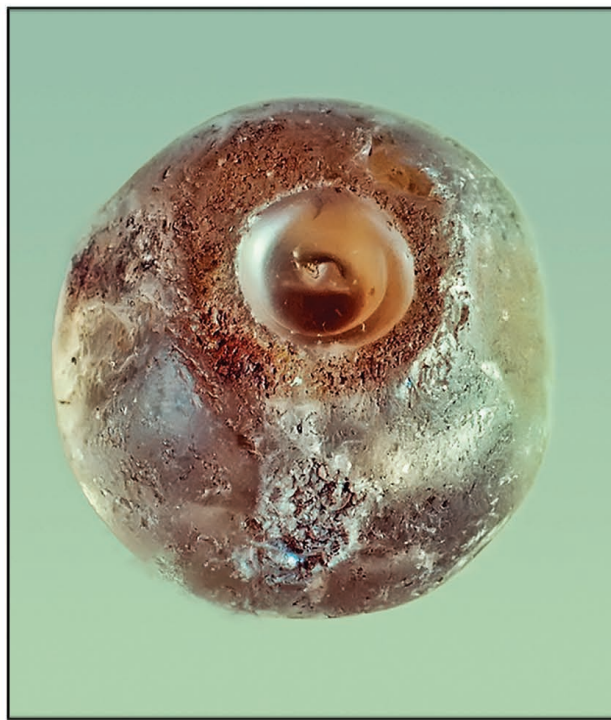


6

Фото 44. Подвески из зубов и костей животных (1, 6 – пещера Туристов;
2–4 – Камень Дыроватый; 5 – Камень Дыроватый (1) и Денежный (2–3); 1,
6 – Музей археологии Урала НТГСПА; 2–5 – НТМЗ).



1



2

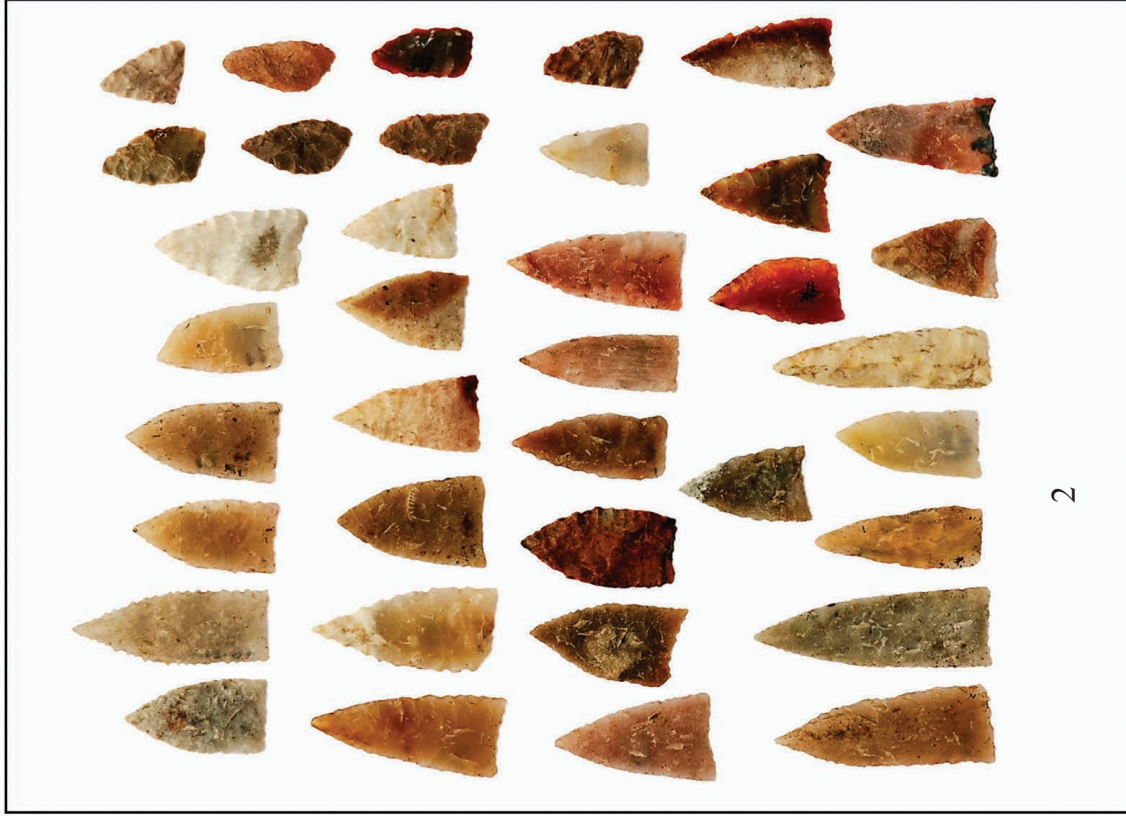


3

Фото 45. Изделия из горного хрусталя (1 – Серый Камень;
2 – случайная находка с р. Суундук; 3 – Шайтанское озеро I и Серый Камень (2);
1, 3 – НТМЗ; 2 – СОКМ).



1



2

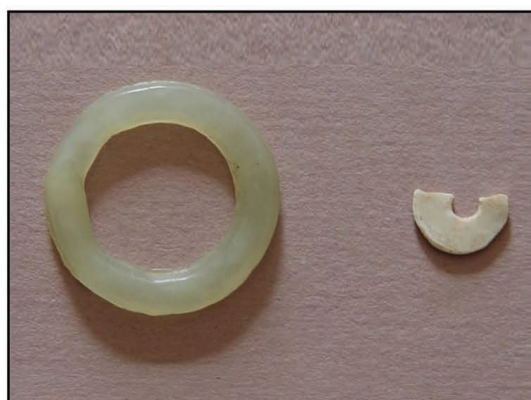
Фото 46. Наконечники дротиков и стрел (1, 2 – Шайтанское озеро I. НТМЗ).



1



2



3



4

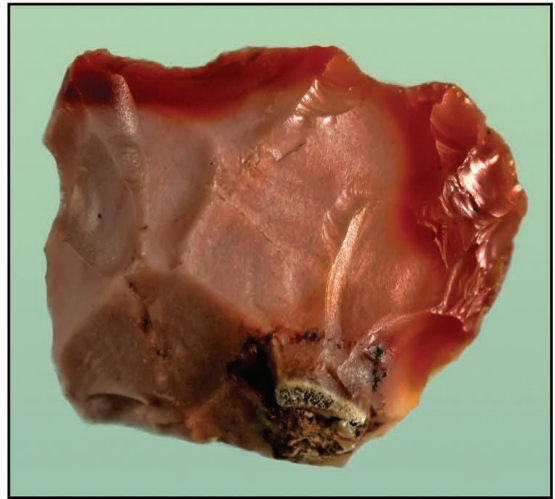


5

Фото 47. Изделия из цветных и благородных минералов (1 – изделия из сердолика (Шайтанское озеро I, Камень Дыроватый, Крутяки I);
2, 3 – изделия из нефрита (Турбинский могильник);
4, 5 – изделие из халькопирита (пещера Туристов); 1 – НТМЗ;
2, 3 – Пермский краеведческий музей; 4, 5 – Музей археологии Урала НТГСПА).



1



2



3



4



5



6

Фото 48. Изделия из благородных минералов (1–4) и окрашенные охрой предметы (4–6) (1 – Мокинский могильник; 2 – Аятское озеро; 3 – Синташтинский могильник; 4 – Палатки II; 5, 6 – Усть-Вагильский холм; 1 – Пермский краеведческий музей; 2 – НТМЗ; 3 – Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН; 4 – Институт истории и археологии УрО РАН; 5, 6 – СОКМ).

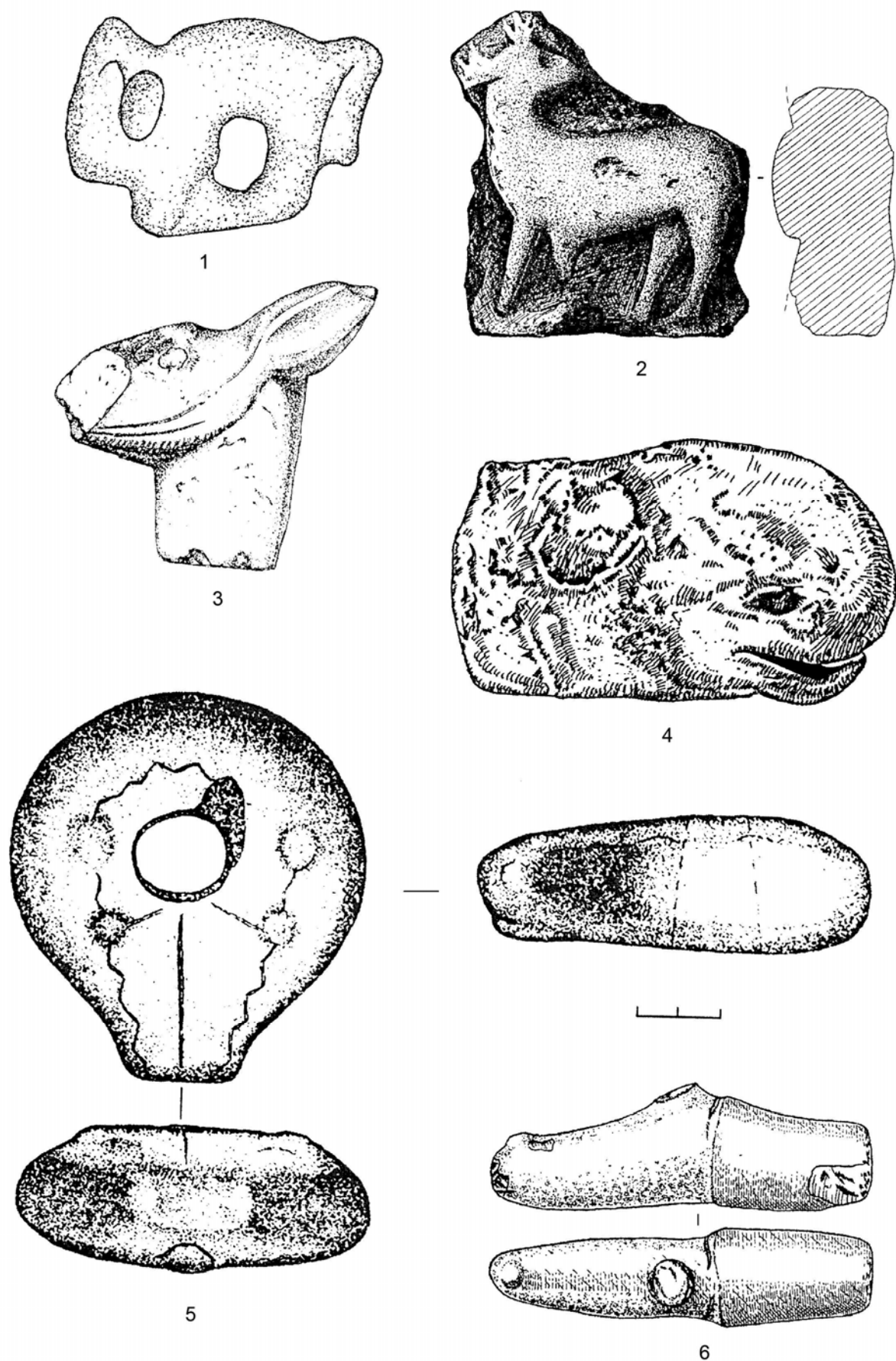
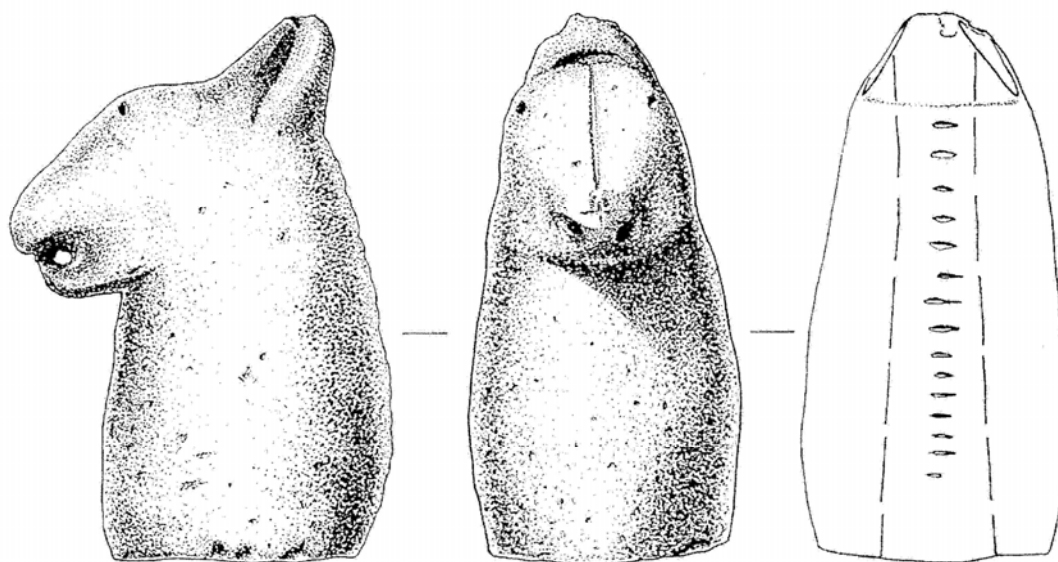
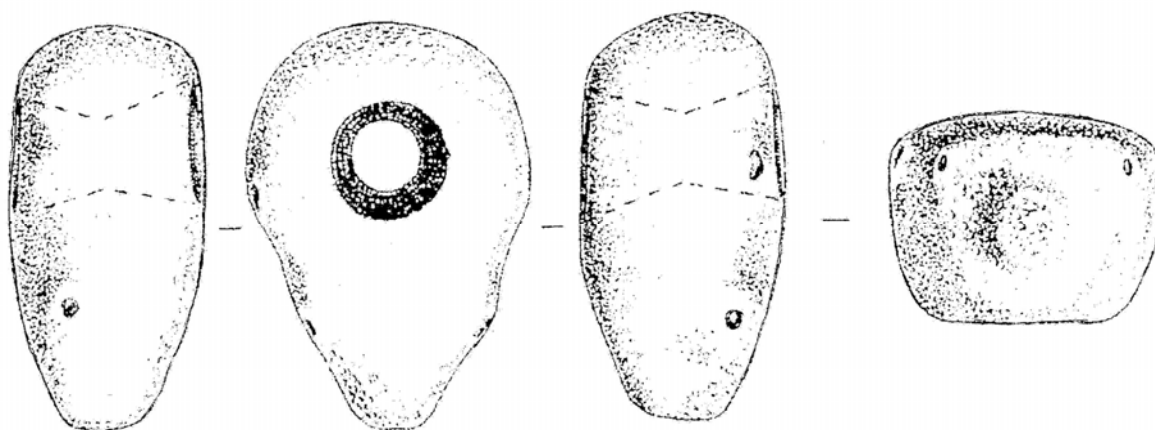


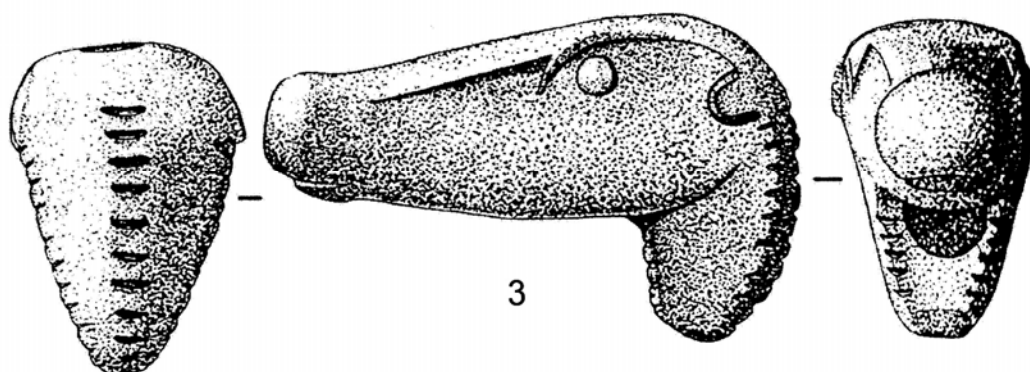
Рис. 1. Каменная скульптура (1–8 – изображения животных; 1 – окрестности Нуркеево; 2 – р. Донгуз; 3 – окрестности Байгильдино; 4 – Евстюниха I; 5 – Кокшаровский холм; 6 – Малый Липовый VI)



1



2



3

Рис. 2. Каменная скульптура (1–3 – изображения животных; 1 – окрестности Нижней Туры; 2 – р. Белая; 3 – окрестности Новоорска)

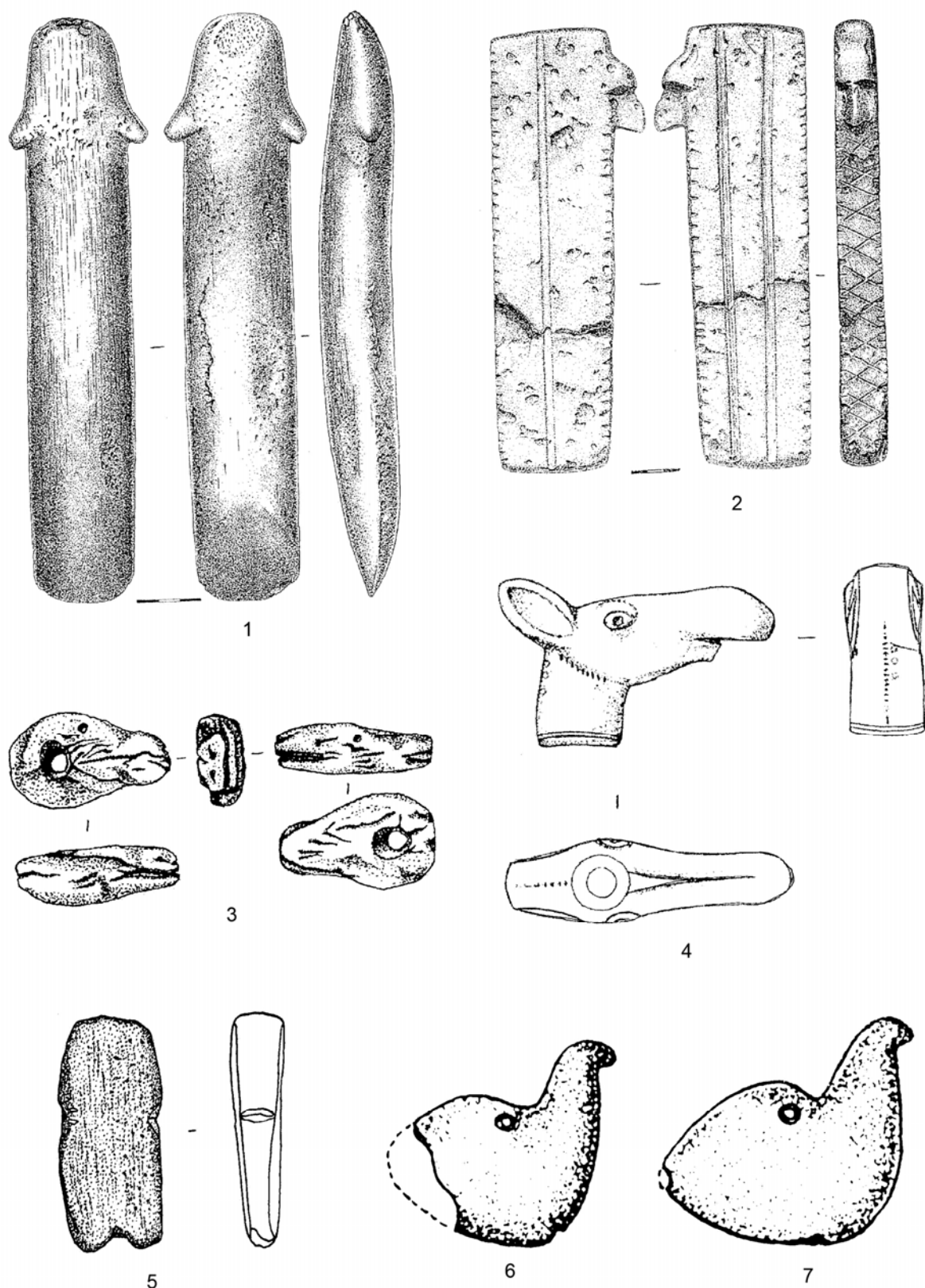


Рис. 3. Каменная скульптура (1, 3–4 – изображения животных; 2, 5 – антропоморфные изображения; 6–7 – изображения птиц; 1 – окрестности Нижней Туры; 2 – Палатки II; 3 – Малый Липовый VI; 4 – окрестности Фершенпенуаз; 5 – Шайтанское озеро I; 6–7 – Кара-Якуповское погребение)

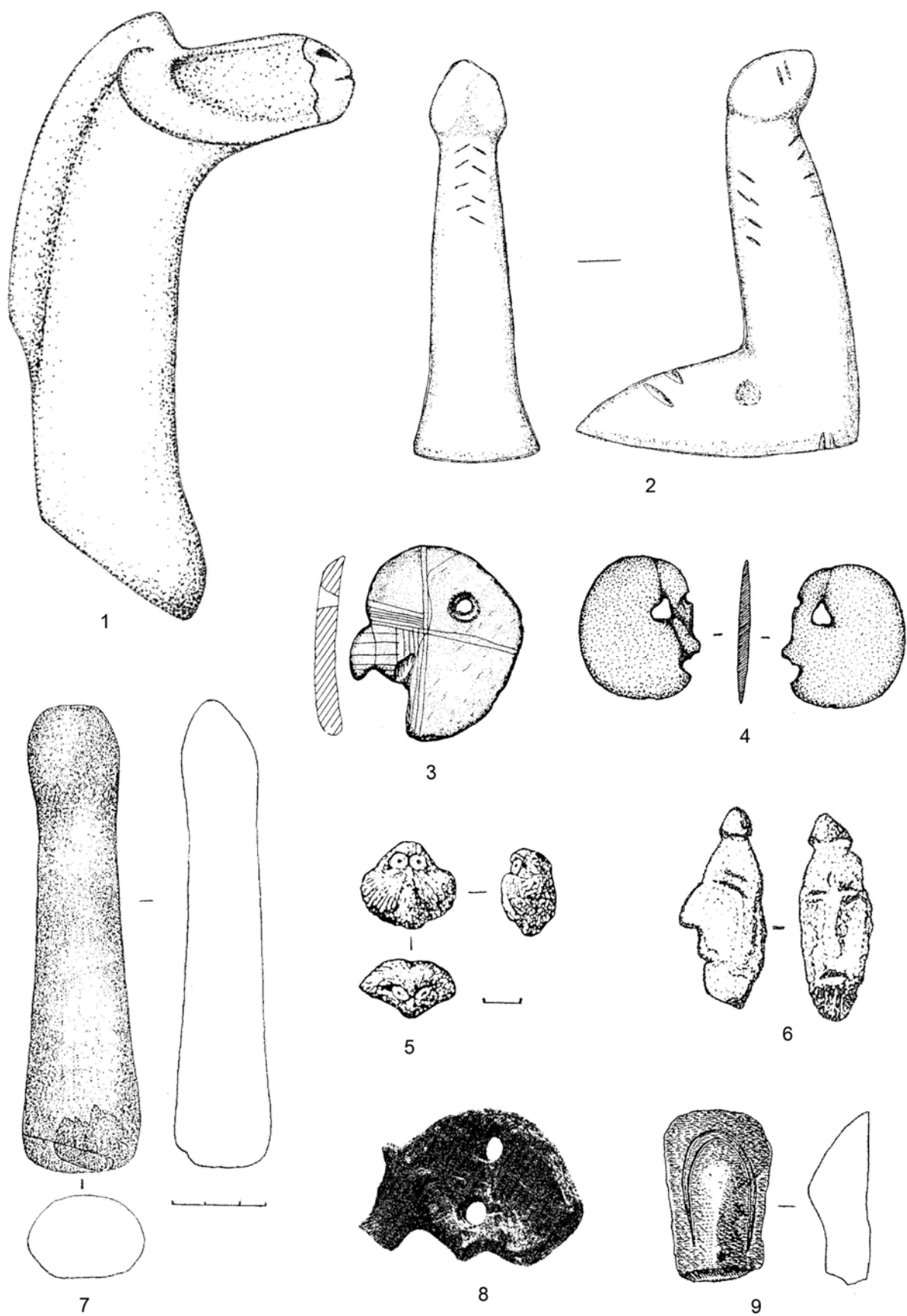


Рис. 4. Каменная скульптура (1, 8–9 – изображения животных; 2, 5 – изображения птиц; 3–4, 6–7 – антропоморфные изображения; 1 – г. Чека; 2 – Коптяки 9; 3, 5 – Муллино; 4 – Кумышанская пещера; 6 – Усть-Кедва II; 7 – Шайтанское озеро I; 8 – Еловый мыс; 9 – Сигаево III)

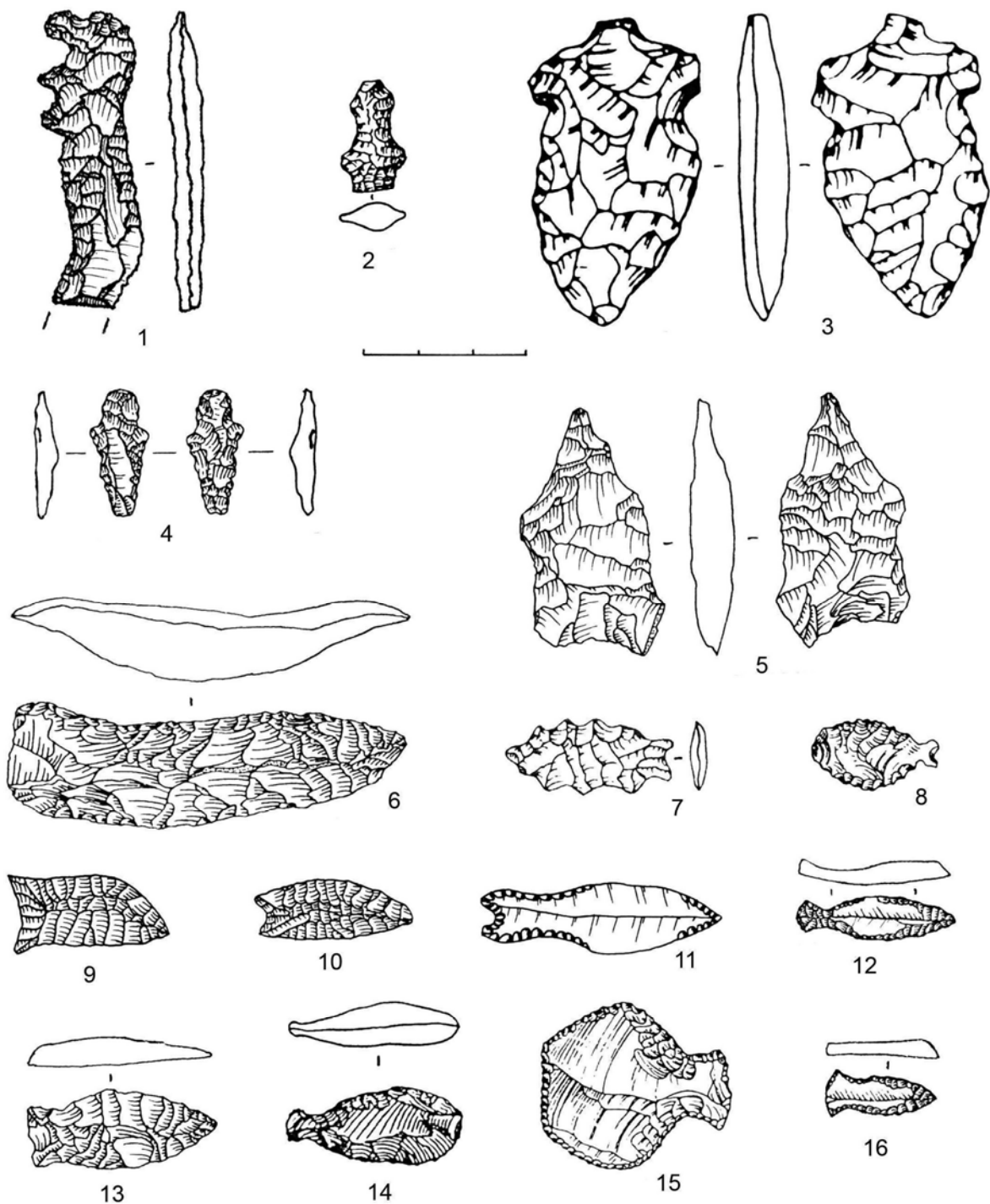


Рис. 5. Кремневая скульптура (1–5 – антропоморфные изображения; 6–16 – изображения рыб; 1 – Вис II; 2 – Сандибей-ю VIII; 3 – Карабалыкты IX; 4 – Юрьино IV; 5, 6, 9, 10, 13 – Шайтанское озеро I; 7 – Юртик; 8 – Адзъва V; 11 – Юрьинское поселение; 12, 16 – Студенцы II; 14 – Ягкодж I; 15 – Ярейттейское)

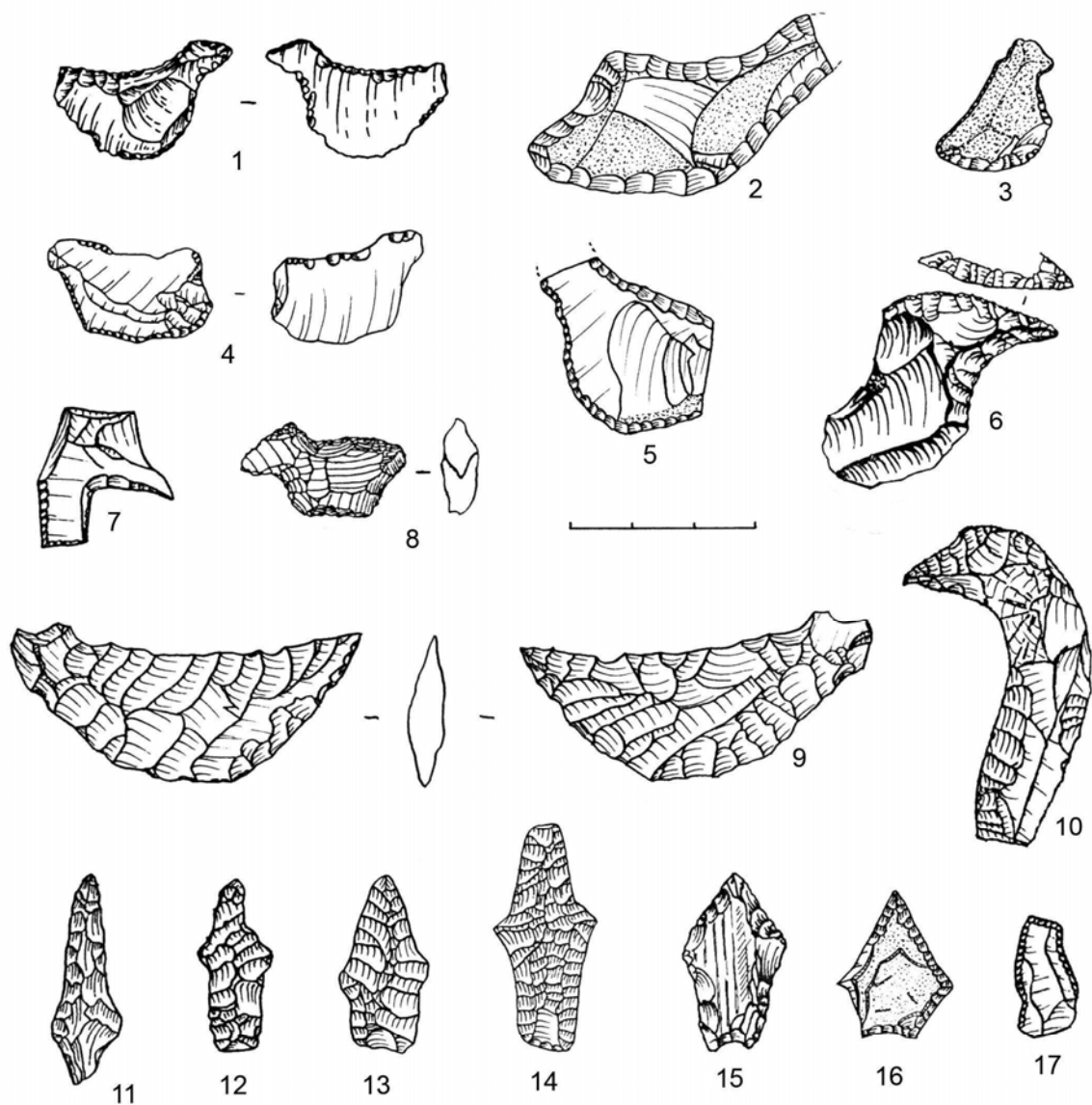


Рис. 6. Кремневая скульптура (1–17 – изображения птиц; 1 – Юрьино IV; 2, 13, 16 – Шайтанское озеро I; 3, 5 – Аятское правобережное; 4 – Юрьино VII; 6 – Ботыли IV; 7 – Паром I; 8 – Варжа; 9 – Таватуй VI; 10 – Бузан 3; 11, 15 – Шувакиш I; 12 – Камень Дыроватый; 14 – Кокшаровское поле; 17 – ЮАО VII)

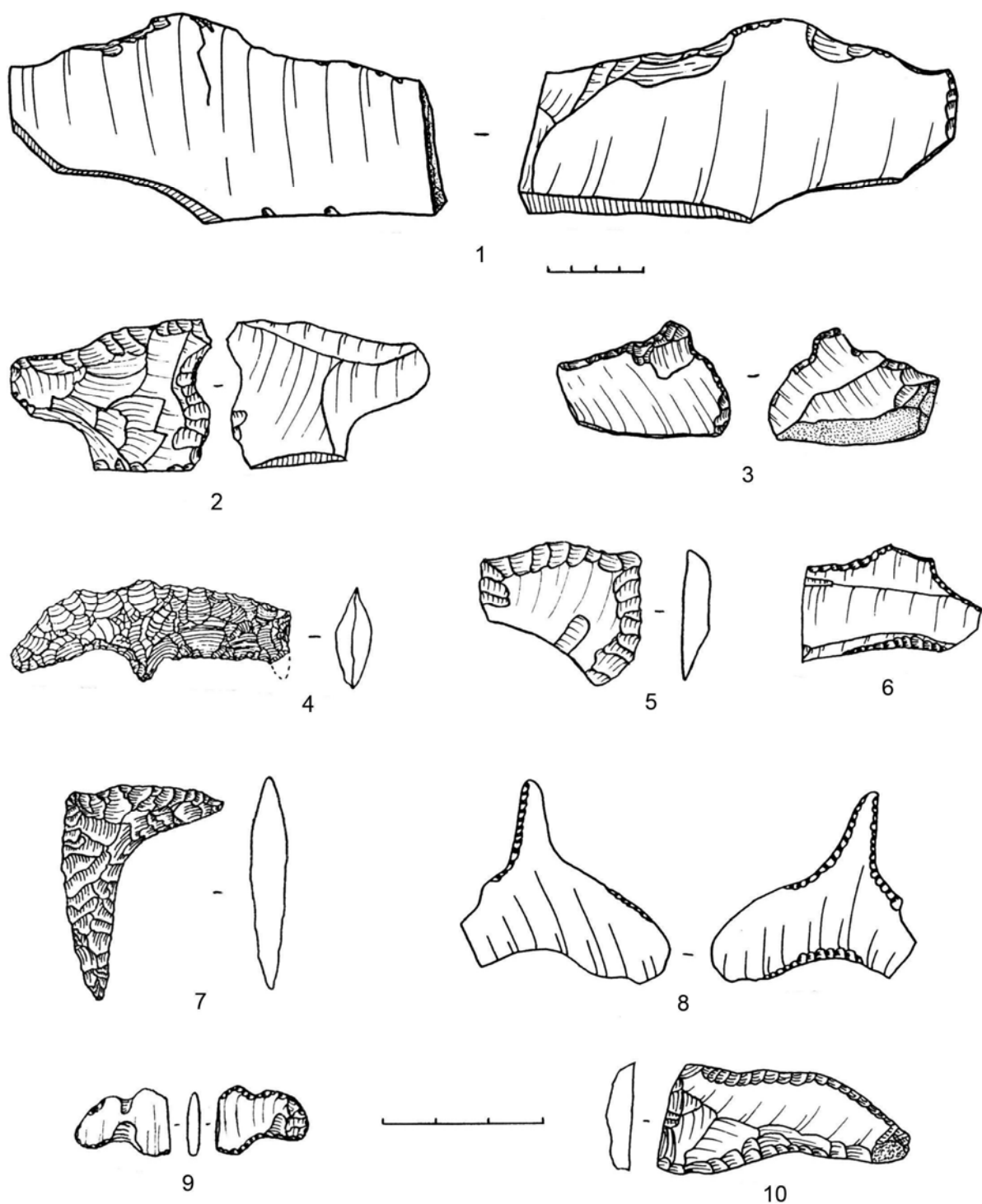


Рис. 7. Кремневая скульптура (1–6 – изображение медведей; 7–10 – изображения лосей; 1 – Уральские Зори V; 2 – р. Пышма; 3 – Макинский торфяник; 4 – Вис II; 5 – Чашиха I; 6 – III-я Береговая; 7 – Исетское Правобережное; 8 – I-ая Береговая; 9 – Камень Дыроватый; 10 – Шайтанское озеро I)

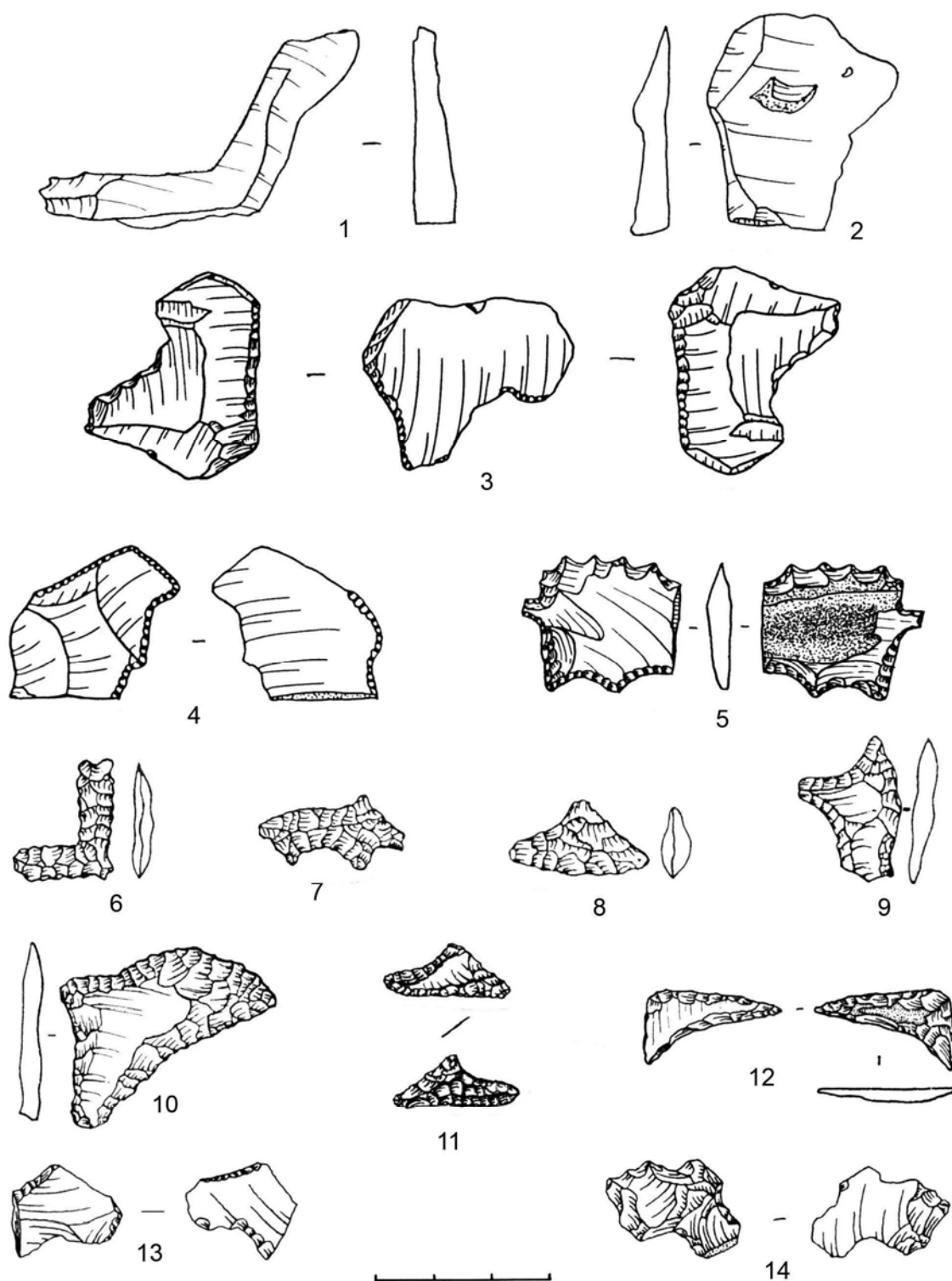


Рис. 8. Кремневая скульптура (1 – птица; 2 – медведь; 3 – полиэikonическая скульптура; 4 – бобр; 5 – еж; 6 – пушной зверек; 7 – кабан; 8–14 – головы животных; 1 – Кумышанская пещера; 2, 13 – Шайтанское озеро I; 3 – Юрьино VII; 4 – Аятское озеро; 5 – Шигирский Исток III; 6–10 – Юртик; 11 – Тархан I; 12 – Исетское Правобережное; 14 – Мыс Крутяк)

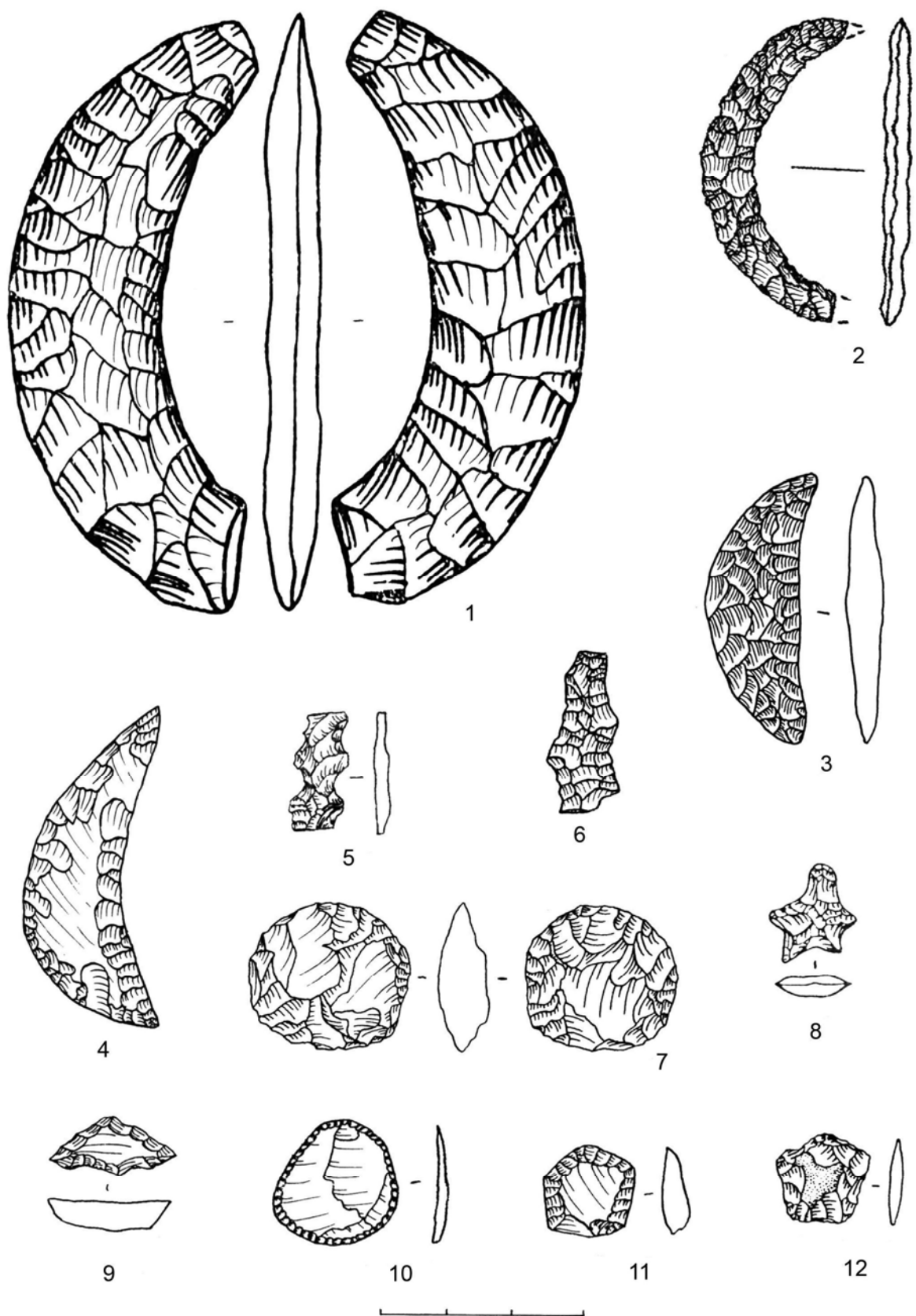


Рис. 9. Кремневая скульптура (1–12 – символические изображения; 1 – Муллино III; 2 – Вис I; 3 – Полуденка II; 4 – I-ая Береговая; 5 – Шувакиш I; 6 – Камень Дыроватый; 7 – Шигирский Исток III; 8 – Юртик; 9–12 – Шайтанское озеро I)

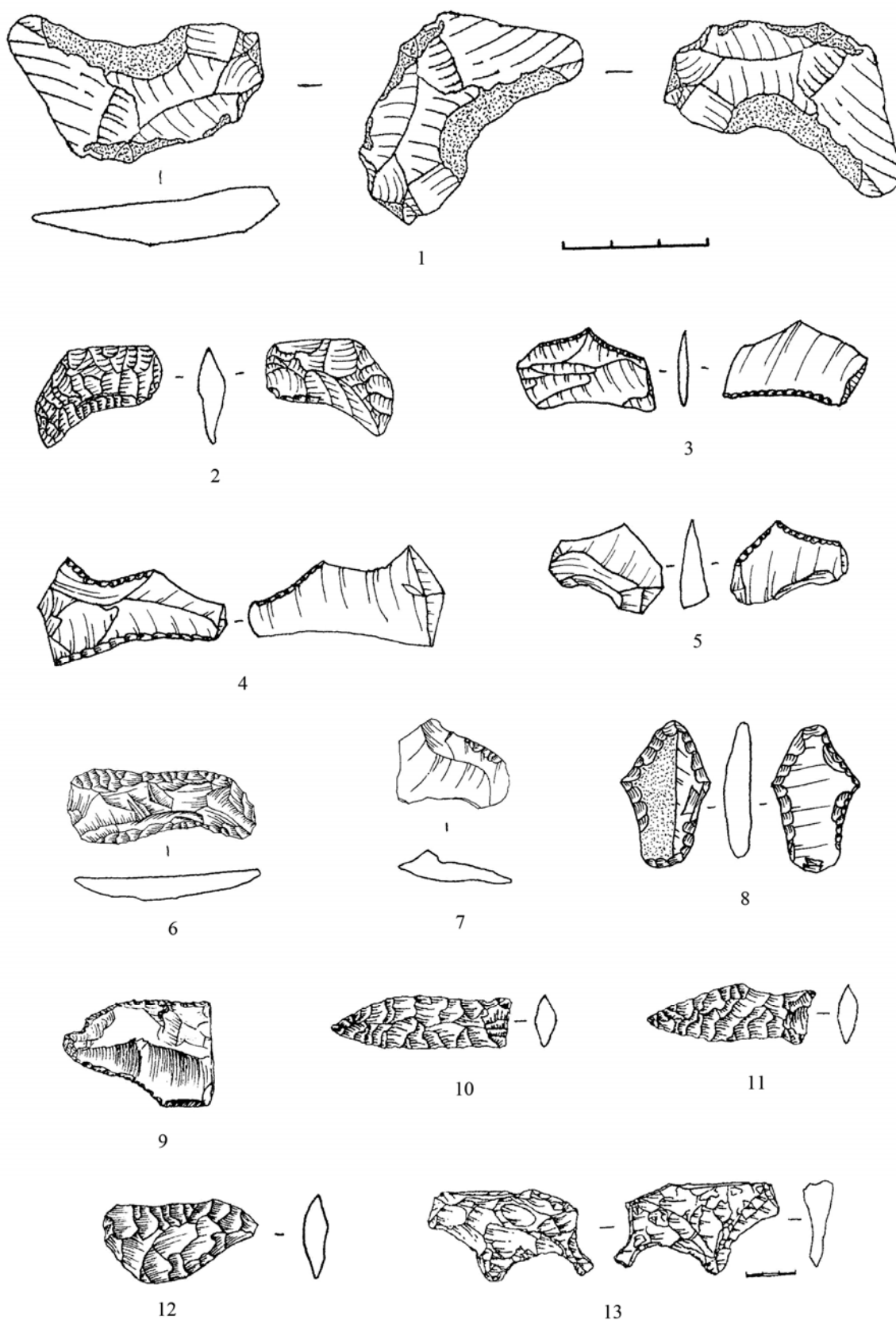


Рис. 10. Новые находки кремневых скульптур (1–7, 9 – головы животных; 8 – птица; 10–11 – рыбы; 1, 6, 7, 8 – Шайтанское озеро II; 2–3 – Шайтанское озеро I; 4 – Шайтанский Шихан; 5 – Рычкова; 9 – Палатки I; 10–11 – Скворцовская гора V; 12 – Мурино I; 13 – Усть-Утяк I)

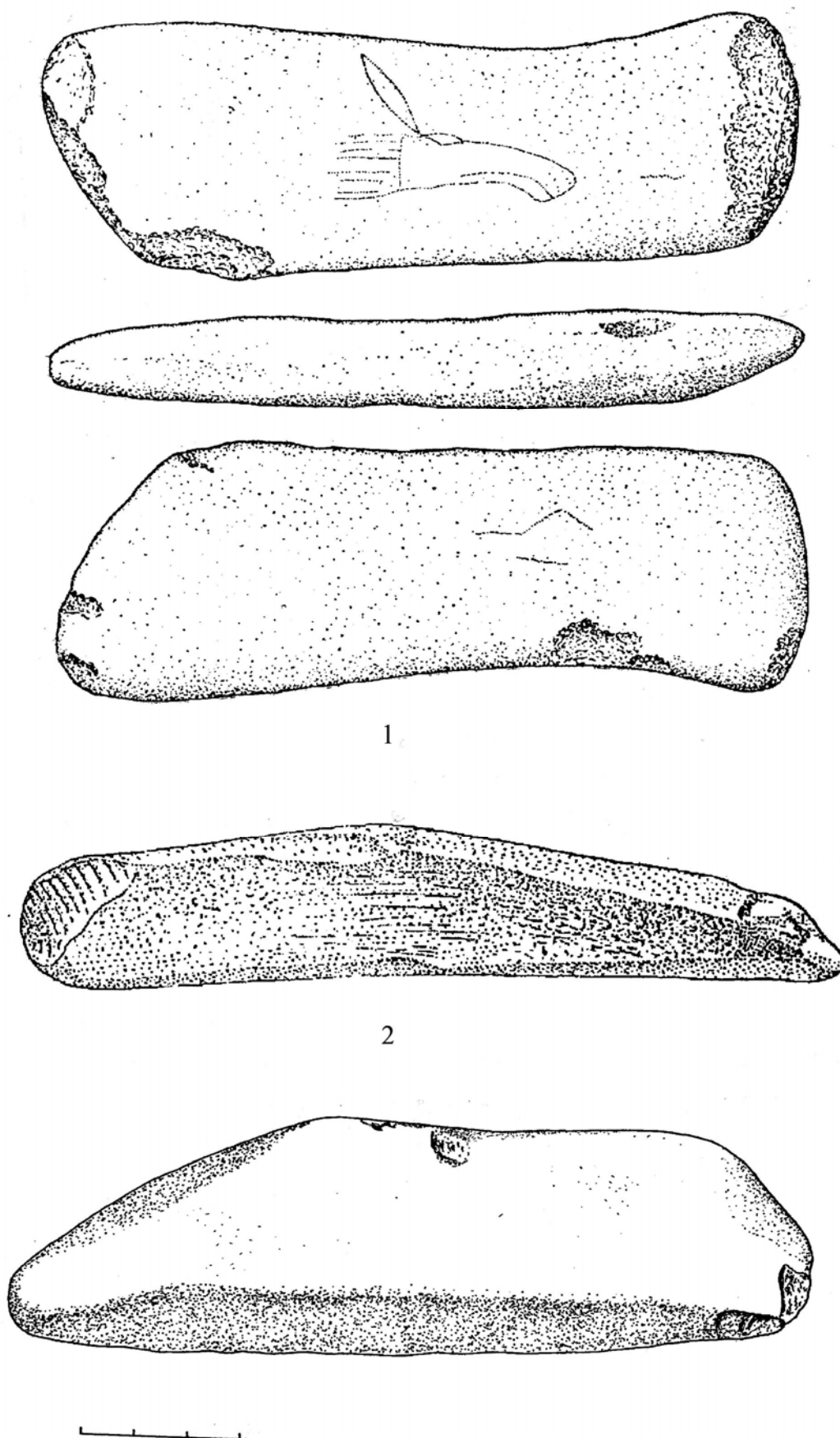


Рис. 11. Галечная скульптура (1 – Горная Талица; 2 – Андреевка III; 3 – Чашкинское Озеро IV)

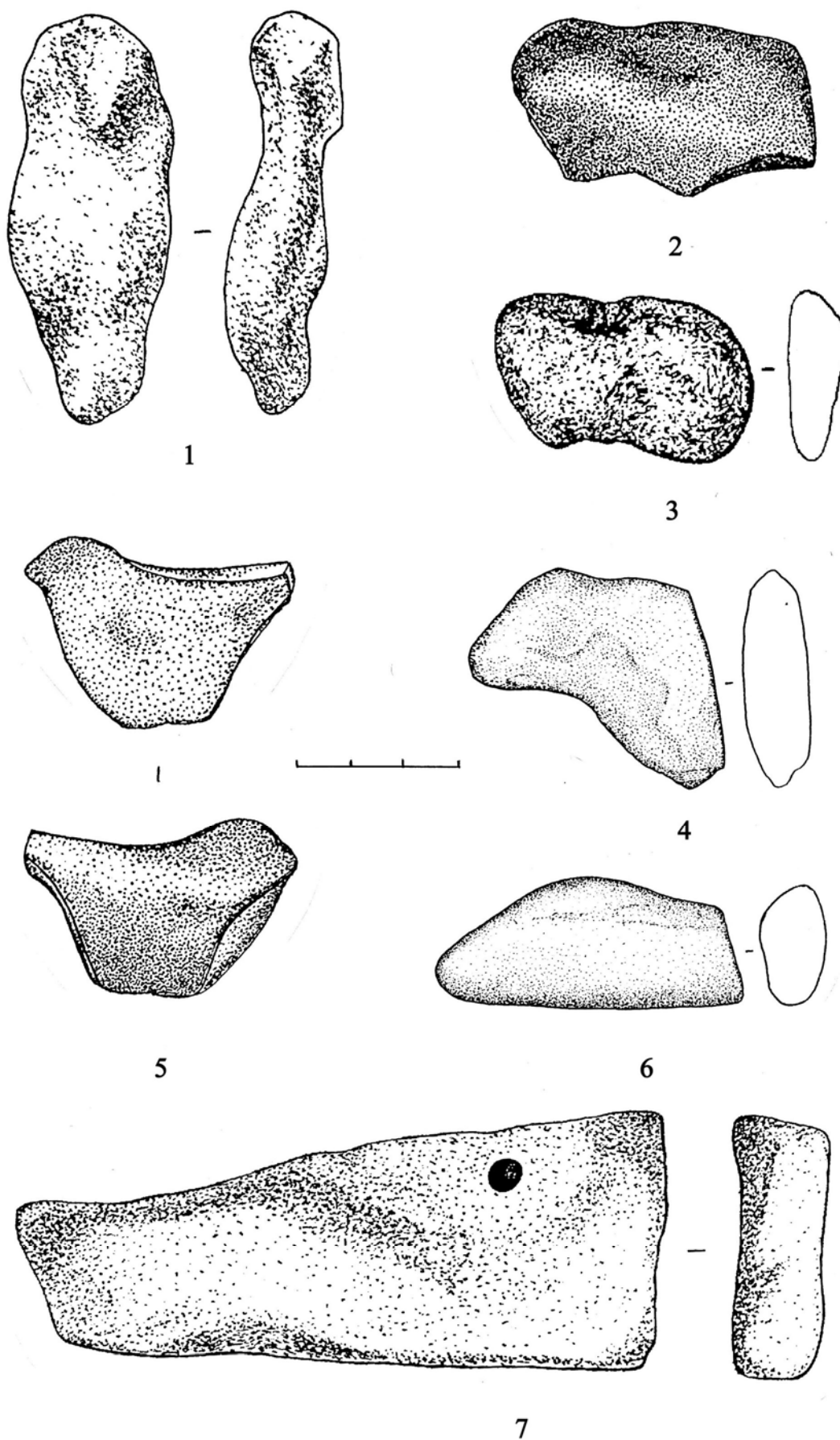


Рис. 12. Галечная скульптура (1 – Боровка III; 2, 5, 7 – Кумышанская пещера; 3 – Большой Эльгахчан I; 4, 6 – Шайтанское озеро I)

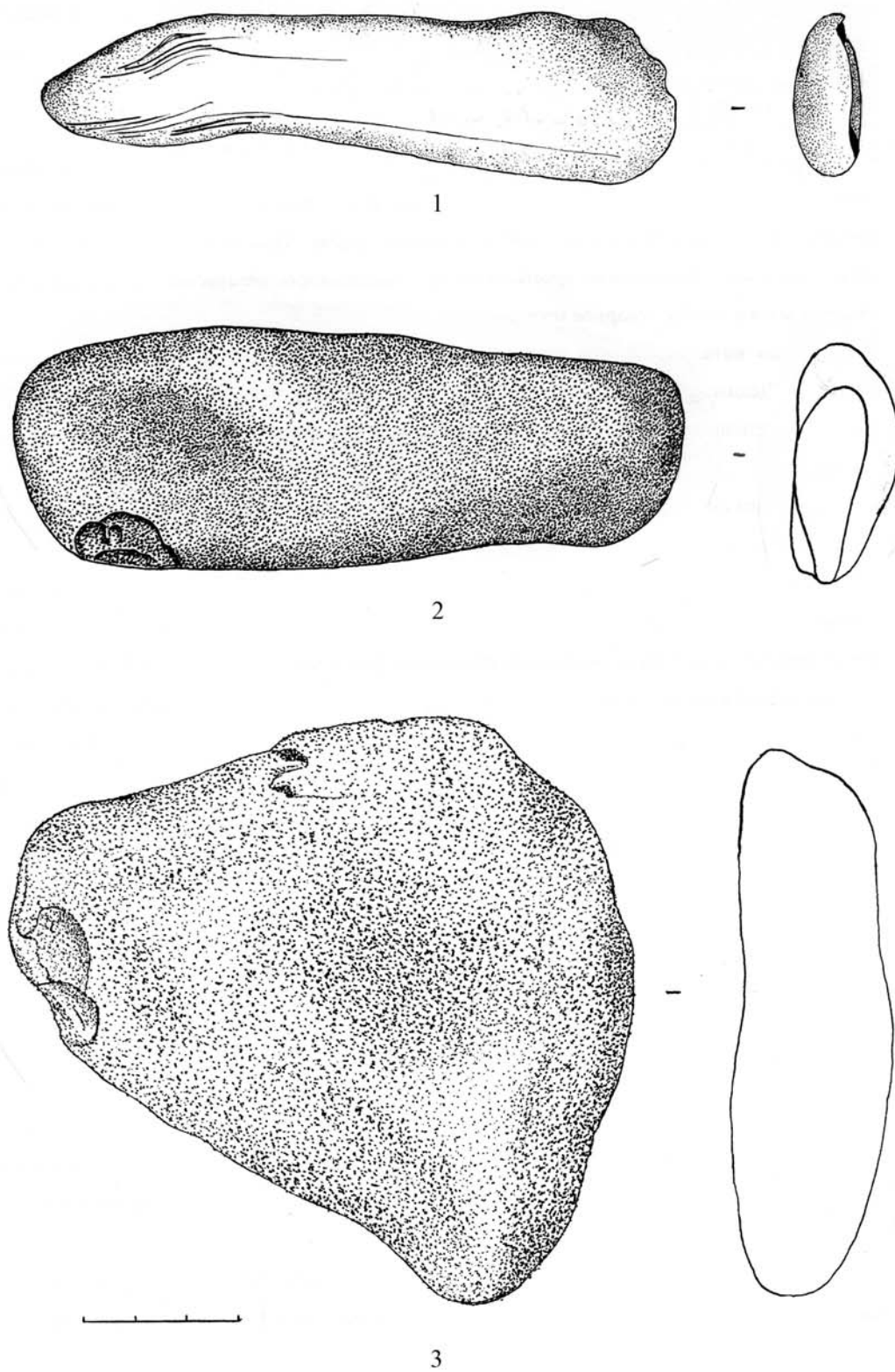


Рис. 13. Галечная скульптура (1, 2 – Кумышанская пещера; 3 – пещера Туристов)

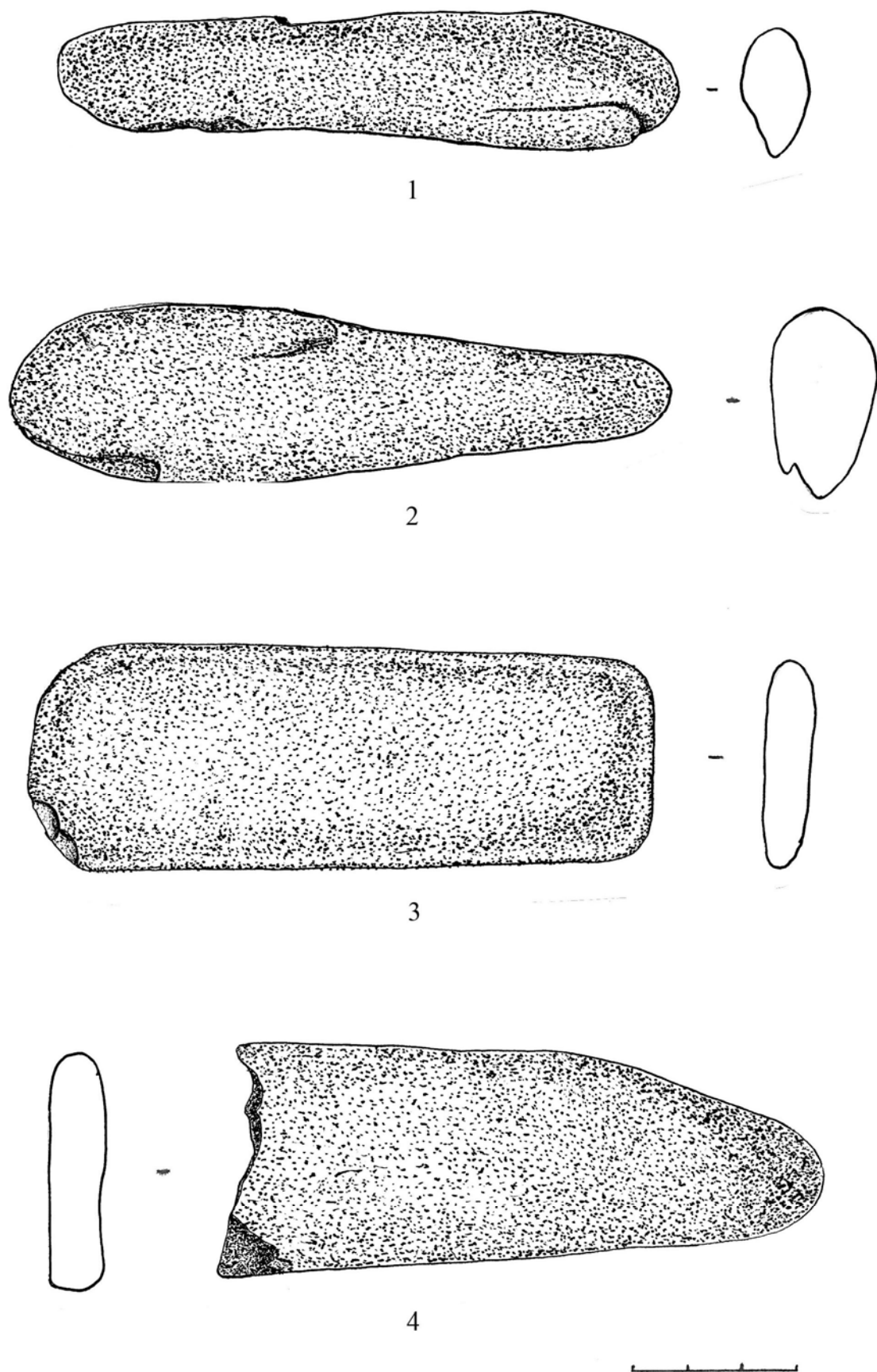


Рис. 14. Галечная скульптура (1–4 – пещера Туристов)

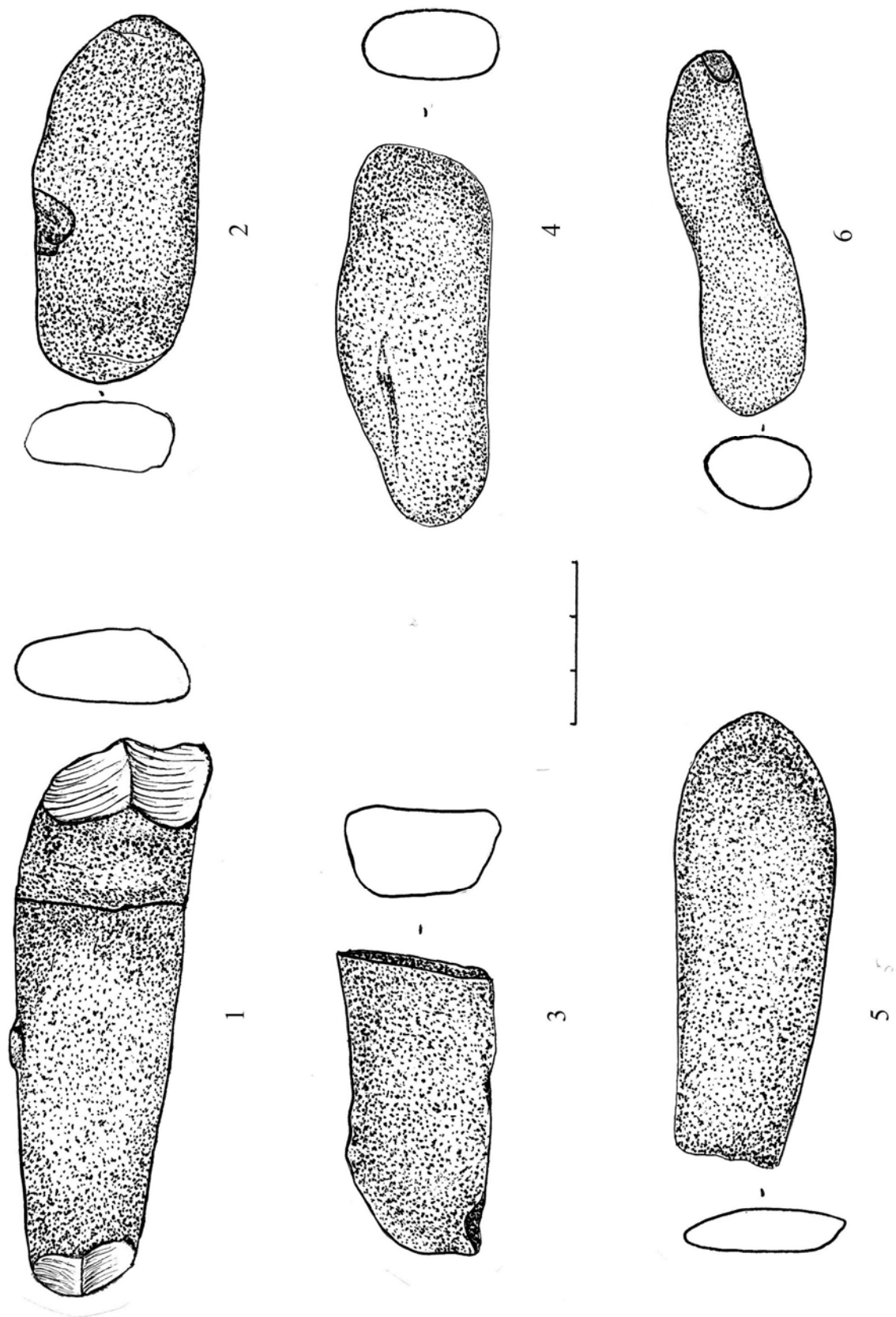


Рис. 15. Галечная скульптура (1-6 – пещера Туристов)

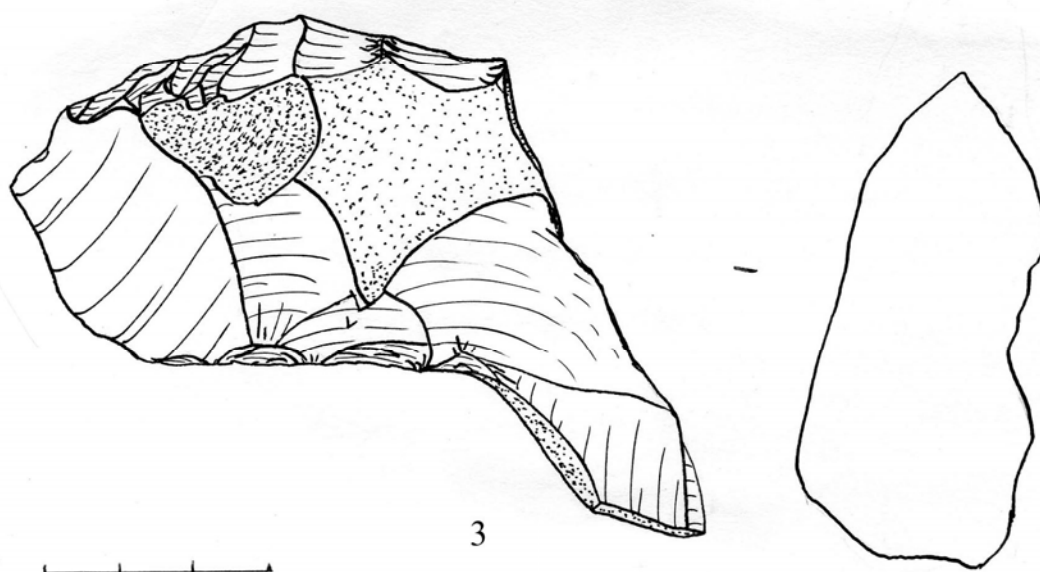
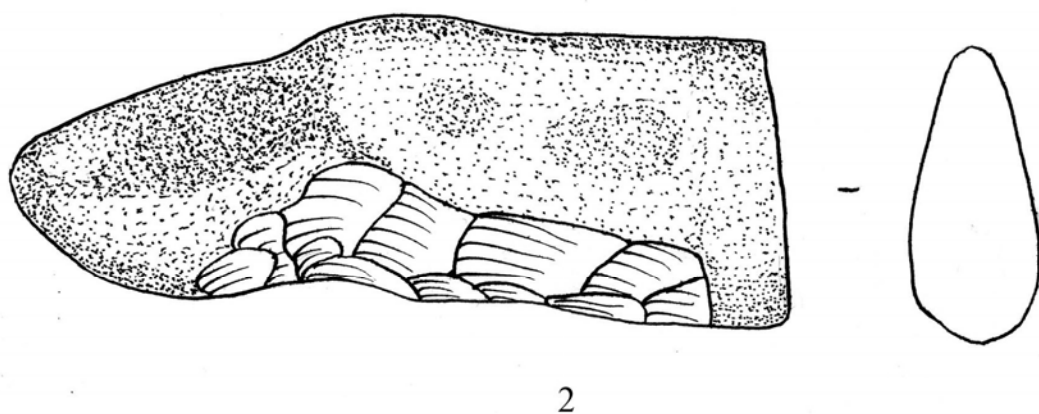
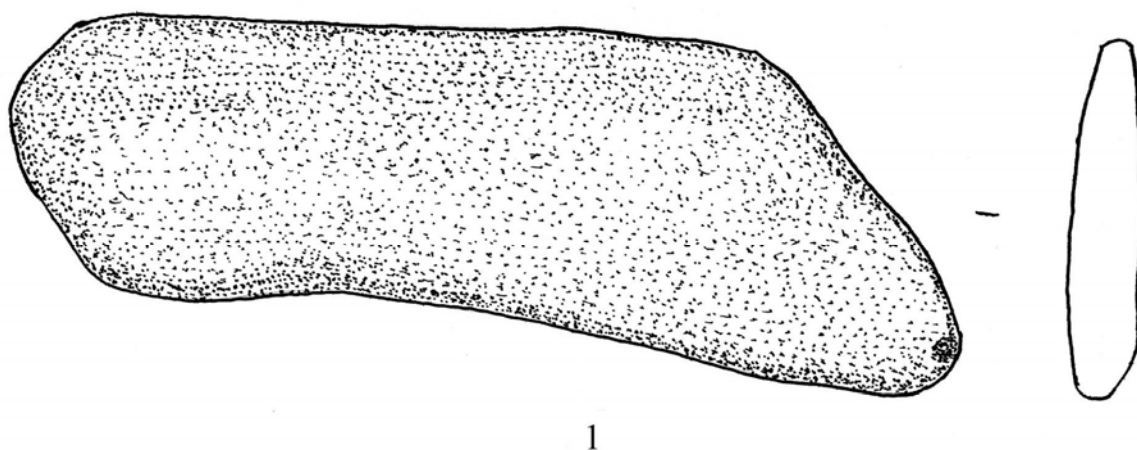


Рис. 16. Галечная скульптура (1–3 – пещера Туристов)

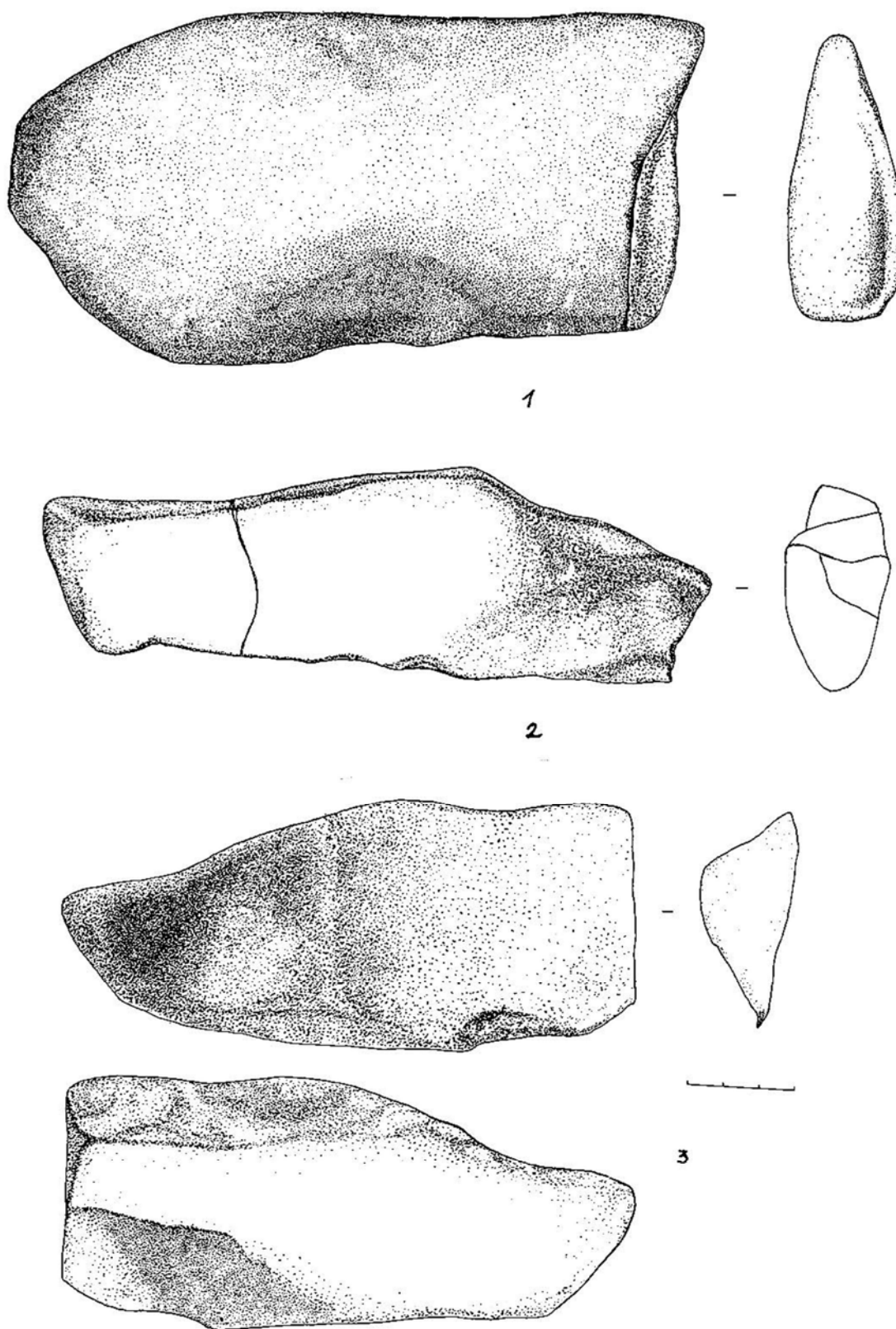


Рис. 17. Галечная скульптура (1–3 – Кумышанская пещера)

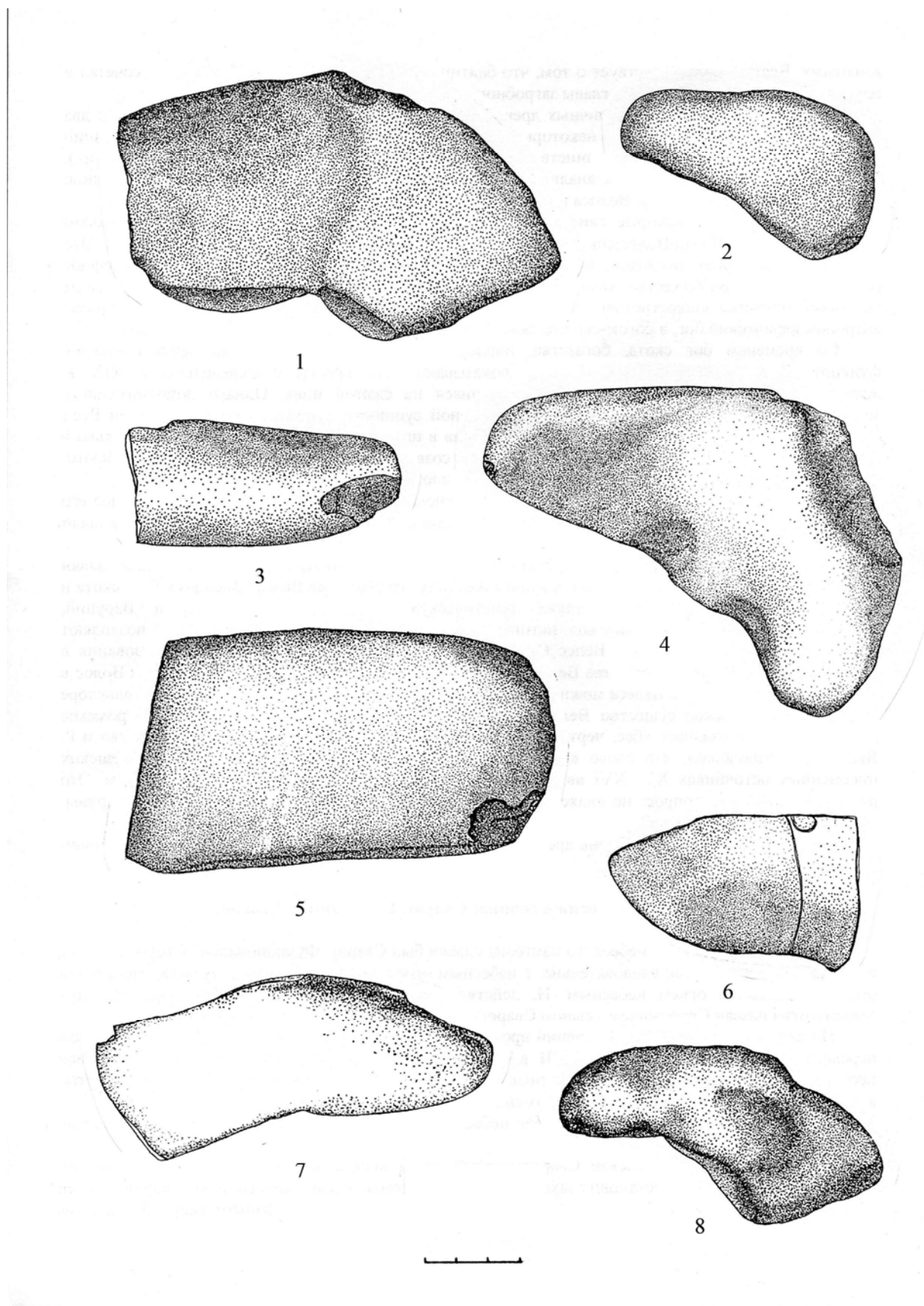


Рис. 18. Галечная скульптура (1–8 – Кумышанская пещера)

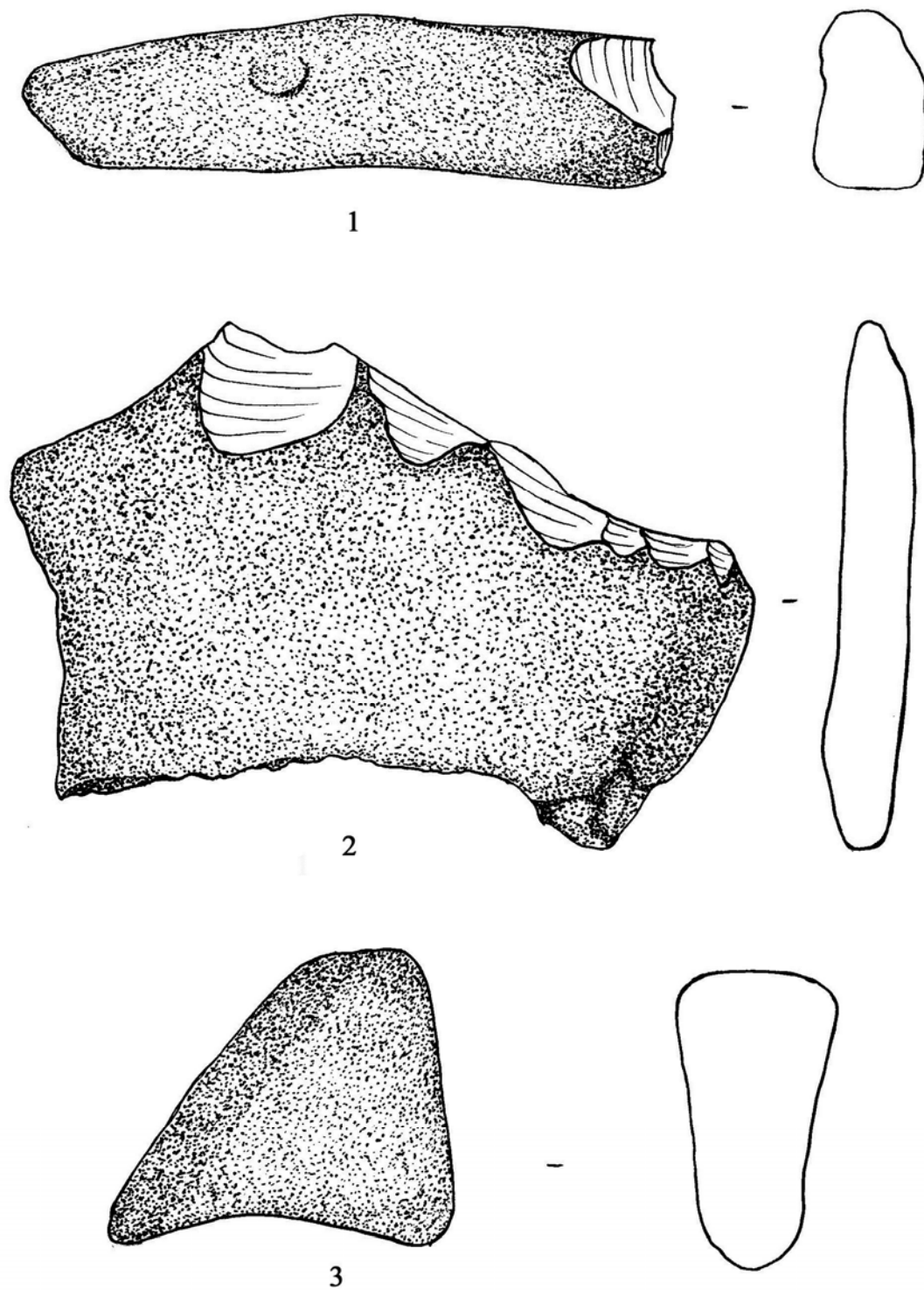


Рис. 19. Галечная скульптура (1 – Кумышанская пещера; 2–3 – пещера в Камне Котел)

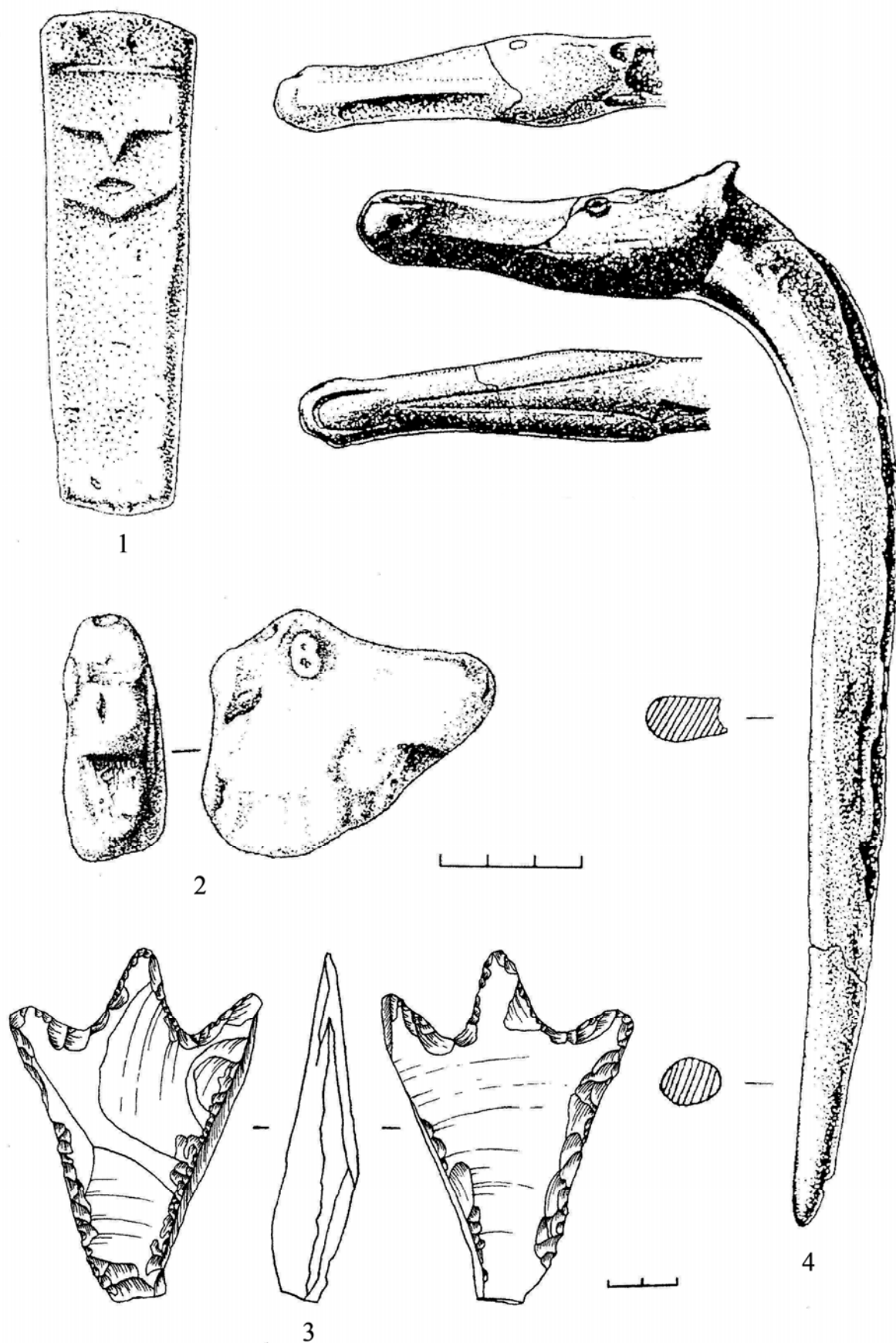


Рис. 20. Каменная (1–3) и роговая (4) скульптура (1 – Сигаево III; 2 – Сергеевка I; 3 – Сабакты-8; 4 – р. Ток)

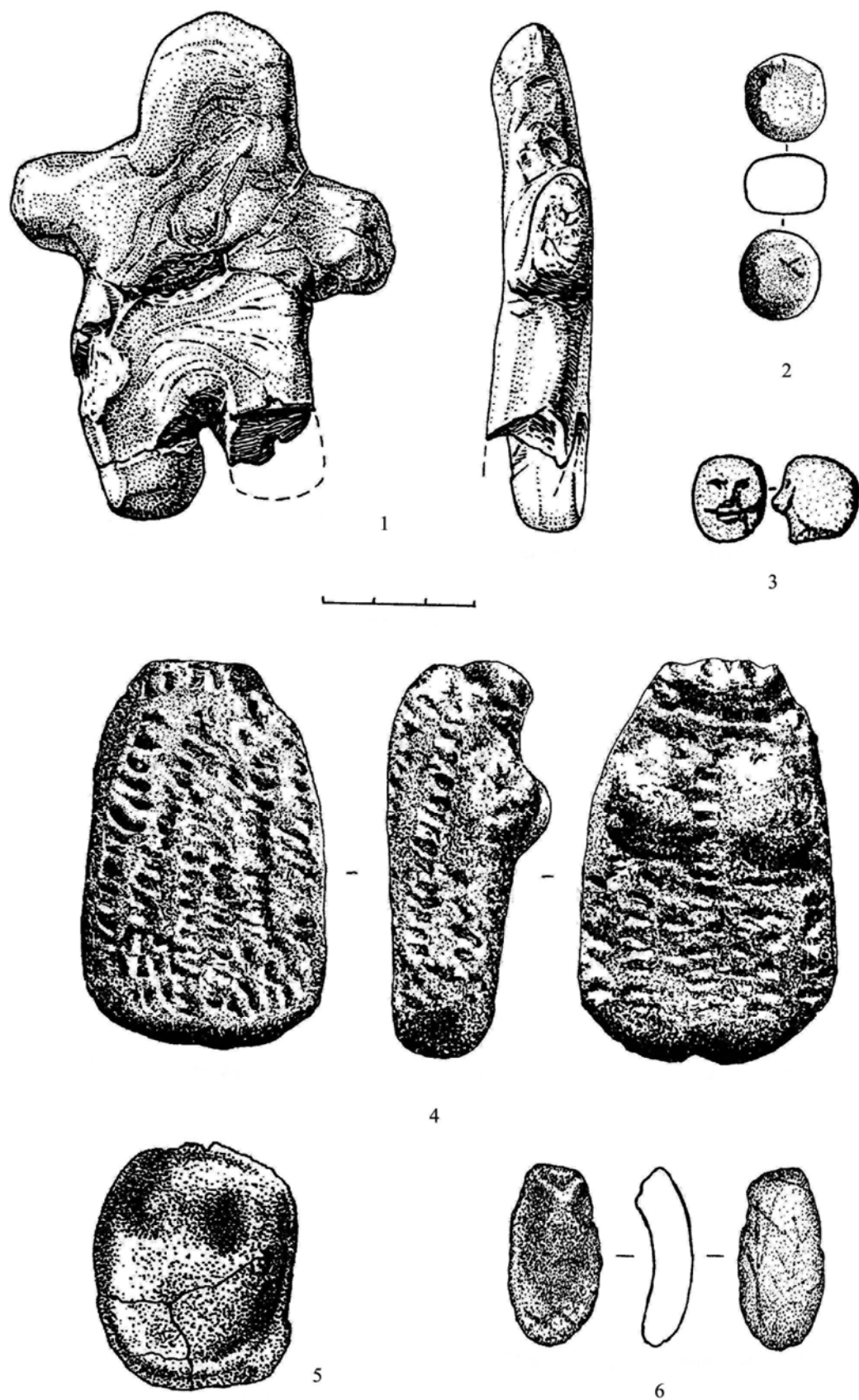


Рис. 21. Глиняная скульптура (1–6 – антропоморфные изображения;
1 – Майнинская стоянка; 2 – Игнatieвская пещера; 3 – Вад I; 4 – Березовый мыс;
5 – Палатки II; 6 – Кокшаровское Поле)

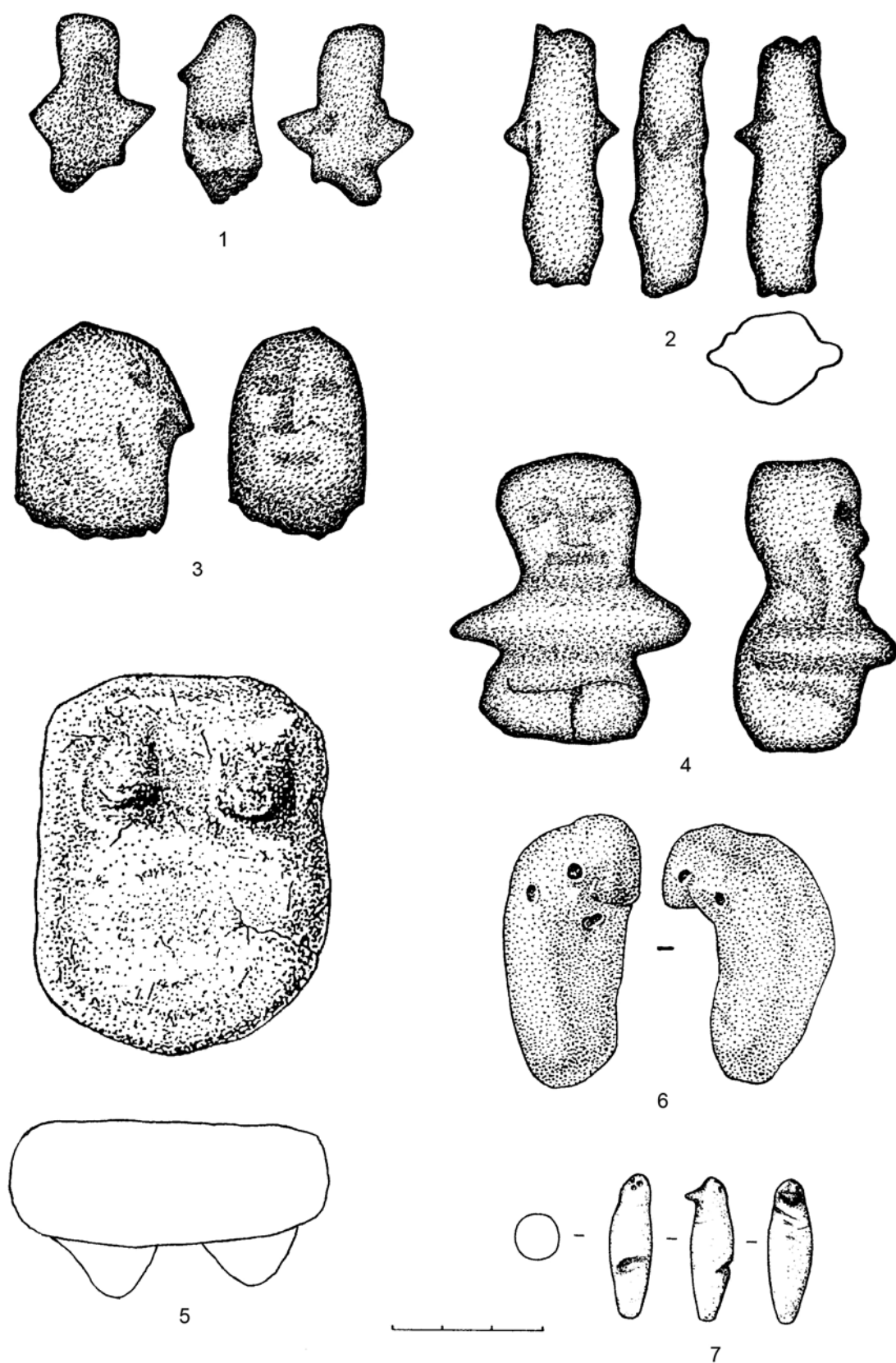


Рис. 22. Глиняная скульптура (1–7 – антропоморфные изображения; 1–2 – Эньты I; 3 – Сабакты III; 4 – Верхние Леузы; 5 – Палатки II; 6 – Большой Ларьяк; 7 – Усть-Вагильский холм)

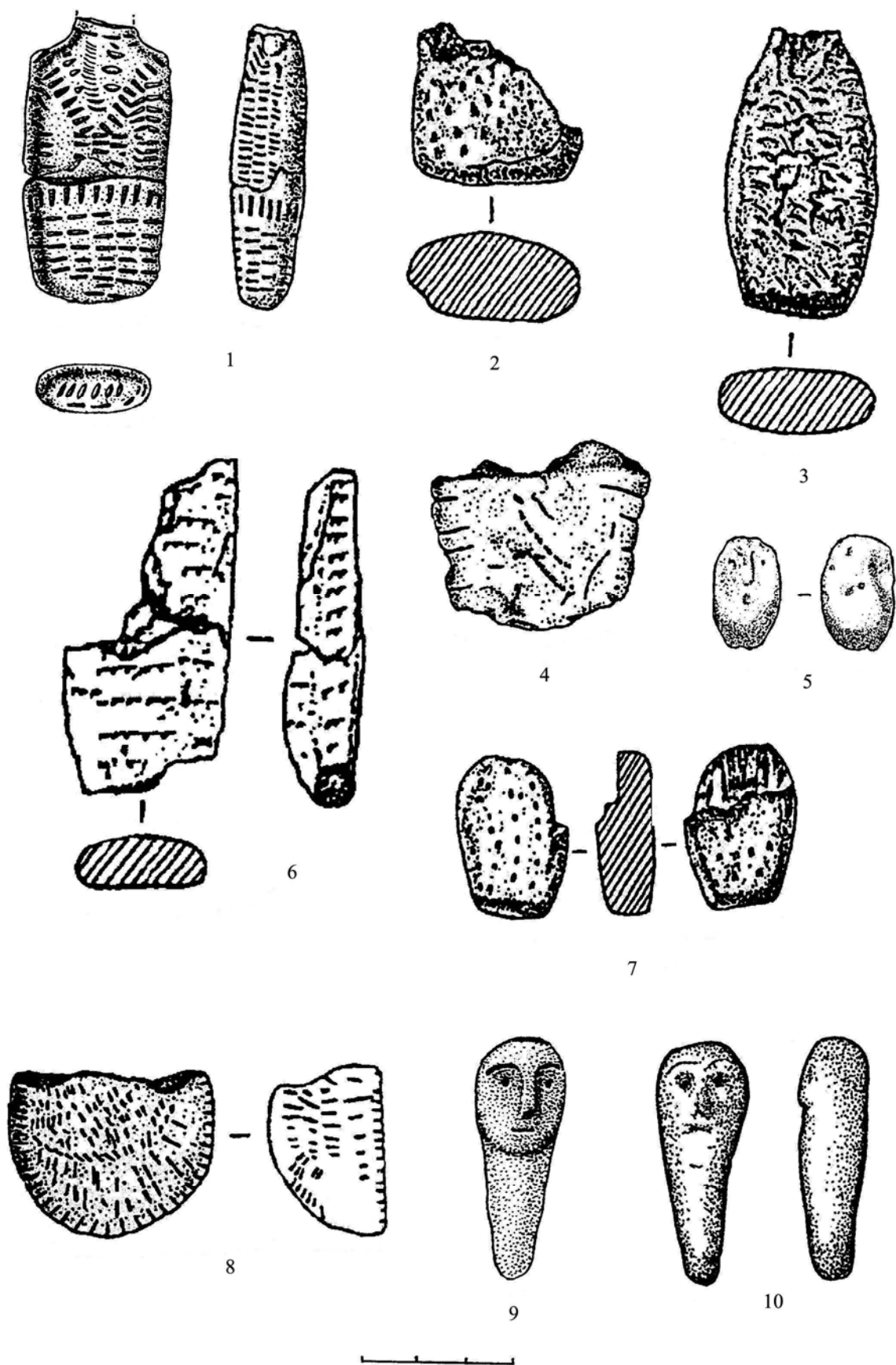


Рис. 23. Глиняная скульптура (1-10 – антропоморфные изображения;
1-5, 7-8 – ЮАО-ХІІ; 6 – ЮАО-ХІІІ; 9-10 – Болдинка)

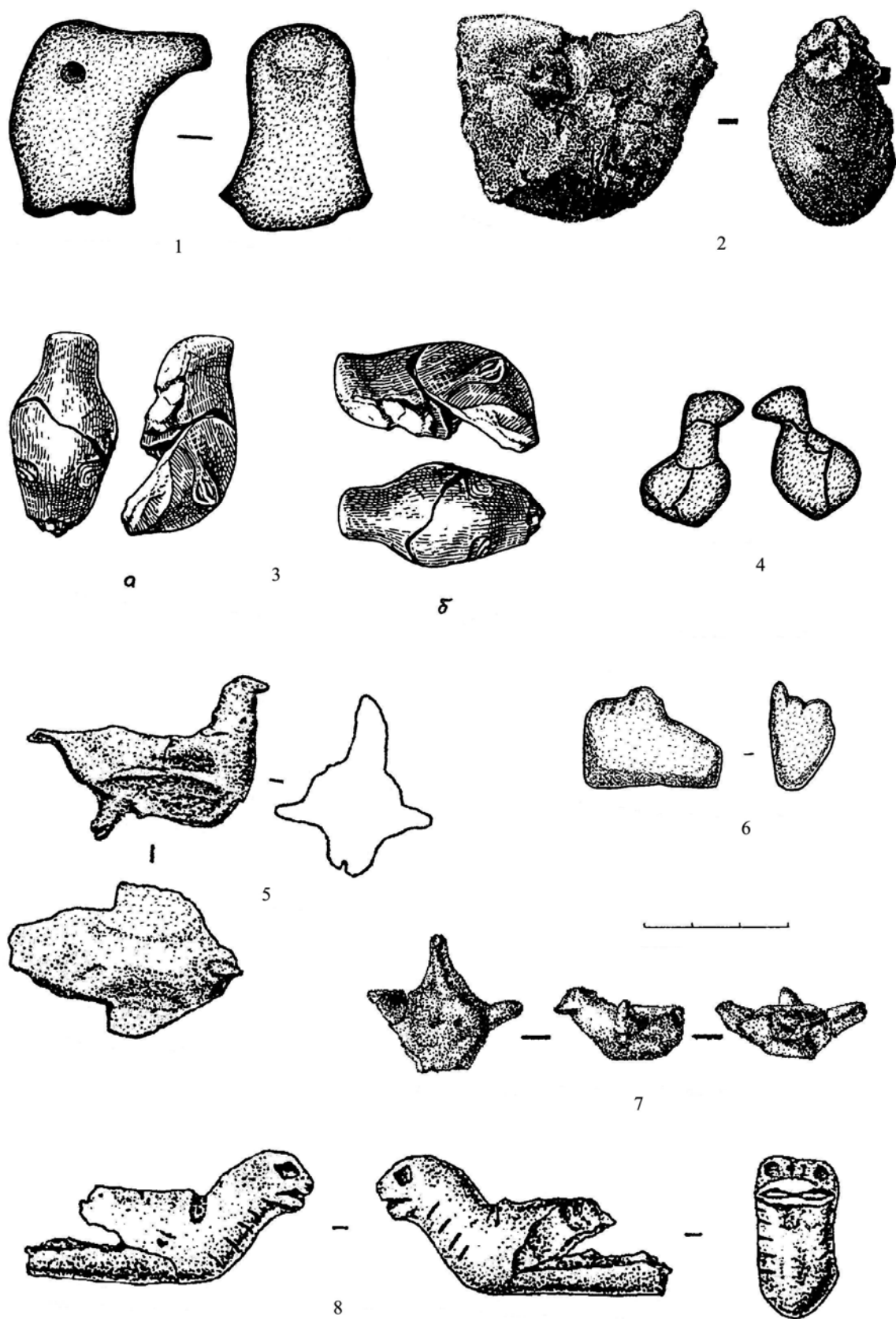


Рис. 24. Глиняная скульптура (1–4, 6–7 – птицы; 5 – медведь; 8 – змея; 1 – Кокшаровский холм; 2 – Кокшаровское Поле; 3 – Евстюниха I; 4 – Пезмогты 3; 5 – Шувакиш I; 6 – ЮАО-XV; 7 – Малый Шарташ III; 8 – ЮАО-VIII)

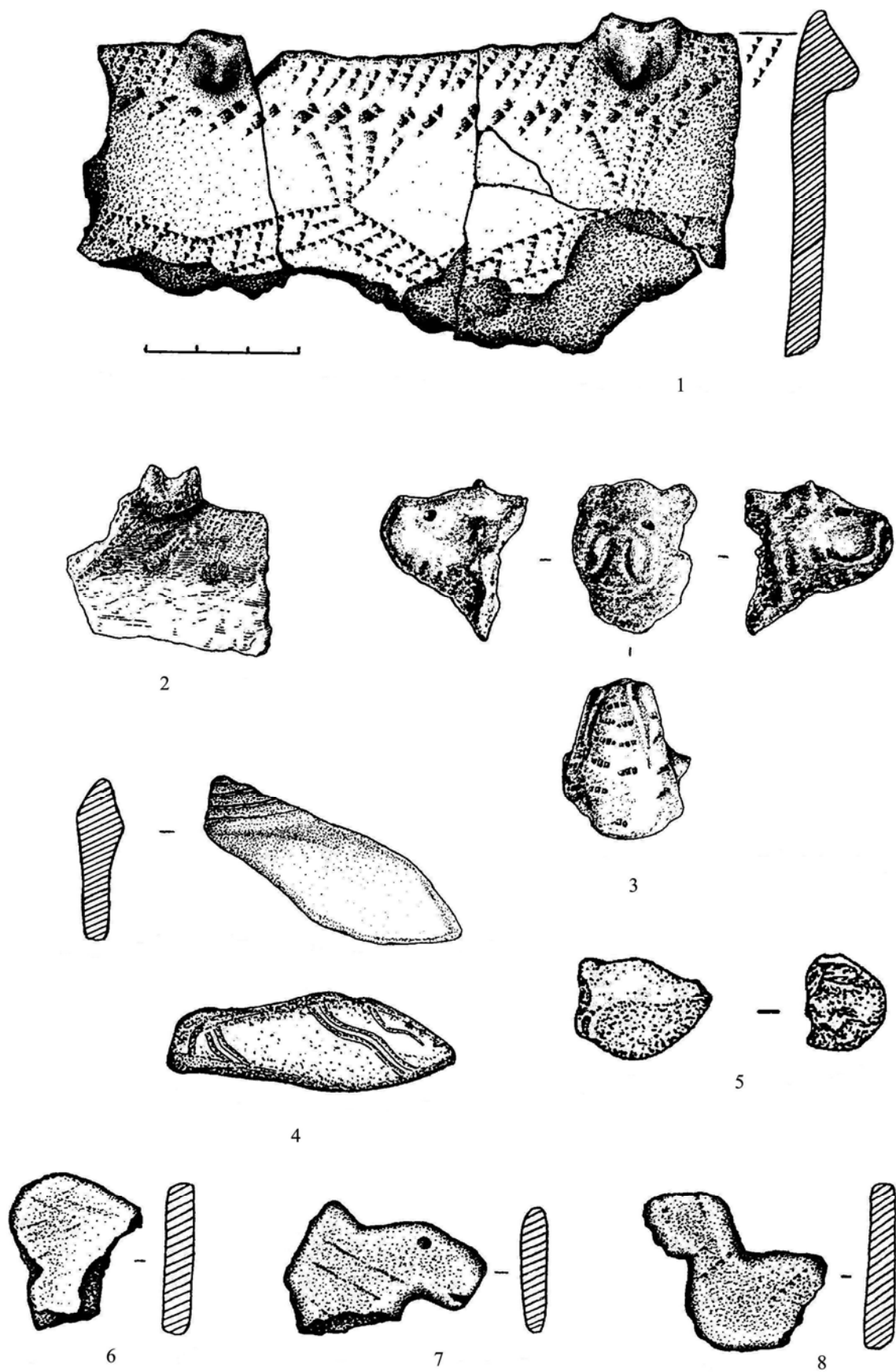


Рис. 25. Глиняная скульптура (1, 3, 5 – медведь; 2 – собака (?); 4 – рыба; 6–7 – лоси; 8 – птица; 1, 3–4, 6–8 – Шайтанское озеро I; 2 – I-ая Береговая; 5 – ЮАО-VIII)

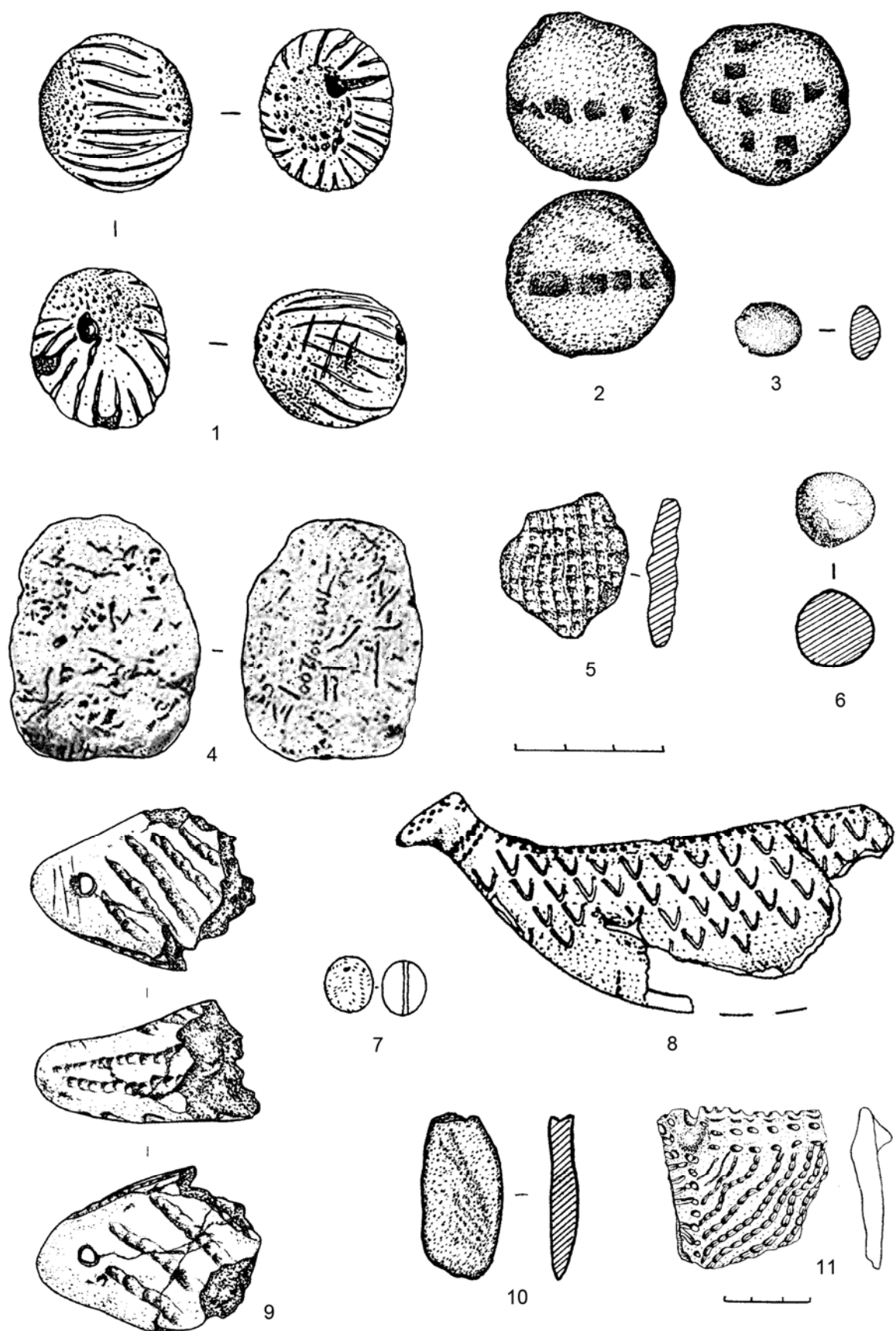


Рис. 26. Декоративная пластика (1 – Кокшаровский холм; 2 – Вис II; 3, 6 – Шайтанская пещера; 4 – VI-ой разрез Горбуновского торфяника; 5, 7, 10 – Шайтанское озеро I; 8 – Атымья IV; 9 – Усть-Вагильский холм; 11 – Чащиха I)

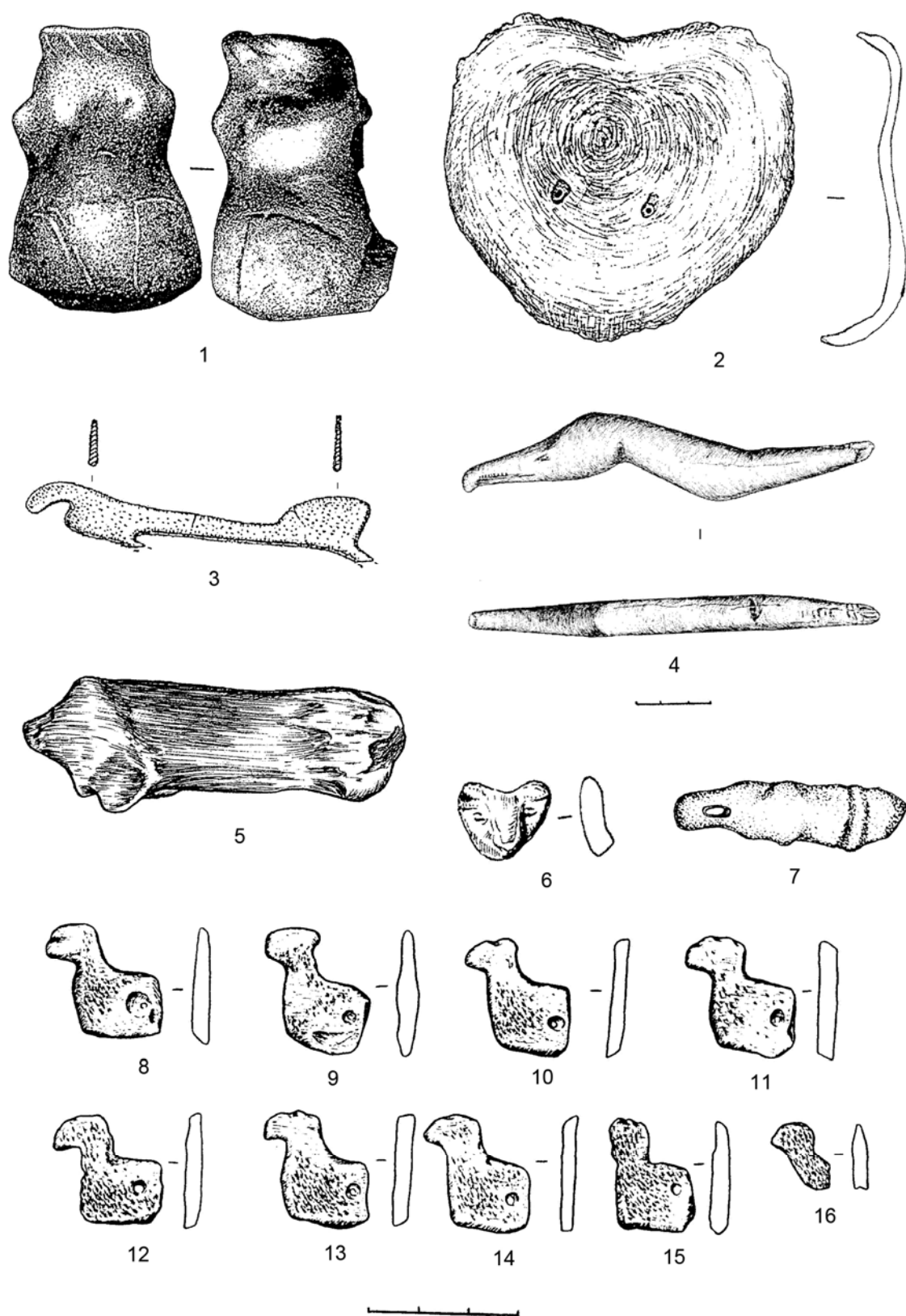


Рис. 27. Костяная и роговая скульптура (1 – Лабызы I; 2 – Гари; 3 – грот Безымянный; 4–5 – Шигирский торфяник; 6 – Шувакиш I; 7 – пещера Котел; 8–16 – грот в камне Дождевом; 1–2, 5–6, 8–16 – кость; 3 – бивень мамонта; 4, 7 – рог)

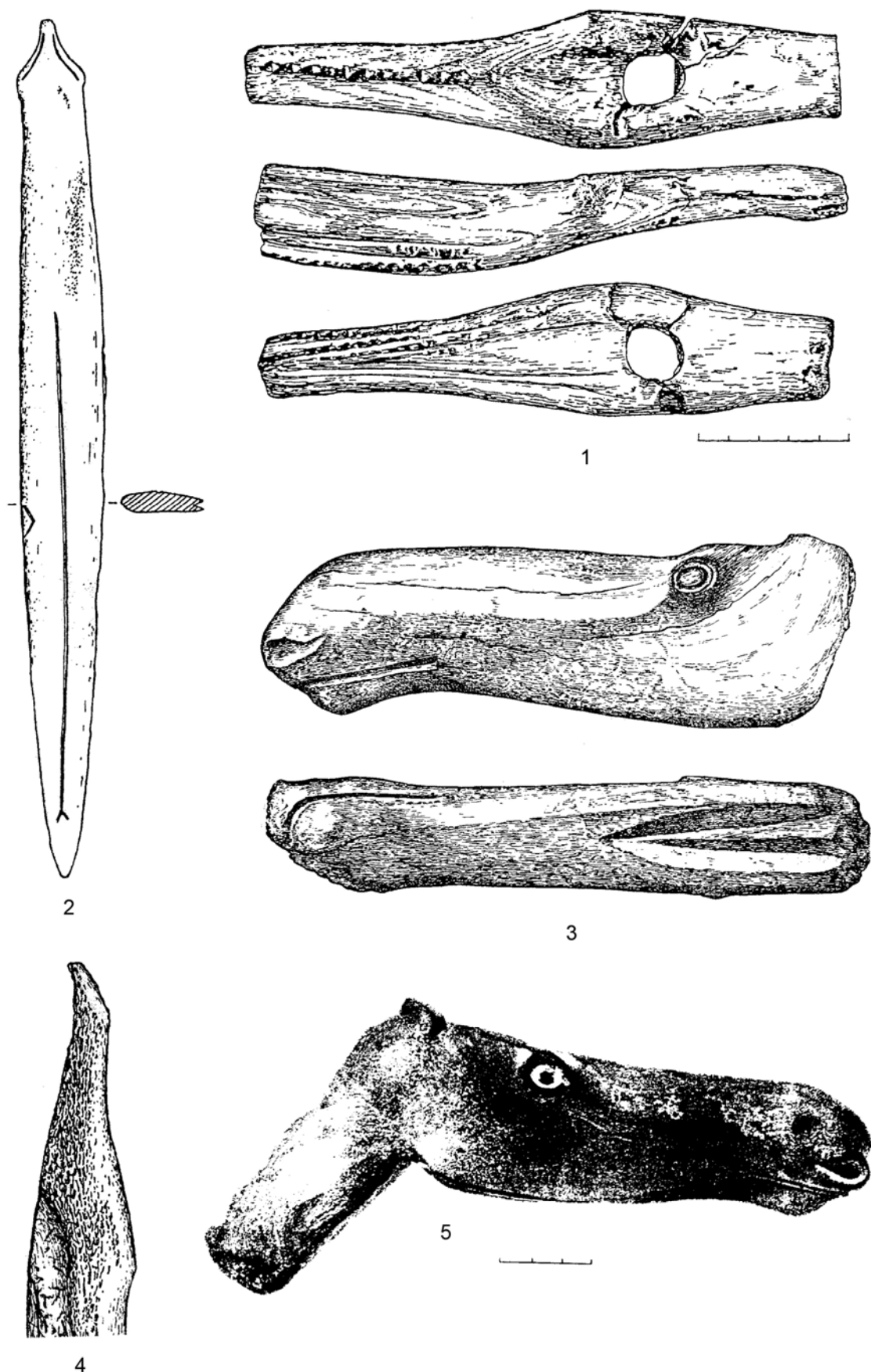


Рис. 28. Костяная и роговая скульптура (1–5 – Шигирский торфяник; 1, 3, 5 – рог; 2, 4 – кость)

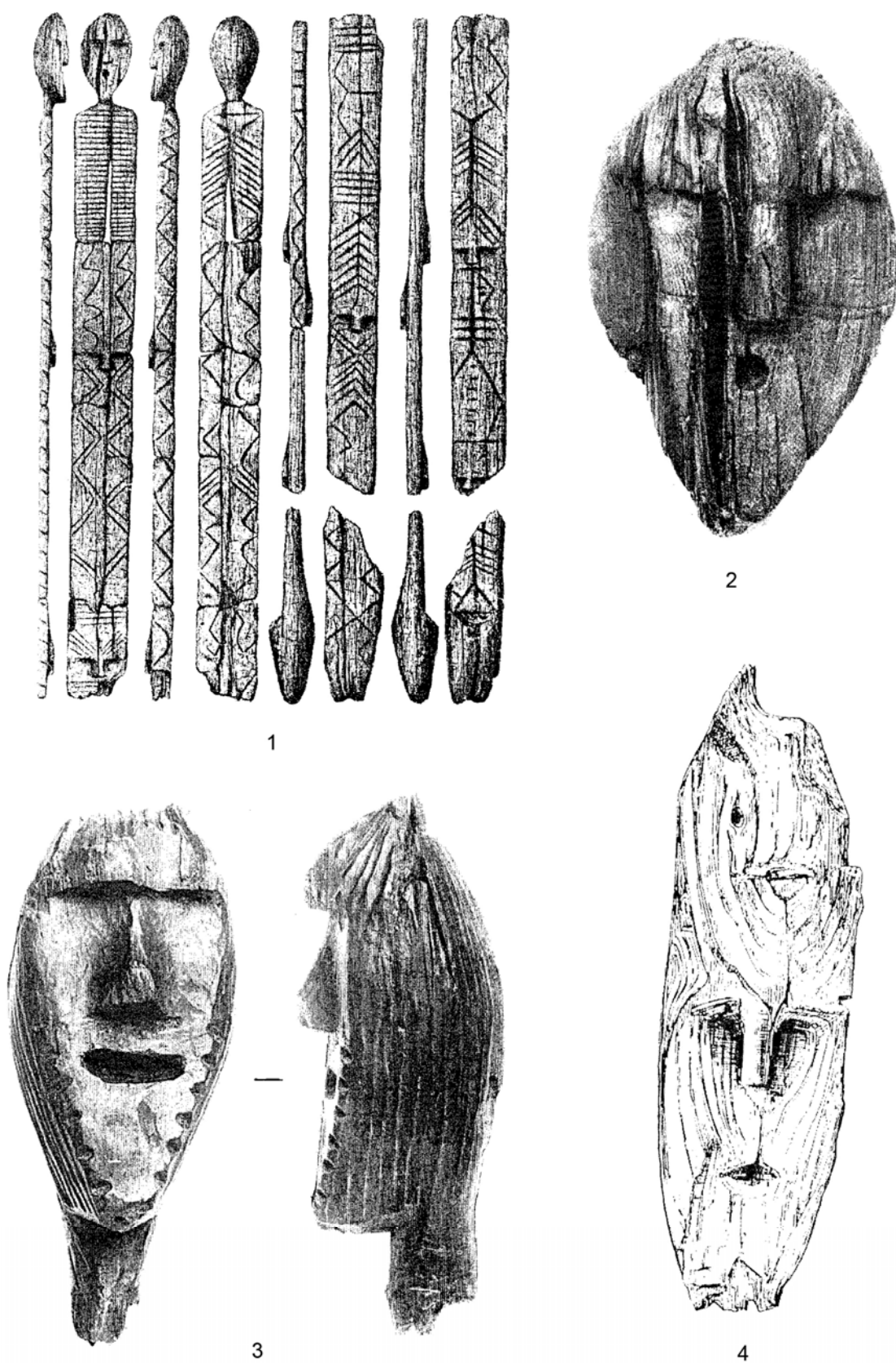


Рис. 29. Деревянная антропоморфная скульптура (1–3 – Шигирский торфяник; 4 – VI-ой разрез Горбуновского торфяника)

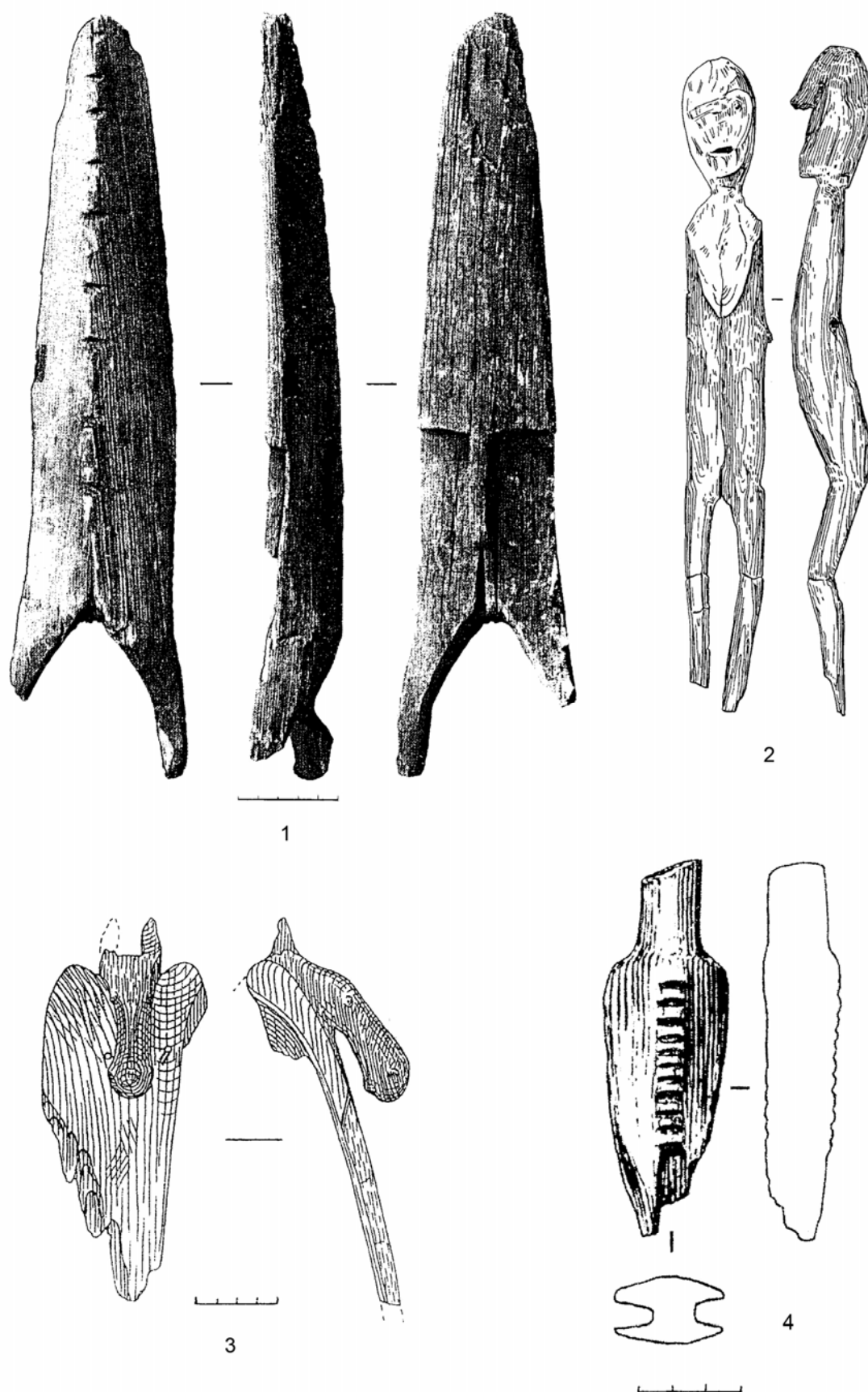


Рис. 30. Деревянная скульптура (1–2 – антропоморфные изображения; 3 – голова лося; 4 – птица; 1 – Шигирский торфяник; 2 – VI-ой разрез Горбуновского торфяника; 3 – Висский I торфяник; 4 – Разбойничий Остров)

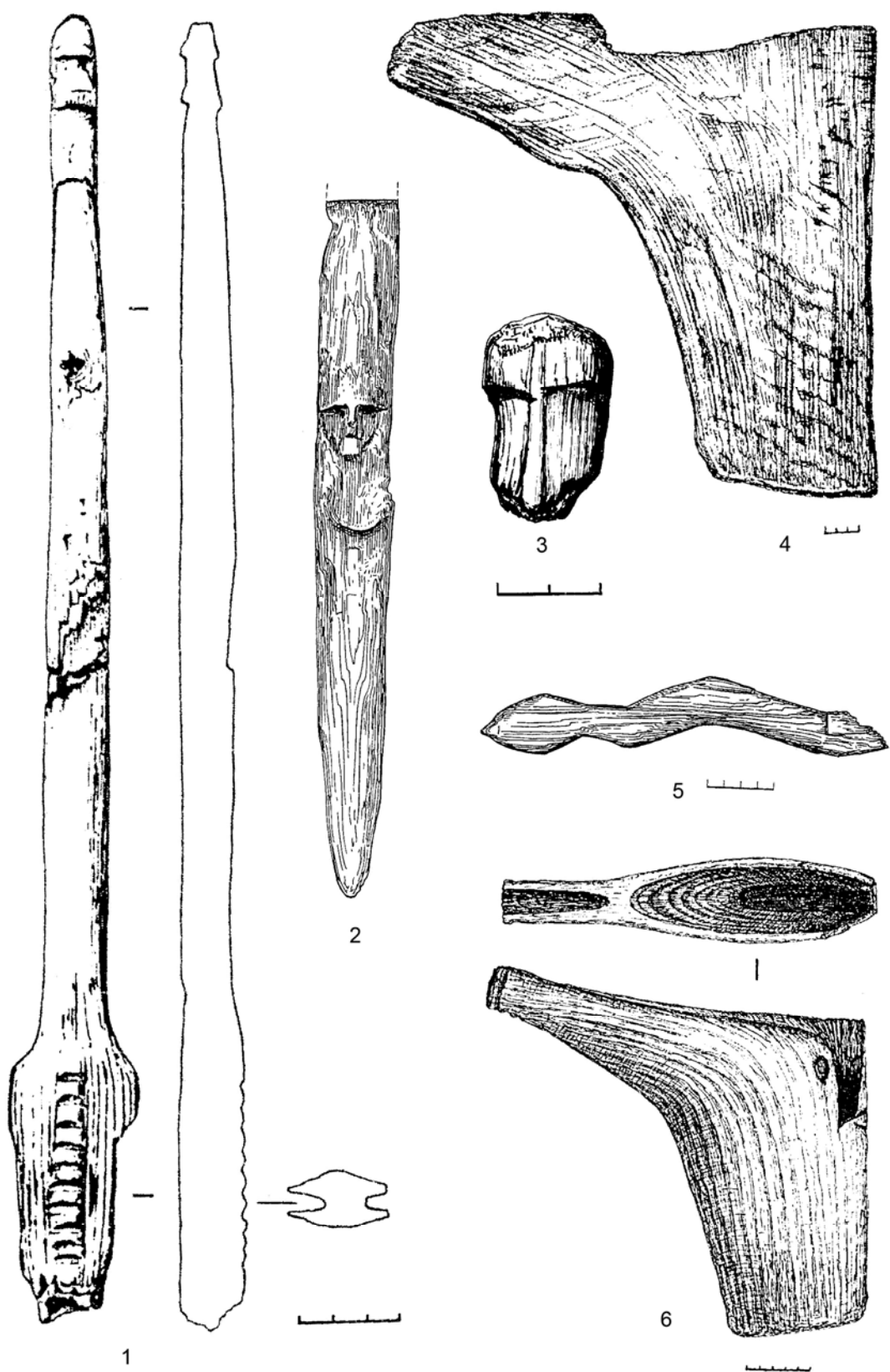


Рис. 31. Деревянная скульптура (1 – птица; 2–3 – антропоморфные изображения; 4 – лось; 5 – змея; 6 – сосуд с зооморфной (?) рукоятью; 1, 3–4 – Разбойничий Остров; 2, 5 – VI-ой разрез Горбуновского торфяника; 6 – Шигирский торфяник)

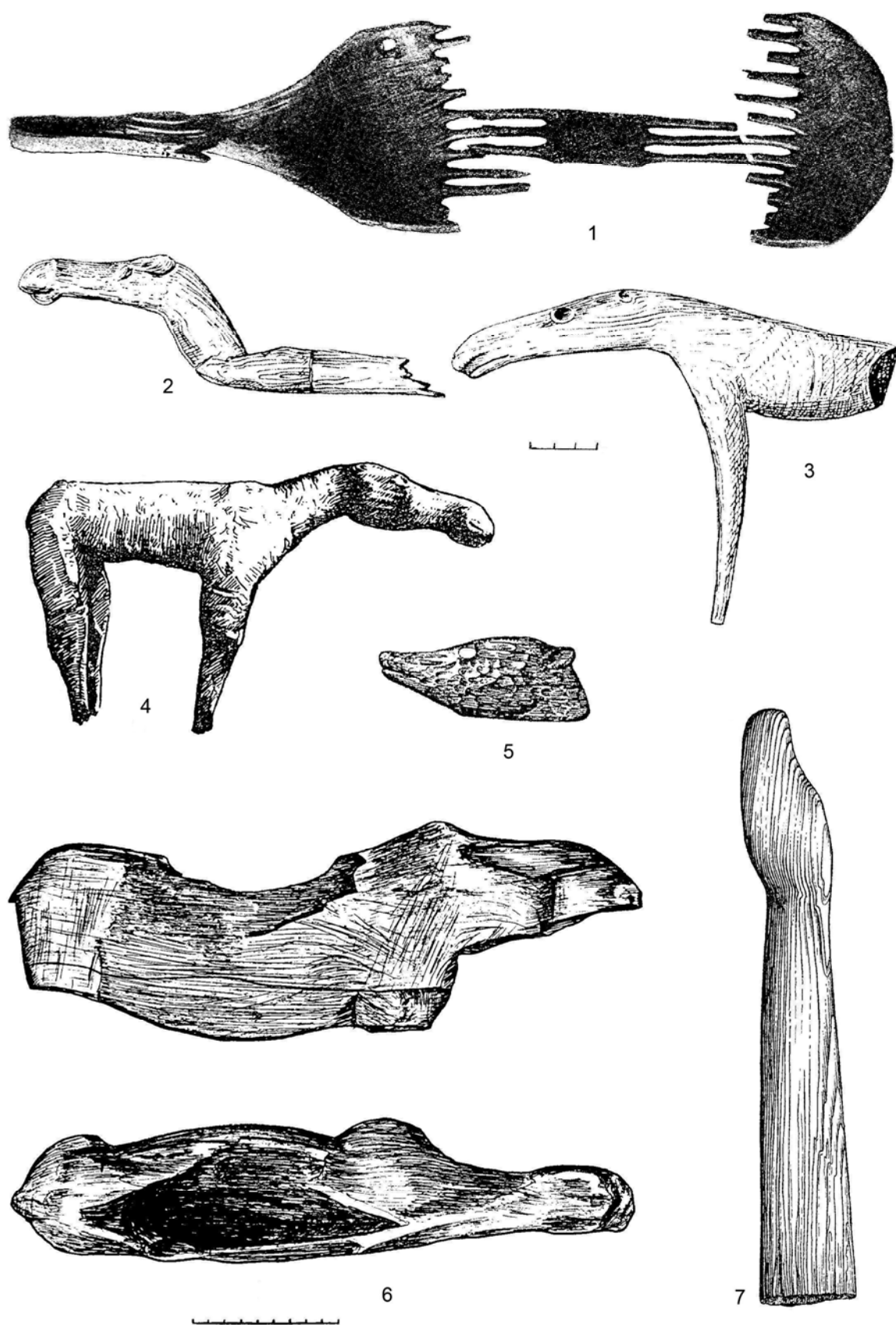


Рис. 32. Деревянная зооморфная скульптура (1–4, 6 – изображения лосей;
5, 7 – изображения медведей; 1–2, 5–7 – Шигирский торфяник;
3–4 – VI-ой разрез Горбуновского торфяника)

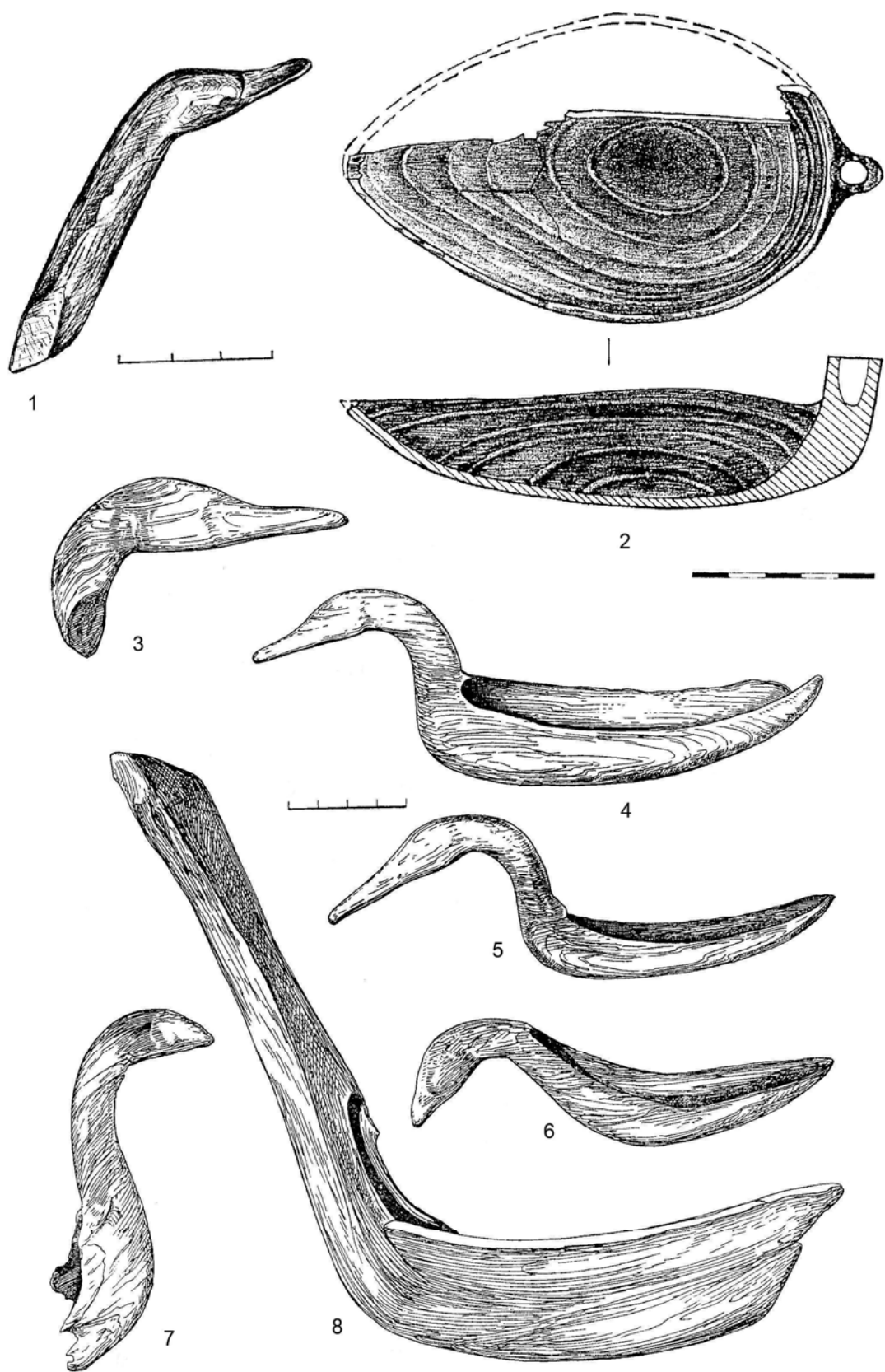


Рис. 33. Деревянная орнитоморфная скульптура
(1 – Кокшаровско-Юрьинская I стоянка; 2 – озеро Увильды;
3–8 – VI-ой разрез Горбуновского торфяника)

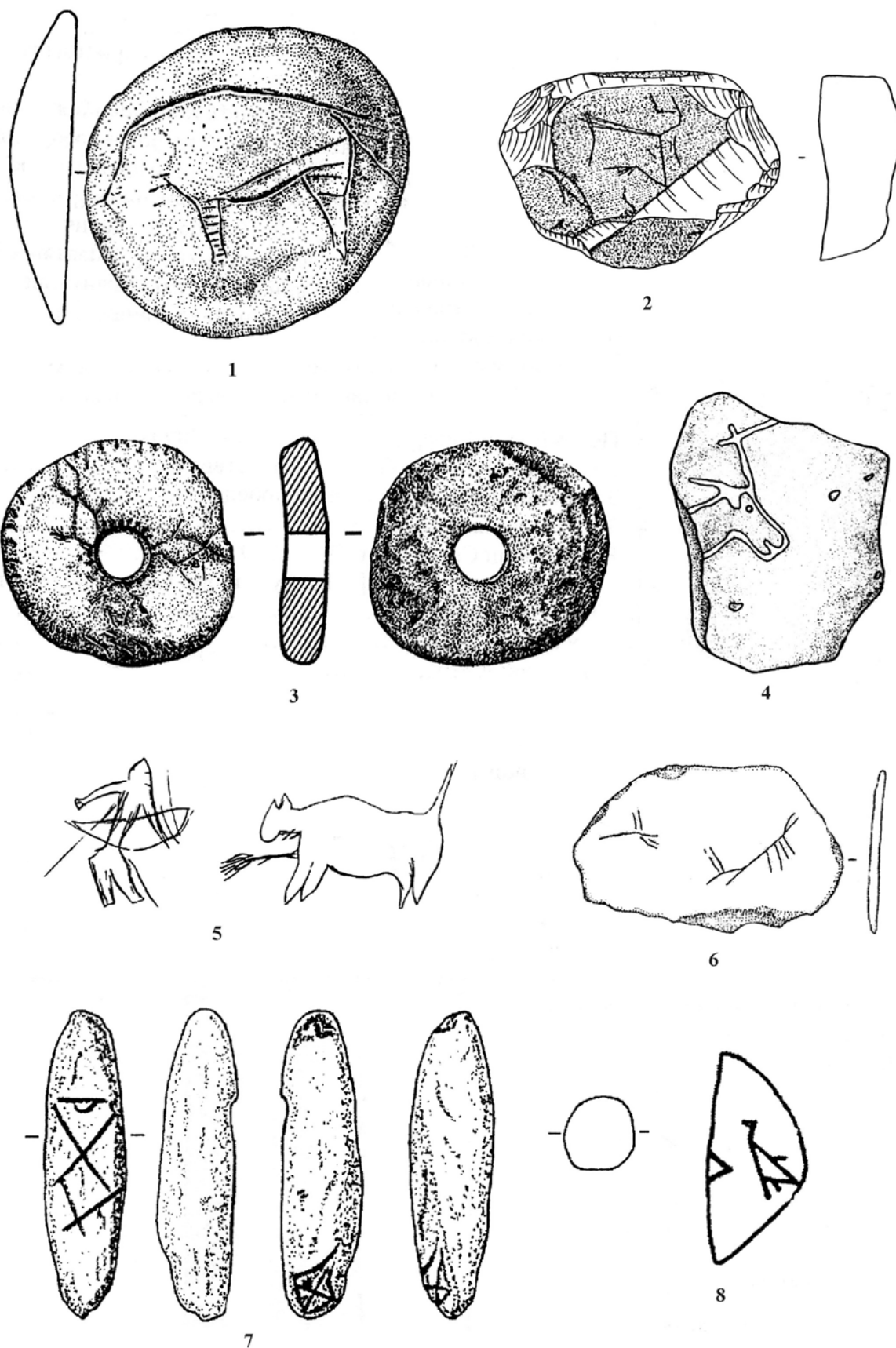


Рис. 34. Фигурные гравировки на камне (1 – Костенки 21; 2 – Амбарка I; 3 – Шувакиш I; 4 – Волоконное; 5 – Ивановское VII; 6 – Лайский мыс; 7 – Вишневый; 8 – Сутырское)

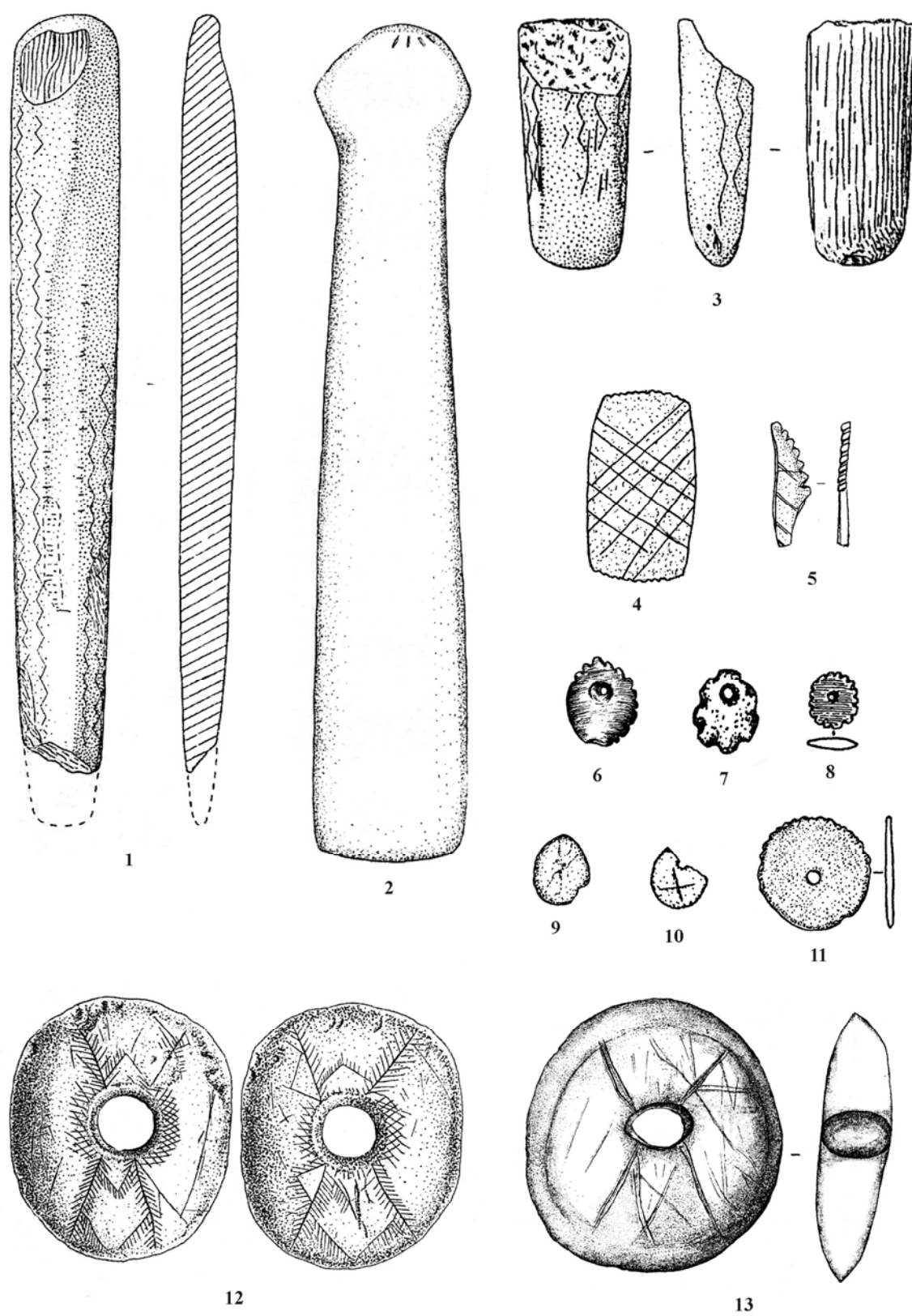


Рис. 35. Орудия и украшения с гравировками (1 – Симва III; 2 – случайная находка; 3 – I-ый Висский торфяник; 4 – I-ая Береговая стоянка Горбуновского торфяника; 5–11 – Шайтанское озеро I; 12 – Палатки II; 13 – Шайдуриха 33)

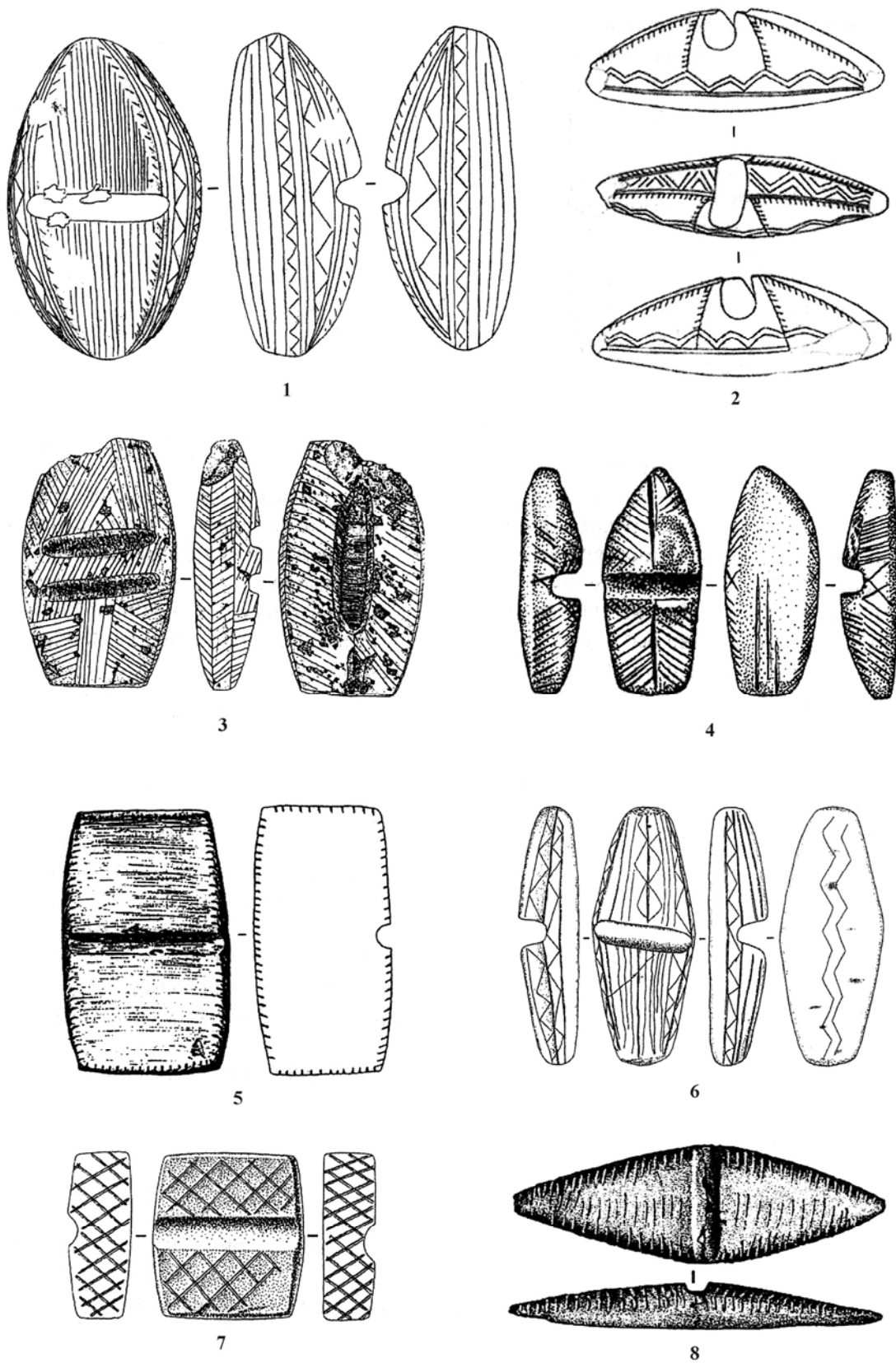


Рис. 36. «Утюжки» с гравировками (1 – 1-ая Андреевская стоянка; 2 – Кизил-Чилик; 3, 5 – Шайтанское озеро I; 4 – Суртанды VI; 6 – Южный берег Андреевского озера V; 7 – Перевозный III; 8 – Разбойничий остров)

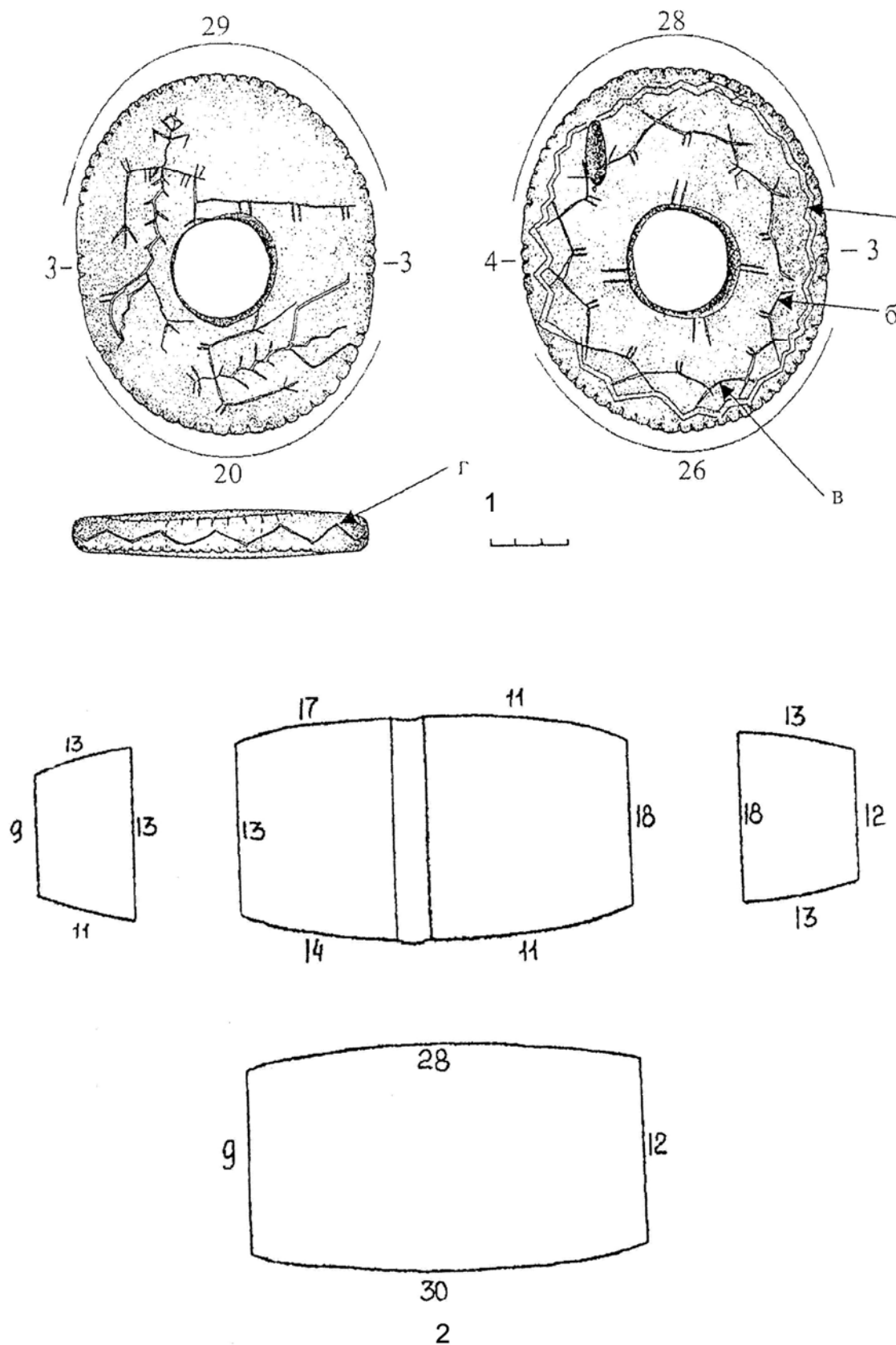


Рис. 37. Древние календари с гравировками (1 – каменный диск-календарь из Антоновска (а – двойной зигзаг с 28 вершинами; б – 11 ломанных линий с парными насечками; в – ломанная линия без отростков; г – зигзаг с 28 вершинами (по А.А. Герасименко, 2004); 2 – цифровой код в оформлении «утюжка» с Шайтанского озера)

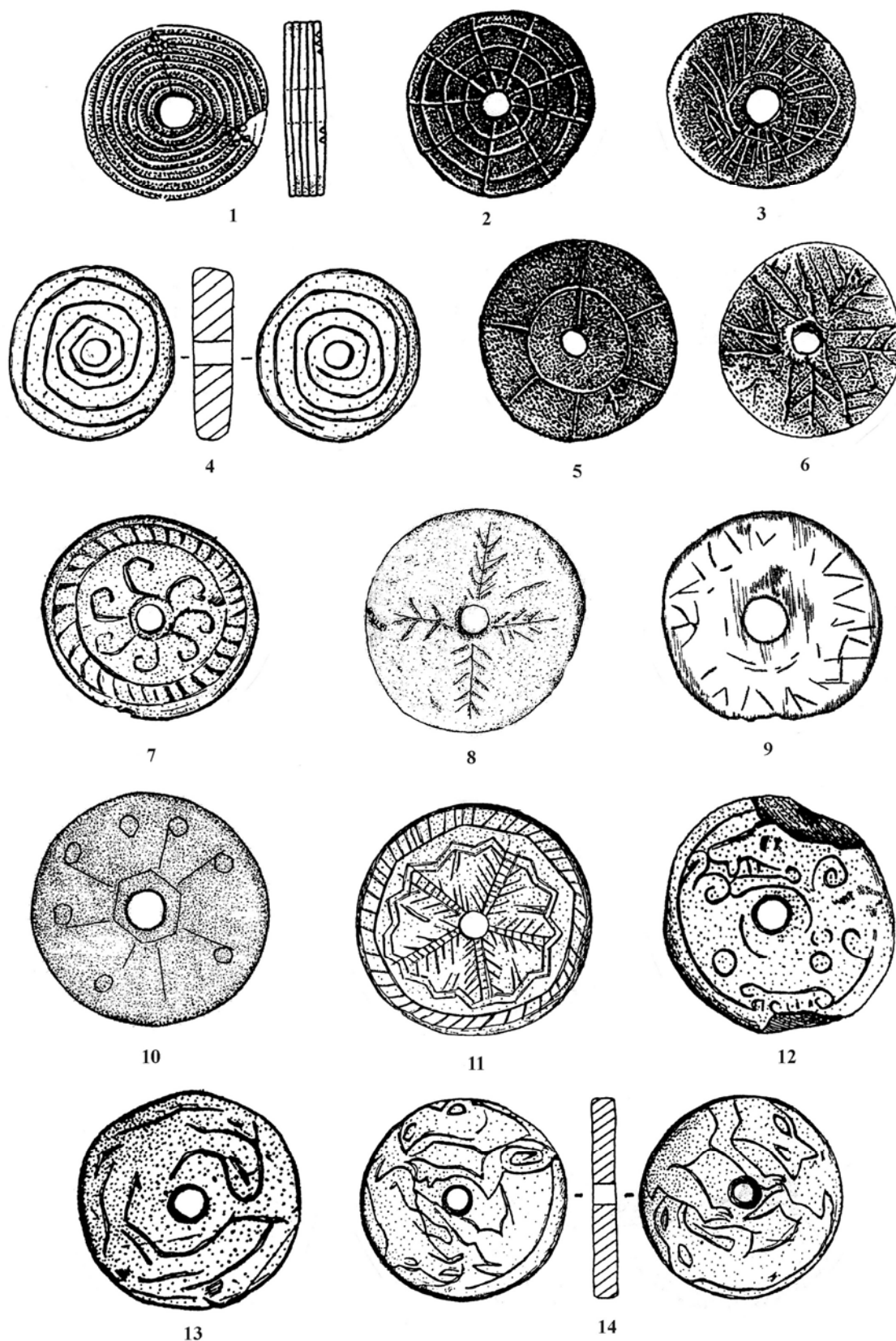


Рис. 38. Каменные пряслица с гравировками (1 – Палкинское левобережное селище; 2 – Верхняя Макуша; 3 – Большегорское городище; 4, 7, 11, 13–14 – Аргыжское городище; 5 – Иткульское городище; 6 – Аятское селище; 8, 12 – Буйское городище; 9–10 – Голый Камень)

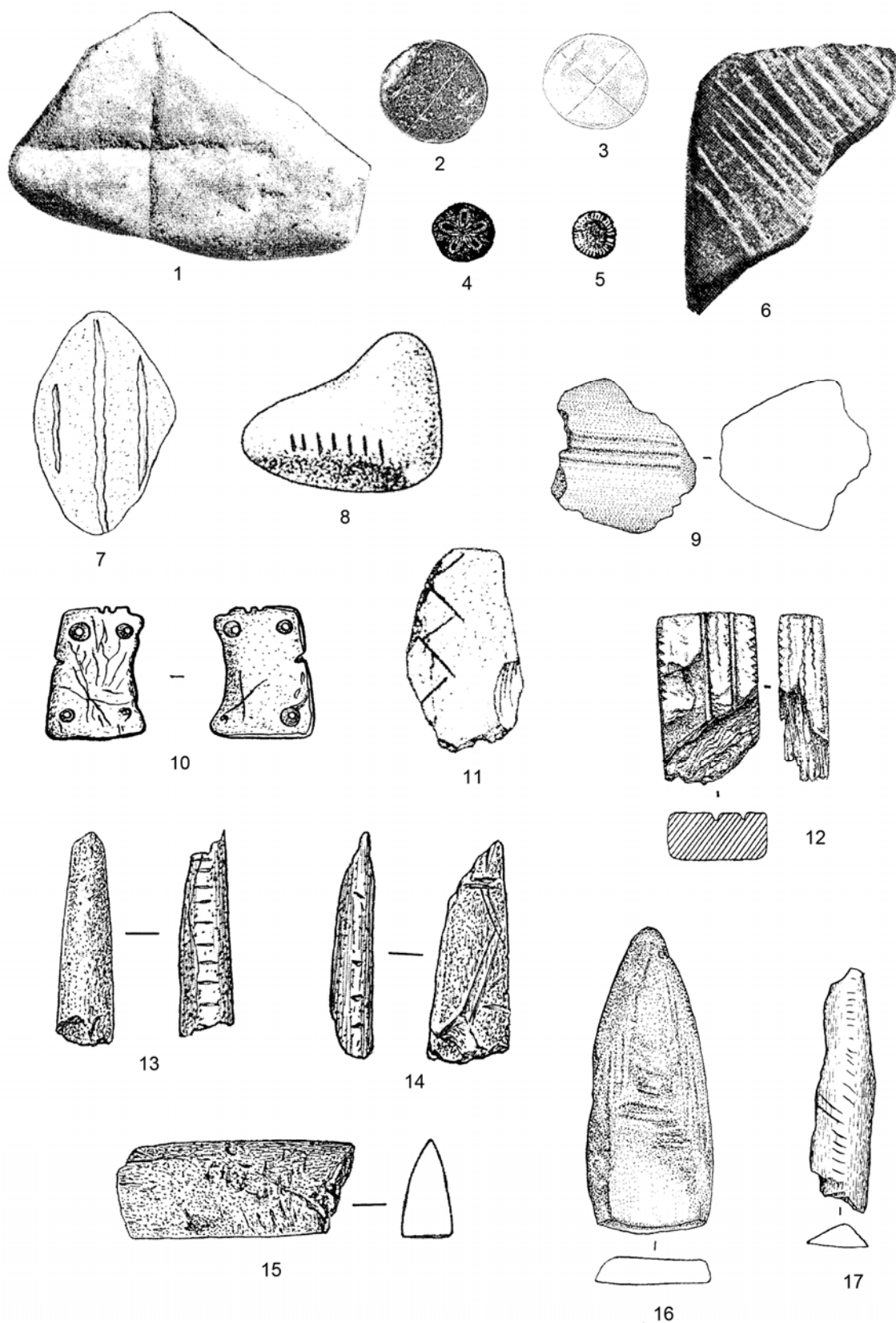


Рис. 39. Гравированные камни, плитки (1–9, 11–17) и нашивка (10) (1 – Цонская пещера (Грузия); 2–3 – пещера Тата (Венгрия); 4–5 – окаменевшие членики морских лилий; 6 – Ильмурзино; 7 – Кокшаровско-Юрьинская II; 8 – Барсова гора 1/40; 9 – Пещера Туристов; 10 – Крутяки I; 11, 16–17 – Шайтанское озеро I; 12 – Горушки I; 13–15 – Кокшаровский холм)

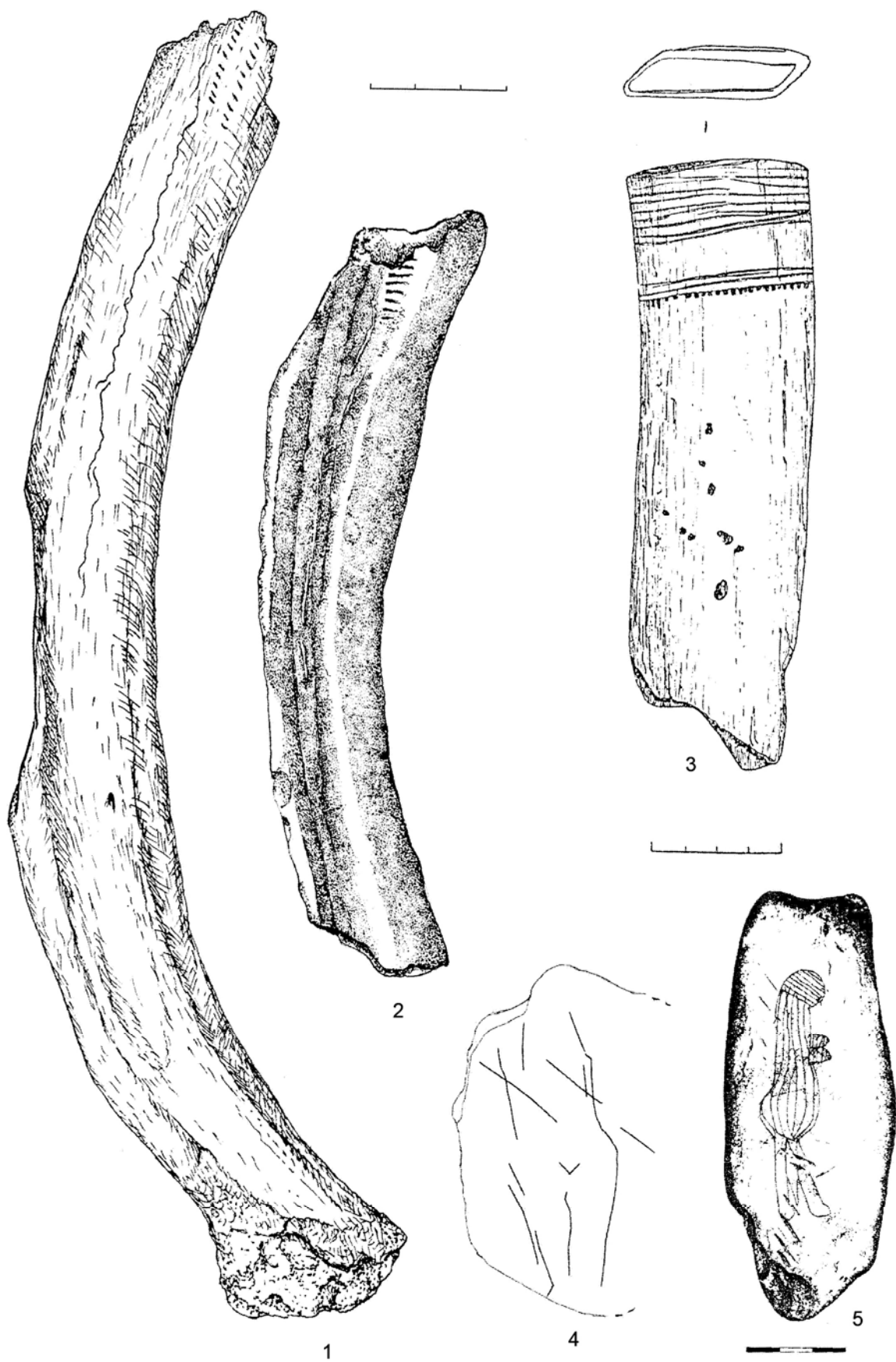
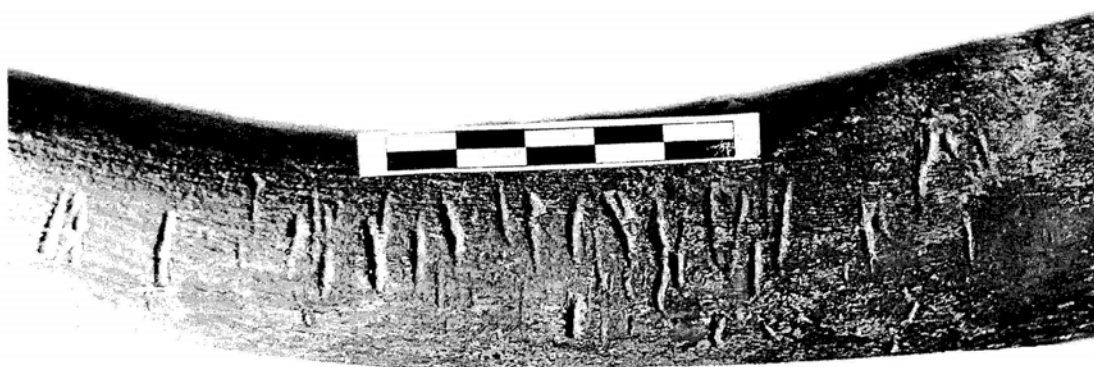
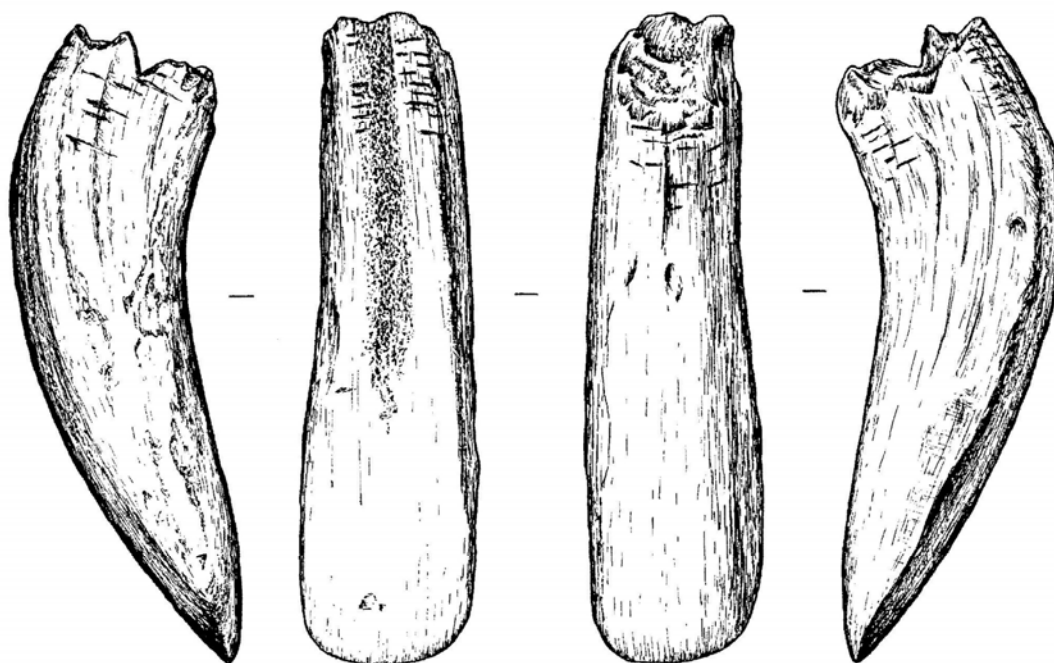


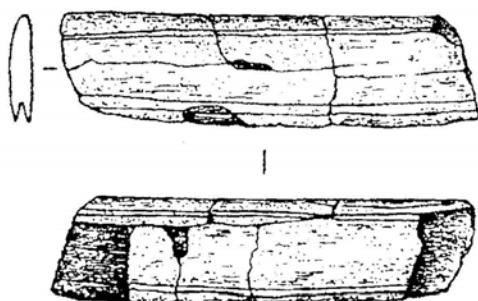
Рис. 40. Палеолитические гравировки по кости (1–3) и камню (4–5) (1–2 – Гаринская стоянка; 3 – стоянка Талицкого; 4 – стоянка Ланино 1/8; 5 – стоянка Роголик XI)



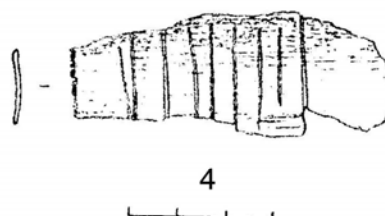
1



2



3



4

Рис. 41. Гравированные палеолитические изделия из бивня мамонта (1, 3), рога (2) и кости (4) (1 – местонахождение Мамонтова Курья; 2 – Усть-Койвинская пещера; 3 – грот Бобылек; 4 – стоянка Талицкого)

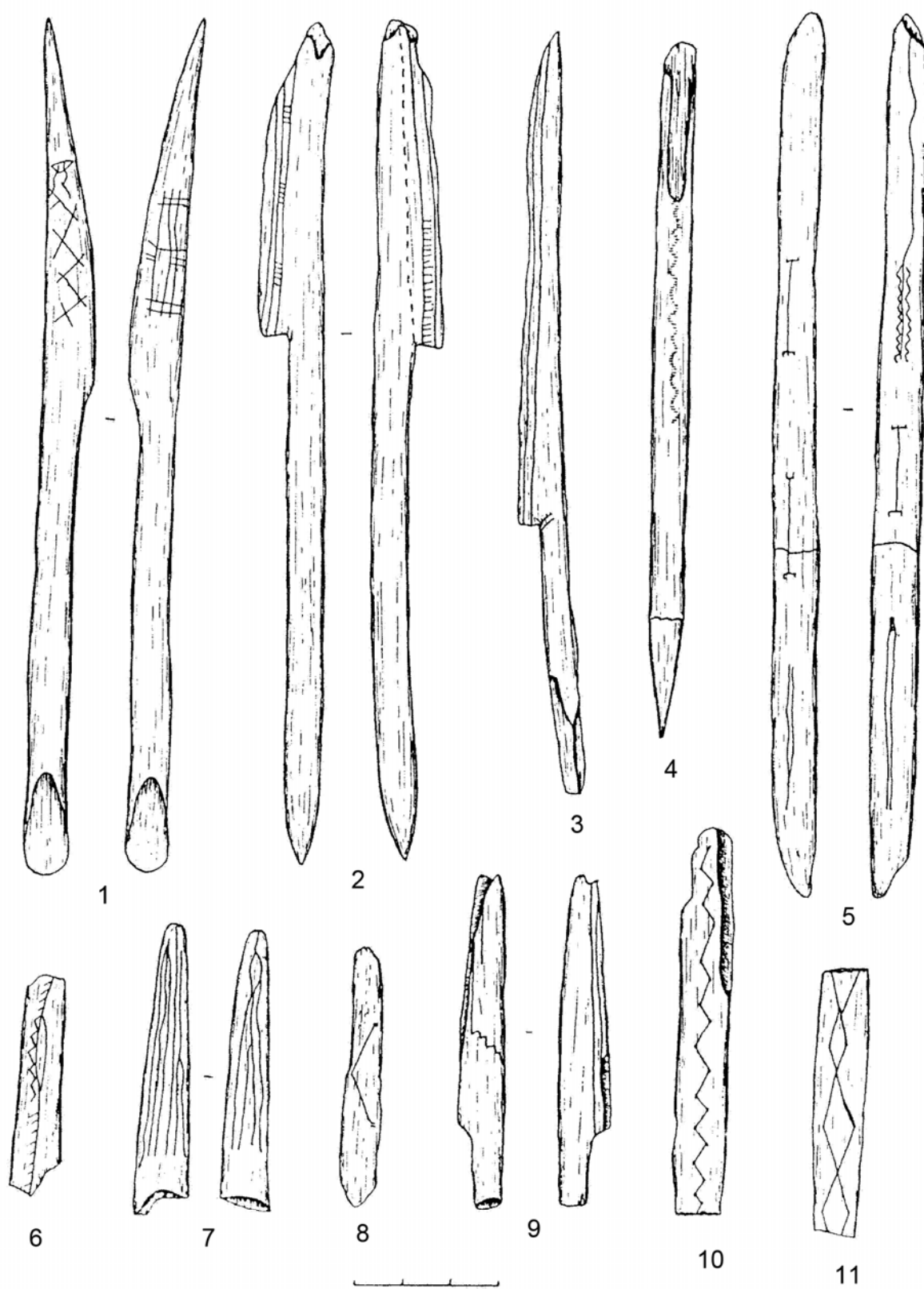


Рис. 42. Орнаментированные наконечники стрел (1–11 – пещера в камне Дыроватом; 1, 4, 6, 7 – Государственный Эрмитаж)

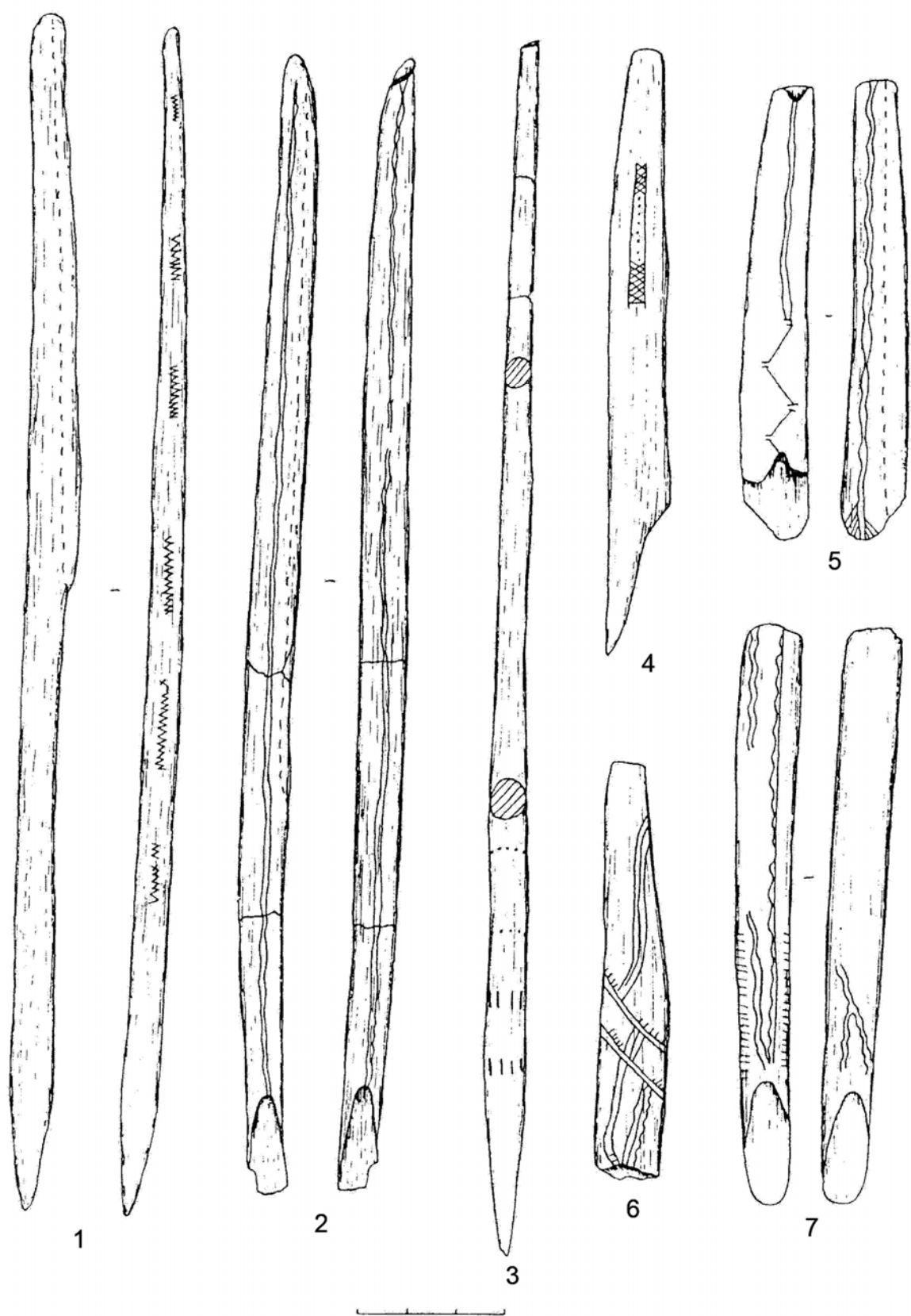


Рис. 43. Орнаментированные наконечники стрел (1–7 – пещера в камне Дыроватом; 4, 6, 7 – Государственный Эрмитаж)

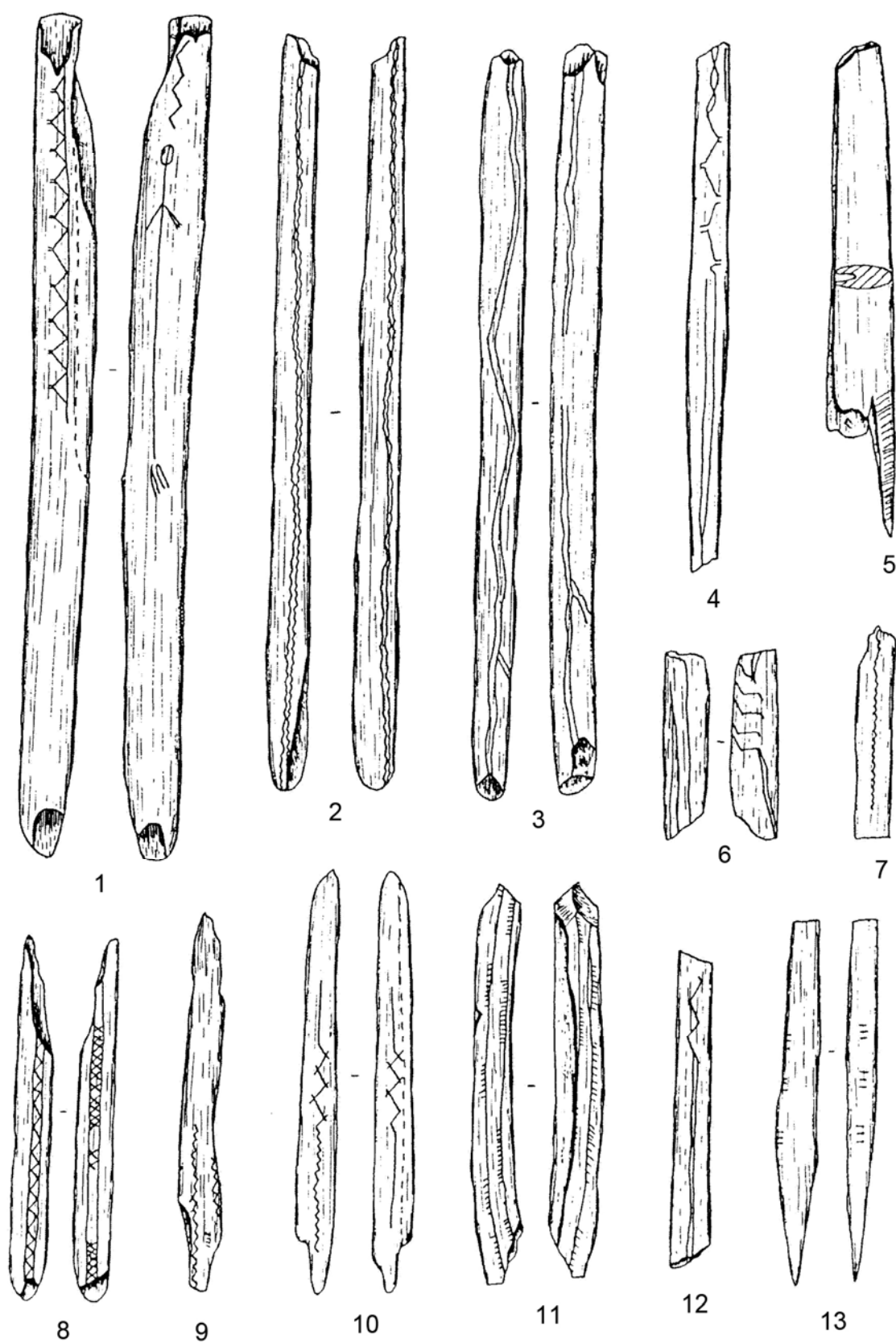


Рис. 44. Орнаментированные наконечники стрел (1–13 – пещера в камне Дыроватом; 4 – Государственный Эрмитаж)

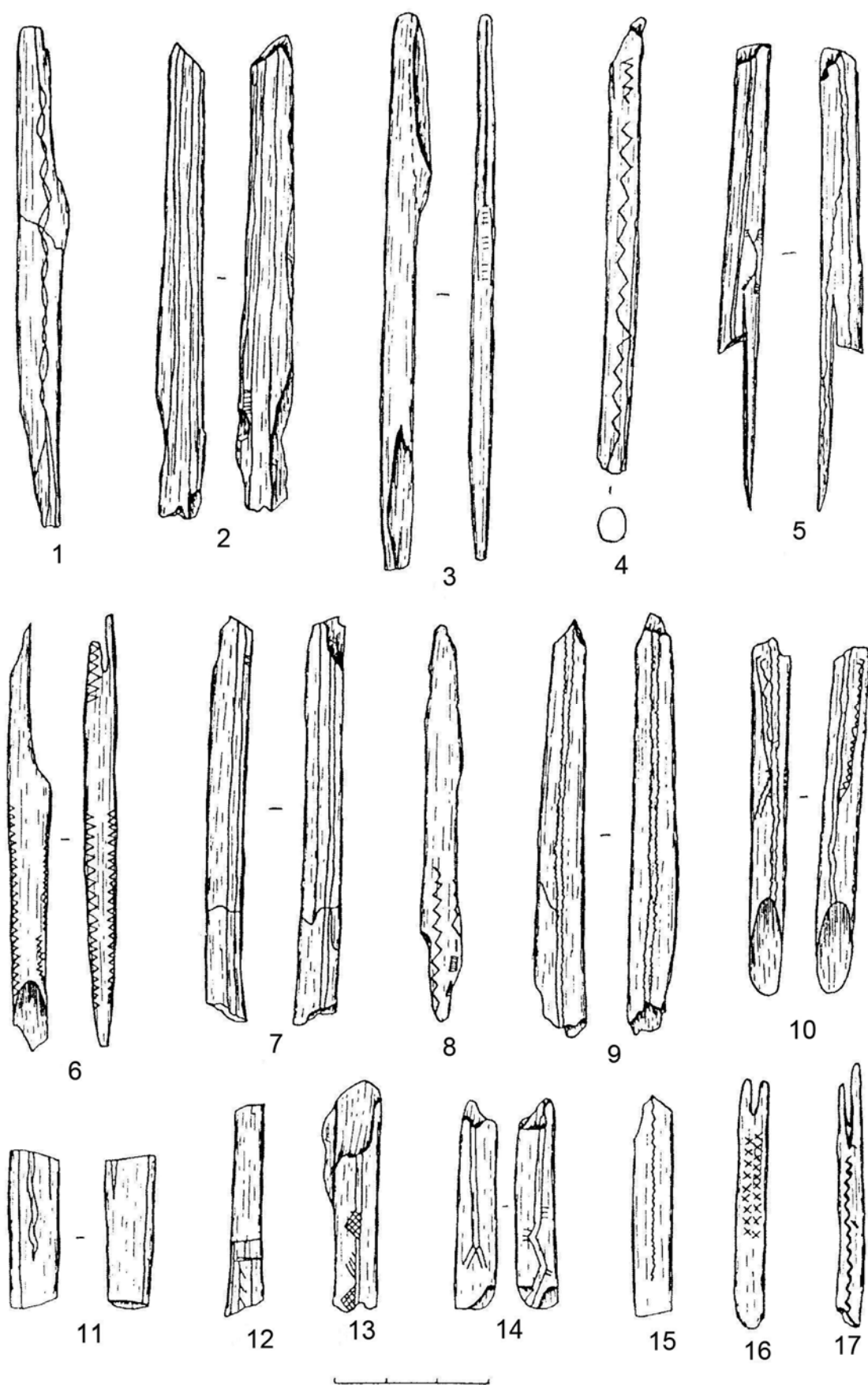


Рис. 45. Орнаментированные наконечники стрел (1–17 – пещера в камне Дыроватом)

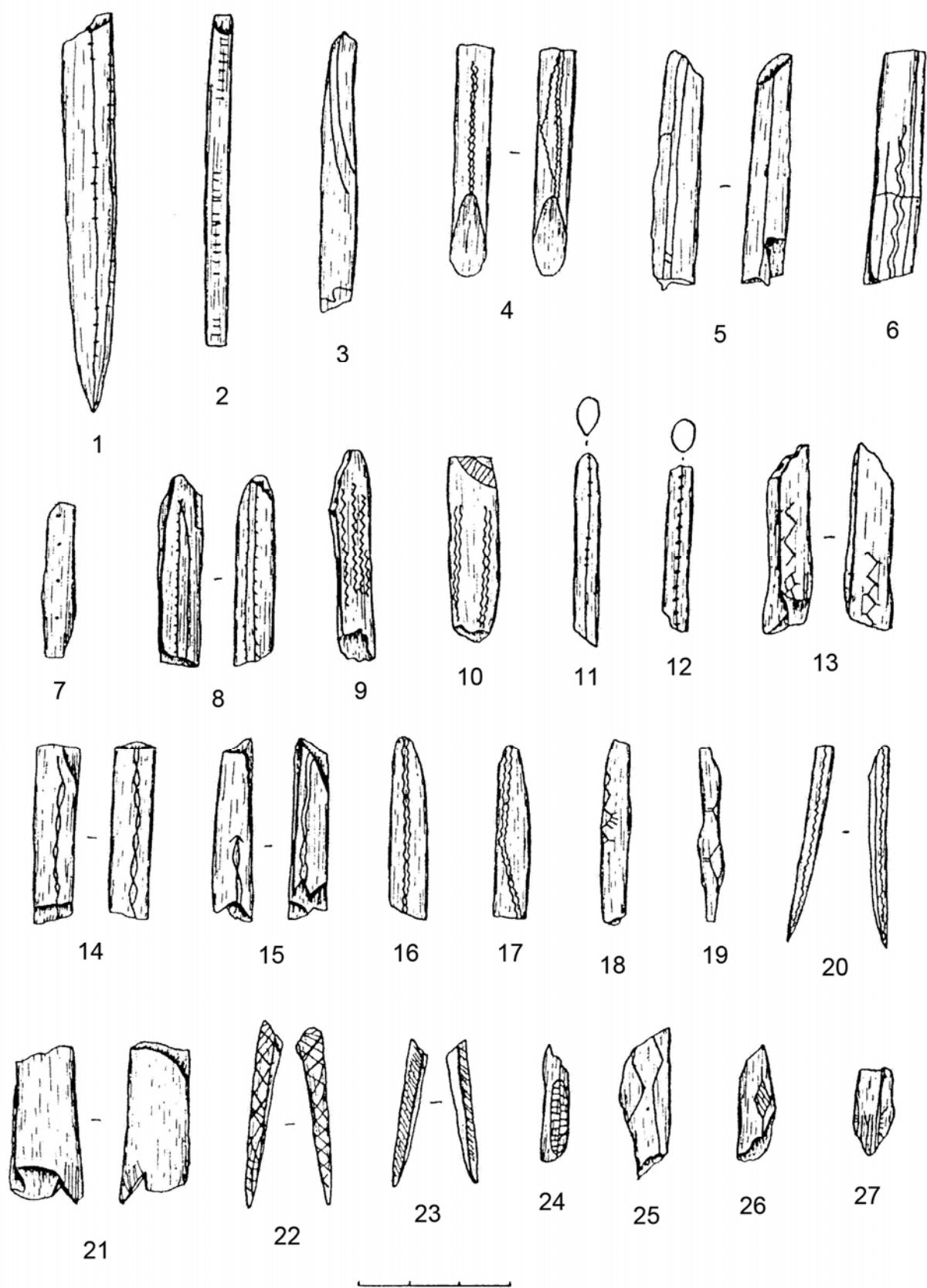


Рис. 46. Орнаментированные наконечники стрел (1–27 – пещера в камне Дыроватом)

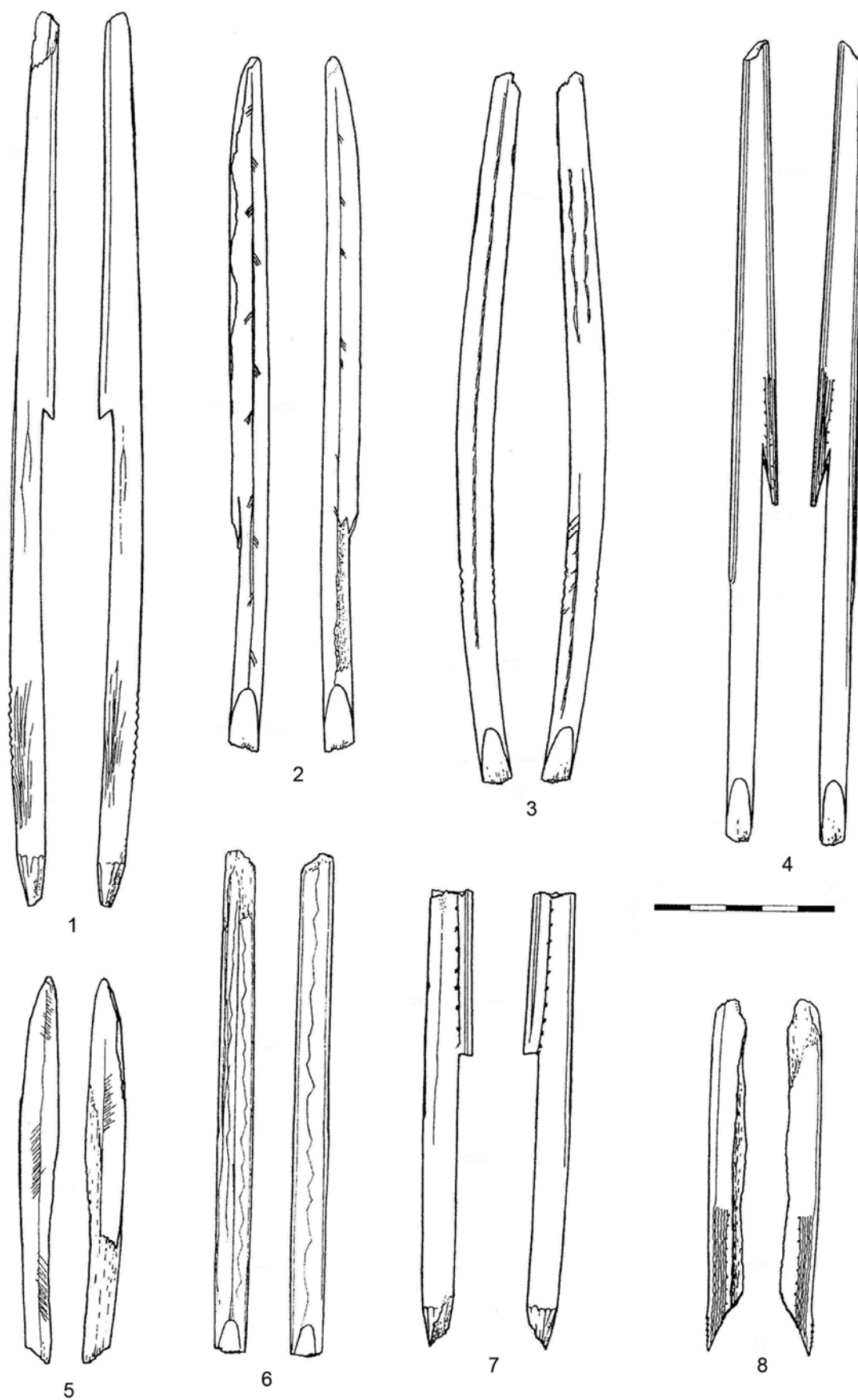


Рис. 47. Орнаментированные наконечники стрел (1–8 – пещера в камне Дыроватом)

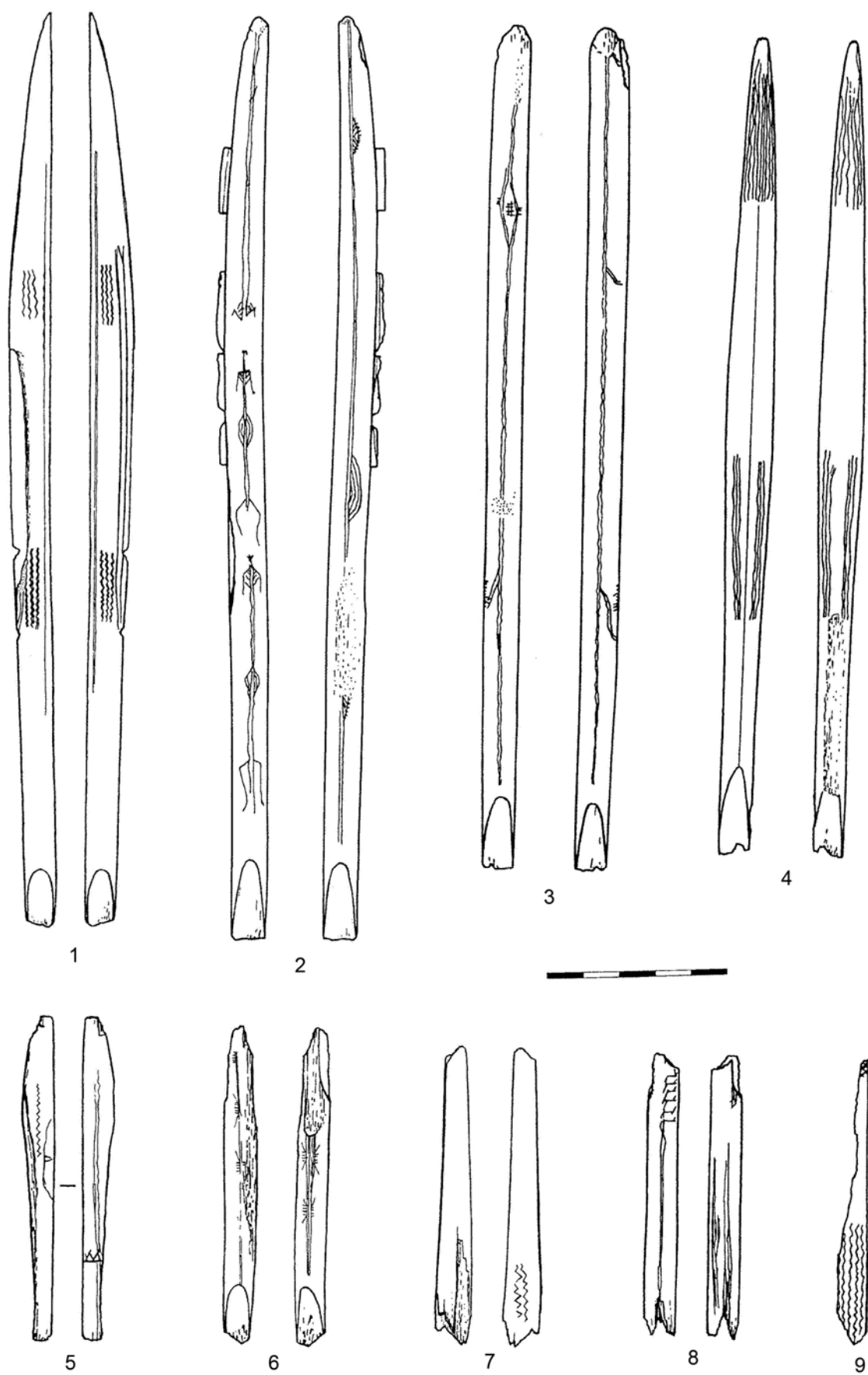


Рис. 48. Орнаментированные наконечники стрел (1–9 – пещера в камне Дыроватом)

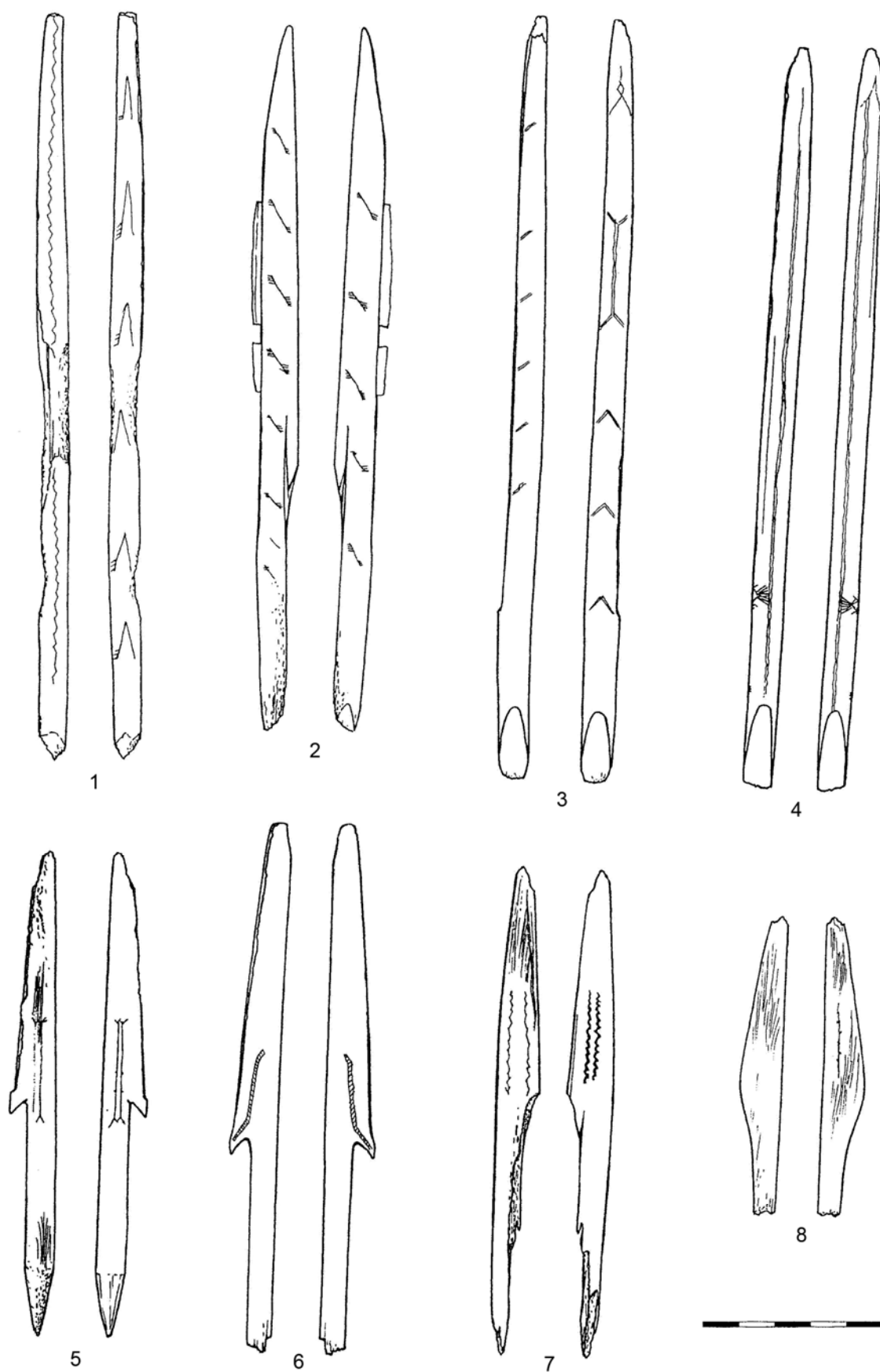


Рис. 49. Орнаментированные наконечники стрел (1–8 – пещера в камне Дыроватом)

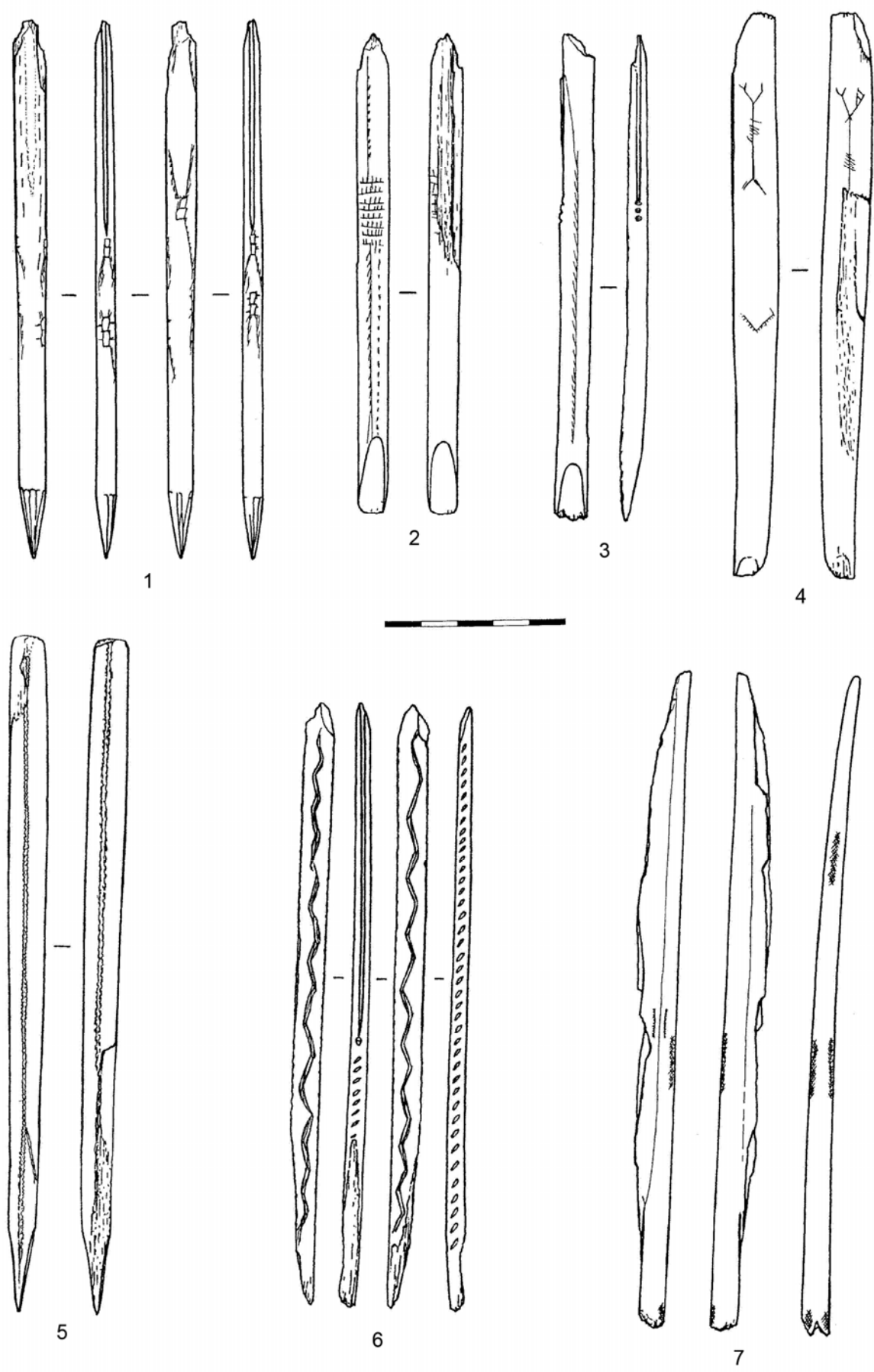


Рис. 50. Орнаментированные наконечники стрел (1–7 – пещера в камне Дыроватом)

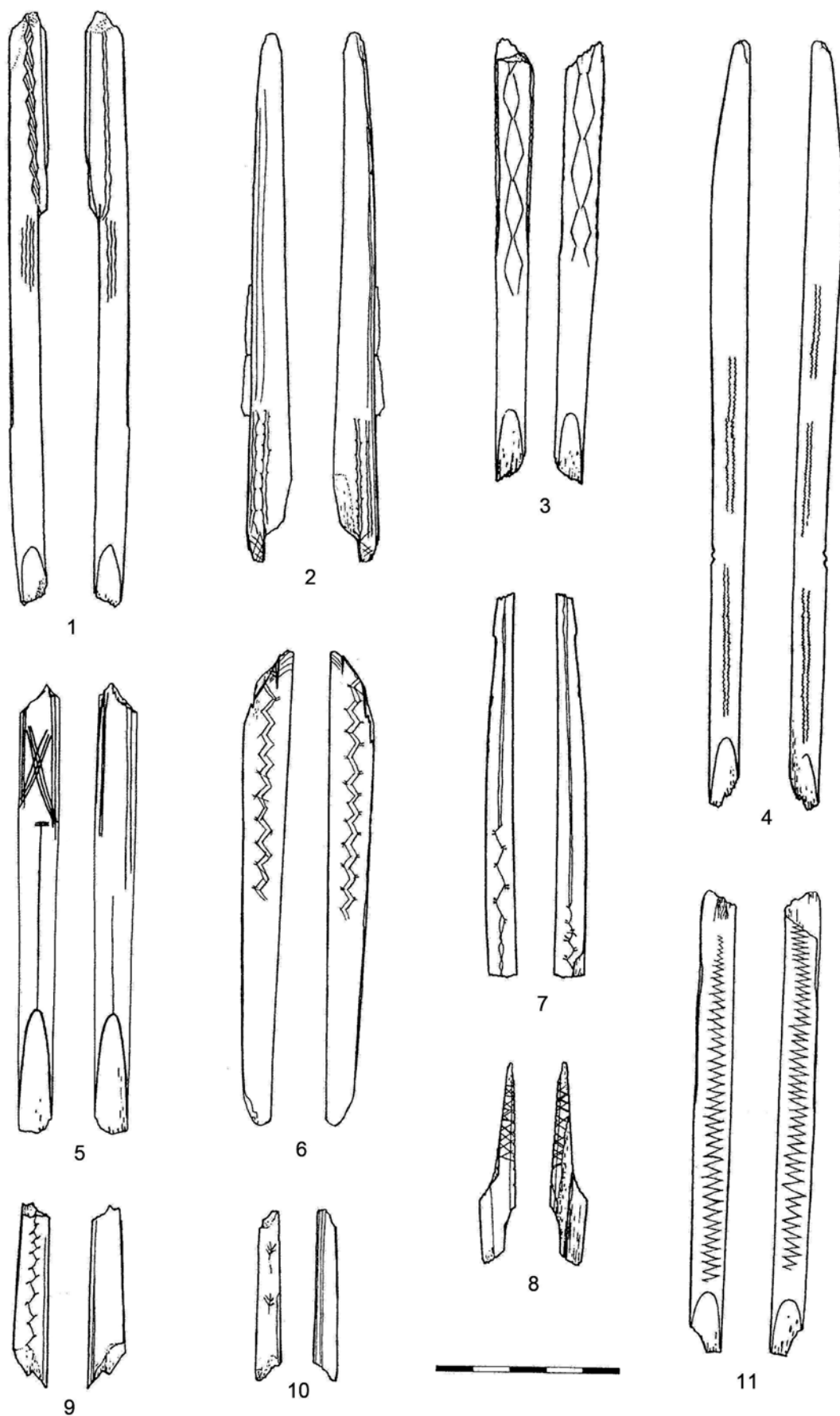


Рис. 51. Орнаментированные наконечники стрел (1–11 – пещера в камне Дыроватом)

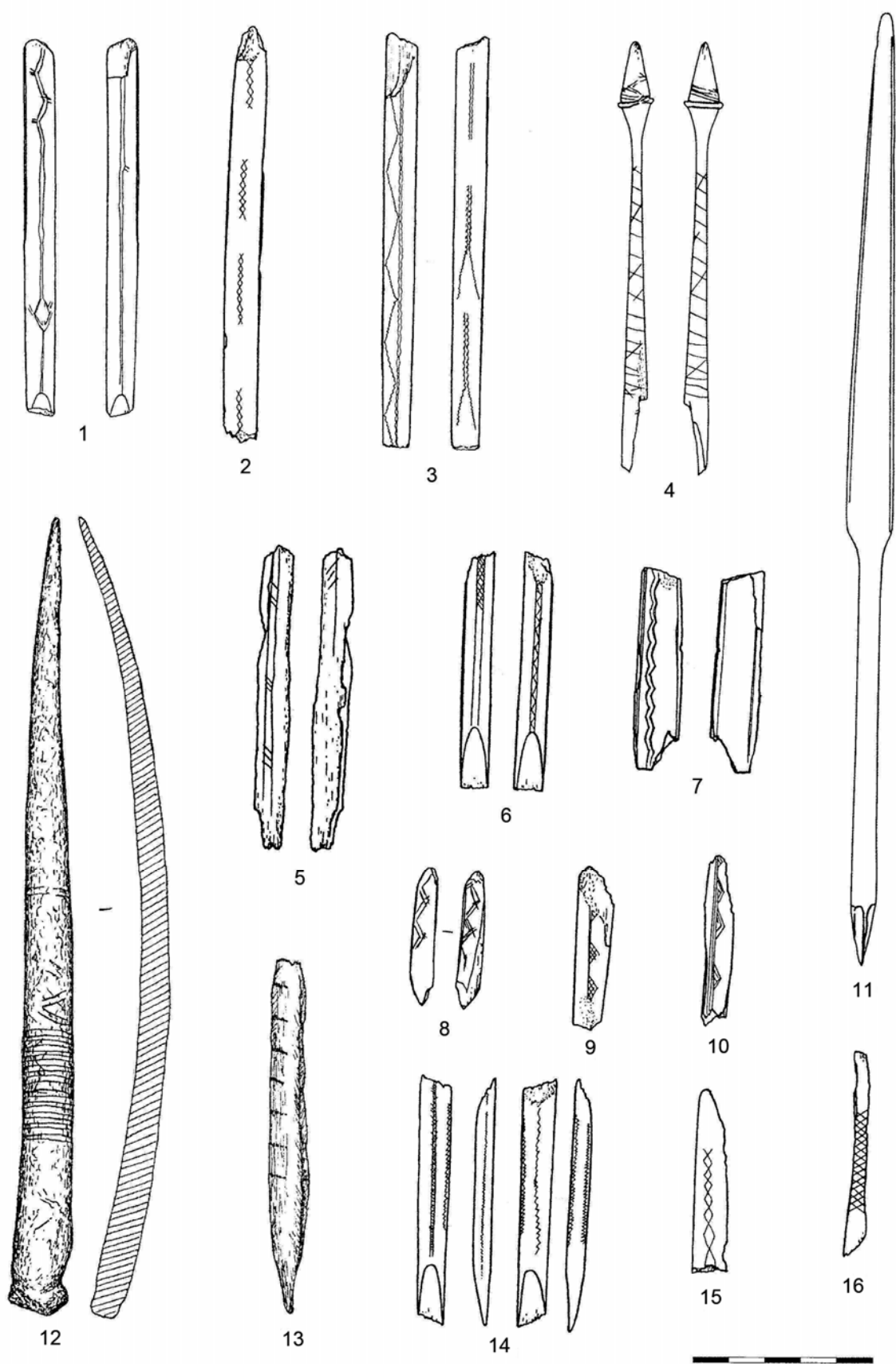


Рис. 52. Костяные изделия с гравировками (1–11, 13–16 – наконечники стрел; 12 – проколка; 1–11, 14–16 – пещера в камне Дыроватом; 12 – Усть-Койвинская пещера; 13 – Пещера Туристов)

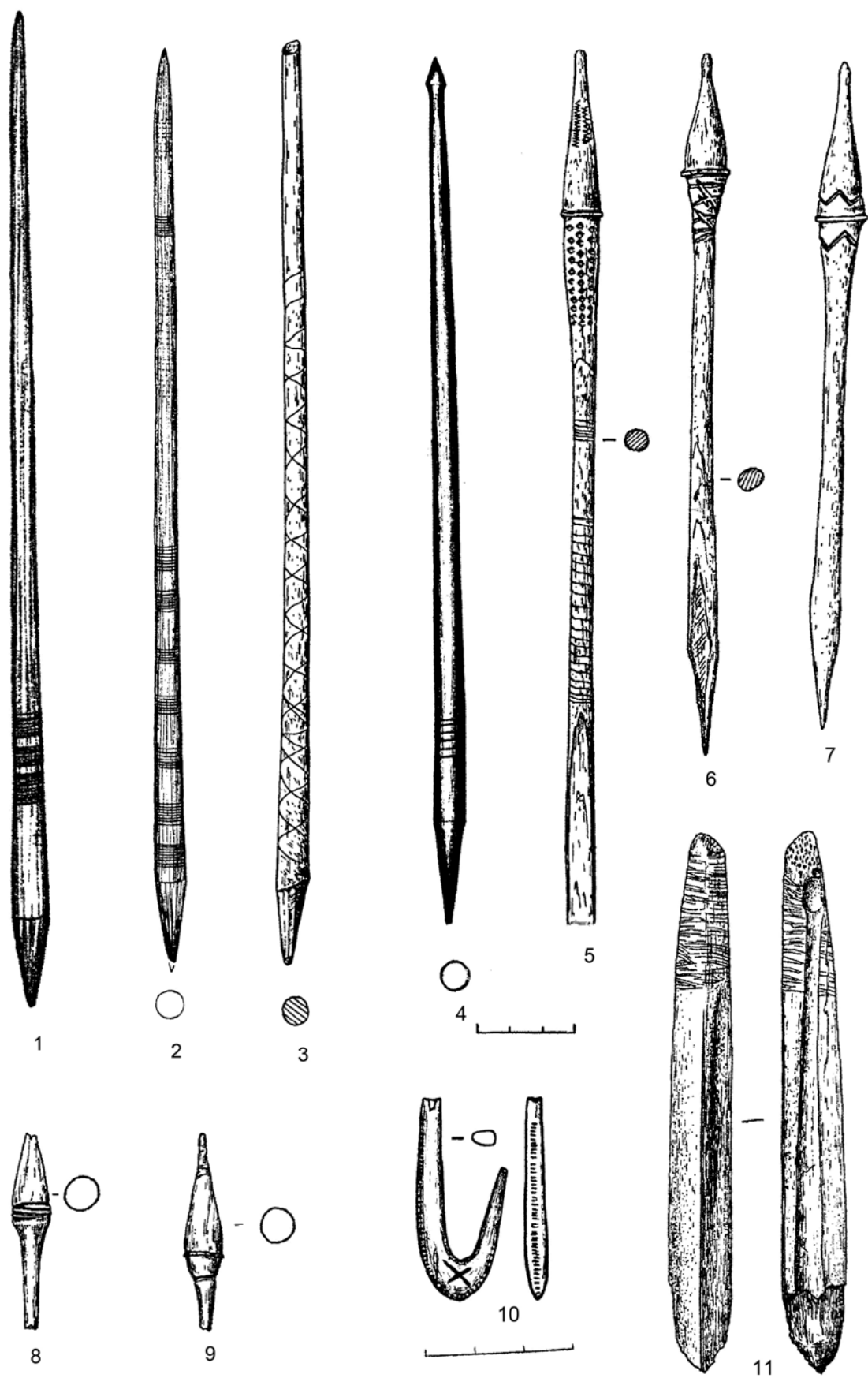


Рис. 53. Костяные изделия с гравировками (1–9 – наконечники стрел; 10 – рыболовный крючок; 11 – наконечник копья (?); 1–11 – Шигирский торфяник).

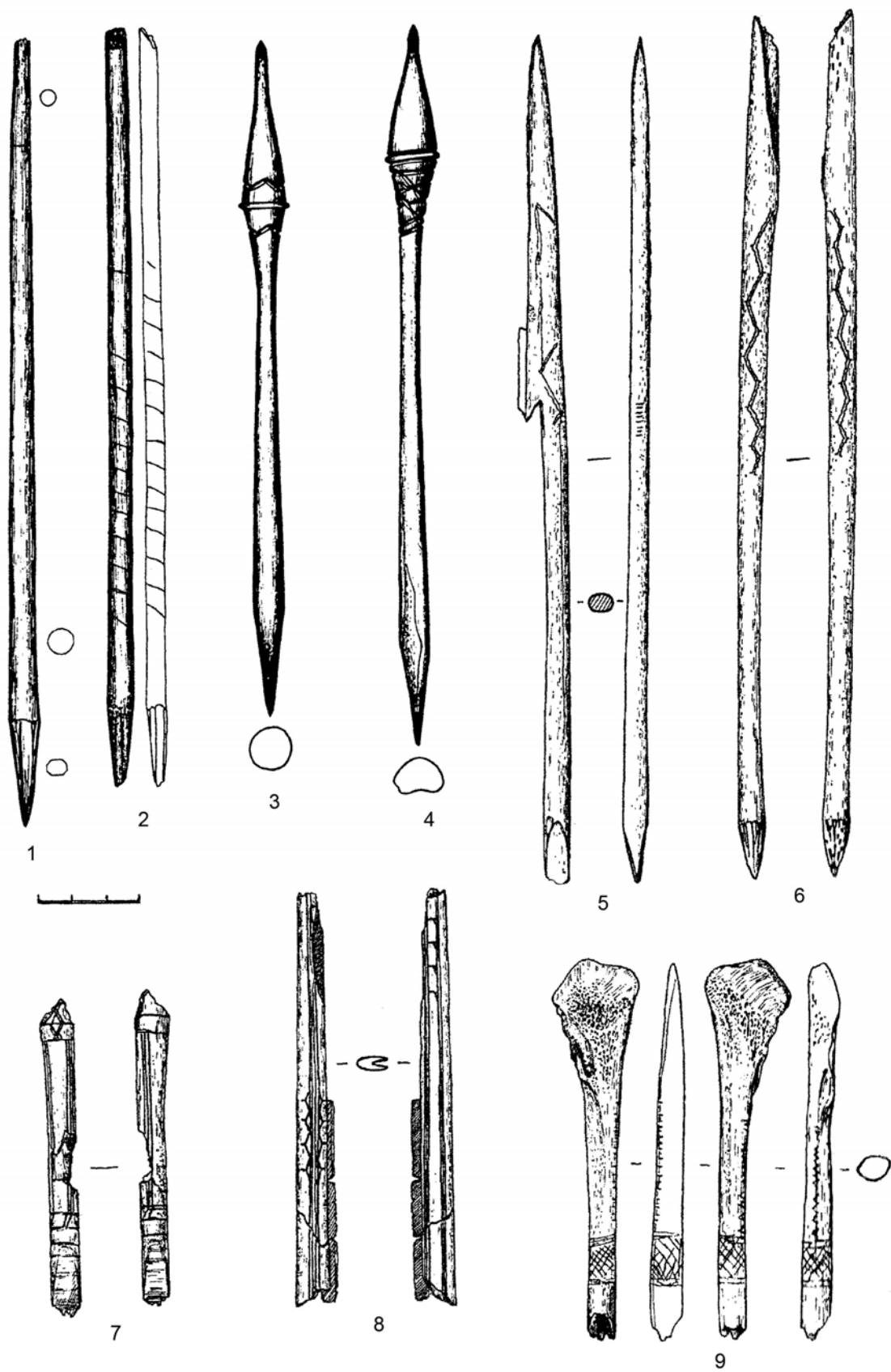


Рис. 54. Костяные изделия с гравировками (1–8 – наконечники стрел; 9 – костяная поделка; 1–9 – Шигирский торфяник).

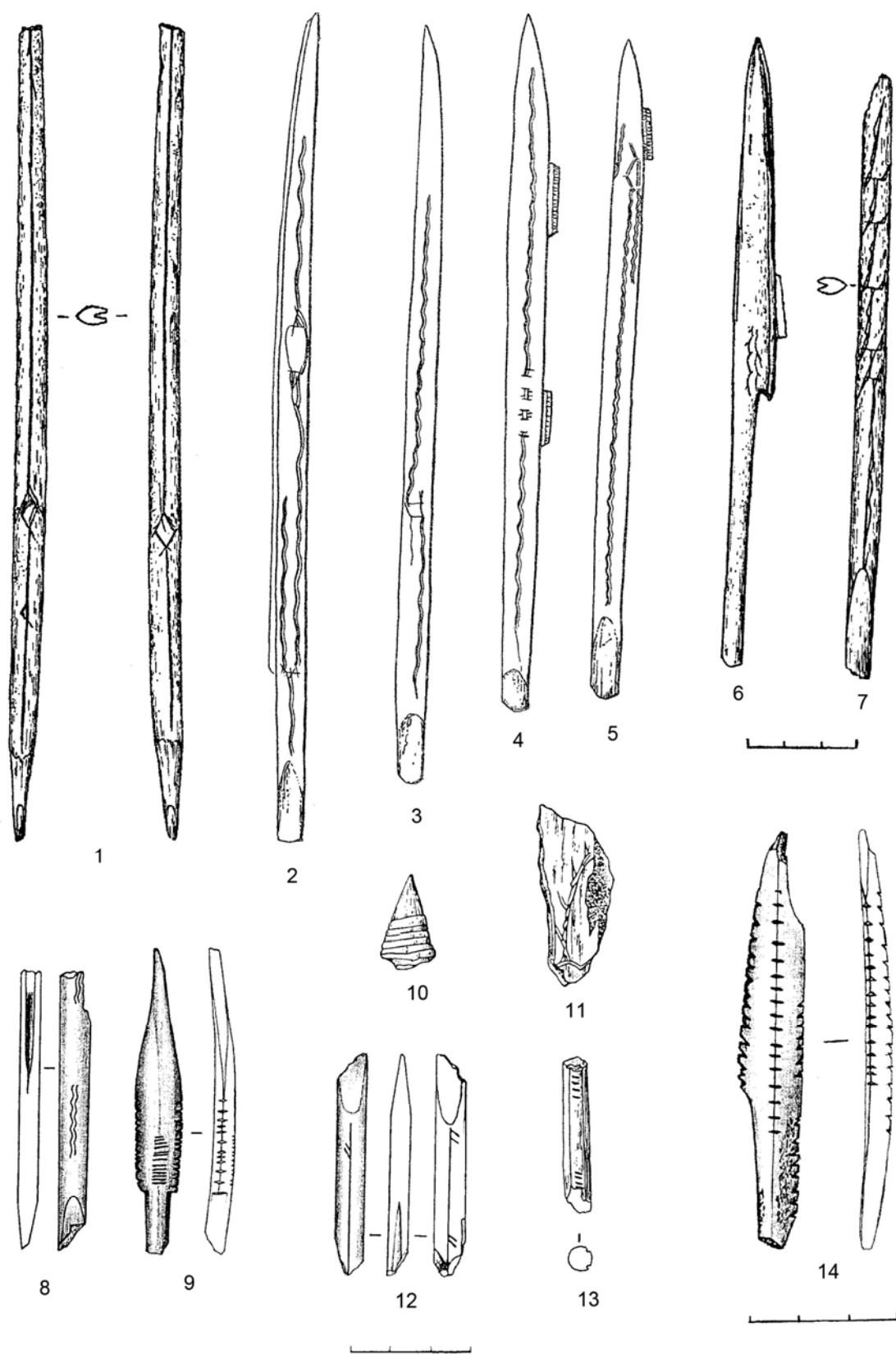


Рис. 55. Роговое (10) и костяные (1-9, 11-14) изделия с гравировками (1-10, 12-14 – наконечники стрел; 11 – костяная поделка; 1-7 – Шигирский торфяник; 8-9 – Кокшаровско-Юрьинская II; 10-13 – Кокшаровско-Юрьинская I; 14 – II-ая Береговая стоянка Горбуновского торфяника).

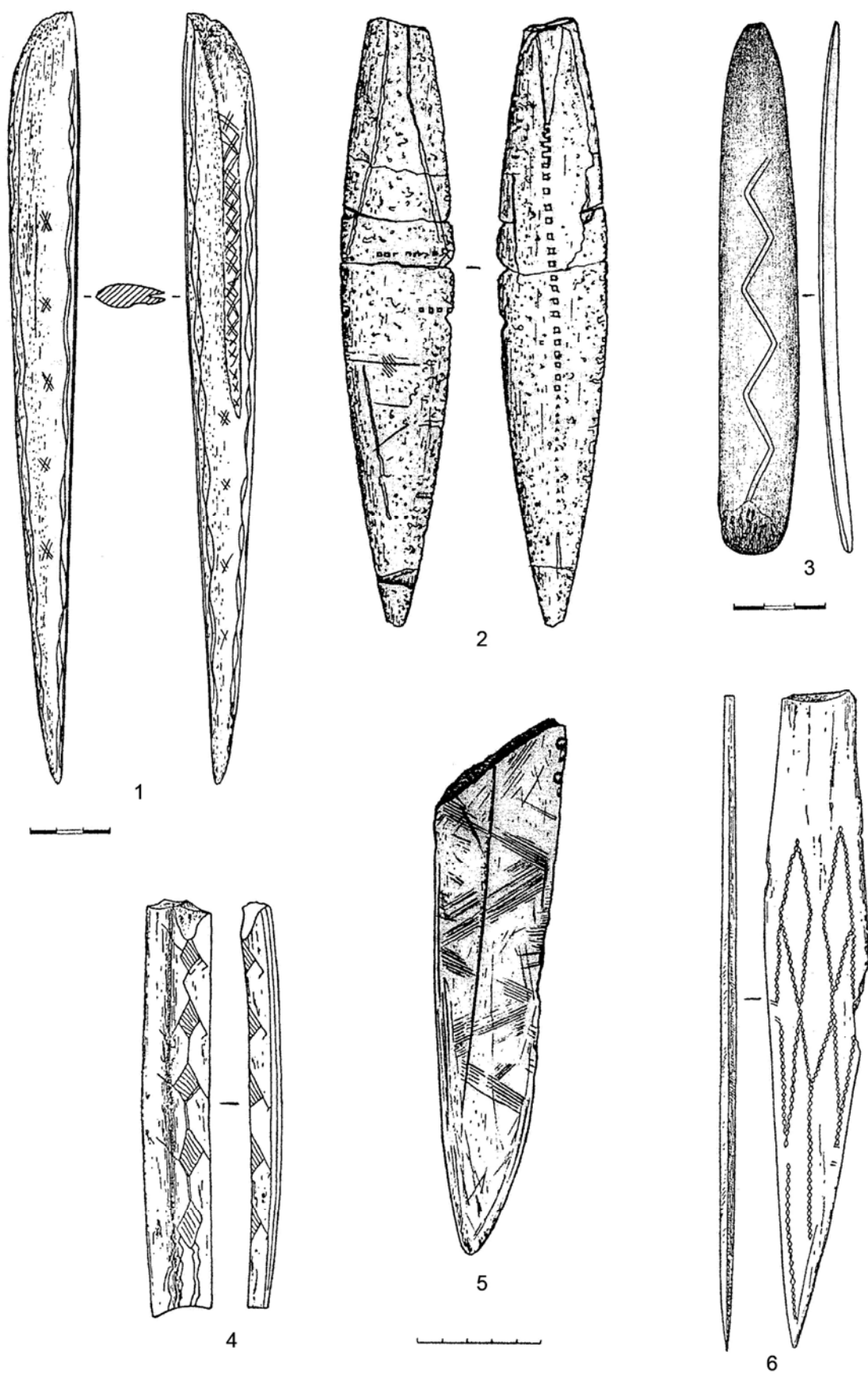


Рис. 56. Костяные кинжалы с гравировками (1–3, 5 – Шигирский торфяник; 4, 6 – погребение у с. Пеган).

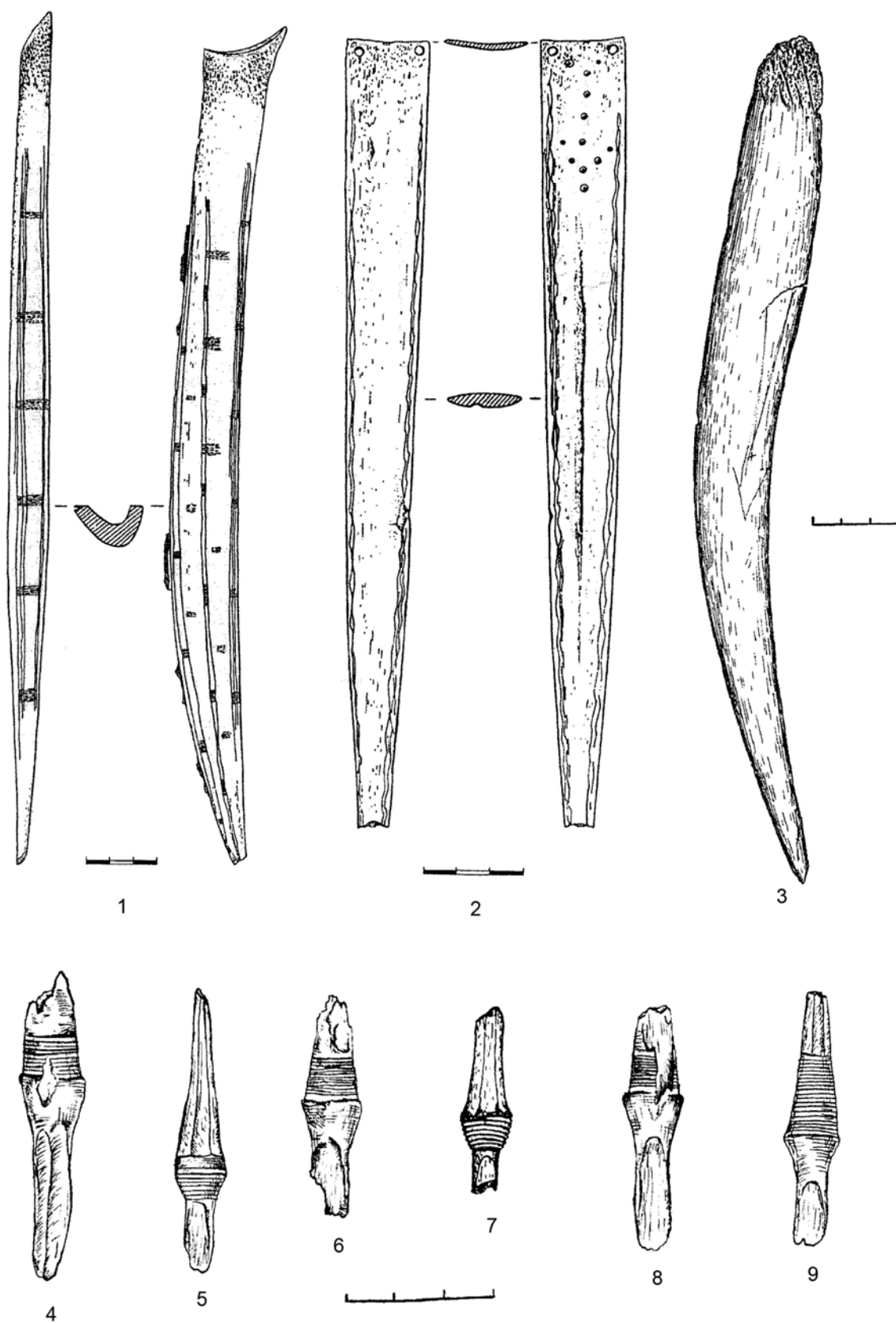


Рис. 57. Костяные изделия с гравировками (1–3 – кинжалы; 4–9 – наконечники стрел; 1–3 – Шигирский торфяник; 4–9 – пещера в камне Дыроватом)

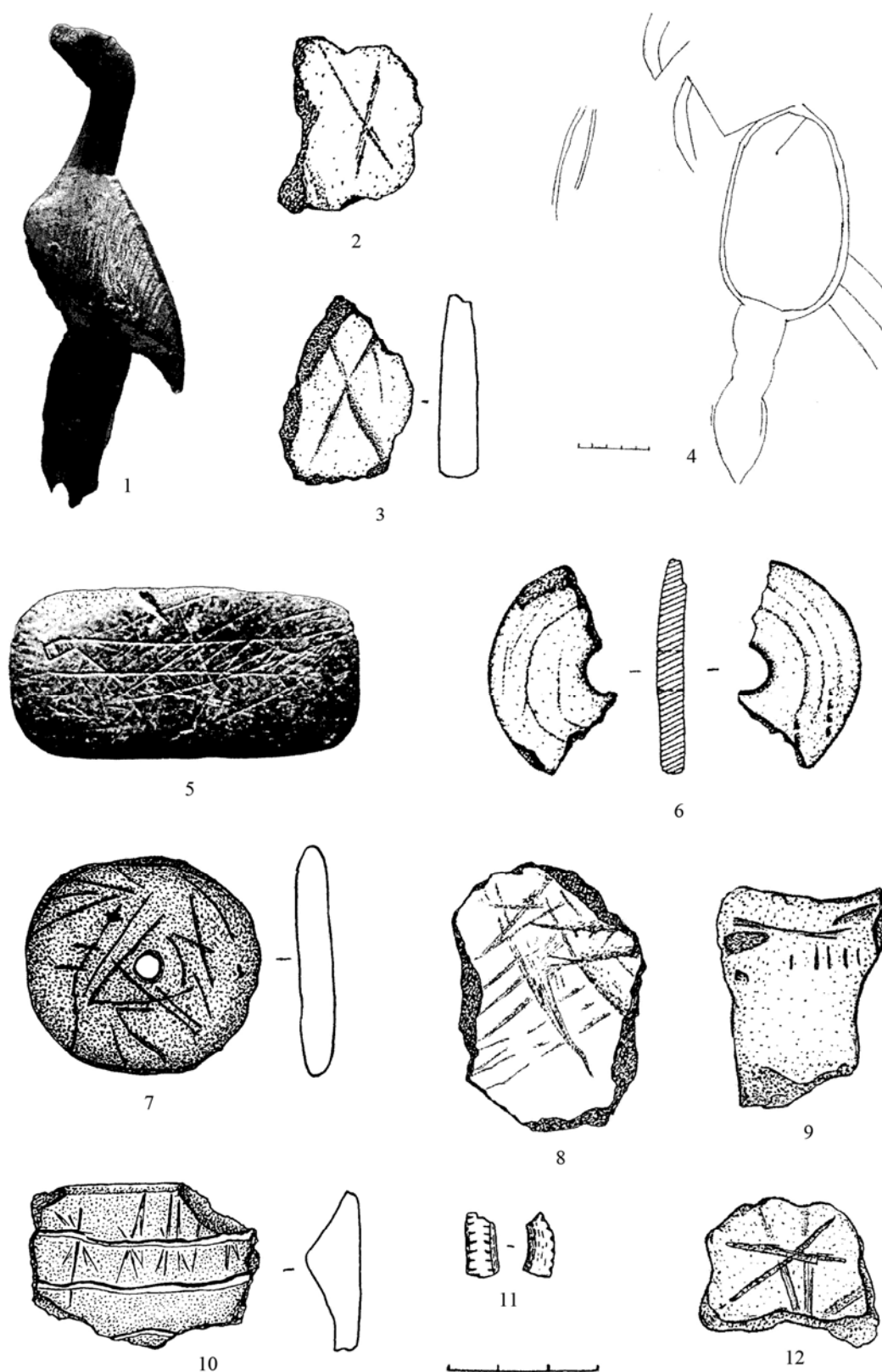


Рис. 58. Деревянная скульптура (1) и гравировки по камню (4–5), кости (11) и керамике (2–3, 6–10, 12) (1 – VI-ой разрез Горбуновского торфяника; 2–3, 8–9, 12 – Шайтанское озеро I; 4 – Исаковская писаница; 5 – Аятское Правобережное; 6 – Голый Камень; 7 – Кокшаровско-Юрьинская II; 10 – Усть-Вагильский холм)

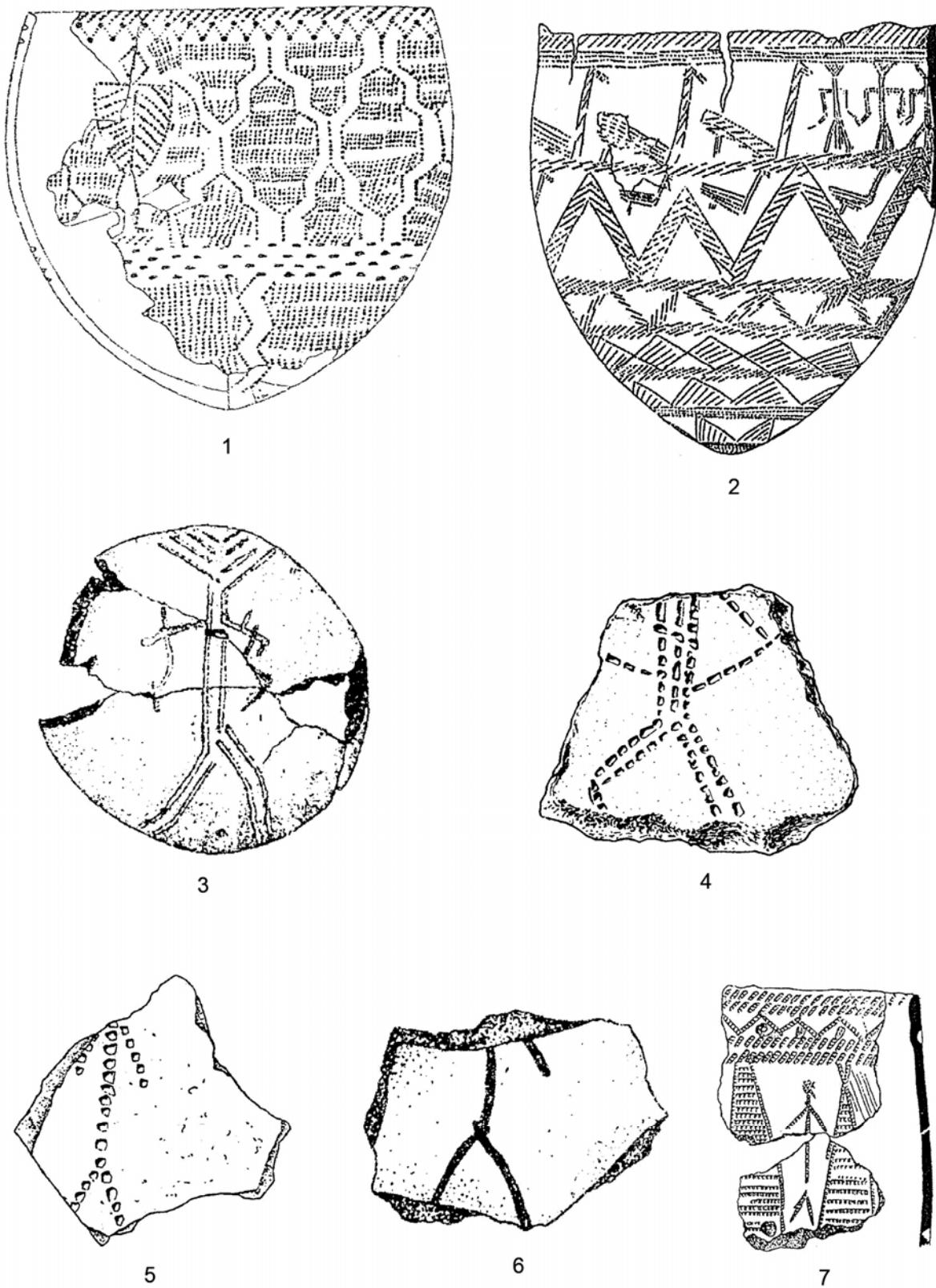


Рис. 59. Антропоморфные графические изображения на сосудах (1 – Волвонча I; 2 – Палатки I; 3 – Пикушка I; 4 – Бараний Мыс; 5 – ЮАО–XII; 6 – ЮАО–IX; 7 – Боборыкино II)

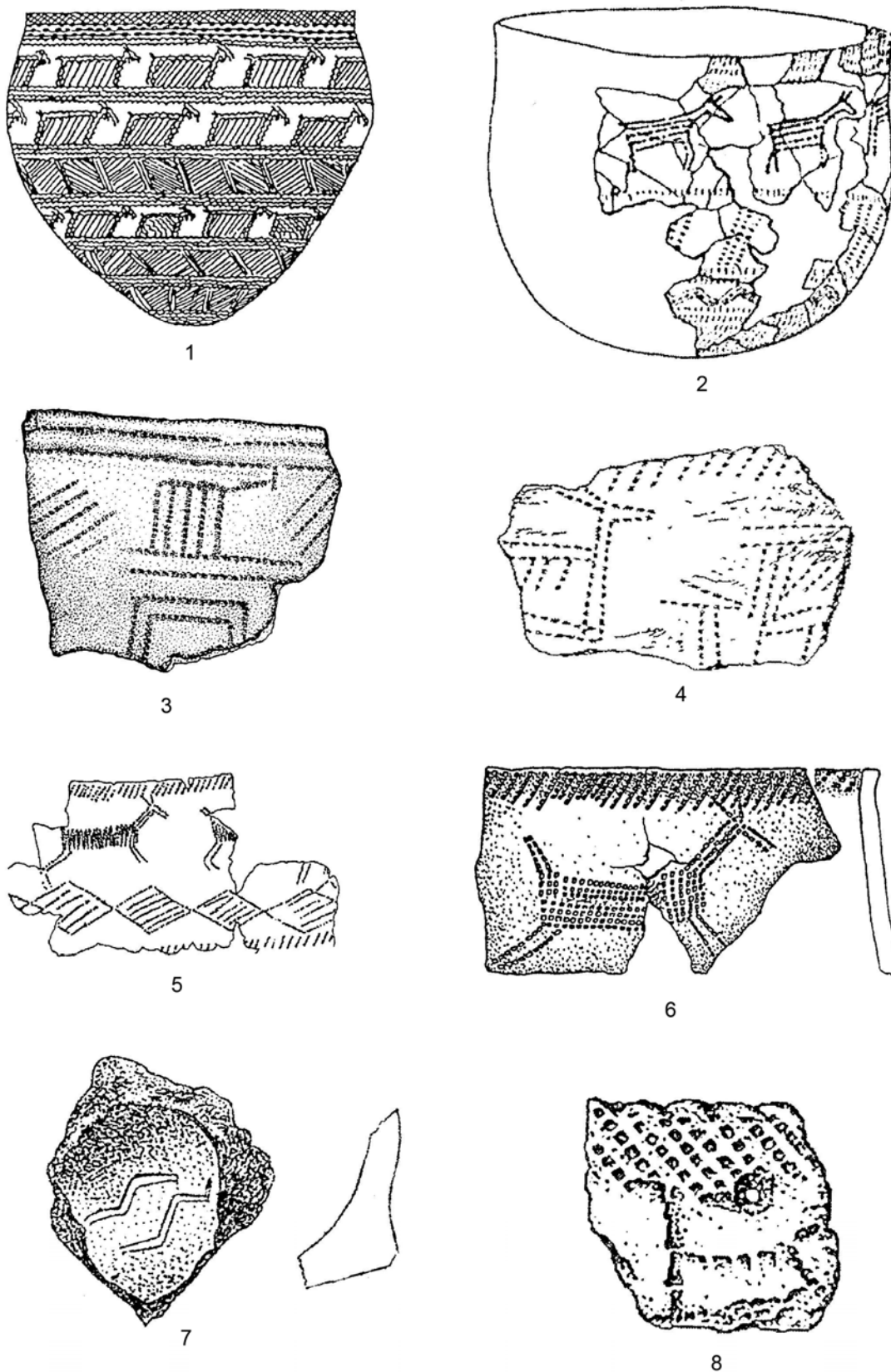


Рис. 60. Зооморфные графические изображения на сосудах (1 – Амня I; 2 – Коптяки IX; 3 – Аятское Правобережное; 4 – Карасье озеро; 5–6 – Бараний Мыс; 7 – Палатки I; 8 – Юрьино IV)

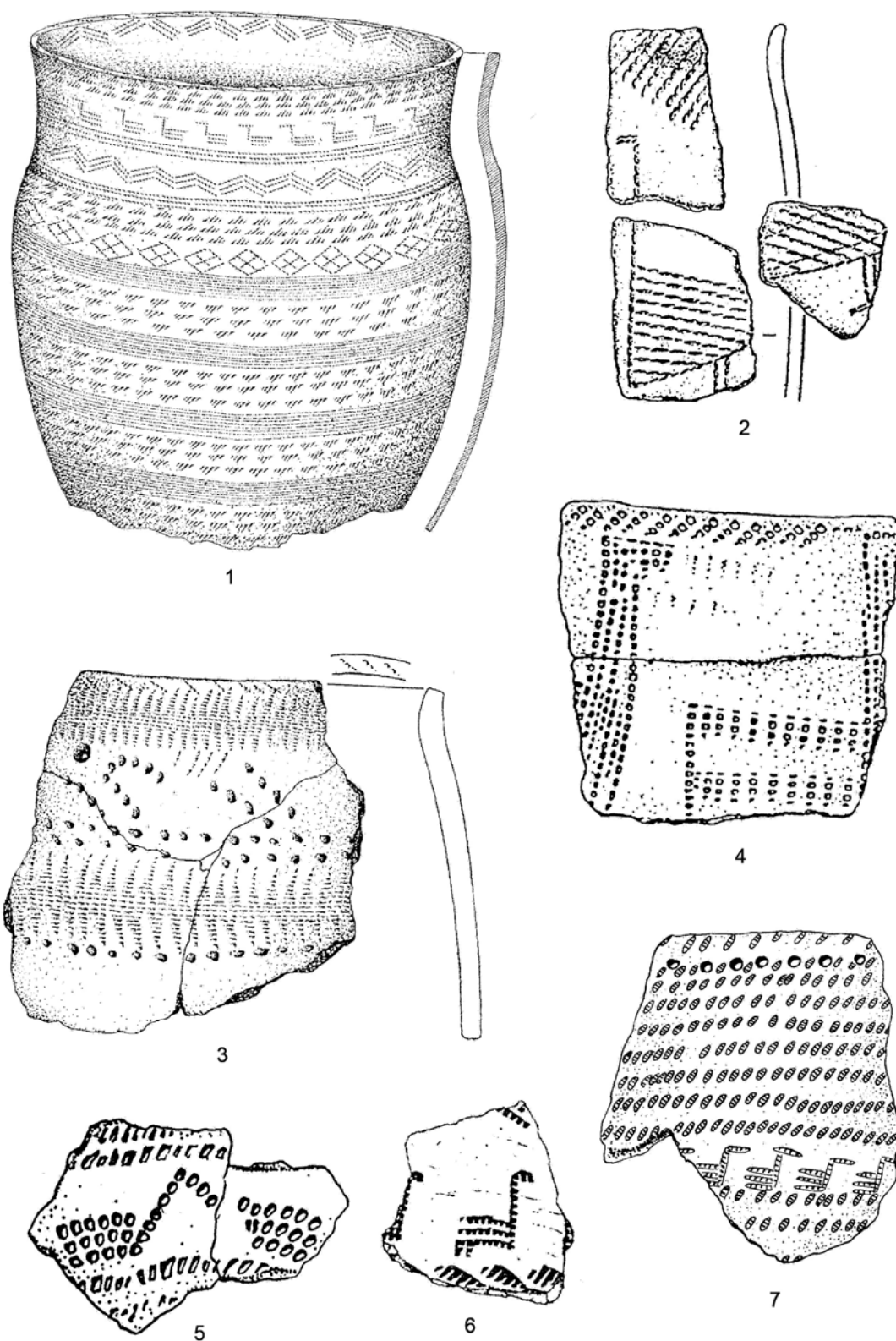


Рис. 61. Орнитоморфные графические изображения на сосудах (1 – Шайтанское озеро I; 2 – Разбойничий Остров; 3 – Юрьино IV; 4–5 – Аятское Правобережное; 6 – Палатки I; 7 – Шигирское городище)

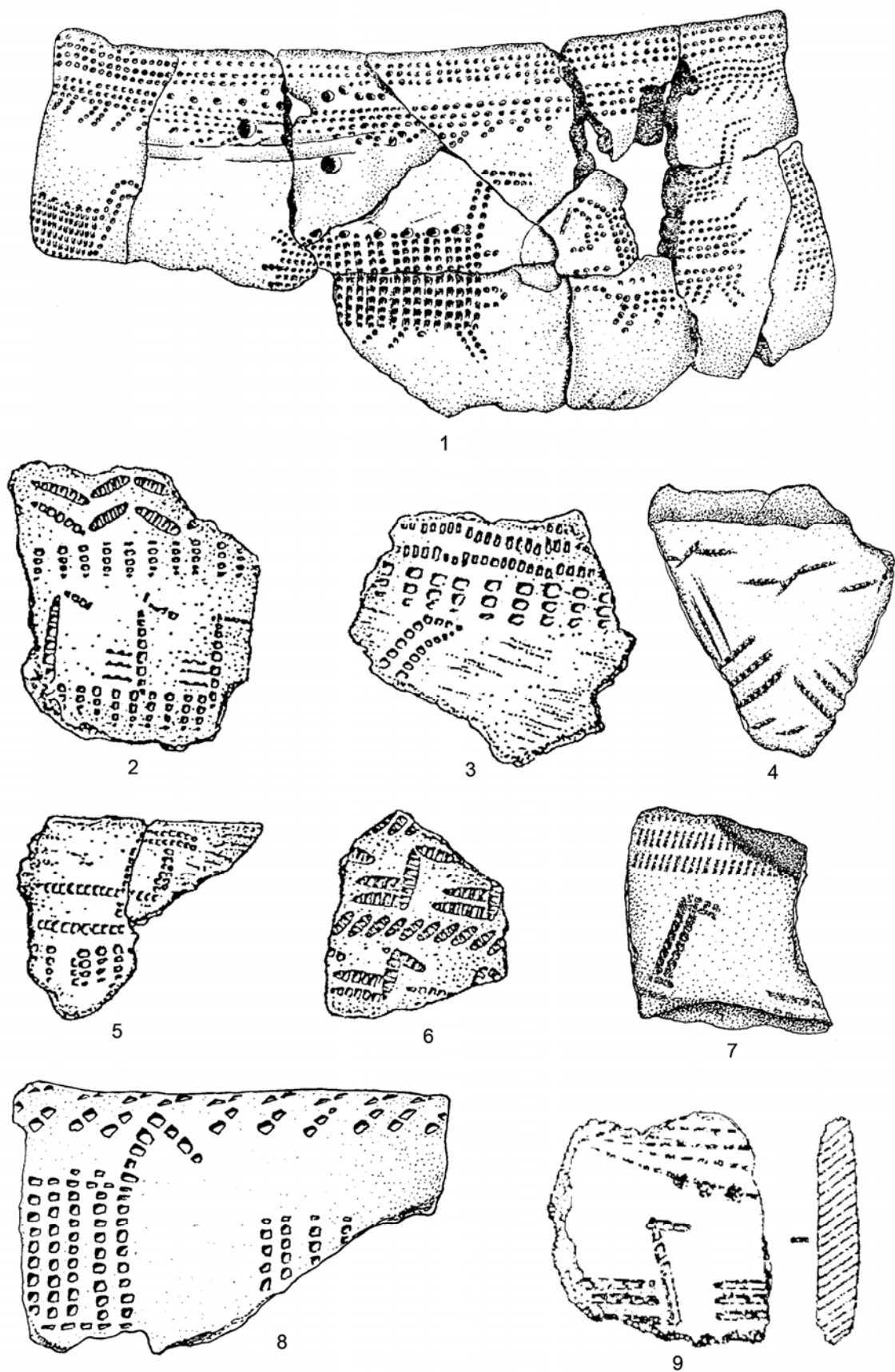


Рис. 62. Орнитоморфные графические изображения на сосудах
(1 – Чебаркуль I; 2, 6 – Аятское Правобережное; 3, 5 – Бараний Мыс; 4, 7 – Юрьино IV;
8 – Палкино I; 9 – Вис II)

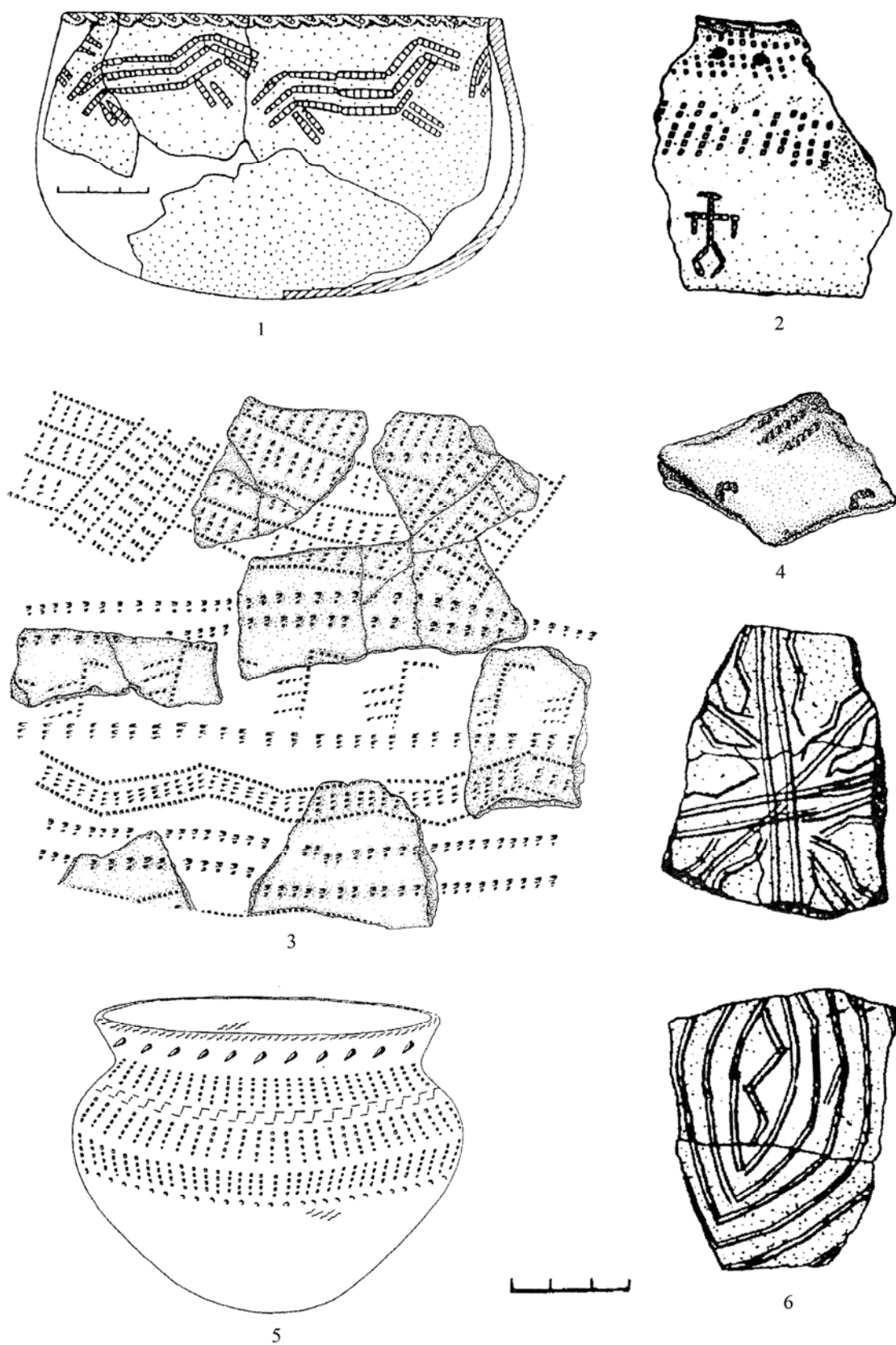


Рис. 63. Графические изображения на сосудах (1 – зооморфы; 2 – антропоморф; 3–6 – орнитоморфы; 1 – Угдым III; 2 – Лопью; 3 – Шайтанское озеро I; 4 – Аятское Правобережное; 5 – Три Сестры; 6 – Кокшаровско-Юрьинская I)

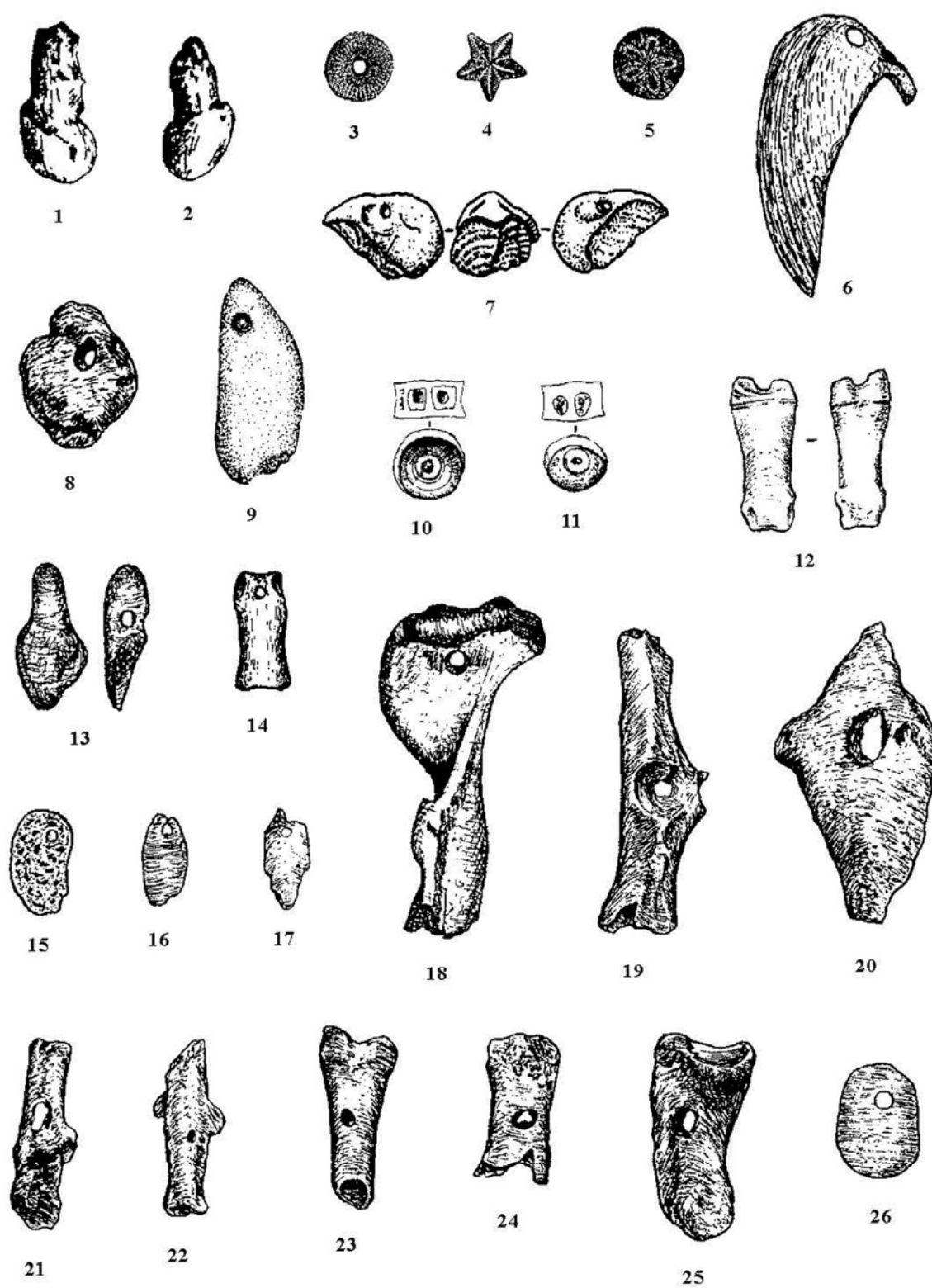


Рис. 64. Украшения из камня (3-5, 7-9), кости (1-2, 10-26) и раковины (6)
 (1-2 – грот Большой Глухой; 3 – Заозерье; 4-5 – членики стеблей морских лилий;
 6 – пещера Кумышанская; 7 – пещера Байсланташ; 8, 15-17,
 19-26 – Камень Дыроватый; 9 – Шайтанское озеро II;
 10-11, 13-14, 18 – Пещера Туристов; 12 – Кокшаровско-Юрьинская I)

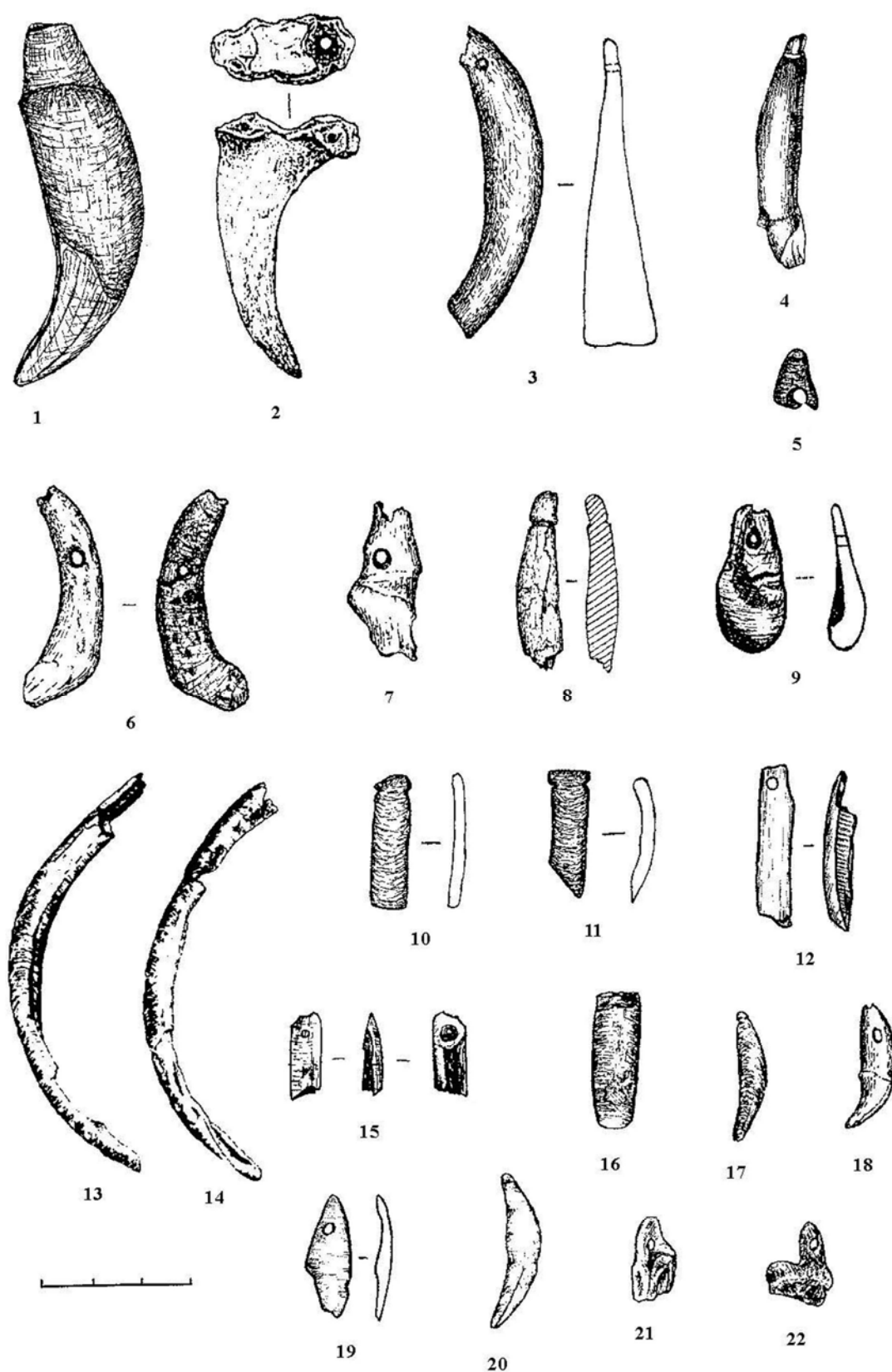


Рис. 65. Украшения из зубов (1, 3–22) и костей (2) животных (1, 3–7, 18 – Пещера Туристов; 2 – Игнatieвская пещера; 8 – Усть-Койвинская пещера; 9, 16–17 – Камень Дыроватый; 10–11 – грот в камне Денежный; 12, 15 – Кокшаровско-Юрьинская II; 13–14, 20–22 – грот в камне Дождевой; 19 – Кокшаровско-Юрьинская I)

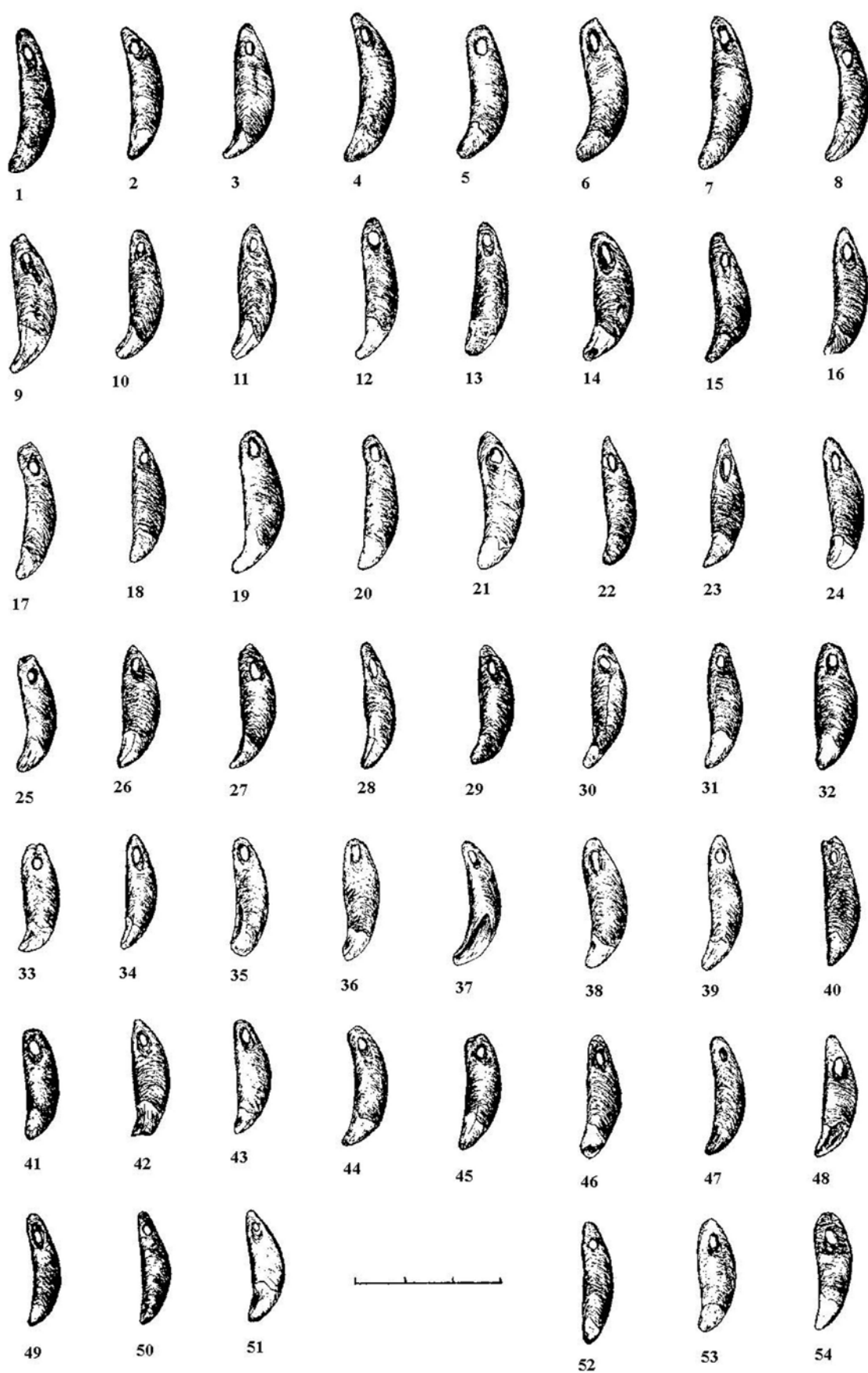


Рис. 66. Украшения из зубов животных (1–54 – грот в камне Дождевой)

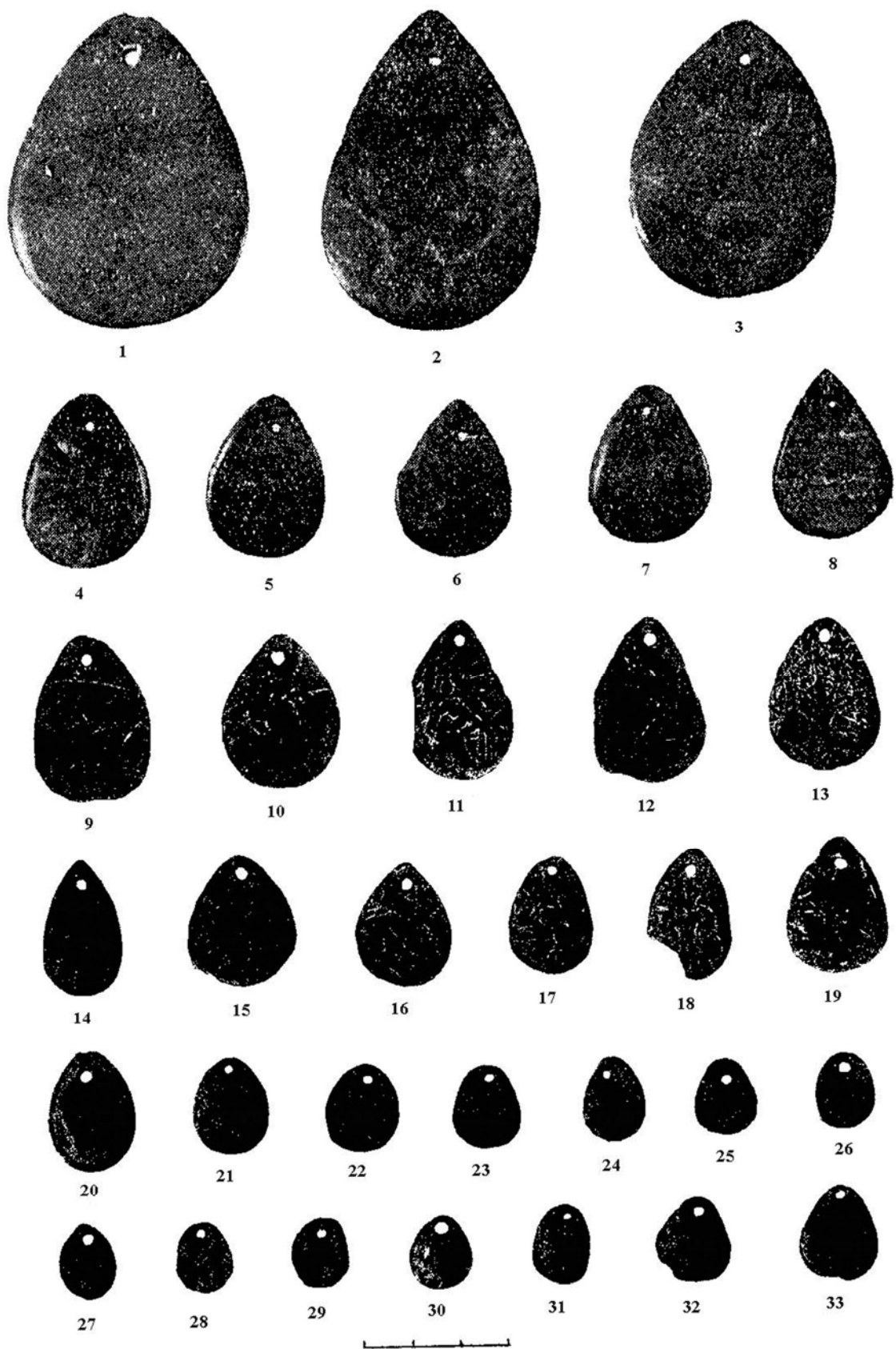


Рис. 67. Украшения из камня (1–8 – Бурановская пещера;
9–19 – навес Старичный Гребень; 20–33 – Усть-Катавская II пещера;
1–19 – зеленый змеевик (офит); 20–33 – серый сланец)

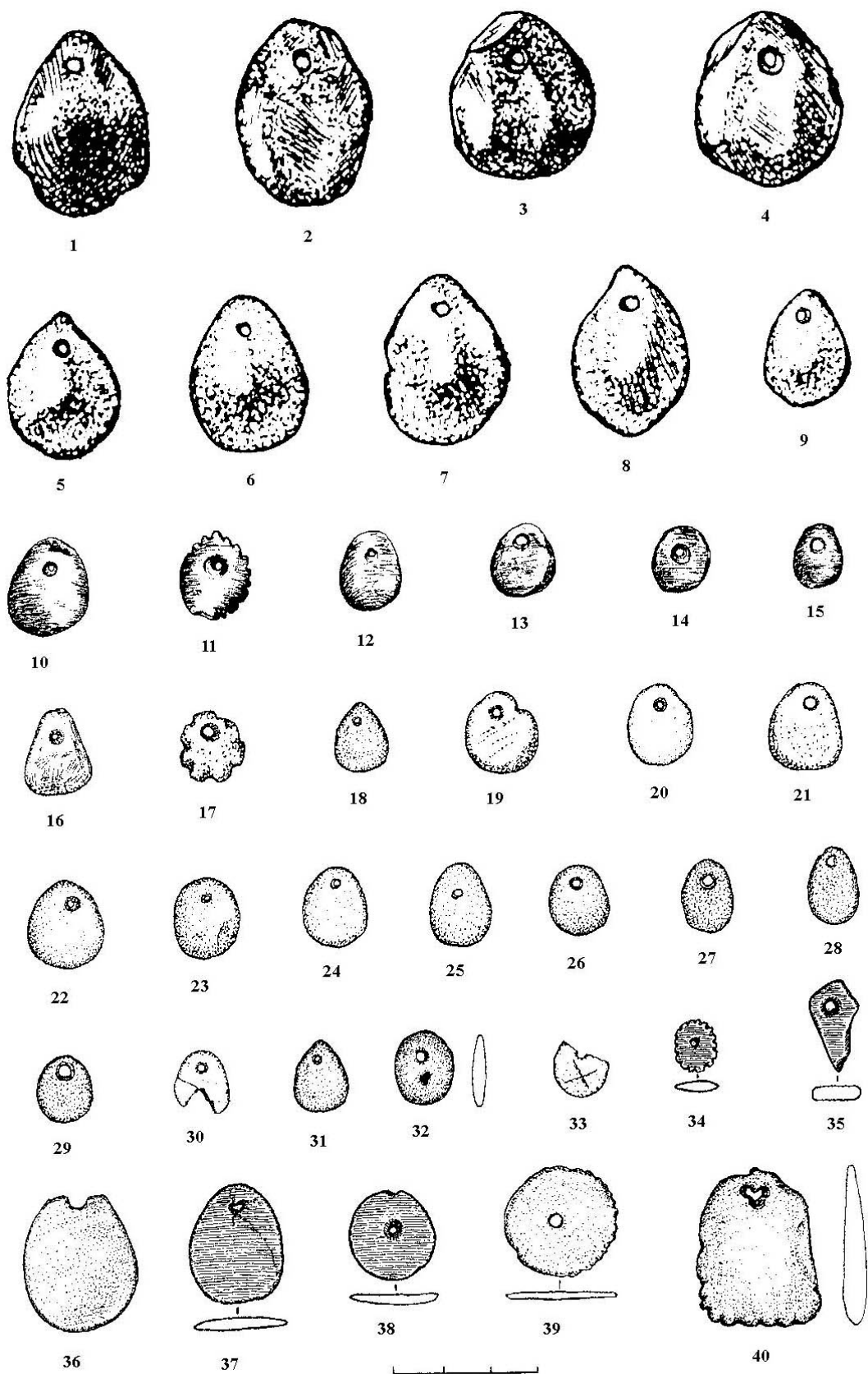


Рис. 68. Украшения из камня (1–9 – Кара-Якуповская; 10–40 – Шайтанское озеро I; 1–9 – зеленый сланец; 10–15, 17–20, 22–27, 29–31, 34 – красно-бурый шифер (пиррофиллитовый сланец); 16, 28, 33, 36 – светло-серый тальк; 21 – черный шифер; 32, 35, 38 – серый сланец; 37, 39–40 – зеленоватый офит)

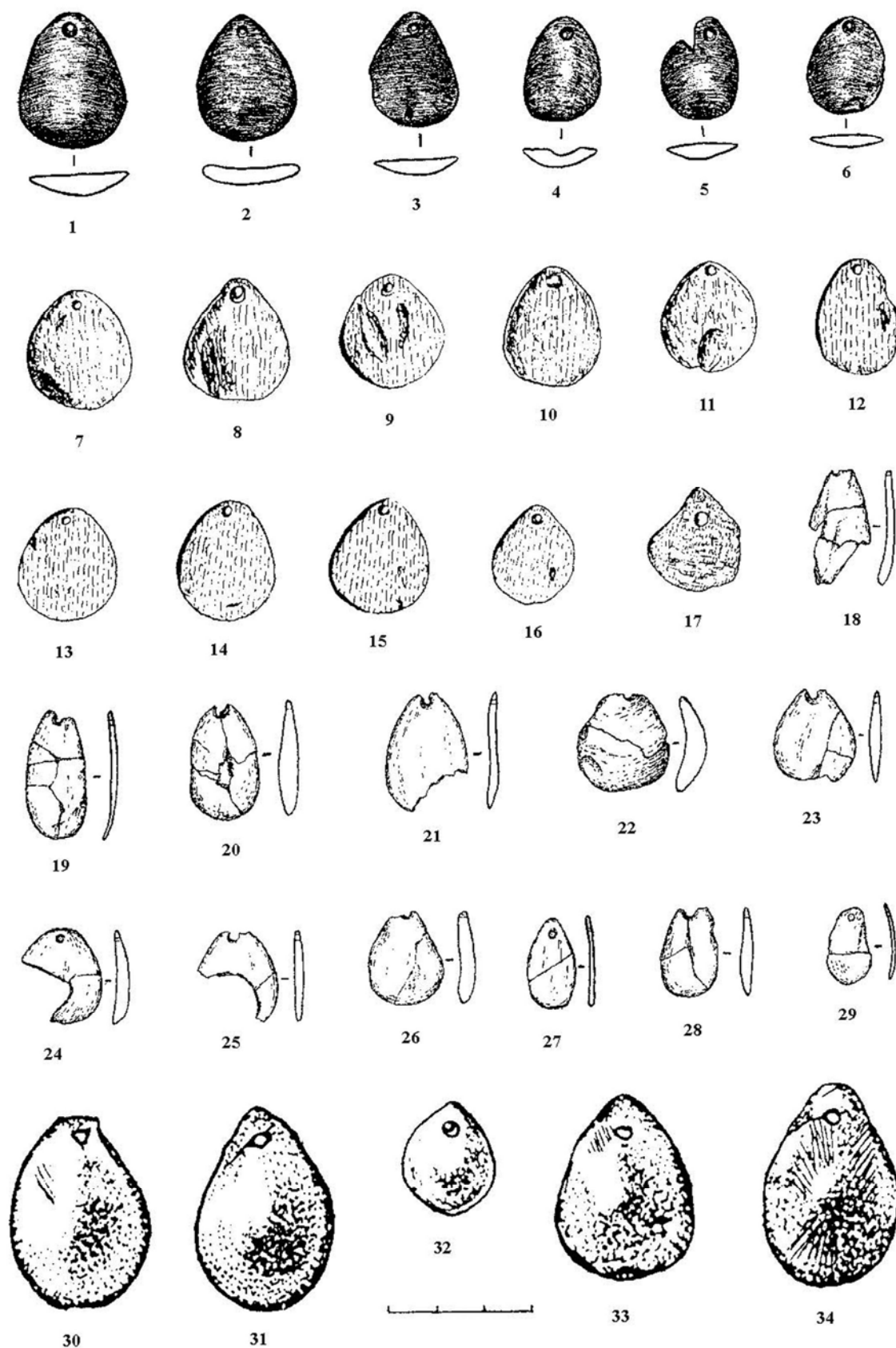


Рис. 69. Украшения из кости и камня (1–6 – грот в камне Дождевой; 7–17 – погребение Березки Vг; 18–29 – Шайтанский Шихан; 30–34 – Кара-Якуповская; 1–16, 18–29 – кость; 17 – зеленый змеевик; 30–34 – зеленый сланец)

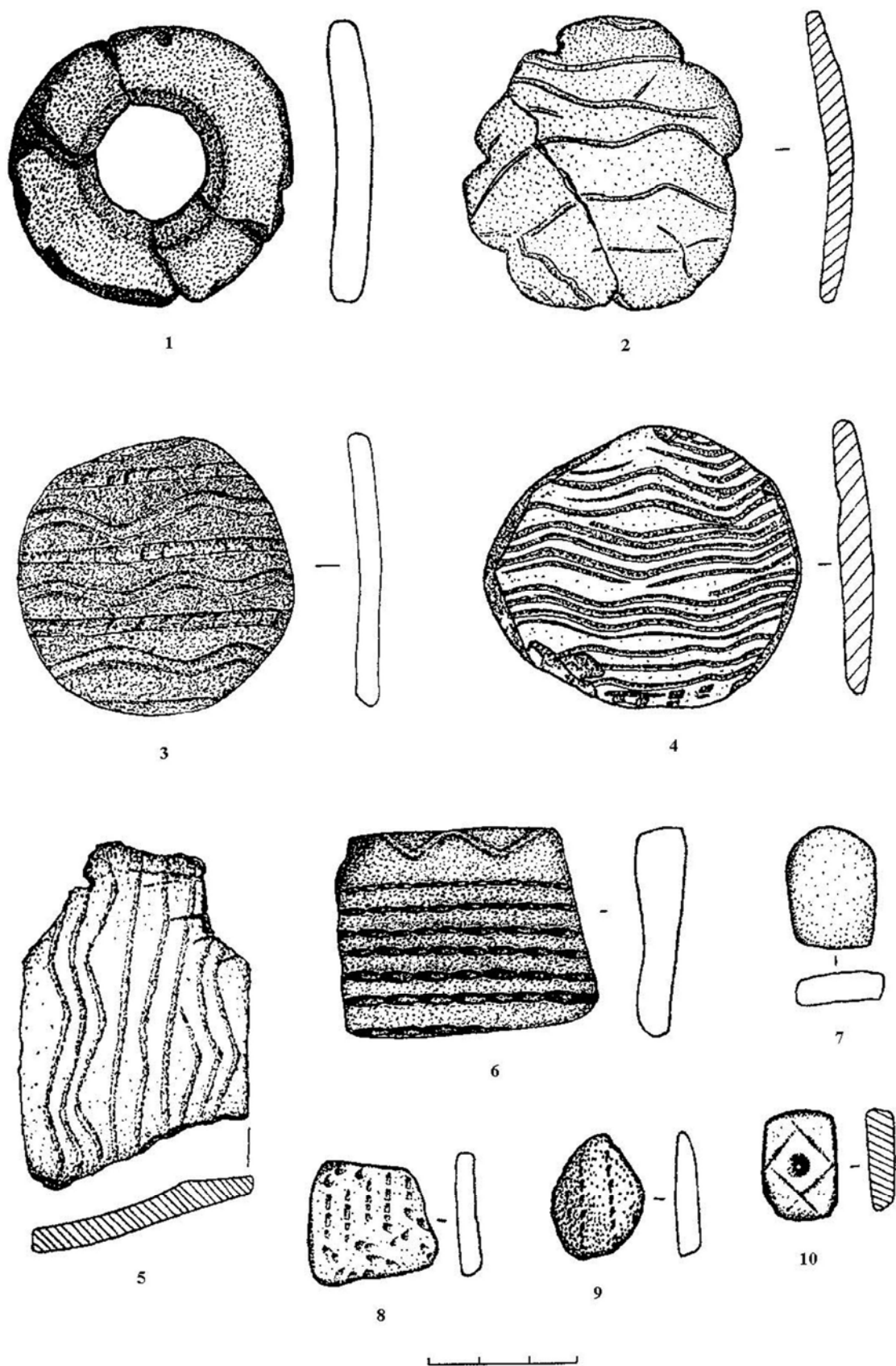


Рис. 70. Украшения из керамики (1, 3 – Кокшаровский холм; 2 – Юрьинское поселение; 4–5, 7–10 – Шайтанское озеро I; 6 – Кокшаровско-Юрьинская II)

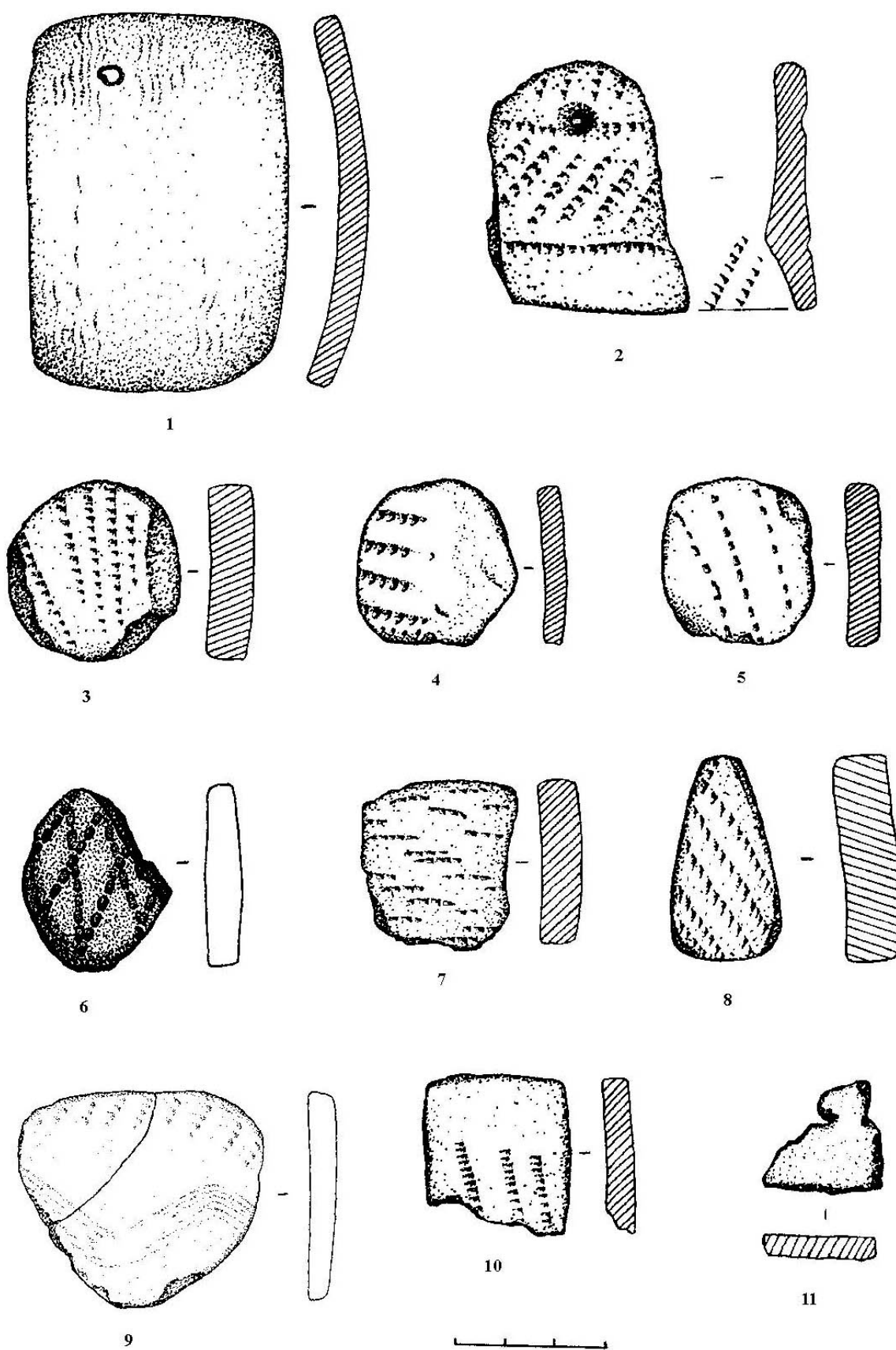


Рис. 71. Украшения из керамики (1–5, 7–8, 10–11 – Шайтанское озеро I;
6 – Шайтанский Шихан; 9 – Южный шихан)

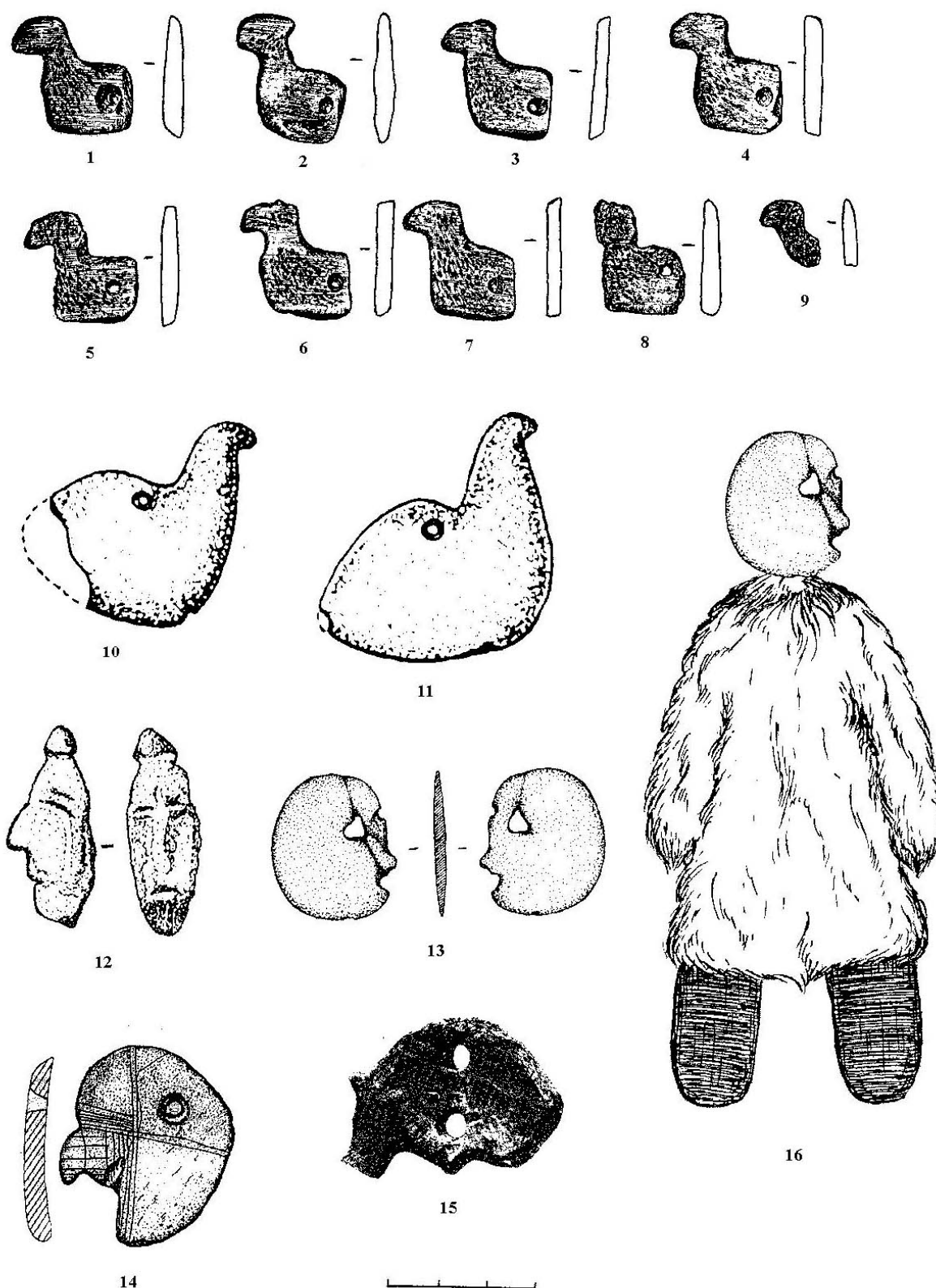


Рис. 72. Украшения из кости и камня (1–9 – грот в камне Дождевой;
10–11 – Кара-Якуповская; 12 – Усть-Кедва II; 13, 16 – Кумышанская пещера;
14 – Муллино III; 15 – Еловый мыс; 1–9 – кость; 10–11 – зеленый сланец;
12 – песчаник; 13 – зеленый офит; 14 – сланец; 15 – тальк;
16 – реконструкция украшения)

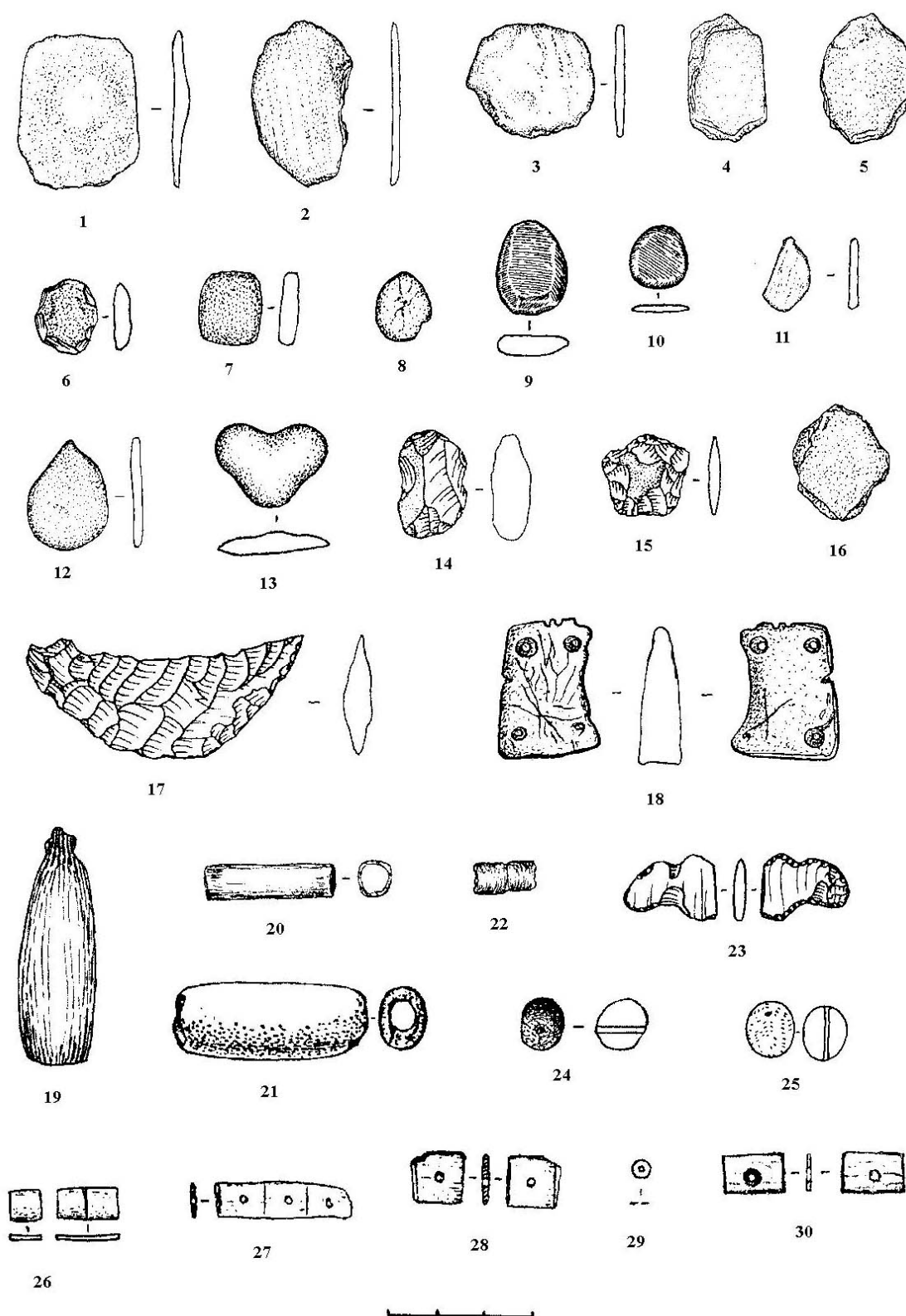


Рис. 73. Украшения из камня (1–18, 23), раковины (19), кости (20–22, 30), глины (24–25) и бивня мамонта (26–29) (1–10, 12–16, 25 – Шайтанское озеро I; 11 – Шайтанский Шихан; 17 – озеро Таватуй; 18 – Крутяки I; 19 – I-ая Береговая; 20 – грот Жилище Сокола; 21 – грот Безымянный; 22–23 – Камень Дыроватый; 24 – Пещера Туристов; 26 – грот Бобылек; 27–29 – пещера Байсланташ; 30 – грот Бурмантовский)



Рис. 74. Изображение «колдуна» (1) и музыкальные инструменты (2–16)
 (1 – изображение «колдуна» из пещеры Труа Фрэр (Франция);
 2, 7, 9, 11, 14 – Бишунгаровский могильник (Республика Башкортостан);
 3 – стоянка Маслово Болото IV (Московская обл.); 4–5, 10 – поселение Черная Гора
 (Рязанская обл.); 6, 8, 12 – Гремячанское поселение-святилище (Пермский край);
 13 – Пижемское городище; 15 – городище Сорочьи горы;
 16 – поселение Вис II (Республика Коми)

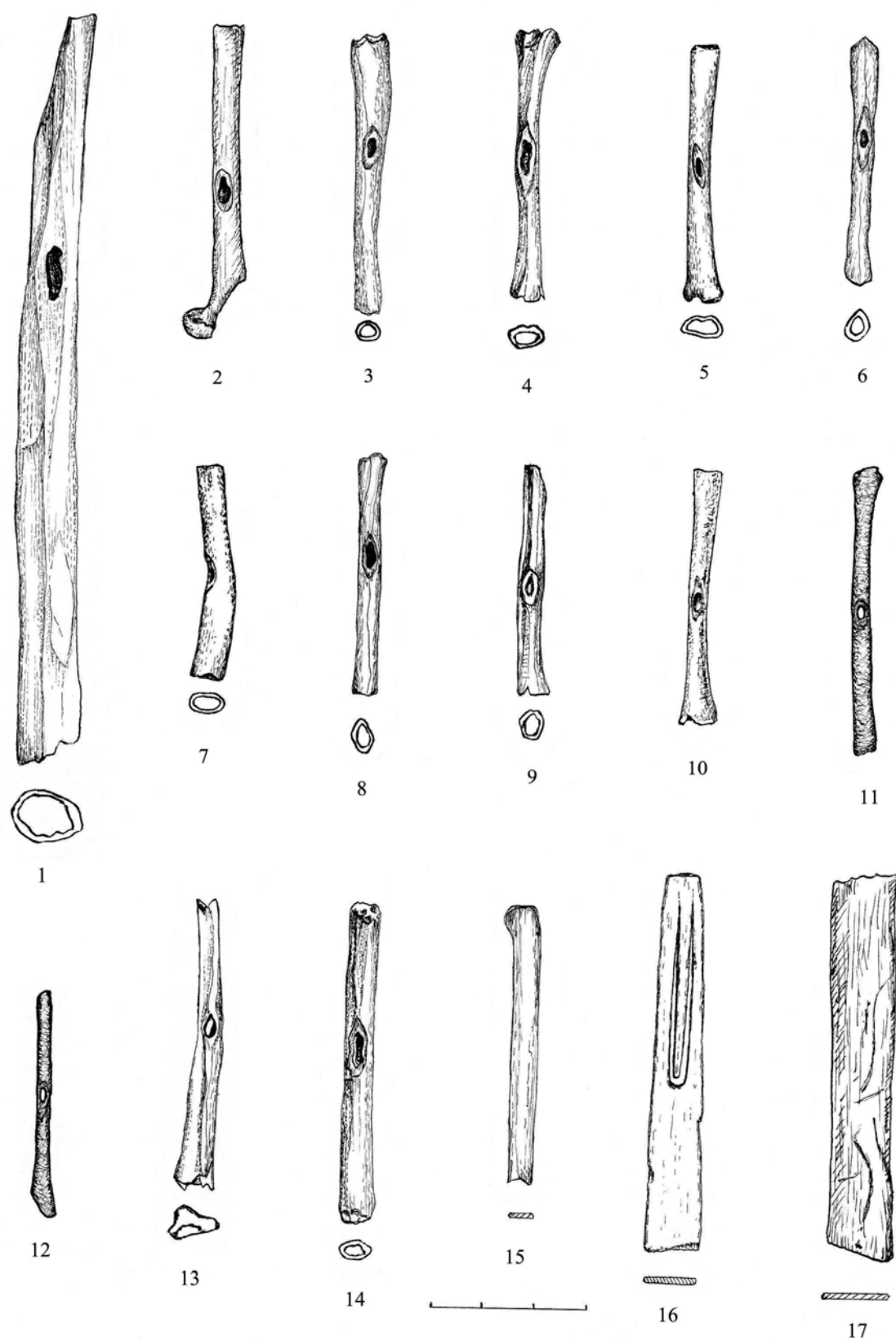


Рис. 75. Музыкальные инструменты с пещерных святилищ р. Чусовой (1 – простая свирель; 2–14 – манки в виде свисточков; 15–17 – фрагменты язычковых инструментов; 1–9, 11–17 – Пещера Туристов; 10 – Кумышанская пещера)

Ю. Б. Сериков

**ОЧЕРКИ
ПО ПЕРВОБЫТНОМУ ИСКУССТВУ УРАЛА**

Монография

Редактор Невольниченко С. В.
Компьютерная верстка С. В. Горбуновой
Обложка: Горбунова С. В.

Подписано в печать 02.07.2014. Формат 70×100/16. Бумага для множительных аппаратов. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,6. Уч.-изд. л. 16,75. Тираж 500 экз. Заказ № .

Оригинал-макет изготовлен в издательском центре НТГСПА.
Адрес: 622031, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57.
Отпечатано: ИП «Языкова Е. С.», г. Нижний Тагил, ул. Балакинская, 64